

ЕВРОПА
в
СРЕДНИЕ
ВЕКА
и
НОВОЕ
ВРЕМЯ

* ОБЩЕСТВО.
* ВЛАСТЬ
* КУЛЬТУРА

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

ЕВРОПА

в Средние века и раннее Новое время: Общество. Власть. Культура

Материалы XII-й Международной
научной конференции молодых ученых.
Ижевск, 12-13 ноября 2024 г.

Ижевск
2025

УДК 94(470)»04/19»(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)я431
Е241

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензенты: д-р ист. наук, профессор А.Ю. Дворниченко (С.-Петербург);
д-р ист. наук, профессор А.В. Петров (С.-Петербург).

Редколлегия:

С.И. Вострокнутов, С.Д. Гай, С.А. Дементьева, В.В. Долгов,
Н.В. Курсакова, Е.В. Кустова, А.Е. Загребин, В.В. Иванов, С.Г. Лукина,
К.А. Малкова, В.В. Пузанов, Т.М. Сабирова, Д.В. Тарасова,
Д.Д. Холмогоров

Составитель и отв. ред. : Д.В. Пузанов

Е241 Европа в Средние века и раннее Новое время: Общество.
Власть. Культура : материалы XII-й Междунар. науч. конф.
молодых ученых. Ижевск, 12-13 ноября 2024 г. / сост., отв. ред.
Д.В. Пузанов. – Ижевск : Удмуртский университет, 2025. – 294 с.

ISBN 978-5-4312-1331-1

DOI: 10.35634/978-5-4312-1331-1-2025-1-294

В сборнике представлены материалы Двенадцатой
Международной научной конференции молодых ученых, которая
проходила 12-13 ноября 2024 г. в г. Ижевске.

Издание подготовлено кафедрой истории России, Центром
изучения истории средневековой Руси УдГУ и Отделом исторических
исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Предназначено для
научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов,
студентов, всех интересующихся историей Средних веков и раннего
Нового времени.

УДК 94(470)»04/19»(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)я431

ISBN 978-5-4312-1331-1

DOI: 10.35634/978-5-4312-1331-1-2025-1-294

© Авторы статей, 2025
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2025
© УдмФИЦ УрО РАН, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	8
<i>Розысл E.B.</i> Развитие тяжелой кавалерии в Западной Европе (Х – 1-я треть XV в.): анализ источников базы	8
<i>Сельков Д.С.</i> Политика московских князей XIV–XV вв. в интерпретации школьных учебников Российской Федерации, Украины и Республики Беларусь	16
<i>Новосёлов А.Л.</i> Походы русских войск при Иване III на Казанское ханство в зеркале церковного календаря	24
<i>Гайдышев Н.А.</i> Дипломатическая миссия Томаса Рэндольфа в Московию в 1568 г.: влияние на формирование русской темы в английской культуре	35
СЕКЦИЯ «СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА»	42
<i>Tran Thi Ha Giang, Nguyen Tran Tan Hiep.</i> The Golden Age of the Roman Catholic Church (12th – 13th Centuries) – The Beginning of Medieval Civilization in Europe	42
<i>Гребенников Н.Ю.</i> Битва под Лысковом: к вопросу о возможных причинах участия в битве булгарских и мордовских «князей»	53
<i>Овсянин А.С.</i> Распространение христианства и возникновение феномена двоеверия в Аланском государстве в X – 1-й половине XII в.	60
<i>Богомолова Л.В.</i> Детство святого в древнерусской агиографической литературе: литературный троп или социальная траектория	67
<i>Пушкин С.М.</i> Представления о земном и духовном воине в «Книге увещевания» Павлина Аквилийского	78
<i>Калинкина М.И.</i> Эволюция «образа друга» и «образа врага» в окситанской картине мира (на основе анализа поэтического наследия трубадуров XI–XIII вв.)	84
<i>Грицай Л.А.</i> Семья как социальный институт эпохи европейского средневековья: основные представления о родительском воспитании детей	92
<i>Ковалевская В.П.</i> Концепт ‘ben’ (женщина) в древнеирландских сагах Королевского цикла	99
<i>Мулеев А.О.</i> Понятие «King’s peace» в Англии эпохи правления Генриха VI	109
<i>Рахов Д.Д.</i> Защита Святой земли: крепости королевства Иерусалимского в XI–XIII вв.	113

<i>Сухоруков А.И.</i> Никифор I и Святослав Игоревич: различия и сходства в жизнеописании	119
<i>Гребенников Н.Ю., Николаева А.С.</i> Благотворительность в домонгольской Руси: князь Владимир Святославич как филантроп	127
<i>Галиев А.Р.</i> Военные союзы византийского императора Иоанна VI Кантакузина с турецкими эмирами в 1341–1347 гг. по материалам византийских источников XIV–XV вв.	135
<i>Несин М.А.</i> Набеги вятчан 1486 г. на Устюг и ответные действия великокняжеских войск	143
<i>Мастяева И.Н.</i> Упадок дисциплины в аббатстве Монмажур (Прованс) в конце XIII – 1-й половине XIV в.	157
<i>Филимонова М.М.</i> Начало Великой схизмы. Публикация письма из <i>Registra Vaticana</i> 291	165
<i>Бокарев А.С.</i> Московская смута XV в. Проблемы современной историографии: споры вокруг «феодальной войны»	170
<i>Белопольская С.В.</i> Начальный этап самоорганизации и институционализации университета Монпелье	179
<i>Никитина П.Ю.</i> «Так как гнев женщины бессмертен»: к вопросу о роли Маргариты Йорк в восстании Перкина Уорбека	186
СЕКЦИЯ «ЕВРОПА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ» 192	
<i>Матюхина И.В.</i> Средневековые представления о болезни и ее причинах (по трактатам Амбруаза Паре)	192
<i>Гай С.Д.</i> Представления о самоубийствах в русском обществе XI – 1-й половины XVII в.	200
<i>Бобылева И.Д.</i> Рюриковичи и Габсбурги: правители двух династий в миниатюрах Лицевого летописного свода	208
<i>Шишкива А.Е.</i> Гравюры как отличительная черта «Топографии Германии» Маттеуса Мериана (1593–1650)	216
<i>Козлова Д.И.</i> Культурная политика немецких князей из Ангальта в эпоху Тридцатилетней войны (1618–1648)	224
<i>Лобанова Ю.А.</i> Развитие ювелирного искусства в городах Беларуси (Х – 1-я половина XVII в.)	230
<i>Лю Цзин.</i> Элементы китайской культуры в парковых композициях Беларуси (на примере Лошицкого парка в г. Минск)	237
<i>Рыбаков В.Е.</i> Историко-культурный потенциал замков и оборонительных укреплений Городокского района	242
<i>Ходжамедов Р.М.</i> Дипломатические решения Екатерины Медичи первого месяца после Варфоломеевской ночи	246

<i>Калугин И.А.</i> Н.Н. Латышев: внедрение формулы «наименьшее зло»	
в вопрос присоединения удмуртов к России	253
<i>Селькова А.С.</i> Вопросы аграрной политики России конца XV–XVII в.	
на страницах журнала «История СССР»	263
<i>Горбачевский Е.А.</i> Споры за землю и крестьян в Ярославском	
и Галицком уездах по данным переписных книг 1678 г.	272
<i>Шабатько Д.А.</i> «Из подьяческих детей»: о династиях приказных людей	
2-й половины XVIII в. на примере Тюменского уезда	278
<i>Хоммыев Т.Б.</i> Освещение истории туркмен Мангышлака в ряде	
источников и исторической литературе	285

CONTENTS

PLENARY SESSION	8
<i>Rozmysl E.V.</i> The Development of Heavy Cavalry in Western Europe (10th – the 1st Third of the 15th Century): An Analysis of the Source Base	8
<i>Selkov D.S.</i> The Policy of Moscow Princes in the 14th–15th Centuries as Interpreted by School Textbooks in Russia, Ukraine and Belarus	16
<i>Novoselov A.L.</i> The Campaigns of Russian Troops Under Ivan III to the Kazan Khanate in the Mirror of the Church Calendar	24
<i>Gaidyshev N.A.</i> Thomas Randolph’s Diplomatic Mission to Muscovy in 1568: Influence on the Formation of the Russian Theme in English Culture	35
SECTION “MEDIEVAL EUROPE”	42
<i>Tran Thi Ha Giang, Nguyen Tran Tan Hiep.</i> The Golden Age of the Roman Catholic Church (12th – 13th Centuries) – The Beginning of Medieval Civilization in Europe	42
<i>Grebennikov N.Y.</i> The Battle of Lyskovo: On the Issue About Possible Reasons of the Involvement in the Battle of the Bulgarian and Mordovian “Principes”	53
<i>Ovsepyan A.S.</i> The Spread of Christianity and the Emergence of the Phenomenon of Dual Faith in the Alan State in the 10th – 1st Half of the 12th Century	60
<i>Bogomolova L.V.</i> Childhood of a Saint in Ancient Russian Hagiographic Literature: literary Trope or Social Trajectory	67
<i>Pushkov S.M.</i> Ideas About the Earthly and Spiritual Warrior in “The Book of Exhortation” by Paulinus of Aquilea	78
<i>Kalinkina M.I.</i> The Evolution of the “Image of a Friend” and the “Image of an Enemy” in the Occitan Worldview (Based on the Analysis of the Poetic Heritage of the Troubadours of the 11th–13th Centuries)	84
<i>Gritsai L.A.</i> The Family as a Social Institution of the European Middle Ages: Basic Ideas About Parenting Children	92
<i>Kovalevskaia V.P.</i> The Concept ‘ben’ (Woman) in Old Irish Sagas of the Royal Cycle ...	99
<i>Muleev A.O.</i> The Term “King’s Peace” in England of the Reign of Henry VI	109
<i>Rakhov D.D.</i> Protection of the Holy Land: Fortresses of the Kingdom of Jerusalem in the 11th–13th Centuries	113
<i>Sukhorukov A.I.</i> Nikifor I and Svyatoslav Igorevich: Differences and Similarities in Biography	119
<i>Grebennikov N.Y., Nikolaeva A.S.</i> Charity in Pre-Mongol Russia: Princeps Vladimir Svyatoslavich as a Philanthropist	127
<i>Galiev A.R.</i> Military Alliances of the Byzantine Emperor John VI Kantakouzenos with the Turkish Emirs in 1341–1347 Based on Byzantine Sources of the 14th–15th Centuries	135

<i>Nesin M.A.</i> The Raids of the Vyatchans in 1486 on Ustyug and the Retaliatory Actions of the Grand Ducal Troops	143
<i>Mastyaeva I.N.</i> The Decline of Discipline in the Montmajour Abbey (Provence) in the Late 13th – 1st Half of the 14th Centuries	157
<i>Filimonova M.M.</i> The Beginning of the Great Schism. Publication of a Letter from the <i>Registra Vaticana</i> 291	165
<i>Bokarev A.S.</i> The Moscow Troubles of the 15th Century. Problems of Modern Historiography: Disputes Over the “Feudal War”	170
<i>Belopolskaya S.V.</i> The Initial Stage of Self-Organization and Institutionalization of the University of Montpellier	179
<i>Nikitina P.Y.</i> “Since a Woman’s Anger is Immortal”: Towards the Question of Margarete York’s Role in Perkin Warbeck’s Rebellion	186
SECTION “EUROPE IN THE EARLY MODERN TIMES” 192	
<i>Matyuhina I.V.</i> Medieval Ideas About Illness and Its Causes on the Treatises of Ambroise Paré	192
<i>Gai S.D.</i> Conception of Sicide in Russians Society of 11th – Half Past 17th Century ... 200	
<i>Bobyleva I.D.</i> The Riurikids and the Habsburgs: The Rulers of the Two Dynasties in the Miniatures of the Great Illustrated Chronicle	208
<i>Shishkova A.E.</i> Engravings as a Special Feature of the “ <i>Topographia Germaniae</i> ” by Matthaeus Merian (1593–1650)	216
<i>Koslova D.K.</i> Cultural Politics of the German Princes from Anhalt During the Thirty Years’ War (1618–1648)	224
<i>Lobanova Yu.A.</i> Development of Jewellery Art in the Cities of Belarus (10th–1st Half of the 17th Century)	230
<i>Liu Jing.</i> Elements of Chinese Culture in Park Compositions in Belarus (On the Example of Loshitsky Park in Minsk)	237
<i>Rybakov V.E.</i> Historical and Cultural Potential of Castles and Defensive Fortification of Gorodok District	242
<i>Khodzhamedov R.M.</i> Diplomatic Decisions of Catherine de Medici in the First Month After the St. Bartholomew’s Day Massacre	246
<i>Kalugin I.A.</i> N.N. Latyshev: Introduction of the Formula “The Least Evil” in the Question of the Annexation of the Udmurts to Russia	253
<i>Selkova A.S.</i> The Issues of Agrarian Policy in Russia During the Late 15th–17th Century on the Pages of the Journal “History of the USSR”	263
<i>Gorbacheffskiy E.A.</i> Conflicts Over Land and Peasants in Yaroslavl and Galician Districts Accordin to Census Books of 1678	272
<i>Shabatko D.A.</i> “From Generation of Clerks”: About the Dynasties of Clerks of the 2nd Half of the 18th Century on the Example of the Tyumen District	278
<i>Hommyyev T.B.</i> History of Mangyshlak Turkmens in Some Sources and Historical Literature	285

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

E.B. Розмысл

г. Гродно (Беларусь)

Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы,
Средняя школа № 26 им. А.Н. Сивачева г. Гродно

РАЗВИТИЕ ТЯЖЕЛОЙ КАВАЛЕРИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ (Х – 1-я ТРЕТЬ XV в.): АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

В статье проведен анализ наиболее известных средневековых источников о роли тяжелой кавалерии в ключевых событиях Западной Европы и Восточного Средиземноморья в X – 1-й пол. XV в. Даётся классификация и периодизация исторических сочинений. Автор исследует проблему информативности источников и подчеркивает необходимость критического подхода к ним.

Ключевые слова: тяжелая кавалерия, рыцарство, исторические источники, хроники, сражения.

Закованные в броню всадники на мощных скакунах царили на полях сражений в расцвет средневековья. Сложившаяся феодальная система со-подчинения, с концентрацией богатств в руках знати, способствовала складыванию культа рыцарства и его приоритетной роли на поле брани. На фоне этой эйфории весьма ценным будет проследить то, как в средневековых источниках раскрывалась роль тяжелой кавалерии в охватываемую эпоху.

Сразу отметим, что источниковая база обозначенного хронологического периода весьма обширная и автор не ставит перед собой цель рассмотреть все. Перед нами стоит задача осветить ключевые источники, где наиболее ярко показана роль военно-служилого сословия на поле боя.

Многочисленные хроники насыщены сведениями о различных баталиях, где вооруженные с головы до пят всадники на скаку громят все подряд, в то же время в них присутствует немало дискуссионных страниц, создающих сложности в изучении истории тяжелой кавалерии.

Основная часть исследований представлена хрониками, деяниями и анналами X–XV вв., раскрывающими основные события эпохи. Немаловажную роль играют труды мемуарного и близкого к хроникам характера

очевидцев событий, дающих возможность дополнить сведения летописцев. Проследить процесс военных преобразований и изменений в структуре деятельности тяжелой кавалерии позволяют законодательные акты в виде статутов и ордонансов. Отдельно следует выделить мифические сказания в виде саг, а также документацию, раскрывающую малозначимые, но ценные сведения о различных событиях той или иной эпохи.

Учитывая поднятую тему, географию и хронологию, источники можно поделить на: 1) источники, позволяющие проследить события в Европе накануне и в период формирования рыцарства в X–XI вв.; 2) источниковая база крестовых походов о событиях в Заморье и в самой Европе в конце XI–XIII в.; 3) свидетельства о жизни Европы на закате рыцарства в XIV – I-й трети XV в., в частности, отдельно следует отметить источниковую базу по Столетней войне.

Процесс формирования рыцарства в X в., например, в Германии, хроники освещают далеко не полностью. Деятельность Генриха Птицелова (919–936) и его преемников известны из «Деяний саксов» Видукинда Корвейского [Корвейский 1975], сочинений Лиутпрранда Кремонского [Кремонский 2006] и «Хроники» Титмара Мерзебургского [Мерзебургский 2009]. События 1066 г. на туманном Альбионе содержат весьма широкий пласт источников, большая часть которых составлена уже после произошедших событий, что усложняет проверку подлинности произошедшего. Среди таких источников нужно назвать Англосаксонскую хронику [Англосаксонская... 2010], «История английских королей» Вильяма Мальмсбериjsкого [Мальмсбериjsкий], «Хроника» Матвея Париjsкого [История... 2001a, с. 629–639], «История Англов» Генриха Хантингдонского [История... 2015]. Последний, помимо событий 1066 г., содержит ценные сведения о Первом Крестовом походе (1096–1099). Важные сведения при описании битвы при Стамфорд-Бридже 26 сентября 1066 г. дают саги: анонимная «Гнилая Кожа» [Morkinskinna 2012], «Круг Земной» Снорри Стурлусона [Стурлусон 1980], и «История о древних норвежских королях» Теодора Монаха [Агишев 2013].

На фоне становления Священной Римской империи, как ведущей военной державы Европы, накануне и в период Крестовых походов, получает широкое развитие составление и систематизация исторических сведений. Создаются анналы: Ламберта Херсфельдского [Херсфельдский 2013], Альтайхские, Кведлинбургские, Хильдесхаймские, «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского [Бременский и др. 2011, с. 7–130; Немецкие анналы 2012], обобщающие труды представленные «Хроникой» Саксона Анналиста [Саксон 2012] и «Всеобщей хроникой» Эккехарда из Ауры [Эккехард 2018]. Вышеперечисленные источники дают ценные сведения о первых правителях Саксонской династии (919–1024) в Германии,

Англии 1066 г., Первом Крестовом походе и трудностях борьбы Утремера с исламом в первые годы своего существования в Леванте.

Крестовые походы (1096–1270) – наиболее яркая страница истории западноевропейских латников, при этом, к письменным известиям об их действиях следует относиться осторожно [Розмысл 2021, с. 172–178]. Ставшее крупнейшим колониальным движением вооруженных пилигримов, оно оставило глубокий след в исторической памяти не только Европы, но и Ближнего Востока. Одним из самых описываемых стал Первый Крестовый поход (1096–1099), что подтверждают западноевропейские источники: «Деяния франков и прочих иерусалимцев» [Деяния 2010], «Иерусалимские истории» Фульхерия Шартрского [Шартрский 2020] и Альберта Ахенского [История... 2001, с. 138–153], «История франков, завоевавших Иерусалим» Раймунда Ажильского [Крей 2020, с. 96–97, 109–110, 189–191; История... 2001, с. 153–167], «История иерусалимского похода» Петра Тудебода [История... 2001, с. 167–172]. Особое место занимают письма: Стефана Блуаского своей супруге Адели [Там же, с. 135–138], предводителей крестоносцев папе Урбану II от 11 сентября 1098 г. [Заборов 1977, с. 97–103], Ансельма из Рибемонта архиепископу Реймскому [Крей 2020, с. 111–113]. Важные сведения о событиях XII в. в Леванте приводятся в «Алексиаде» Анны Комнины [Комнина 1965], «Хронографии» армянина Матфея Эдесского [d'Édesse 1858], «Хронике» Михаила Сирийца [The Syriac 2014].

Бурные процессы в период первых дней существования Утремера и до трагического 1187 г. раскрываются в «Деяниях Танкреда» Рауля Канского [Канский 1887], «Истории деяний в заморских землях» Вильгельма Тирского [История... 2001, с. 32–44, 100–116, 172–184, 324–338; Хрестоматия... 2013, с. 1014–1027]. Одновременно, на фоне исламского возрождения и первых успехов в борьбе с крестоносцами, информативнее становятся арабские источники: «Полный свод всеобщей истории» Ибн ал-Асира [Габриэли 2019, с. 32–34, 40–41, 135–140], «История Дамаска» Ибн ал-Каланиси [Заборов 1977, с. 139–140], Дамасские хроники [The Damascus... 1932]. Важные сведения о внутренней жизни в Сирии дает «Книга Назидания» Усамы Мункыза [Мункыз 1958], а труд Баха ад-Дина повествует о деяниях Салахадина [Баха ад-Дин 2009]. В них освещается процесс закрепления латинян на новых землях в 1100–1105 гг., в частности три битвы: при Рамле, у Аскалона, Яффы, где латники сумели переломить ход войны, уменьшив угрозу из Египта. Судьбоносными для Северной Сирии были Харанская катастрофа 1104 г., Тель-Даниф 1115 г., «Кровавое поле» у Сармады 1119 г., Азаз в 1125 г., где победа христиан обеспечила стабильность их позиций у Евфрата. Не обошли стороной хронисты и события на закате Иерусалимского королевства, такие как: сражения при Мааре 1149 г., Мириокефалоне 1176 г., Монжизаре в 1177 г., Кressоне и Хаттине в 1187 г. обернувшиеся упадком Утремера.

Примеры грамотного использования рыцарской конницы Фридрихом Барбароссой и Ричардом Львиное Сердце у Арсуфа 7 сентября 1192 г., во время Третьего Крестового похода (1189–1192), отмечены в «Деяниях императора Фридриха I в крестовом походе» [Императоры... 2021, с. 340–348], «Славянской хронике» Арнольда Любекского [История... 2001, с. 374–380], «Истории завоевания заморской земли» Бернарда Казначея [Там же, с. 353–364, 396–401].

Одним из последних примеров грамотного действия латников в борьбе с исламом выступил Седьмой Крестовый поход (1247–1250) в «Книге благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» Жана де Жуанвиля [Жуанвиль 2012], «Сицилийских анналах» [Хроники... 2021, с. 471–479] и в личном письме Людовика IX Святого (1226–1270) о его походе 1250 г. [История... 2001, с. 521–525], что подтверждает арабский историк Макризи [Там же, с. 525–333]. Авторы рассказывают об успешной высадке христиан в дельте Нила и тяжелом поражении у Мансуры 9 февраля 1250 г.

Не менее важные процессы в развитии рыцарства происходили в Европе XII–XIII вв. Первое поражение латников на континенте – Ленъяно 29 мая 1176 г. отмечено в «Деяниях императора Фридриха I в Ломбардии» [Императоры... 2021, с. 299–331], битвы при Бувине 1214 г. и Кресенбрунне 1248 г. есть в «Хрониках» Риккардо из Сан-Джермано [Хроники... 2021, с. 354–464], Салимбена де Адама [Салимбене 2004], «Анналах» Альберта Штаденского [Штаденский 2020]. Важное место занимает «История Флоренции» Джованни Виллани [Виллани 1997], где не только даются сведения о событиях в Италии, как битва при Беневенто 1266 г., но и «битва шпор» 1302 г.

Серьезные изменения в развитии рыцарства в Англии внесло военное законодательство Эдуарда I (1272–1307), что подтверждают Винчестерские статуты 1285, 1297 гг. [Дельбрюк 1938, с. 116–117; Хрестоматия... 1963, с. 340–341], а также его войны с Уэльсом и Шотландией в конце XIII в.: сражения при Маг-Мадоге 1295, Стирлинге 1297 и Фолкерке 1298 гг. во времена восстания Уильяма Уоллеса (1297–1298); битвы при Куртре и Беннокберне 1314 г. которые повествуются в Лайnekросткой хронике [The Chronicle... 1913] и «Салахронике» Томаса Грея [Gray 1907].

Столетняя война стала мощным ударом по престижу рыцарства, которое приходит в полосу кризиса и упадка. Фундаментальными источниками по конфликту являются «Хроники» Жана Фруассара, охватывающие 1325–1400 гг. [Фруассар; Froissart 1895], за основу которых были взяты «Правдивые хроники» Жана Ле-Белля [Хроники... 2005, с. 35–113], где отмечены события в Шотландии накануне и в период Столетней войны. Фруассаром зафиксированы практически все аспекты первых 60 лет Столетней войны: битвы у Креси и Неввилс-Кроссе 1346 г., Пуатье 1356 г., Кошереле 1364 г.,

Наваррете 1367 г., Понтваллене 1370 г., Розебеке 1382 г. Военный дневник Эдуарда III 1346 г. [Хрестоматия 2013, с. 601–606], Письмо «Черного Принца» Эдураду III о победе при Пуатье [Письмо], «Хроника» Джейфери Ле Бейкера из Суинброка [Baker 1889] и «Герольд Чандоса» [Chandos 1910] также содержат сведения о битве при Кресси, Пуатье и Наваррете – первом столкновении кастильского рыцарства с длинным луком. «Хроника» Пити Бонакорссо – мемуарные сведения о битве при Розебеке – одно из немногих сражений конца XIV в., где победила рыцарская конница [Бонакорссо 1972]. События конца XIV – 1-й трети XV в. раскрывают «Хроники...» Томаса Уолсингема [Walsingham 1864] и валлийца Адама из Уска [Usk 1904]: описаны сражения при Оттенберне в 1388 г. и Халиндон-Хилле 1402 г. на шотландской границе, Азенкуре 1415 г. и Боже 1421 г. во Франции.

Французскими источниками вышеописанных событий выступают «Большие Французские хроники»: свод, представленный деяниями Иоанна II [Les grandes 1910] и Карла V [Les grandes 1916]. «Нормандская хроника» Пьера Кошона [Хрестоматия 1950, с. 27–28], «Хроника первых четырех Валуа» [Chronique 1862], «Хроника» Жана де Венета» [Venette 1953]. Они позволяют оценить события во Франции в условиях постоянного разорения и упадка рыцарства в первые десятилетия Столетней войны. Записи Кристины Пизанской [Pisan 1936], «Хроники Сен-Дени» Пинтуана Мишеля [Chronique 1839; Chronique 1839a], «Хроника» бургундца Ангеррана Монстерле [Monstrelet 1853], «Хроники...» Сен-Реми [Fèvre 1881] и «История Карла VII» Томаса Базина [Chartier 1858; Basin 1933] дают возможность взглянуть на сложные процессы в эпоху Карла VI Безумного (1380–1422), освятить битвы при Краване 1423 г., Вернёй 1424 г., Рурве («селедочная битва») и Пате 1429 г.: последние сражения Столетней войны, где судьбу баталии решил наскок латников.

Трудности в анализе рыцарской конницы создает нехватка сведений о деятельности швейцарцев в XIV – 1-й трети XV в. На сегодняшний день на постсоветском пространстве, как и в открытом доступе на зарубежных языках, не встречаются работы, посвященные данной главе военной месдиевистики. Некоторую информацию о горцах дает Никколо Макиавелли в «Трактате о военном искусстве» [Макиавелли 2020], отмечая грамотность их боевого строя, как «образца» новой Европы, где кавалерия уступает место пехоте на поле бани.

Как мы видим, источниковая база по заданной теме весьма обширна и разнообразна. Однако нами представлен далеко не полный список важнейших трудов охватываемого периода: немало эпизодов отмечено летописцами однобоко и сухо. Средневековые хронисты нередкоискажали содержание используемых источников и интерпретировали события в рамках религиозно-мифологического мышления. Их труды компилиативны, в них не хватает

критико-аналитического обзора, проверки достоверности излагаемых фактов и значимых для современного исследователя деталей. Все эти проблемы усложняют процесс объективного анализа развития тяжелой кавалерии в X – 1-й трети XV в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Агииев С.Ю.* Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
- Англосаксонская хроника. СПб., 2010.
- Баха ад-Дин.* Саладин. Победитель крестоносцев. СПб., 2009.
- Бонакорсо П.* Хроника. Л., 1972.
- Бременский А., Гельмольд из Босау, Любекский А.* Деяния архиепископов Гамбургской церкви. Славянские Хроники. М., 2011.
- Виллиани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции. М., 1997.
- Габриэли Ф.* Крестовые походы. Взгляд с Востока. Арабские историки о противостоянии христианства и ислама в Средние века. М., 2019.
- Деяния франков и прочих иерусалимцев. Новосибирск, 2010.
- Жуанвиль Ж. де* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2012.
- Зaborов М.А.* История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.
- Императоры Священной Римской империи в хрониках и деяниях XI–XII веков. СПб., 2021.
- История Англов. М., 2015.
- История Средних веков: Крестовые походы (1096–1291 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. СПб.; М., 2001.
- История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. СПб.; М., 2001а.
- Канский Р.* «Деяния Танкреда» Главы 140–157. СПб., 1887. URL: <https://drevlit.ru/texts/r/raull.php>
- Комнинна А.* Алексиада. М., 1965.
- Корвейский В.* Деяния саксов. М., 1975.
- Крей О.* Первый крестовый поход. Сражения и осады, правители, паломники и вилланы, святые места в свидетельствах очевидцев и участников. М., 2020.
- Кремонский Л.* Антаподосис; Книга об Оттоне; отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006.
- Макиавелли Н.* Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве. Мн., 2020.
- Мальмсберийский В.* История английских королей // Восточная литература. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus/William_Malm/frametext.htm

- Мерзебургский Т.* Хроника в 8 книгах. М., 2009.
- Мункыз И.У.* Книга Назидания. М., 1958.
- Немецкие анналы и хроники X–XI столетий.* М., 2012.
- Письмо «Черного Принца» Эдураду III о победе при Пуатье // Столетняя война (1337–1453 гг.). URL: https://vk.com/@guerre_de_cent_ans-pismo-chernogo-princa-eduradu-iii-o-pobede-pri-puate
- Саксон Анналист.* Хроника. 741–1139. М., 2012.
- Салимбене де А.* Хроника. М., 2004.
- Стурлусон С.* Круг Земной. М., 1980.
- Фруассар Ж.* Хроники Англии, Франции, Испании и соседних стран от конца правления Эдуарда II до коронации Ричарда II. URL: <http://www.libma.ru/istorija/hroniki/p1.php>
- Херсфельдский Л.* Анналы. М., 2013.
- Хрестоматия по истории международных отношений: в 5 кн. / сост. Д.В. Кузнецов. Кн. 2. Средние века. Благовещенск, 2013.
- Хрестоматия по истории Средних веков: в 2 т. / под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина. Т. 2. М. 1950.
- Хрестоматия по истории Средних веков: в 3 т. / под ред. С.Д. Сказкина. Т. 2. X–XV вв. М., 1963.
- Хроники и документы времен Столетней войны. СПб., 2005.
- Хроники Сицилийского королевства. М., 2021.
- Шартрский Ф.* Иерусалимская история. СПб., 2020.
- Штаденский А.* Анналы. М., 2020.
- Эккехард из Ауры.* Всеобщая хроника. М., 2018.
- Baker le G de Swynebroke.* Chronicon. Michigan, 1889.
- Basin T.* Histoire de Charles VII. P., 1933.
- Chandos Herald.* Life of the Black Prince. Oxford, 1910.
- Chartier, J.* Chronique de Charles VII, roi de France. Vol. 1. P., 1858.
- Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393). P., 1862.
- Chronique du religieux de Saint-Denys: contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 en VI vol. Vol. 1. P., 1839.
- Chronique du religieux de Saint-Denys: contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 en VI vol. Vol. 6. P., 1839a.
- d'Édesse M.* de Chronique Continuée par Grégoire le prêtre. Continuée par Grégoire le prêtre. P., 1858.
- Fèvre de J.* Chronique seigneur de Saint-Remy. Vol. 2. P., 1881.
- Froissart J.* The Chronicles. L., 1895.
- Gray S.T.* Scalacronica: the reigns of Edward I, Edward II and Edward III. Glasgow, 1907.
- Les grandes chroniques de France. Chronique des règnes de Jean II et de Charles V in Vol. IV. Vol. 1. P., 1910.

Les grandes chroniques de France. Chronique des règnes de Jean II et de Charles V in Vol. IV. Vol. 3. P., 1916.

Monstrelet de E. The chronicles. L., 1853.

Morkinskinna. The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157). Ithaca; London, 2012.

Pisan C. de. Le livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V. P., 1936.

The Chronicle of Lanercost. Glasgow, 1913.

The Damascus Chronicle of the Crusaders. Extracted and translated from the Chronicle. L., 1932.

The Syriac Chronicle of Michael Rabo (the Great). Teaneck, 2014.

Usk de A. Chronicum A.D. 1377–1421. L., 1904.

Venette de J. Chronicle. N.Y., 1953.

Walsingham, T. Historia Anglicana. Oxford, 1864.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. Т. 3. Средневековье. М., 1938.

Розмысл Е.В. Проблема объективности западноевропейских хроник по истории крестовых походов // FICIT_ SCIENCE: сборник материалов III Студенческого научного форума, Гродно, 20–21 апреля 2021 г. / гл. ред. В.А. Белозорович. Гродно, 2021. С. 172–178.

E.V. Rozmysl

Grodno (Belarus)

Yanka Kupala State University of Grodno,

Secondary school No. 26 named after A.N. Sivachev, Grodno

THE DEVELOPMENT OF HEAVY CAVALRY IN WESTERN EUROPE (10th – THE 1st THIRD OF THE 15th CENTURY): AN ANALYSIS OF THE SOURCE BASE

In this article the author analyzes the most famous medieval sources on the role of heavy cavalry in key events in Western Europe and the Eastern Mediterranean in the 10th – 1st half of the 15th centuries. A classification and periodization of historical works is given. The author explores the problem of information content of sources and emphasizes the need for a critical approach to them.

Keywords: heavy cavalry, chivalry, historical sources, chronicles, battles.

Д.С. Сельков
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

**ПОЛИТИКА МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ XIV–XV вв.
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УКРАИНЫ
И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассматриваются особенности изучения истории Московского княжества XIV–XV вв. в школьных курсах России, Украины и Беларуси. Для проведения исследования использованы материалы учебных пособий, издаваемых с 1991 по 2024 гг. Целью статьи является выявление ключевых аспектов интерпретации событий указанного периода в учебниках трех восточнославянских государств. Показана эволюция представлений о развитии Московского княжества в первые два столетия его существования в учебниках России, Украины и Беларуси рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Великое княжество Московское, школьные учебники, государственность, Золотая Орда, Украина, Беларусь.

Период эволюции Московского княжества в необъятное Российское государство – значимый этап истории нашей страны, ставший основой для ее дальнейшего успешного развития. Без методичной деятельности московских князей, их достижений эта история могла бы закончиться, не начавшись, стать чем-то совершенно иным. Тем интереснее рассмотреть отражение упомянутых событий в школьном курсе истории, являющемся, как правило, одобренной на государственном уровне интерпретацией исторических событий. Особенно такие интерпретации интересны в контексте взаимоотношений восточнославянских государств. Сходства и противоречия школьных курсов данных стран во многом связаны с их взаимоотношениями, а в особенности – с национализацией истории нынешним украинским политическим режимом.

Отображение российской истории в учебниках истории России и других восточнославянских государств исследуется уже не первый год, однако упомянутый выше исторический период в данном контексте обычно не за-

трагивается. Кратко упоминаются события XIV–XV вв. в статье С.Б. Смирнова «Российско-украинские отношения в зеркале российских и украинских школьных учебников» [Смирнов 2010, с. 57] и в статье Е.А. Ростовцева и Д.А. Сосницкого «Войны учебников: средневековые сюжеты в постсоветском образовательном пространстве» [Ростовцев, Сосницкий 2016, с. 211].

Для того чтобы сузить круг изучаемой учебной литературы и сконцентрироваться на ключевых учебниках, обратимся непосредственно к тем из них, которые были рекомендованы отраслевыми министерствами Российской Федерации [Об утверждении перечня 2000/2001 учебный год; Федеральный перечень учебников 2012/2013 учебный год; Федеральный перечень учебников утв. приказом 21 сентября 2022], Украины [Перелік програм 2002/03; Перелік навчальних програм 2013/2014; Наказ МОН від 25.03.2020 № 449...] и Республики Беларусь [Пералік вучэбных выданняў 2023/2024], а также к учебникам, указанным в методических пособиях для учителей в Республике Беларусь [Забельникова, Волынец 2014, с. 3; Корзюк 2014, с. 3], с 1991 по 2024 гг. Таким образом, в статье будут рассмотрены учебники для 7 класса украинской школы, а также для 6, 10 классов российской и белорусской школ.

В российских учебниках 1990-х гг. политические успехи московских князей оценивались по-разному. Указывается, что могущества Москва добилась только при Иване Калите, обеспечившем союз Москвы с Ордой и православной церковью. С моральной точки зрения его политика характеризуется чаще всего негативно [Кацва, Юрганов 1995, с. 98; Сахаров, Буганов 1995, с. 173], но иногда обосновывается необходимостью обеспечения связей с Золотой Ордой [Преображенский, Рыбаков 2000, с. 87]. В контексте причин успеха присоединения других русских земель упоминаются симпатии народа по отношению к идее объединению [Сахаров, Буганов 1995, с. 180] или «силовые методы присоединения» [Преображенский, Рыбаков 2000, с. 97]. В дальнейшем, несмотря на неудачи, Московское княжество стало центром объединения русского народа. Междоусобица 2-й четв. XV в. упоминается в некоторых учебниках как борьба между «деспотическим Югом» и «торговым Севером» [Кацва, Юрганов 1995, с. 169]. Также указывается «самодержавная суть» нового государства как вынужденная – в первую очередь, из-за внешней угрозы [Преображенский, Рыбаков 2000, с. 98]. Наконец, при Иване III, согласно учебникам, правитель расчитлив и осторожен, Московское княжество выходит на новый уровень развития, превращаясь в Русское государство.

В 2000-е гг. в российских учебниках продолжается поляризация мнений. Иван Калита оценивается как «осторожный, жестокий и целеустремленный правитель» [Сахаров 2010, с. 129], упоминается положительная роль союза Москвы с Ордой и православной церковью [Борисов 2008, с. 107; Баранов и др. 2009, с. 203; Данилов, Косулина 2009, с. 72; Сахаров 2010, с. 130]. Отмечается, что при Дмитрии Донском Москва становится

«центром освободительной борьбы русского народа» [Борисов 2008, с. 116; Данилов, Косулина 2009, с. 77; Сахаров 2010, с. 139]. Конфликты 2-й четв. XV в. рассматриваются как «тормоз» развития страны [Данилов, Косулина 2009, с. 77], попытка земель вернуть независимость [Сахаров 2010, с. 143] или даже как ситуация, способствующая укреплению страны [Баранов и др. 2009, с. 87]. Более подробное освещение в учебниках 2000-х гг. получила и фигура Ивана III – теперь он оценивается, как жестокий, умный и осторожный правитель [Борисов 2008, с. 123; Баранов и др. 2009, с. 224; Данилов, Косулина 2009, с. 93; Сахаров 2010, с. 146].

В российских учебниках нач. 2020-х гг. московские князья оцениваются как дальновидные политики в сравнении с князьями той же Твери, поскольку не допускали внутренних усобиц (на первых порах) [Арсентьев и др. 2023, с. 38]. Более положительную оценку получила политика Ивана Калиты [Черникова, Чиликин 2021, с. 200; Арсентьев и др. 2023, с. 37]. Попытка освобождения страны при Дмитрии Донском также оценивается, как провальная, но указывается, что Москва сохранила свой статус [Пчелов, Лукин 2021, с. 184; Черникова, Чиликин 2021, с. 212; Арсентьев и др. 2023, с. 48]. Усобица 2-й четв. XV в. оценивается и как негативное событие [Арсентьев и др. 2023, с. 83] и как ситуация, закрепившая лидерство Москвы [Пчелов, Лукин 2021, с. 192; Черникова, Чиликин 2021, с. 225]. Упоминается и идея о борьбе между «централизованным югом» и «вольным севером» [Черникова, Чиликин 2021, с. 225]. Положительные оценки получила политика Ивана III, который рассматривается как жестокий, но умный и талантливый правитель [Пчелов, Лукин 2021, с. 203; Черникова, Чиликин 2021, с. 229; Арсентьев и др. 2023, с. 86].

История Московского государства отражена и в украинском школьном курсе истории. В 2000-е гг. в украинских учебниках политика московских князей, в целом, оценивалась в ключе, схожем с концепциями российских учебников того времени. Так, вновь подвергалась критике деятельность Ивана Калиты [Лихтей 2007, с. 87; Подоляк 2007, с. 193] и Дмитрия Донского [Лях, Темирова 2000, с. 289]. Отмечается правление Ивана III, как период превращения молодого государства в великую державу [Крижановский, Хирная 2007, с. 221; Лихтей 2007, с. 236; Подоляк 2007, с. 198; Смолий, Степанков 2007, с. 175; Свидерский и др. 2007, с. 199]. При этом отмечалось, что население некоторых территорий сопротивлялось вхождению в состав Российского государства [Смолий, Степанков 2007, с. 175].

В украинских учебниках после 2014 г. возвышение Москвы либо упоминается в связи с судьбой чернигово-северских земель [Власов и др. 2020, с. 156; Дрібниця и др. 2020, с. 146; Дудар, Гук 2020, с. 122; Смолій, Степанков 2020, с. 133; Свідерський, Романишин 2020, с. 138; Хлібовська и др. 2020, с. 147], либо характеризуется негативно. По мнению ряда украинских

авторов, политика первых московских князей была успешной, потому что они сумели склонить на свою сторону Золотую Орду [Пометун, Малієнко 2020, с. 153; Свідерський, Романишин 2020, с. 159; Сорочинська, Гісем 2020, с. 155] и «были неразборчивы в способах достижения гегемонии», действовали «исключительно хитростью и обманом» [Гісем, Мартінюк 2020, с. 117]. Дмитрий Донской характеризуется как верный вассал Тохтамыша [Щупак и др. 2020, с. 152] или как слабый полководец, выигравший Куликовскую битву исключительно благодаря присутствию там литовских князей [Гісем, Мартінюк 2020, с. 117]. Упоминается, что Москва, якобы, «утопила в крови» [Васильків и др. 2020, с. 154; Свідерський, Романишин 2020, с. 159], «захватила и разграбила» русские земли [Сорочинська, Гісем 2020, с. 155], «подавляла любые намеки на сепаратизм» [Подоляк 2020, с. 146], а великий князь московский «уничтожал всех, кто посягает на его власть» [Гісем, Мартінюк 2020, с. 118]. Более всего среди пострадавших указывается Новгородская республика [Васильків и др. 2020, с. 153; Подоляк 2020, с. 146; Щупак и др. 2020, с. 153] и чернигово-северские земли [Сорочинська, Гісем 2020, с. 138; Хлібовська и др. 2020, с. 147].

В учебниках по истории Беларуси Великое княжество Московское упоминается, как правило, в контексте постоянной конфронтации с Великим княжеством Литовским [Штыхов и др. 2009, с. 95; Белозорович и др. 2020, с. 105; Бохан, Темушев 2023, с. 181]. Как в ранних, так и в более поздних учебниках отмечается дальновидная политика Ивана Калиты и его союз с Ордой и православной церковью [Федосик и др. 2009, с. 147; Прохоров и др. 2023, с. 132]. Помимо этого, указывается на значимость Куликовской битвы для укрепления дальнейших позиций Москвы, несмотря на разорение 1382 г. [Федосик и др. 2009, с. 102; Прохоров и др. 2023, с. 134]. Упоминается и борьба за московский престол 2-й четв. XV в., как показавшая неоспоримость лидерства Москвы [Федосик и др. 2009, с. 105]. Вскоре все княжества Северо-Восточной Руси были окончательно объединены в сильное централизованное государство Иваном III [Федосик и др. 2009, с. 102; Прохоров и др. 2019, с. 232; Прохоров и др. 2023, с. 140].

Таким образом, становление Великого княжества Московского, как политического субъекта, рассматривалось с нескольких ракурсов. В белорусских учебниках постепенная эволюция Московского княжества описывается в нейтральных тонах. Развитие подобных интерпретаций в российском школьном курсе происходило сложнее: если в учебниках 1990-х и 2000-х гг. в большей степени подчеркивалась моральная составляющая, т.е. справедливость или несправедливость действий московских князей, то для более поздних учебников стала в значительной мере характерна оценка действий московских властей относительно их пользы для развития государства. Однако наибольшие изменения в интерпретации упомянутого

исторического периода произошли в украинской школьном курсе истории. В учебниках конца 1990–2000-х гг. можно отметить определенный плюрализм мнений, однако позднее он практически полностью исчез. События, связанные с развитием российской государственности в XIV–XV вв., стали рассматриваться негативно вне зависимости от соответствия подобной картинки реальным историческим фактам. Ключевую роль здесь сыграл политический фактор, связанный с событиями, развернувшимися после государственного переворота в Киеве 2014 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Стефанович П.С., Токарев А.Я., Торкунов А.В., Дмитриев А.П. История России. 6 класс: учебник для общеобр. организаций. В 2 ч. Ч. 2. М., 2023.

Баранов П.А., Ермолаева Л.К., Лебедева И.М., Шейко Н.Г., Гурьянова Ю.В., Захваткина И.З. История России: 6 класс. Учебник для общеобр. учреждений. М., 2009.

Белозорович В.А., Кудрявцева С.А., Любый А.В. История Беларуси с древнейших времен до конца XVIII в.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. языком обучения. Мин., 2020.

Борисов Н.С. История России с древнейших времен до конца XVII века: учебник для 10 кл. общеобр. учреждений. Базовый уровень. М., 2008.

Бохан, Ю.Н., Темушев С.Н. История Беларуси с древнейших времен до конца XV в.: учеб. пособие для 6-го кл. учреждений образования, реализующих образоват. программы общ. сред. образования с русским языком обучения и воспитания. Мин., 2023.

Васильків І.Д., Острівський В.В., Паршин І.Л., Букашин І.Я. Все світня історія: підруч для 7-го кл. закл. заг. серед. освіти. Тернопіль, 2020.

Власов В.С., Панарін О.Є., Топольницька Ю.А. Історія України: підручник для 7 класу закладів загальної середньої освіти. К., 2020.

Гісем О.В., Мартінюк О.О. Все світня історія: підруч для 7-го кл. закл. заг. серед. освіти. Харків, 2020.

Данилов А.А., Косуліна Л.Г. История России. С древнейших времен до конца XVI века. 6 класс: учеб. для общеобр. учреждений. М., 2009.

Дрібниця В.О., Щупак І.Я., Бурлака О.В., Піскарьова І.О. Історія України: підруч. для 7 класу закладів загальної середньої освіти. К., 2020.

Дудар О.В., Гук О.І. История Украины: підруч. для 7 класу закладів загальної середньої освіти. К., 2020.

Забельникова О.В., Волынець А.О. Уроки по учебному предмету «Всемирная история» в 6 классе: пособие для учителей учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения. Мин., 2014.

Каца Л.А., Юрганов А.Л. История России VIII–XV вв.: учебник для 7 класса средних учебных заведений. М., 1995.

Корзюк А.А. Уроки по учебному предмету «История Беларуси» в 6 классе: пособие для учителей учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения. Мин., 2014.

Крижановский О.П., Хирная Е.О. История средних веков: учебник для 7-го класса общеобразовательных учебных заведений. Львов, 2007.

Лихтей И.М. История Средних веков: учебник для 7-го класса. Киев, 2007.

Лях Р.Д., Темирова Н.Г. Історія України. З найдавніших часів до XV ст.: підруч. для 7-го класу серед. шк. К., 2000.

Наказ МОН від 25.03.2020 № 449 «Про надання грифа “Рекомендовано Міністерством освіти і науки України” підручникам для 7 класу закладів загальної середньої освіти». URL: <https://imzo.gov.ua/2020/03/27/nakaz-mon-vid-25-03-2020-449-pro-nadannia-hryfa-rekomendovano-ministerstvom-osvity-i-nauky-ukrainy-pidruchnykam-dlia-7-klasu-zakladiv-zahal-noi-seredn-oi-osvity/>

Об утверждении перечня учебных изданий, рекомендованных Министерством образования Российской Федерации на 2000/2001 учебный год (с изменениями на 4 апреля 2000 года). URL:<https://docs.cntd.ru/document/901763988?ysclid=lpmmlyhlv5707377>

Пералік вучэбных выданняў, якія прыгодныя для выкарыстання ў бібліятэчных фондах устаноў адукацыі, якія рэалізуюць адукацыйныя праграмы агульной сярэдняй адукацыі, у 2023/2024 навучальнym годзе. URL: <http://nesyata.klichev.edu.by/be/main.aspx?guid=1721>

Перелік навчальних програм, підручників та навчально-методичних посібників, рекомендованих Міністерством освіти і науки України для використання в основній і старшій школі у загальноосвітніх навчальних закладах з навчанням українською мовою у 2013/2014 навчальному році. URL: https://osvita.ua/legislation/Ser_osv/36950/

Перелік програм, підручників та навчальних посібників, рекомендованих Міністерством освіти і науки України для використання у загальноосвітніх навчальних закладах з українською мовою навчання у 2002/03 навчальному році. URL: <https://yur-info.org.ua/doc/1691804/Perelik-program-pidruchnikiv-ta-navchannikh-posibnikiv-rekomendovanikh-Ministerstvom-osviti-i-nauki-Ukraini-dlia-vikoristannia-u-zagalnoosvitnikh-navchalnikh-zakladakh-z-ukrainskoiu-movoiu-navchania-u-200203-navchalnomu-rotsi>

Подоляк Н.Г. Всесвітня історія: підруч. для 7-го кл. закл. заг. серед. освіти. К., 2007.

Подоляк Н.Г. Всесвітня історія: підруч. для 7-го кл. закл. заг. серед. К., 2020.

Пометун О.І., Малієнко Ю.Б. Всесвітня історія: підруч. для 7-го кл. закл. заг. серед. освіти. К., 2020.

Преображенский А.А., Рыбаков Б.А. История Отечества: учеб. для 6–7 кл. общеобр. учреждений. М., 2000.

Прохоров А.А., Федосик В.А., Темущев С.Н., Виноградова З.Е., Евтухов И.О., Яновский О.А. История Средних веков: учебное пособие для 6 класса учреждений общего среднего образования с рус. яз. обучения. Мин., 2023.

Прохоров А.А., Кудрявцева С.А., Давидовская Г.Э., Козик Л.А., Торканевский А.А., Кошелева Н.В. Всемирная история с древнейших времен до конца XVIII в.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения. Мин., 2019.

Пчелов Е.В., Лукин П.В. История России с древнейших времён до начала XVI века: учебник для 6 класса общеобр. организаций. М., 2021.

Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. «Войны учебников»: средневековые сюжеты в постсоветском образовательном пространстве // Клио. 2016. № 11. С. 207–215.

Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVI века. 6 класс: учебник для общеобр. учреждений. М., 2010.

Сахаров А.Н., Буганов В.И. История России с древнейших времен до конца XVII века: учебник для 10 класса общеобр. учреждений. М., 1995.

Свидерский Ю.Ю., Ладыченко Т.В., Романишин Н.Ю. История Украины: учебник для 7 класса общеобраз. учреждений с рус. яз. обучения. Киев, 2007.

Свідерський Ю.Ю., Романишин Н.Ю. Історія України: підруч. для 7 кл. закл. загальн. середн. освіти. К., 2020.

Смирнов С.Б. Российско-украинские отношения в зеркале российских и украинских школьных учебников истории // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2. С. 55–60.

Смолов В.А., Степанков В.С. История Украины: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учебн. завед. Пер. с укр. Киев, 2007. 224 с.

Смолов В.А., Степанков В.С. Історія України: підруч. для 7 кл. закл. заг. середн. освіти. К., 2020.

Сорочинська Н.М., Гісем О.О. Всесвітня історія: підруч для 7–го кл. закл. заг. середн. освіти. Тернопіль, 2020.

Федеральный перечень учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 21 сентября 2022 г. № 858). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405490287/>

Федеральный перечень учебников, рекомендованных Министерством образования и науки Российской Федерации к использованию в образовательном процессе в общеобразовательных учреждениях, на 2012/2013 учебный год (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 27 декабря 2011 г. № 2885).

URL: <https://base.garant.ru/70143450/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=lrcc2sno46413379935>

Федосик В. А., Евтухов И. О., Яновский О. А., Прохоров А. А., Темущев С. Н., Авдеев И. А. История средних веков: V–XIII вв.: учеб. пособие для 6-го кл. общеобр. учреждений с рус. яз. обучения. Мн., 2009.

Хлібовська Г. М., Наумчук О. В., Крижановська М. Є., Бурнайко І. О. Історія України: підручник для 7 класу закладів загальної середньої освіти. Тернопіль, 2020.

Черникова Т. В., Чиликін К. П. История России с древнейших времен до конца XVI века. 6 класс: учебник / под общ. ред. В.Р. Мединского. М., 2021.

Штыхов Г. В., Темущев С. Н., Ракутъ В. В. История Беларуси с древнейших времен до середины XIII в.: учеб. пособие для 6-го класса общеобр. учреждений с рус. яз. Ч. 2. Мн., 2009.

Щупак І. Я., Бурлака А. В., Піскарьова І. О. Всесвітня історія: підручник для 7-го кл. закл. заг. серед. освіти. К., 2020.

D.S. Selkov
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

THE POLICY OF MOSCOW PRINCES IN THE 14th–15th CENTURIES
AS INTERPRETED BY SCHOOL TEXTBOOKS IN RUSSIA,
UKRAINE AND BELARUS

The article examines the features of studying the development of the Moscow Principality in the 14th–15th centuries in school courses in Russia, Ukraine and Belarus. The study was conducted using materials from textbooks published from 1991 to 2022. The purpose of the article is to identify key aspects of interpreting this period in textbooks of three East Slavic states. Conclusions are made regarding the evolution of the idea of the development of the Moscow Principality in the first two centuries of its existence in the context of textbooks in the aforementioned countries.

Keywords: Grand Duchy of Moscow, school textbooks, statehood, Golden Horde, Ukraine, Belarus.

А.Л. Новосёлов

г. Казань (Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ПОХОДЫ РУССКИХ ВОЙСК ПРИ ИВАНЕ III НА КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО В ЗЕРКАЛЕ ЦЕРКОВНОГО КАЛЕНДАРЯ

Цель исследования – проанализировать летописную хронологию военно-политических событий московско-казанских конфликтов во 2-й пол. XV в. В статье рассматривается вопрос о наличии идеиного содержания в привязке действий русских войск против Казанского ханства к церковным праздникам. Исследуется роль церковного календаря в осмыслении и оценке русскими книжниками московско-казанских войн эпохи Ивана III. Научная новизна работы заключается в анализе хронологических данных русских летописей в контексте религиозного мировоззрения их составителей. В результате исследования высказывается гипотеза о том, что совпадение военных действий против Казани с церковными праздниками было значимо для составителей летописей при выработке идеологического обоснования борьбы Московского великого княжества с Казанским ханством.

Ключевые слова: московско-казанские войны, Казанское ханство, летописи, церковный календарь, Иван III.

Прекращение на рубеже 1450–1460-х гг. Москвой выплаты дани Казанскому ханству наряду с территориальными и дипломатическими противоречиями послужило причиной для начала московско-казанских войн. В годы правления Ивана III (1462–1505) вооруженный конфликт между Московским великим княжеством и Казанским ханством разгорался несколько раз: война 1467–1469 гг., которая закончилась выгодным для Москвы мирным договором; успешный поход русских войск на Казань 1478 г.; военная акция 1482 г., сопровождавшая дипломатическое давление московского правительства на казанского хана; победная кампания 1487 г.

А.В. Аксанов отмечал, что, несмотря на давнюю историографическую традицию изучения взаимоотношений Московской Руси и Казанского ханства, зачастую историки относились к историческим источникам, преиму-

щественно летописям, потребительски. В зависимости от идеологических установок, собственных социально-политических взглядов, исследователи использовали летописные тексты без должного текстологического изучения [Аксанов 2016, с. 36]. Речь здесь, в первую очередь, идет о том, что в предшествующей историографии сведения летописных памятников о московско-казанских отношениях интерпретировались рационалистически. Такой подход не учитывал специфики строения летописных текстов, включающих в себя переплетение не только погодных записей, но жанровых произведений, литературных клише, прямых и косвенных цитат из различных источников [Там же, с. 36].

Форма летописного повествования – следствие особого мировоззрения русских книжников XV–XVI вв., оценивавших события окружающей действительности с религиозных позиций. Так, например, М.В. Моисеев пришел к выводу, что религиозный дискурс «стал ведущим в ходе осмысления» покорения Казанского ханства в 1552 г. в летописных памятниках [Моисеев 2018, с. 273–274]. Сакральная картина этих событий отчетливо отразилась в «Казанской истории» и «Троицкой повести о взятии Казани». Соотнесение ключевых моментов казанского похода с эпизодами Священной истории, обильные библейские цитаты, раскрывающие значение этого происшествия, характерны для Никоновской летописи [Трофимова 2022, с. 278].

Таким образом, назрела необходимость проанализировать провиденциальные представления составителей летописных сводов XV–XVI вв. о военных конфликтах между Московским государством и Казанским Ханством. Особое значение в этом отношении имеет хронологическое измерение. Так, А.В. Лаушкин предложил подход, подразумевающий рассмотрение датированных летописных известий о военных походах русских князей в контексте церковного календаря. По его мнению, «праздничные выходы» на войну являлись «элементом воинской культуры христианской Руси», целью которых был духовный подъем воинов и надежда на помощь высших сил [Лаушкин 2019, с. 56]. Сомнение вызывает то, насколько летописи точно отражают хронологию военных кампаний, не вводя собственной датировки. Так или иначе, представляется, что соотнесение летописных событий с церковным календарем может быть продуктивным в исследовательской практике.

Итак, в 1467–1469 гг. происходил первый крупный московско-казанский конфликт. Из летописных известий об этой войне можно выделить шесть датированных военных операций русских войск.

14 сентября 1467 г. Летопись сообщает, что «в лето 6976. Съ вздвижением дни ходил царевич Касым к Казани, а с ним великого князя воеводы...» [ПСРЛ. Т. 25, с. 279]. По всей видимости, значимость этого похода была

большой – во главе русского войска стоял Иван Васильевич Оболенский Стрига, опытный политический и военный деятель [Алексеев 2009, с. 37]. Примечателен и день, который выбран для начала похода – двунадесятый праздник Воздвижения Креста Господня, 14 сентября. Следует согласиться с А.В. Аксановым, который писал, что словосочетанием «съ взвиженива дни» летописец «придает конфлиktу религиозный характер, так как Кресто-воздвижение было символом успеха в борьбе с нечестивыми иноверцами», под которыми книжником могли подразумеваться казанцы [Аксанов 2016, с. 65–66]. Однако, эта военная акция оказалась неудачной – казанцы не допустили форсирования Волги русско-татарским войском. В ответ на поход Касыма, казанские татары напали на Галич.

6 декабря 1467 г. Для отражения набега казанских войск на Галич Иван III направил князя Семена Романовича Ярославского с целью разорить подвластные Казанскому ханству черемисские земли. 6 декабря 1467 г., «на Николин день» русские войска вступили в Черемисскую землю [ПСРЛ. Т. 25, с. 279]. 6 декабря – день памяти широко почитаемого на Руси святого Николая Чудотворца. Возможно, что приурочивание начала военной акции к «Николину дню» связано не только с популярностью этого святого, но и со стремлением оправдать военные действия волей высших сил. О стремлении автора великорусского летописного свода при помощи акцента на Николае Чудотворце подчеркнуть богоугодность войны с Казанью писал А.В. Аксанов [Аксанов 2016, с. 70]. Благословение воевод на поход против мятежников – сюжет, имеющий место в рассказе «Деяние о трех воеводах», в котором Николай Чудотворец благословляет трех воевод императора Константина на подавление мятежа тайфалов.

7 февраля 1468 г. Атака черемисских земель заставила казанцев нанести ответный удар в окрестностях Устюга. Это повлекло за собой начало новой кампании Иваном III. «Тое же зимы князь великии за 3 недели до великого заговенья поиде к Володимеру» [ПСРЛ. Т. 25, с. 280]. Пасха в 1468 г. приходилась на 17 апреля, поэтому Великий пост начинался 28 февраля, следовательно, выезд Ивана III во Владимир следует датировать 7 февраля 1468 г. Ближайший церковный праздник в это время – Сретение (2 февраля), а 3–10 февраля считаются попразднством этого двунадесятого праздника. Владимир, по мнению Ю.Г. Алексеева, служил местом сбора войск для походов на Казань [Алексеев 2009, с. 49], поэтому «Владимирское стояние» Ивана III в 1468 г. имело целью сосредоточение русских войск во Владимире и создание «стратегического резерва для будущих операций» против Казанского ханства [Там же, с. 51]. Интересно отметить, что в Москву из Владимира Иван III вернулся 15 апреля [Там же, с. 50], в Великую пятницу Страстной седмицы. В этот день важнейшего периода в священной истории вспоминаются страдания и смерть Христа, через которые свершается спасение.

После 17 апреля 1468 г. Через два дня после возвращения Ивана III в Москву 17 апреля 1468 г., сразу после Пасхи, началась новая масштабная кампания против казанцев. «И той же весны по велице дни князь велики многих детей боарских, дворъ свои, послалъ на Каму воевати месть Казаньских» [ПСРЛ. Т. 25, с. 280]. Значительные силы были направлены Иваном III на войну с Казанским ханством в день главного христианского праздника Воскресения Христова. В рамках военных акций весны – лета 1468 г. русскими воеводами был предпринят удар по двум направлениям: северный поход на черемисские земли и боевые действия волжской судовой рати.

9 мая 1468 г. О северном походе сообщается, что возглавил его воевода Иван Руно, выдвинувшийся в апреле из Москвы через Галич к Вологде, а «на Николинъ день» (9 мая) – к Устюгу [ПСРЛ. Т. 25, с. 280]. Вероятно, что целью действий добровольцев под предводительством Руно было разорение союзной казанцам Черемисской земли. Такая же акция осуществлялась 6 декабря 1467 г. войском воеводы Семена Романовича Ярославского. 6 декабря и 9 мая – памятные дни Николая Чудотворца.

4 июня 1468 г. О судовой рати в летописи читается: «месяца июня 4 из Новагорода из Нижнего застава князя великого, князь Федоръ Хрупин с Москвичи идоша на Волгу и побиша Татарь Казаньских, дворъ царевъ, многих добрых» [ПСРЛ. Т. 25, с. 281]. Н.С. Борисов совершенно верно обратил внимание, что выступление Федора Хрипуна произошло накануне Троицы [Борисов 2016, с. 371], которая в 1468 г. приходилась на 5 июня. Битва, в которой был убит «татарский» богатырь Колупай и пленен казанский «князь» Хозум Бердей, состоялась «на Звениче бору, за 40 верст до Казани» [ПСРЛ. Т. 24, с. 187]. Для христианского книжника совпадение крупной победы русского воинства и великого христианского праздника не могло быть случайным. Однако после боя у Звенича Бора войска движение не продолжили.

9 апреля 1469 г. После неудачной летней кампании 1468 г. новое широкомасштабное наступление на Казанское ханство произошло весной 1469 г. «По Велице дни на другую неделю...» 1469 г. Иван III «послал ... на Казаньские места рать в судех, воевода Константина Беззубцева Александровича, а с ним многие дети боярьские дворъ свои, также и от всеа земли своея дети боярьские изо всех градов своих и изо всех отчин братии своее по тому же» [ПСРЛ. Т. 25, с. 281]. В 1469 г. Пасха праздновалась 2 апреля, следовательно, русские войска отправились в поход 9 апреля, на день Антипасхи. Этот христианский праздник приурочен сомнению в воскресении Иисуса Христа и последующему принятию этого факта апостолом Фомой. Возможно, что безрезультативный поход 1468 г., начатый в Пасху, побудил Ивана III на следующий 1469 г. приурочить выход войск на Казань к Антипасхе, укреп-

пив тем самым веру в победу, как Господь укрепил веру Фомы в чудо воскресения. В рамках кампании 1469 г. имели место безрезультатные походы избранного воеводы Ивана Руно и Константина Беззубцева.

(18)¹ мая 1469 г. Ю.Г. Алексеев датирует отплытие судов под предводительством Руно к Казани 18 мая, но тут же отмечает, что их действия носили самовольный характер и не были санкционированы воеводой великого князя [Алексеев 2009, с. 74–75]. Однако в рассказе о дерзком нападении Ивана Руно на Казань, которое вопреки точке зрения Ю.Г. Алексеева, Н.С. Борисов считал исполнением воли великого князя [Борисов 2016, с. 376], присутствует определенный календарный символизм. На него обратил внимание Н.С. Борисов, ссылаясь на московский летописный свод: «И придоша под Казань на ранней зоре маиа 21, в неделю 50-ю» [Цит. по: Борисов 2016, с. 375]. В этом фрагменте Борисов уточнил, что 21 мая 1469 г. праздновалась Троица, которая пришла через 50 ровных недель после Троицы 5 июня 1468 г. [Борисов 2016, с. 374–375].

(24 июня) 1469 г. После отступления из Казани ратники Руно встали лагерем на Ирыхове острове, куда вскоре прибыли войска воеводы Константина Александровича Беззубцева. Н.С. Борисов предполагал, что совместное выступление русских ратей на Казань планировалось 24 июня, на Рождество Иоанна Предтечи, к этому сроку должны были подойти вятчане [Там же, с. 378]. Но проездав вятчан до Ильина дня (20 июля) и убедившись, что они не будут участвовать в нападении на казанцев, Руно и Беззубцев 21 июля 1469 г. отошли к Нижнему Новгороду. Попутно, 23 июля, войскам великого князя пришлось отразить татарскую погоню [Там же, с. 378].

(15–20 августа 1469 г.) О победной кампании осени 1469 г. рассказывается в летописных сводах XVI в. «Того же лета князь великий Иванъ Васильевич всяя Русии послаль братию свою … и иныхъ своихъ вовевводъ со многими людми на конехъ ратию къ Казани» [ПСРЛ. Т. 12, с. 123]. Войска под командованием князя Юрия Васильевича пришли под Казань 1 сентября, поэтому Ю.Г. Алексеев предполагал, что поход начался из Нижнего Новгорода 15–20 августа [Алексеев 2009, с. 90–91]. Значительным христианским праздником этого периода было Успение Богородицы (15 августа). Культ Богородицы как защитницы и покровительницы русского воинства известен с XII в. Особое значение он имел для военных акций московских князей: Дмитрий Донской молился Богородице перед Куликовской битвой, в 1395 г. Москва спасена от Тамерлана, в 1408 г. от Едигея, в 1451 г. от Мазовши. Более того, 15 августа 1380 г. князь Дмитрий Иванович

¹ Здесь и далее в скобках указываются даты военных акций русских войск, отсутствующие в исторических источниках и гипотетически реконструируемые историками.

организовал сбор русских ратей у Коломны, а 20 августа повелел направляться через Оку и двигаться навстречу войскам Мамая. Поэтому, вполне вероятно, что выступление русских войск на Казань 15–20 августа 1469 г. не было случайностью, а приурочивалось к событиям Куликовской битвы.

В конце 1477 – начале 1478 г. казанских хан Ибрагим напал на Вятскую землю, находившуюся в сфере влияния Москвы. Это стало поводом для новой кампании против Казани.

26 мая 1478 г. По данным велиокняжеской летописи в 1478 г. «князь велики отпустил рать судовую на Казань, воевода болшеи Василеи Федорович Образецъ, а из Новагорода пошли под Казань маа 26 вторник» [ПСРЛ. Т. 25, с. 323]. Несмотря на слабую освещенность этого похода в источниках, Ю.Г. Алексеев считал, что это событие являлось важной акцией, носившей «карательный характер – расплату за зимнее нападение на Вятку» [Алексеев 2009, с. 213]. Скудость летописный сведений о походе 1478 г. убедительно объясняет А.В. Аксанов: летописные своды, содержащие данное известие, создавались после «Казанского взятия» 1487 г., когда Казанское ханство уже рассматривалось как зависимое государство и значение московско-казанских конфликтов потеряло свою остроту для официального летописания [Аксанов 2016, с. 84–85]. Непримечательна и дата отплытия судовой рати из Нижнего – 26 мая 1478 г. Ближайшим значительным праздником к этой дате являлся День Святой Троицы (10 мая, попразднство до 16 мая).

(После 16 июля) 1482 г. После смерти в 1478 г. хана Ибрагима в Казани началась борьба за власть между его сыновьями Али-Ханом и Мухаммед-Эмином. Иван III принял активное участие в этом противостоянии. Напряженность в отношения Москвы и Казани достигла острой фазы летом 1482 г., когда по сообщению Львовской летописи: «поча князь великий рать замышляти, на Казань хоте итти...» [ПСРЛ. Т. 20, с. 349]. В разрядных книгах сохранилась запись от 16 июля 1482 г., содержащая наказ воеводам, стоявшим в Нижнем Новгороде на случай атаки казанцев, о начале наступления на Казань. Ю.Г. Алексеев считал, что поход на Казань состоялся после 16 июля 1482 г. [Алексеев 2009, с. 273] и представлял собой серию быстрых ударов легкими судовыми ратями. Эта военная акция, по мнению Алексеева, сопровождала дипломатическую миссию в Казань Ивана Звенца [Там же, с. 274]. М.А. Несин предположил, что Иван III мог планировать осаду Казани для принуждения хана к миру [Несин 2023, с. 102]. Так или иначе, точных дат начала военного предприятия летом 1482 г. в летописях нет.

Очередное обострение борьбы за ханский престол между Али-ханом и Мухаммед-Эмином в сер. 80-х гг. XV в. вынудило Ивана III вновь всеми силами выдвинуться в поход на Казань. «Тое же весны, апреля 11, в четверг великий, послал князь великий Иван Васильевич воевод своих х Казани...»

[ПСРЛ. Т. 26, с. 278] – так начинается известие официальной великокняжеской летописи о начале военной кампании 1487 г. против Казанского ханства. В тексте летописного рассказа о походе 1487 г., сохранившемся с незначительными расхождениями в целом ряде летописных сводов [ПСРЛ. Т. 8, с. 217; Т. 12, с. 218–219; Т. 24, с. 205; Т. 27, с. 287–288; Т. 26, с. 278; Т. 28, с. 153; Т. 43, с. 208; Иоасафовская летопись 2014, с. 126], содержатся точные датировки ключевых событий кампании: выход великокняжеских войск – «апреля 11, в четверг великии»; отправка Мухаммад-Амина – «по велице дни на другой неделе, вторник, апреля 24»; прибытие московских войск под Казань – «маиа в 18 день, в четверг, на пятой неделе по велице дни»; взятие Казани – «июля в 9»; получение в Москве известия о победе – «июля в 20» [ПСРЛ. Т. 26, с. 278]. Пасха в 1487 г. приходилась на 15 апреля, поэтому Ю.Г. Алексеев правильно указывал на неточности этой летописной хронологии: 11 апреля было в среду, а 18 мая – пятница [Алексеев 2009, с. 280–281]. Ю.Г. Алексеев. осуществил приблизительный подсчет расстояний и скорости передвижения судовых и конных ратей русского войска в ходе кампании 1487 г. и пришел к выводу о правдоподобности летописных дат [Там же, с. 290]. В свою очередь, М.А. Несин при датировке этапов кампании 1487 г. небезосновательно предлагает ориентироваться не на указания календарных дней, а на церковные праздники, что для самих летописцев, по его мнению, было более приоритетно [Несин 2024, с. 80]. Отсюда М.А. Несиным выдвинуто предположение, что войска великого князя отправились в поход в Великий четверг, 12 апреля 1487 г., а под Казанью они оказались к четвергу на пятой неделе после Пасхи, 17 мая 1487 г. [Там же, с. 80].

Поход на Казань 1487 г., по собственному свидетельству великокняжеского летописания, начался в Великий Четверг. Воспоминание Тайной Вечери в этот праздничный день сочетается в богослужении с упоминаниями негативных характеристик Иуды. Возможно, для христианина-книжника тема предательства Иуды была особенно актуальна в свете московско-казанского конфликта. По сведениям того же великокняжеского летописного свода, после взятия Казани Иван III поставил на казанский престол Мухаммад-Амина, а «коромольныхъ князей и оулановъ Казанскихъ смертию казниль и иныхъ коромольниковъ» [ПСРЛ. Т. 27, с. 287–288]. Опираясь на эти показания официальных летописей А.В. Аксанов сделал вывод: «целью войны 1487 г. было подавление мятежа и восстановление власти великого князя над “казанским столом”» [Аксанов 2016, с. 90]. Следующий этап кампании 1487 г. – отправка Мухаммад-Амина, 24 апреля. На вторник 24 апреля приходилась Радоница – день поминовения усопших. Приход войск под Казань состоялся 17 мая, в четверг пятой недели после Пасхи. Пятая неделя по Пасхе посвящена встрече Иисуса Христа с самарянкой, через которую Господь обратил от язычества к истинной вере жителей селения Сихем (4-я глава

Евангелия от Иоанна). Взятие Казани произошло 9 июля. Вполне естественно, что именно в таком тенденциозном памятнике как «Казанская история» подчеркивается, что Казань была взята «на память священномуученика Панкратия». Считается, что Панкратий жил в I в., а почитается он как 1-й епископ Тавромения. Согласно житию Панкратий был направлен апостолами Петром и Павлом на Сицилию для проповеди. Панкратий изгнал оттуда демонов и язычников, обратил к Богу ее правителя, крестил многих жителей. Таким образом, датировка прихода русских войск под Казань пятой неделей после Пасхи, а дня взятия города – 9 апреля, вполне укладывается в идеологию московских князей и царей, рассматривавших победу Москвы над Казанью как триумф православной веры над язычеством. В Тверской летописи дополнительно сообщается, что Иван III «на Казани царя посадиль изъ своеа руки Обреимова же сына царева среднего Махмединима... месяца июля въ 14 день, на память святаго апостола Акыла» [ПСРЛ. Т. 15, стб. 500]. Н.С. Борисов, комментируя этот эпизод, писал о неслучайности выбранной даты – 14 июля 1471 г. московским войском была одержана победа над новгородцами в битве реке Шелони [Борисов 2016, с. 387]. С другой стороны, М.А. Несин предполагает, что составители тверской летописи, в которой сообщается о занятии Мухаммад-Амином ханского престола 14 июля и не говорится о взятии Казани 9 июля, посчитали первое событие значительнее [Несин 2024, с. 93]. Наконец, получение вести о взятии Казани в Москве приходилось на 20 июля, Ильин день. Пророк Илия почитается как ревнитель истинной веры: когда израильтяне отпали от веры в Единого Бога, Илия стал обличать идолопоклонство и умертвил языческих жрецов.

Иная версия кампании 1487 г. содержится в своде 1518 г., отразившемся в Софийской второй и Львовской летописях. В статье, озаглавленной «О взятии казанском от великого князя Ивана», сообщается, что «того же лета (1487) о Велице дни князь великии, собравъ силу многу посла с царевичемъ казанскимъ на Казань въ судех, а кони берегом повеле гнати» [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 322–323]. Как видим из этого сообщения, казанский поход 1487 г. начался около Пасхи (15 апреля). Дата извещения великого князя о взятии Казани в этом рассказе совпадает с великокняжескими летописями – 20 июля. Но прежде помещается известие о том, что «гибло солнце на Ильинъ день» [Там же, стб. 323]. Прав А.В. Аксанов, который оценивал это сообщение в религиозной плоскости: солнечное затмение воспринималось древнерусскими книжниками как знамение от Бога [Аксанов 2016, с. 93]. Более того, Аксанов анализировал предшествующий «казанскому взятию» рассказ свода 1518 г. о том, как казанский хан в 1485 г. попытался расправиться на пиру с казанскими князьями [Там же, с. 93]. В итоге, исследователь, пришел к выводу, что составитель свода 1518 г. стремился

придать войне 1487 г. религиозный характер – Господь через Ивана III карает за грехи хана Ильхама, а знаком богоугодности дела московского князя служит знамение [Там же, с. 95]. В том же летописном своде 1518 г. присутствует известие о прибытии плененного казанского хана Ильхама в Москву «въ четвергъ, за неделю до Оспожина дни» [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2, стб. 323]. М.А. Несин обоснованно датирует это событие четвергом 31 августа 1487 г. [Несин 2024, с. 96].

В летописной хронологии московско-казанских войн 2-й пол. XV в. условно выделяются четыре формы датировки событий: указывается только дата (число, месяц) – 2 случая из 19, обозначается церковный праздник – 7 случаев, приводится дата и церковный праздник – 4 случая, хронологические указания отсутствуют – 3 случая. В этом отношении особый интерес представляют летописные известия о кампании 1487 г., каждое произошедшее событие которой датировано днем, месяцем и праздником. Упоминаемые памятные дни церковного календаря в данном случае обнаруживают тематическую близость,озвучную общей идейной направленности рассказа о войне 1487 г. – победа московского православного воинства над язычниками-казанцами. Вероятно, символическим значением обладали «праздничные выходы» основных сил великого князя из Москвы в апреле 1468 г. и апреле 1487 г., происходившие накануне или вскоре после главного христианского праздника Пасхи. Отдельные выходы Касима в 1467 г. и Ивана Руно в 1469 г. приходились на двунадесятые праздники: Воздвижение Крестя Господня и Троицу. Дважды военные события приурочивались к праздникам, связанным с Пасхой: Антипасха, Радоница. В пяти случаях боевые действия проходили в дни памяти святых Илии, Акилы, Николая Чудотворца (дважды) и Панкратия. Наконец, лишь гипотетически можно предположить, что дважды выступления против Казани были приурочены к историческим событиям: Куликовской битве и битве на Шелони.

Общая закономерность в привязке действий русских войск против казанцев к церковному календарю не прослеживается. Вполне возможно, что церковные праздники были не более чем хронологическим ориентиром для передвижений военных отрядов. В то же время, складывается впечатление, что совпадение военного события с церковным праздником имело значение для летописцев, позволяя им осмыслить произошедшее, увидеть в нем религиозное содержание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Иоасафовская летопись. М., 2014.

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001.

-
- ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
- ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемы Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901.
- ПСРЛ. Т. 15. Летописные сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
- ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. СПб., 1910.
- ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921.
- ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
- ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
- ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962.
- ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963.
- ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004.
- Аксанов А.В.* Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, 2016.
- Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
- Борисов Н.С.* Иван III. Отец русского самодержавия. М., 2016.
- Лаушкин А.В.* «Праздничные выходы» на войну в домонгольской Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 53–57.
- Моисеев М.В.* Святые против Казанского ханства: «чудесная» история казанской войны // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святыни в Средние века / отв. ред. С.А. Яцык. СПб., 2018. С. 273–284.
- Несин М.А.* К истории взятия Казани в 1487 году: проблемы хронологии и особенности организации похода // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б.А. Илюшина, Е.В. Четвертакова. Нижний Новгород; Свияжск, 2024. С. 78–106.
- Несин М.А.* Русско-казанский конфликт 1480-х гг. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Десятой Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 6–7 декабря 2022 г.) / сост., отв. ред. Д.В. Пузанов. Ижевск, 2023. С. 95–104.
- Трофимова Н.В.* «Благочестивый царь, твердый верою ко Христу»: Библейские цитаты в повествовании о Казанском походе в Никоновской летописи // Герменевтика древнерусской литературы. 2022. Сборник 21. С. 267–279.

*A.L. Novoselov**Kazan (Russia)**Kazan (Volga Region) Federal University*

**THE CAMPAIGNS OF RUSSIAN TROOPS UNDER IVAN III
TO THE KAZAN KHANATE IN THE MIRROR
OF THE CHURCH CALENDAR**

The purpose of the study is to analyze the chronicle chronology of military and political events of the Moscow-Kazan conflicts in the 2nd half of the XV century. The article considers the question of the presence of ideological content in the binding of the actions of Russian troops against the Kazan Khanate to church holidays. The role of the church calendar in the comprehension and evaluation by Russian scribes of the Moscow-Kazan wars of the epoch of Ivan III is studied. The scientific novelty of the work consists in analyzing the chronological data of Russian chronicles in the context of religious outlook of their compilers. The research results in the hypothesis that the coincidence of military actions against Kazan with church holidays was significant for the compilers of chronicles in the development of ideological justification of the struggle between the Moscow Grand Duchy and the Kazan Khanate.

Keywords: Moscow-Kazan wars, Kazan Khanate, annals, church calendar, Ivan III.

Н.А. Гайдышев

г. Санкт-Петербург (Россия)

Высшая школа экономики Санкт-Петербург

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ
ТОМАСА РЭНДОЛЬФА В МОСКОВИЮ В 1568 г.:
ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ТЕМЫ
В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

В исследовании рассматривается роль миссии Томаса Рэндолльфа ко двору Ивана IV в 1568 г. в формировании образа России в английской литературе. Среди сорока участников этого посольства был начинающий английский поэт Джордж Тербервилль, сохранивший свои впечатления от Московского государства в виде трех эпистол. В них автор дает характеристику политическому строю, географическим и климатическим особенностям, а также выносит суждения о религиозной жизни и нравах местного населения. В ходе исследования автор рассматривает то, чем было вызвано скорее негативное восприятие Московского государства поэтом, а также пытается проследить роль Тербервилля в развитии русской темы в английской культуре XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Томас Рэндолльф, Джордж Тербервилль, Англия, Московия, восприятие, образы другого, кросс-культурный обмен, XVI–XVII вв., Московская торговая компания.

*«22 июня я со своей свитой взошел на борт “Гарри”,
стоявшего на Граузенском рейде; моя свита
состояла приблизительно из 40 человек»*

[Томас Рандольф].

Дипломатическая миссия Томаса Рэндолльфа к Ивану IV, состоявшаяся в 1568–1569 гг., оказала достаточно серьезное влияние на развитие торговых и дипломатических отношений между Российским государством и Англией. Однако посольство Рэндолльфа оставило свой след и в истории английской литературы – среди сорока пассажиров корабля «Гарри» был молодой поэт, недавно закончивший Новый колледж (New College) и пытавшийся поправить свое не лучшее материальное положение. Его имя – Джордж Тэрбервилль (George Turberville).

О его жизни доподлинно известно весьма мало. Он происходил из старинного рода Д'эрбервиллей [Севастьянова, Хорошкевич 1990, с. 245], его отца звали Генри, а брата Николас. Джордж учился в колледже при Оксфорде, а затем, судя по всему, поступил на адвокатскую службу в одну из судебных инн (Inns of Court). Перевел несколько сочинений античных авторов – например, Овидия, а также издал сборник собственных поэтических текстов [Bettry, Crummeу 1968, р. 71]. Вот и все, что можно узнать из источников об обстоятельствах биографии Джорджа Тербервилля до его поездки в Московское государство.

Впечатления от путешествия молодой поэт изложил в форме трех эпистол, адресованных к его друзьям. Несмотря на ценность сведений и необычность оценок, предоставленных Тербервиллем, его произведение о Московии практически не освещается в историографии. Работы М.П. Алексеева [Алексеев 2019], Е. Берри и О. Крамми [Bettry, Стиммей 1968], а также А.А. Севастьяновой и А.Л. Хорошкевич [Севастьянова, Хорошкевич 1990] либо рассматривают отдельные аспекты творчества Тербервилля, или же пытаются дать формальную оценку этому источнику. Эта статья постарается суммировать все известные позиции, существующие насчет эпистол, а также объяснит то, как опыт пребывания Джорджа Тербервилля в Московии сформировал образ этой страны в его восприятии. Кроме того, в работе я анализирую использование Тербервиллем слов, заимствованных из русского языка, а также влияние эпистол на развитие русской темы в английской культуре.

Часть I. Образ Московского государства в эпистолах Тербервилля

Эпистолы Джорджа Тербервилля дают характеристику различным аспектам жизни Московского государства. Поэт описывает политическое устройство, религиозную жизнь, нравы, традиции, обычаи. Вне поля зрения поэта не остаются и природные условия Московии. Однако важно заметить, что большая часть из этих описаний имеет негативную коннотацию. Автор указывает на множество пороков, распространенных среди населения Московии. Серьезное внимание он уделяет пристрастию к употреблению спиртных напитков: «Он на закуску не глядит, лишь было бы что пить» [Английская поэзия... 2021, с. 69]; «Пиянство тут закон, а кружка старшина» [Там же, с. 69]. Осуждающее Тербервилль воспринимает и распущенность в поведении московитов: «Распущенный дикарь, он мерзости творит / И тащит отрока в постель, отринув срам и стыд» [Там же, с. 70]; «Жена, чтоб отомстить, зовет себе дружка, / И превращается в Содом дом честный мужика» [Там же, с. 70]. Причиной для культурного шока английского поэта также становится бытовая культура: «Ни кружек нет у них, ни оловянных блюд. / Березовые чашки сплошь, из них едят и пьют» [Там же, с. 73];

«Тут камень не в ходу, взамен его мужик / Из бревен складывает дом, скрепляя их впритык» [Там же, с. 73]. Религиозную жизнь Московии поэт воспринимает как далекую от истинного христианства. Для него русские выступают скорее в образе язычников, обращающихся к образам, развешанным по стенам их жилищ.

Интересно, что Джордж Тербервилль воспринимает Московское государство как нечто дикое и архаичное, вторичное по отношению к Англии в частности и европейской цивилизации в целом. В его описании России можно найти тропы, которые можно было бы назвать проявлением *ориентализма* по Э. Сайду. Однако я не стал бы делать этого – и на то есть свои основания. По моему мнению, речь скорее идет о языке описания другого, нежели классическом *ориентализме*. Тербервилль вводит в текст эпистол весьма распространенный в английской культуре XVI–XVII вв. образ Ирландии как варварской и отсталой от Туманного Альбиона страны¹ – к этому сравнению скорее применимо понятие *оikуменической историографии*, чем *ориентализма*.

Если обращаться к вопросу о политическом устройстве Московии, то в тексте Тербервилля она предстает перед нами в качестве тиранического государства. Он называет Россию страной, «где беззаконие – закон» [Там же, с. 76], а полнотой власти обладает лишь государь. Для того, чтобы усилить образ Московского государства как тирании, поэт вводит сравнение русского монарха с последним царем Рима – Тарквинием Гордым², который был изгнан из города за свою деспотическую манеру правления. На восприятие Тербервиллем Московии как тирании повлияли его республиканские взгляды. В XVI в. в Англии было распространено классическое понимание республиканизма, согласно которому *res publica* могли быть названы «любые страны, где правят по писанным законам, а не следуя прихоти монарха» [Хархордин 2020, с. 18]. Важным критерием для определения настоящей республики является нацеленность государства на общее благо. Таким образом, «монархия, если она преследовала общее благо, была формой *res publica*». Однако «она могла выродиться в тиранию, если монарх начинал править не в интересах общего блага, а в интересах самого себя» [Там же, с. 17]. Практически очевидным представляется то, что Тербервилль, получивший классическое представление о *res publica* в ходе обучения в Новом колледже Оксфорда, воспринимал политическое устройство Российской государства, пользуясь этой схемой.

¹ «Wilde Irish are as civil as the Russies in their kinde, / Hard choice which is the best of both, ech bloody, / Rude and blinde» [Hakluyt 1903, p. 135].

² «So Tarquine ruled Rome as thou remembrest well, / And what his fortune was at last, I know thy selfe / Canst tell» [Ibid, p. 134].

Однако как формировался образ Московии у Тербервилля? Стоит отметить, что из-за обстоятельств, с которыми столкнулась дипломатическая миссия в 1568–1569 гг.³, автор практически не имел возможности составить свое собственное мнение о России, основанное на личном опыте. Этот факт позволяет утверждать, что его воззрения на эту страну были сформированы под влиянием *rossiki*. В тексте эпистол содержаться переложения на сюжеты, описанные у Сигизмунда фон Герберштейна [Севастьянова, Хорошевич 1990, с. 247 – 248], а в последней из них Тербервиль советует своему собеседнику Паркеру обратиться к «Запискам о Московии», если тот захочет узнать больше о российской истории [Hakluyt 1903, р. 135]. Кроме того, заметно влияние и *англоязычной rossiki*. Идея о том, что лишь царь волен распоряжаться имуществом и правами людей в Российском государстве, проходит сквозь многие произведения о Московии XVI–XVII вв. – от Адамса Клиmenta до Джона Мильтона.

Часть II. Использование Тербервиллем слов, заимствованных из русского языка

«В результате взаимодействия двух и более языков неизбежно возникают явления, связанные со взаимопониманием, обогащением и расширением этих языков» [Остапенко 2015, с. 4] – пишет филолог О.Г. Остапенко, изучающая влияние англо-русских отношений на формирование специальной дипломатической лексики в обеих странах. Такая судьба не миновала и других сфер жизни. В эпистолах Тербервилля есть целый ряд калек и реалий, взятых из русского языка. Объяснить это можно тем, что многие явления, упомянутые в стихотворениях, не могли быть описаны при помощи английской лексики.

Перейду к примерам. Описывая продукты и напитки, употребляемые жителями Московии, Тербервиль использует слова квас и мед (Kvas; Mead) [Hakluyt 1903, р. 125]. Рассказывая об устройстве зданий, поэт говорит о камне, используемым в качестве остекления в России – слюде (Sluda) [Ibid, р. 129]. Не обходится автор и без подробного анализа внешнего вида жителей Московского государства. Из предметов гардероба, которые упоминает Тербервиль можно выделить рубашку (Rubasca), однорядку (Odnoriadka), шубу (Shuba), армяк (Armyak) [Ibid, р. 132].

Эти заимствованные слова можно назвать иноязычными вкраплениями – разновидности реалий, «которые автор употребляет для описания на-

³ Дипломатическая миссия с сентября 1568 по февраль 1569 гг. находилась в условиях, фактически напоминающих домашний арест. Представители посольства не могли выходить на улицу, а за коммуникацию с внешним миром отвечали несколько приставленных к ним человек.

званий предметов и явлений, характерных для иноязычной действительности» [Остапенко 2015, с. 41]. Важно отметить, что Тербервилль не был единственным английским литератором, использующим русские слова в текстах своих произведений. Однако его можно отнести к одним из первых авторов, решивших описывать Московию в том числе и при помощи русскоязычных вкраплений. Раньше чем Тербервилль, это сделал лишь Ричард Ченслор, упоминавший в своем тексте квас (Quasse) [Алексеев 2019, с. 210].

Часть III. Влияние эпистол Тербервилля на формирование русской темы в английской культуре

Джордж Тербервилль был один из первых английских авторов, кто обратился к теме Московии в поэтической форме. Кроме того, как уже было отмечено выше, Тербервилль наряду с Ченслором являлся одним из первых англичан, привнесших русскоязычные вкрапления в английский язык. Многие из образов, введенных автором эпистол из Московии, помогли формированию стереотипного восприятия России в английской культуре. В основном это влияние происходило через два канала – самостоятельную публикацию Тербервилля в 1587 г. и сочинение Гаклюта, в составе которого были опубликованы и эти эпистолы.

Ричарда Гаклюта можно по праву назвать идеологом английского колониализма времен Елизаветы I Тюдор. Его сочинения являются некими сокращенными записками об иностранных государствах, собранными автором в единый корпус. Однако для этой темы Ричард Гаклют играет и другую, не менее важную роль – именно его многотомное собрание сочинений сделало русскую тему «весьма популярной в английской литературе» [Питулько 2017, с. 144]. Почти все авторы, касающиеся проблемы Российского государства в XVI–XVII вв., так или иначе были знакомы с текстами Гаклюта.

Использование русскоязычных реалий среди авторов, не бывавших в Московии, начинается в 1590-е гг. – уже после выпуска первого издания «Книги путешествий». Томас Нэш основывает целые истории в своей прозе на созвучии русского местоимения *наши* и его фамилии, а Томас Гейнвуд продолжает развивать в своих пьесах тему напитка из Московии – кваса. «The Rush drinks quasse» – такие строки можно найти в одном из его произведений [Алексеев 2019, с. 209]. Интерес к русским словам, помеченыным в издании Гаклюта, подкрепляется появлением в Англии людей, владеющих русским языком. В результате этих процессов на Туманном Альбионае возникают первые англо-русские словари, а также литература для изучения русского [Там же, с. 210 – 211].

Если отойти от роли Тербервилля в появлении русских слов в английском языке, то можно проследить ту, хоть и меньшую роль, которую внес-

ли его эпистолы в формирование некоторых стереотипов о России. Идея о том, что лишь царь имеет полное право распоряжаться правами, свободами и собственностью жителей Московии проходит красной нитью сквозь всю *англоязычную россику* – не исключение и Тербервилль, привнесший этой идеи поэтический образ и крайне негативную коннотацию. Так как многие авторы, пишущие о России, обращались к текстам Гаклюта, то эти идеи перекочевали и дальше. Даже в сер. XVII в. английский литератор Джон Миль顿 воспроизводит эту идею в своем трактате о Московии, вкладывая следующие слова в уста русского царя: «Приятель! У тебя слишком много имения, а ты бесполезен Государству; довольно тебе будет и меньшего; на остальное же можно содержать других, которые более тебя заслуживают» [Milton 1682, p. 13–14].

Выводы

Эпистолы Джорджа Тербервилля – уникальный источник по истории англо-русских отношений XVI–XVII вв. Образы, изложенные в этих стихотворениях, были сформированы под влиянием совершенно различных причин, среди которых можно назвать условия пребывания в Московии, определившие ключевую роль *rossiki* в формировании восприятия этой страны у поэта. Кроме того, политические взгляды автора и отсутствие интереса к Российскому государству также оказали влияние на образ. Все это вкупе формирует особенный и чересчур эмоциональный для английских сочинений о России взгляд. Однако не стоит переоценивать роль эпистол в формировании русской темы в английской культуре. Безусловно, они внесли свою лепту в создание интереса к русскому языку, а также стали одним из множества источников, из которых английские авторы в будущем черпали сведения о Московии. Но эпистолы Тербервилля не находятся в первом, а может быть и втором ряду источников, оказавших наиболее сильное влияние на формирование образа России в Англии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Английская поэзия: от Шекспира до Джойса. М., 2021.

Tomas Randolphi. Путешествие Томаса Рандольфа. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus11/Randolph/text.phtml?id=1170&ysclid=lmm8lxrz36146881441>

Milton J. Brief History of Moscovia: and others less known countries lying eastward of Russia as far as Cathay. L., 1682.

Hakluyt R. The Principal Navigations, Traffiques & Discoveries of the English Nation made by Sea or Overland to the Remote and Farthest Distant Quarters of the Earth at any Time within the compasse of these 1600 yeeres. Vol. 3. Glasgow, 1903.

Алексеев М.П. Русская тема в европейской литературе: сб. ст. и мат-ов / под общ. ред. В.Е. Багно, П.Р. Зaborова, К.С. Корконосенко. СПб., 2019.

Остапенко О.Г. Сравнительно-сопоставительный анализ дипломатической и административной терминологической лексики (на основе документов дипломатических контактов России и Англии XVI–XVII веков).: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Питулько Г.Н. Англичане в России XVI века: опыт изучения первоначального этапа русско-английских связей // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2017. Вып. 3 (1). С. 139–158.

Севастьянова А.А., Хорошкевич А.Л. Джордж Турбервилль. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 245–260.

Хархордин О.В. Республика, или Дело публики. СПб., 2020.

Berry E., Crumney R.O. Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. L., 1968.

N.A. Gaidyshev

St. Petersburg (Russia)
HSE University St.Petersburg

THOMAS RANDOLPH'S
DIPLOMATIC MISSION TO MOSCOVY IN 1568:
INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE RUSSIAN THEME
IN ENGLISH CULTURE

The study examines the role of Thomas Randolph's mission to the court of Ivan IV in 1568 in shaping the image of Russia in English literature. Among the forty participants in this embassy was the aspiring English poet George Turberville, who preserved his impressions of the Moscow state in three epistles. In them, the author characterizes the political system, geographical and climatic features, and also makes judgments about the religious life and customs of the local population. The author of an article considers what caused the poet's rather negative perception of the Moscow state, and also tries to trace Turberville's role in the development of the Russian theme in English culture of the 16th–17th centuries.

Keywords: Thomas Randolph, George Turberville, England, Muscovy, perception, images of the other, cross-cultural exchange, 16th–17th centuries, Muscovy Trade Company.

СЕКЦИЯ «СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА»

Tran Thi Ha Giang

Hanoi (Vietnam)

Hanoi National University of Education;

Nguyen Tran Tan Hiep

Rajgir (India)

Nalanda University

THE GOLDEN AGE OF THE ROMAN CATHOLIC CHURCH (12th – 13th CENTURIES) – THE BEGINNING OF MEDIEVAL CIVILIZATION IN EUROPE

The 12th and 13th centuries in the history of the Church are considered the golden age of medieval religious civilization, although it was also a dark period, full of turmoil and decline in many European countries. Indeed, it is impossible not to think of an unstable state when many governments collapsed one after another, when the Holy Roman Empire continuously caused upheavals in Italy, disrupting the entire Central European region from North to South for two centuries, with bloody conflicts between the Papal faction (Guelfe) and the Imperial faction (Gibelin). Faced with the threat from the Holy Roman emperors right in Rome, the Popes were forced to live in exile. During 110 years (1088–1198), they only stayed in the capital for 55 years. In addition, there were wars between the kings, the reoccupation of Palestine by Muslims and Turks. At the same time, the Cathar or Albigenses heresy arose in the West. In such a context, can it be said that this was not the darkest period? However, that period considered dark and chaotic, was the time when God's authority was most clearly manifested in the Church. The clergy and clergy had prestige and courageously defended the faith, the laity practiced their faith fervently, and the monks devoted themselves to serving the people of God. This was the result of the Christian spirit deeply penetrating the social life of the Middle Ages. More than ever the Church was considered the “Citadel of God” (“Civitas Dei”) mentioned by St. Augustine. The supremacy of the papacy covered the entire Church and was respected and recognized by the nations. The reform of the Church was remarkably successful in improving the lives of the clergy. Religious life was also reformed, especially with the birth of “secular” and “mendicant” religious orders. Finally, it cannot be denied that this was the most prosperous period of medieval Christian culture and art, a statement that is perhaps not an exaggeration.

Keywords: Golden age, Roman Catholic Church, Europe, medieval.

1. Religious Organization

1.1. The Pope and the Roman Curia

The “revolution” of Pope Gregory VII (1073–1085) restored the independence of the Papacy, and gradually brought them to the pinnacle of power under Pope Innocent III (1198–1216). It was an important step forward for Christian civilization. The Pope is the Bishop of Rome, and at the same time the supreme head of the Church, the successor of Saint Peter, the representative of Christ on earth. The Holy Father has supreme authority over the entire Church and over each believer. This is the statement of Pope Innocent III, the great Pope of the 13th century: “I have been placed by God over the Peoples and States”. “The Roman Church is the Mother and Teacher of the Churches throughout the world”. “I possess all the authority of Christ on earth, and following Him we must seek peace for mankind” [Luchaire 1904, p. 30].

Pope Innocent III was only 37 years old when he ascended the throne. He was small in stature, intelligent, and exceptionally wise. People called Innocent the Solomon of the Middle Ages. It was he who brought the power of the Pope to its peak. All the great affairs of the world came to his hands, he intervened in religious as well as secular affairs: punishing kings who violated the law of marriage (Philippe-Auguste), or robbed the Church’s heritage (John Lackland), deposing this king (Otton IV), knighting that prince (Friedrich II), reconciling disputes between Catholic kings, protecting the independence of the Holy See, recruiting soldiers to the Holy Cross of Jerusalem and Albi. The authority and power of the Pope were also demonstrated at the Fourth Lateran Council (1215) convened by Pope Innocent, which gathered 400 archbishops and bishops, 800 superiors of religious orders, and kings representing nations, making the Council truly a Council of the Christian world. The Council had two purposes: to renew the Church and to liberate the Holy Land. The Pope died a few months later, leaving behind many devotional works such as “On the Contempt of the World” and “On the Mystery of the Mass”. The hymn “Stabat Mater” and the “Veni Sancte Spiritus” were also his works.

The grace of “infallibility” of the representative of Christ was also spoken of and defended by St. Thomas Aquinas (+ 1274) from this time (*Summa Theologica* 2, 2 Q. I a. 10). In 1234, Pope Gregory IX gave the Holy See the power to declare saints and blessed. Because until then, the recognition of a saint was by the voice of the people with the approval of the diocese archbishop. The Fourth Lateran Council also affirmed that only the Holy See has the authority to confirm the relics of the saints, to present them for the faithful to venerate. From the twelfth century, the Pope’s retained the power to absolve certain mortal sins, and thus the Penitentiary was established. This court had the power to absolve sins and dispense from laws. In addition, there were many courts established by the Holy See, especially the Inquisition, which expressed the jurisdiction of the Church at

that time. In the past, the Great Council could be convened by the emperor, but from the 12th century (Lateran I, 1123) only the Pope had that power, as well as the power to approve the Council's Decrees.

Because of the increasing workload, the Pope needed more assistants and advisors. Since the 11th century, the Roman Curia has been organized, including the following offices: Apostolic Chancellor, Apostolic Interior, Penitentiary, and Supreme Court. At the head of the assistant and advisor are the cardinals. These are men of great learning, of moral character, of outstanding judgment and wisdom, chosen by the Church. They are both advisors and in charge of the departments, tribunals and offices of the Curia. The organization of the College of Cardinals was clearly defined by Eugenius III (1150), and since 1170 the appointment of cardinals has been reserved to the Holy Father. The number of cardinals at that time was very low: in the 11th century there were about 50, in the 12th and 13th centuries there were only 20 to 30. In 1586, Pope Sixtus V set the number of cardinals at 70.

Since the early centuries, the Pope often sent representatives to attend councils or intervene in important matters, that is, nuncio (*légitat*). These were chosen from among the clergy of the Roman Curia or from among the Italian bishops directly under the Holy See. Their work was so important, especially during the time of Pope Gregory VII, that from the middle of the eleventh century the missionary duties were entrusted to cardinals, and thus they were given the additional title "de latere" (special envoy). The mission of legate was also entrusted permanently to certain metropolitan archbishops, who bore the title of "Legati nati". The position of ambassador (nonce) is reserved for prelates (usually bishops), whose mission is to go on a special mission, including political issues, related to regular affairs. The ambassador (inter-nonce) has the same permanent character and rank as the plenipotentiary (ministre plenipoten-tiaire). The nuncio (*délégué*) is also the representative of the Holy Father, but has no diplomatic character.

Few powers previously reserved for archbishops and provincial councils were now given to the Pope, such as the control and legitimization of episcopal elections. From the ninth century, it was a law that archbishops, three months after their consecration, had to ask the Pope for the Pallium (cloak). From the eleventh century onwards, they had to go to Rome in person to receive it. In the twelfth century, the patriarchs took an oath of obedience to the Pope, and periodically had to come to Rome for an audience (*visitatio liminum, ad limina*) to report on the situation. By the fifteenth century, the oath of obedience and the audience with the Pope were also binding on bishops.

The Pope is the head of the Catholic Church, the head of the Vatican State, and the Bishop of Rome. He has the cooperation and assistance of the College of Cardinals and the Roman Curia, and since 1965, the World Synod of Bishops has been added. When the Pope dies, the College of Cardinals temporarily takes

over the governance of the Church, and elects a new Pope in a room called the “conclave”. The Third Lateran Council (1179) regulated the method of electing the Pope, requiring 2/3 of the votes of the electors.

To have money to pay for the expenses of the Curia, especially because the number of employees working every day is increasing, in addition to the income of the Holy See, the contributions of the churches, monasteries, and the royalties of many countries every year, there are also special and unusual taxes, such as the Pallium tax that an archbishop must pay when receiving the robe, the servitia communia tax that a bishop or abbot must pay when receiving his authority, and the visitationes tax that bishops pay each time they come to the throne of the Holy Father. Most of these taxes originate from the long-standing habit of voluntarily giving to the Holy See.

The compilation of the Code of Canon Law began in the 12th century by the Benedictine priest Gratianus, a famous jurist of the time. After many years of work, a code was formed around 1142, entitled “Concordia discordantium canonum”, later known as “Decretum Gratiani”. The work was continued by St. Raymond of Penafort (1175–1275), Dominican, under the orders of Pope Gregory IX (“Decretales Gregorii” in 5 books [1234]), and continued forever. At the end of the 15th century, the first edition of the code was published by the jurist Jean Chapuis: “Corpus juris canonici” (Paris 1499–1502).

1.2. Life of Parishioners

Never before have the faithful been so fervent in their religious life. The Christian spirit permeated public and private life, politics and society, economics and exploration (Marco Polo, 1271–1292). Church and state cooperated well. Western nations recognized themselves as one “Mystical Body”, placed under a supreme spiritual and earthly authority. All people were happy and proud to profess the Catholic faith, voluntarily placing themselves under the authority of the Church in matters of doctrine and morality.

The fervor of the faithful in this period was demonstrated not only by their participation in the Crusades, but also by their concrete charitable activities: many charitable establishments such as hospitals, inns, orphanages, and leprosariums were established everywhere. Preachers emphasized charitable social works. Many great saints appeared during this period: Franciscans, Dominic, Albert the Great, Thomas Aquinas, Bonaventure, King Louis IX of France and his mother Blanca of Castile, Elisabeth of Hungary, Hedwigia of Silesia, Gertrudes the Great, Mechtilde Hackeborn.

This was also the “age of the cathedrals”, as even the people of that time recognized. The chronicler Raoul Glaber (+ 1050) wrote: “The third year of the eleventh century began, and the same thing happened everywhere. The reconstruction of the great cathedrals began, although a large part of these solidly built

buildings had no need of them... The people seemed to compete with each other to build magnificent and massive cathedrals, and considered it an honor. It was as if the world were changing and stripping itself of its old and worn-out clothes, to put on a white garment of cathedrals" [Glaber 1886, p. 62]. Around the cathedral, because of faith, need, art, and association, people built more churches not only in the city but also in the countryside, to establish parishes with priest in charge.

But the unity of Christianity was the most remarkable point. The Popes were elected one after another from the great Western countries. After many Germans, French and Englishmen, as well as Italians and Romans, ascended the papacy. Many famous professors in Paris, such as Pietro Lombardo, Boecius of Dacia, Lawrence of England, Henry of Germany, Alexander of Hungary, many students came from far away countries. Among the professors of the University of Paris, the most famous were Saint Albert, Saint Bonaventure, Saint Thomas, John Duns Scot, they were all German, Italian, and English. The proverb of that time said: "Pope; Germany, Emperor, Paris theology". The proverb shows us that at that time religion, culture, and even politics, were not only on the urban or national scale, but truly had the character of a unified European continent [Landry 1929]. The Crusaders were recruited from all European countries, and they came from all races and languages. That is why the pilgrimages to Jerusalem, Rome, Compostela, Cologne, gathered hundreds of thousands of people from all nations. It was the result of one faith, one Baptism, one authority.

"Common good", "Common happiness", "Common freedom", these were the slogans written on official documents, letters, as well as on the works of wise men. We want to talk about the spirit of community, another characteristic of the era. Accordingly, many groups shared the same responsibility, while work and labor were divided equally according to ability. "Unity creates strength", "Birds have nests, foxes have holes; people have water, have villages, oh my!" These were very familiar folk songs of the Middle Ages, explaining why in the cities of that time, houses were close together, the roads were narrow, surrounding a bell tower with a cross on top. The high tower was not only to ring the bell to signal the time for prayer or work and rest, but also to act as a watchtower to protect public order and security day and night. Everyone united in their efforts to dig trenches, build ramparts, build markets, leper colonies, and establish monasteries for "mendicant" religious orders [Pirenne 1927].

It is difficult to imagine the religious life of medieval cities without the colorful scenes of professional organizations. This was not a scene of classical hawking, but people crowded together in churches with their own patron saints, with their banners and uniforms. Especially at burials, elections, and the admission of new members, traditional ceremonies were held, in which prayers were mixed with dance and music, ending with charitable works. The Church authorities paid great attention to these professional organiza-

tions, especially to their regulation in accordance with the spirit of the Gospel. Thanks to this, apprentices were taught about doctrine and the trade, were sponsored by their masters and treated as brothers, and were protected from harshness and exploitation.

2. Scientific and Artistic Achievements of this Period

2.1. Art in Europe

Romanesque architecture dates back to the 8th century, most notably in Lombardy. The Benedictine Fathers were the ones who spread this style of architecture in the West. It was also promoted by kings, bishops, and abbots, and thus became very prosperous in the years from 1080 to 1200. The monasteries of Cluny, Hirsau, and Cistercianism contributed significantly to this architecture. Romanesque buildings in France, such as the cathedrals of Clermont and Saint-Sernin in Toulouse; in Italy, the cathedrals of Modena, Parma, and Pisa; in Germany, the cathedrals of Mainz, Worms, Trèves, Spira, and the Abbey of Marie-Laach [Benoit 1933; Denis 1939].

Gradually, a new architectural style with arches, solid vaults, and columns following the shape of an arc appeared first in France. From the 12th century, it formed an architectural style called Gothic. This style originated in the North of France, or more precisely Ile-de-France and Picardie. The oldest remaining structure today is the Basilica of Saint-Denis in Paris, built in 1140, by Abbot Suger (1081–1151). Then came the Basilica of Notre-Dame de Paris, the Basiliacs of Sen and Laons in the 12th century. Canterbury Cathedral in England was also built in this style (1177).

In the 13th century, the Gothic architecture was popular everywhere until the end of the 15th century, and in southern Germany for another century. It was a harmonious, solemn, and upward-looking architecture, as if to draw the human soul up, free from the mundane. It glorified Christian art and enriched medieval civilization.

In France, the Gothic style is shown in the magnificent cathedrals of Amiens, Chartres, Reims, Bourges and the Sainte-Chapelle, as well as in Salisbury Cathedral in England, and many other temples. In Germany, on the other hand, the first Gothic examples are the Saint-Elisabeth Cathedral in Marburg (1235–1283) and Notre-Dame Cathedral in Trèves (1242–1257); then the cathedrals of Cologne, Freiburg, Ratisbon, and the brick cathedral of Sainte-Marie in Lubeck. In Spain, Gothic architecture has its own distinctive style, clearly seen in the cathedrals of Burgos, León and Toledo. In Italy, this style has also existed since the thirteenth century, as in the cathedrals of Sienna, Oviedo, Florence and the cathedrals of the mendicant orders; but it has many important distinctive features, such as spacious buildings, detached bell towers, etc.

Regarding the interior of the church, one sees a chapel, especially in monastic churches, separated by a wall, on which stands out a pulpit or a reading seat,

called a “lectorium” or “doxal”. In the 13th century, when the mendicant monks took over the preaching, the pulpit was placed in the middle of the church.

The main altar with its canopy in the old style was maintained until the 13th century, and in some places even longer. But from the 9th century, people added a small table to place the relics of the saints. Later, under Gothic architecture, people replaced this small and simple table with sculptures and paintings. In addition to the main altar, there were many side altars, large or small.

In the first 10 centuries, people avoided the reputation of “worshiping wooden and stone images” like pagans, so sculpture was rarely seen in Catholic churches; even less so in the East. But from the 12th century, sculptures began to appear to decorate column capitals, large doors, pulpits, and baptismal fonts. Many sophisticated and great works such as the reliefs in the Saint-Sernin Cathedral in Toulouse, the great doors of the Cathedrals of Vézelay and Autun, and the doors of the Abbey of Saint-Denis. In Italy, sculpture progressed the most, thanks to the study of natural scenery and the return to antiquity. The Pisano father and son, Niccolo (1206–1280) and Giovanni (1250–1328) were the first sculptors of Italy. Niccolo was the author of the pulpits of the two cathedrals of Pisa and Sienna, and Giovanni was the author of the dome of the Sienna Cathedral and the baptismal font in Pisa.

On the vast walls of the cathedrals there are paintings. After the crisis of the Iconoclasts, the art industry has progressed quite well. In Italy, painting is independent of Byzantium, and the paintings are very flexible. Cimabue (1240–1302), a Florentine, represents the painters of this period. The art of miniature painting also left many valuable works that are preserved to this day. The art of painting on glass began in the 9th century, and has become quite prosperous in France and Germany.

The poetry of the Catholic poets of the 12th and 13th centuries was imbued with the spirit of the Gospel and oriented towards eternal truth. The poets, whether clergy or lay, presented the way of worshipping God and serving others. The most famous was the poet Dante Alighieri (1265–1321), from Florence, author of the “Divina Commedia” (1307–1321). He described an imaginary journey through hell, purgatory, and heaven, influenced by the poet Virgil and Beatrix, his girlfriend when he was young. He presented many profound problems of medieval cosmology, although from his own point of view, but very valuable. It was a poem, comparable to the valuable works of the scholastics, based on the philosophy of Aristotle and the theology of St. Thomas, but in some aspects he was influenced by St. Augustine and Plato.

2.2. Scholastic Philosophy

In the early centuries of the Middle Ages, sacred science was almost limited to commenting on existing books, without research and innovation, except for a few theological issues that were discussed. However, it also left behind many

documents as a basis, so that later generations could rely on them to expand their knowledge and innovation.

From the end of the 11th century, thanks to close contact with religious life and civilization, a new and unique group of intellectuals appeared, belonging to many different tendencies but having a unified spirit. It was the Scholastic school, also called the Classical Science school. This name indicates a new science born from the needs in teaching philosophy and theology. In fact, it arose from the efforts of the 11th century dialecticians, as well as their opponents (Fulbert of Chartres, Bérenger, Lanfranc et al.), and had its roots in Saint Augustine, Boecius, Saint John Damascene and John Scotus Erigena [Robert 1909].

This school advocates a theological philosophy in which reason and faith, reasoning and revelation go together. Evidence, faith, and reasoning are its “constitutive elements” (“éléments constitutifs”), the bases for confirming a truth. Commentary and debate are the basic forms of its activity. Its special methods are dialectical debate and systematic synthesis. The school also advocates that philosophy must help reason penetrate deeply into faith. Philosophy, although people call it “the servant of theology” (“ancilla theologiae”), still has its own purpose, method, and value. To be exact, philosophy is a friend and assistant, not a servant, and certainly not a slave of theology. Certainly the school is not without its mistakes and shortcomings, it often abuses its authority and stubbornly clings to pure reason, to the point of disregarding historical and empirical criticism. However, history still has to acknowledge that the Scholastic school had a glorious time, and left behind an indelible career.

The Scholastic school was most active in France, a country that was more progressive than any other in Europe, in the fields of religion as well as culture. But the “father” of the school was Saint Anselm (1033–1109), a native of Lombardy, Archbishop of Canterbury, Primate of England, successor of Lanfranc. His motto in the field of science was: “I do not study in order to believe, but I believe in order to understand”. The saint left behind many books of theology and apologetics, especially the book “Why God Became a Man?” (“Cur Deus homo?”), which discusses the redemption. Among the disciples of Saint Anselm, people pay attention to the theologian Anselm of Laon (+ 1117), author of many books of biblical commentary and theology, such as the book “Ordinary Gloss” (“Glossa Ordinaria”). Guillaume de Champeaux (1068–1121), a pupil of Anselm of Laon, was also a professor of theology at the cathedral of Paris, and the founder of the Canons’ monastery and the school of Saint-Victor in Paris. Guillaume later became bishop of Châlon-sur-Marne, and was a close friend of Saint Bernard. He was a representative of the radical realists in the problem of the “universal idea”.

The famous 12th-century philosopher and influential theologian was the monk Pierre Abélard (1079–1142), a student of Guillaume de Champeaux. Abélard was

not a nominalist as is commonly thought. He opposed realism and replaced it with another doctrine: conceptualism, that is, he wanted to stand between the two doctrines. According to him, “general ideas” are concepts of the spirit. The following are his main works: “Dialectics”, “Ethics”, “Introductory Theology”, “Christian Theology”. Hugues de Saint-Victor (+ 1141) was also a famous 12th-century theologian, a dialectician and mystic, and a professor at the Saint-Victor abbey in Paris. But perhaps the most famous of all was Pietro Lombardo (1100–1160), born in Lumello, Lombardy, who was professor of theology at the University of Paris before becoming a bishop. His most famous work was the “*Sententiarum Libri quattuor*”, a four-book treatise on reason, which was highly regarded in the schools and annotated by St. Thomas Aquinas.

The 13th century was the golden age of Scholasticism, thanks to the establishment of many universities, with the participation of mendicant orders. Until then, Western Christian philosophers had known Aristotle’s moral books only through the translation and commentary of Boecius. But from the second half of the 12th century, the works of the philosopher of Stagira (Aristotelian) on physics, metaphysics, psychology, ethics and politics were popularized, especially by the philosopher Mauro (Spain). Aristotle’s own philosophy had many errors, in addition to the translations from Arabic and the commentary of Muslim and Jewish philosophers infected with rationalism and pantheism. Therefore, Aristotle’s books on physics and metaphysics were banned from teaching at the University of Paris (1210) [Wingate 1931, p. 131].

However, Aristotle’s works soon became widely accepted, because they were very suitable for university teaching. By order of Pope Gregory IX, William of Auxerre and many other authors undertook to correct these works. They also sought to make more complete translations from the original Greek. At the request of St. Thomas Aquinas, the Dominican William of Moerbeke, who later became Bishop of Corinth (+ 1286), took a special part in this translation work. Thanks to St. Albert the Great and St. Thomas Aquinas, Aristotle’s philosophy, after being “baptized” and interpreted in a Christian spirit, became the philosophy of the Scholastic school and occupied a privileged position in the 13th century. This was very important not only for philosophy and theology, but also for natural science and politics.

The debates between various schools created a lively and exciting atmosphere, promoting the progress of all branches of science. Particularly on the issue of the independence of philosophy from theology, the two schools of Thomism and Neo-Augustin were born. However, the danger of Arab rationalism and pantheism remained. Under the influence of the Muslim philosopher Averroes of Cordoba (1126–1298), professor Siger of Brabant (1235–1282) and Boecius of Dacia advocated many issues contrary to Catholic doctrine on the origin of the world, the soul and freedom. Their doctrines were condemned by Bishop Stéphane Tem-

pier of Paris. Siger seems to have returned to Aristotelian philosophy. Nevertheless, the influence of Averroes continued to operate and spread to France and Italy [Mandonnet 1908, p. 11].

The masters who created this golden age of Scholasticism belonged to the Franciscan and Dominican orders. The centre of activity was the University of Paris. Scholars from all over France, Italy, England, Germany, and Spain came to participate. There were four great scholastic doctors: Alexander Hales, St. Albert the Great, St. Thomas, and St. Bonaventure; two Franciscans, two Dominicans; if we count by nationality, two Italians, one German, and one English.

Alexander Hales (+ 1245) of England was a famous Franciscan scholar, professor of theology at the University of Paris, specializing in commenting on the *Sententiae* of Pietro Lombardo. He was posthumously awarded the title Doctor *irrefragabilis*.

Saint Albert the Great (1200–1280) was born in Lauingen, Germany, studied in Padua and Cologne, and entered the Dominican Order at the age of 23. After teaching at the Dominican College of Cologne, Albert went to Paris and held a university professorship. In 1260, he became Bishop of Ratisbon, and then became the Papal legate for the Crusaders in Germany and Bohemia under Pope Urban IV. His scientific career was great and covered all fields: the Bible, theology, philosophy, physics, chemistry, etc. Among the scholastics, Albert was said to have the broadest understanding of philosophy, theology, and physics. He was given the title Doctor *Universalis*.

Saint Thomas Aquinas (1225–1274) was born in Rocasecca, Italy, and belonged to the royal family of Hohenstaufen. As a child, Thomas was educated at the Casino monastery, and then sent to Naples to study literature and philosophy. Here, Thomas entered the Dominican order and was sent by his superiors to Cologne to study theology with Saint Albert. Later, the saint taught at the universities of Paris, Rome, and Naples, and wrote many books, most notably the “*Summa Theologica*” (1266–1273). He died at the age of 49 at the Cistercian monastery of Fossanova, on his way to attend the Second Council of Lyon in 1274. The saint was posthumously awarded the title Doctor *communis*, due to his authoritative and trustworthy teachings, which were invoked by intellectuals. The title Doctor *Angelicus* was given to the saint in the 15th century to recognize his profound wisdom and his life of perfect virginity like an Angel.

In addition to the great doctors mentioned above, the Scholastic school also had many other wise men, belonging to many religious orders and even to the secular clergy, such as Robert Grossetête (+ 1253) of England, professor at Oxford University, bishop of Lincoln, Vincent de Beauvais (+ 1264) of France, Dominican, author of the *Encyclopedia*, Pedro de Espana of Lisbon, professor of philosophy in Paris, practicing medicine in Sienna, archbishop of Braga (Portugal), in 1273 promoted to cardinal and physician to Pope Gregory X, then elected to

the papacy, namely John XXI (1276–1277), Roger Bacon (1214–1294) of England, Franciscan, student of Grossetête, professor of philosophy in Paris and Oxford, nicknamed Doctor admirabilis (Admirable Doctor); Canon Henri Gand (+ 1293), nicknamed Doctor solemnis, professor at the University of Paris, was one of the wise men of the secular clergy; Blessed Raymundo Lullo, a Spanish, Third Order Franciscan, martyred in Tunis in 1315, was a leading philosopher.

REFERENCES

- Benoit F.* L'architecture, l'Occident médiéval, Du Romain au Roman. P., 1933.
- Denis M.* Histoire de l'art religieux. P., 1939.
- Globe R.* Historiarum sui temporis libri V. P., 1886.
- Landry B.* L'Idée de chrétienté chez les scholastiques du XIIIe siècle. P., 1929.
- Luchaire A.* Innocent III, Rome et Italie. P., 1904.
- Mandonnet P.* Siger de Brabant et l'Averroïsme latin au XIIIe siècle. Louvain, 1908.
- Pirenne H.* Les villes du moyen âge. Bruxelles, 1927.
- Robert G.* Les écoles et l'enseignement de la théologie pendant la première moitié du XIle siècle. P., 1909.
- Wingate S.D.* The Medieval Latin Versions of the Aristolelian Scientific Corpus. L., 1931.

Н.Ю. Гребенников
г. Москва (Россия)
Высшая школа экономики

БИТВА ПОД ЛЫСКОВОМ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ ПРИЧИНАХ УЧАСТИЯ В БИТВЕ БУЛГАРСКИХ И МОРДОВСКИХ «КНЯЗЕЙ»^{*1}

В статье анализируются летописные свидетельства, в которых описана битва под Лысковом, произошедшая в 1411 г. Эта битва стала одним из поворотных моментов в борьбе между московскими и нижегородско-сузdalьскими князьями за Нижегородско-Сузdalьское княжество. По результатам анализа известий автор приходит к выводу, что в борьбе за княжество между московской и нижегородско-сузdalьской ветвями Рюриковичей на стороне последней выступала независимая сила – «князья» Булгарского улуса. Что касается мордовских «князей», то под ними, видимо, следует понимать военизированную элиту мордвы, которая была зависима от Нижегородско-Сузdalьского княжества.

Ключевые слова: Нижегородско-Сузdalьское княжество, Василий I, Булгарский улус, древнерусские летописи, Даниил Борисович Сузdalьский, татары, мордва.

В 1392 г. хан Тохтамыш выдал ярлык великому князю владимирскому и московскому Василию I на княжение в Нижегородско-Сузdalьском княжестве, обойдя стороной интересы представителей нижегородско-сузdalьской ветви Рюриковичей Дмитрия и Бориса Константиновичей. В борьбу с московским князем вступили сыновья Дмитрия Константиновича – Семен Дмитриевич и Василий Дмитриевич. Сыновья Бориса Константиновича – Даниил Борисович и Иван Борисович после смерти своего отца в 1394 г. на какое-то время княжили в Суздале [Горский 2004, с. 148]. Спустя некоторое время Василий Дмитриевич примирился с Василием I [Там же, с. 149], в то время как Семен продолжал пытаться склонить разных ордынских ханов к поддержанию собственных интересов [Там же, с. 149]. Так, в 6903/1395 г. [Кучкин 2006] Семену удалось с «царевичем» Ентяком овладеть Нижним Новгородом,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-01032.

после чего последовала ответная мера от московского князя – в Булгарский улус в этом же году было отправлено большое войско во главе с братом князя Юрием, которое разоряло его земли три месяца [ПСРЛ. Т. 6, стб. 513].

В данной работе автор обращается к статусу Булгарского улуса в нач. 1410-х гг., а также к позициям, которые занимали «князья» этого улуса по отношению к северо-восточным русским княжествам. Вместе с тем рассматривается вопрос об этнической принадлежности летописных мордовских «князей», которые также приняли участие в бою под Лысковом. Изучение вопросов, связанных с позициями элиты народов Поволжья во время борьбы между представителями разных ветвей Рюриковичей за обладание Сузdalско-Нижегородского княжества, позволяет пролить свет на историю Поволжского региона в конце XIV – начале XV в., которая скрупультно освещена в источниках. Обозначенные выше проблемы формируют актуальность исследования, поскольку в отечественной историографии к заявленной проблематике специально не обращались. Основными источниками выступают древнерусские летописные своды. В нашем случае – это Рогожский летописец (далее – Рог.) 1440-х гг. и Тверской сборник (далее – Тв. сб.), который является компиляцией, составленной в Ростове в 1534 г. [Лурье 1989, с. 62]. Несмотря на место своего составления, в Тв. сб. фрагмент текста за 1375–1486 гг. наполнен тверскими известиями, однако, по словам Я.С. Лурье, «характер тверского свода, использованного в этой части Л.Т., не совсем ясен» [Там же]. Обращение к данным сводам не случайно – именно в них отразились наиболее информативные известия о битве под Лысковом.

Булгарский улус в нач. XV в. стал местом, где укрывались опальные князья и их семьи. Так, в 6906/1398 г., предупреждая новое нападение на Нижний Новгород, совершенное до этого в 1395 г. князем Семеном, Василий I отправляет с целью захвата последнего своего брата Юрия Дмитриевича в Казань: «Того же лѣта. Князь великии Василий Дмитриевич посыпал в Казань брата своего князя Юрья на князя на Семена» [ПСРЛ. Т. 6, стб. 515]. Позже, в 6909/1401 г., князь Василий Дмитриевич смог изловить жену Семена Дмитриевича: московские войска прошли области, населенные мордвой, после чего в «Татарской земле», под которой, видимо, подразумевался Булгарский улус или какая-то его часть [Гребенников 2024, с. 186], смогли захватить княжну Александру («Тое же осени. Князь великии посыпал рать искати княгини Семеновы, а воеводы быху у нихъ Иванъ Андреевичъ Уда да Федоръ Глебовичъ, и идоша на морду, и наѣхаша ю въ Татарской землѣ на мѣстѣ Цибрица и ту изнимаша княгиню Семенову Александру у Святого Николы... и приведоша на Москву и съ дѣтьми, и пребысть на дворѣ Бѣлевутовѣ...» [ПСРЛ. Т. 25, с. 231]). Это известие показательно в том плане, что земли, населенные мордвой, отделяются книжником от «Татарской земли», что не позволяет нам согласиться с А.А. Горским, который высказал следующую мысль:

земли мордвы тоже в какой-то степени были «Татарской землей», поскольку они считались ордынскими владениями [Горский 2010, с. 97]. Отметим, что в известии упоминается «ратъ», которая была послана вместе с Иваном Удой и Федором Глебовичем. Это косвенно говорит о том, что князья готовились к возможному столкновению в Булгарском улусе с местными властями. После того, как в руках московского князя оказалась жена Семена Дмитриевича последний самолично явился к Василию I, после чего был отправлен в Вятку, где мирно скончался в 1402 г. [ПСРЛ. Т. 18, с. 150].

После 1408 г. борьбу за Нижегородско-Сузdalское княжество продолжают сыновья Бориса Константиновича. Такое поведение князей можно объяснить тем, что Едигей передал ярлык на княжение в Нижнем Новгороде Даниилу Борисовичу. Так, в июне 1410 г. князь Даниил Борисович с татарами «царевича» Талычи успешно подвергает разграблению Владимир [ПСРЛ. Т. 18, с. 160]. Московский князь предпринимает ответный поход, с целью вернуть Нижний Новгород под свой контроль [Горский 2004, с. 153]. В битве, развернувшейся под Лысковом зимой 6919/1411 г., нижегородским князьям оказали помощь болгарские и жукотинские «князья». В краткой Повести о бое под Лысковом, которая отразилась только в Тверском сборнике (далее – Тв. сб.), сообщается следующее: «Тоя же зимы. Мѣсяца генваря 15 день, бысть бой на Лысковѣ князю Петру Дмитриевичу и князем ростовскымъ, и ярославскымъ, и суздальскымъ со княземъ Даниломъ Борисовичемъ и съ его братомъ княземъ Иваномъ, и з болгарскими князи, и съ жукотинскими и мордовскими; бысть между ими сѣча зла, и ту убиенъ бысть князь суздальский Данило Василиевичъ, и мнози падоша ото обоя страны, и раз(и)дошася каждо въ свойси» [ПСРЛ. Т. 15, стб. 485–486].

В Рогожском летописце (далее – Рог.) по этому поводу присутствует краткая запись: «Тое же зимы. Бысть бои князю Петроу Дмитриевичю московьскому съ князми новогородскими на Лысковѣ, сташа же на костехъ князи новогородъскими Нижняго Новагорода» [ПСРЛ. Т. 15, стб. 186].

В остальных летописных сводах XIV–XV вв. известие отсутствует.

По мнению Я.С. Лурье, повесть, отразившаяся в Тв. сб., могла уже читаться в своде 1412 г., который являлся протографом Рог. [Лурье 1990, с. 53]. Кроме того, не похоже, что краткое известие Рог. каким-то образом связано с текстом Тв. сб. Несмотря на свою лаконичность, трудно приписать текст известия Рог. к сокращению версии Тв. сб.

Первоначальный вариант Повести представлен кратким известием Рог., который был составлен спустя небольшой промежуток времени. В этот же год или спустя год, т.е. 6919 или 6920 гг., была составлена пространная Повесть, о чем позволяет судить точная дневная дата известия, которая отсутствует в Рог. Кроме того, в Повести запечатлен факт убийства в этой битве и суздальского князя, что следовало бы записать «по следам» этой трагедии.

Повесть о бое под Лысковом, по всей видимости, читалась в каком-то тверском памятнике, создаваемом в тот момент. Им мог являться свод Ивана Михайловича, составленный в 1425 г. [Муравьева 1983, с. 261–262].

Обращаясь к содержанию пространной Повести, следует отметить, что «татары», которые одолели Анафала с его отрядом в Булгарском улусе в 1409 г., в тексте Повести отсутствуют и не выступают в качестве какой-то значащей силы. Вместо них встречаем болгарских и жукотинских «князей». Судя по всему, «князья» могли являться беками Булгарского улуса [Гребенников 2023а, с. 23–24]. Об этом позволяет судить эпиграфический материал, датируемый 2-й четв. XIV в., найденный в пределах Булгарского улуса [Мухаметшин 2008, с. 18, 41]. Следует отметить, что книжники разделяют беков Булгарского улуса по их локальной идентичности, что указывает на принадлежность последних к той или иной административно-территориальной единице Булгарского улуса (г. Болгару и областям вокруг него, а также Джукетау / Жукотину и областям вокруг него). При этом казанских «князей» древнерусские летописи в нашем случае не знают, хотя такой центр уже существовал в Булгарском улусе, а их участие было бы логичным следствием обстоятельств, поскольку именно Казань располагалась ближе к территориям княжеств Северо-Восточной Руси нежели чем более отдаленный Жукотин.

Под мордовскими же «князьями», которые сражались на стороне Даниила и Ивана Борисовичей, могла скрываться знатная прослойка мордвы, которая была независима от Орды. Так, недавно мы обратили внимание на то, что в конце 1370-х гг. земли, населенные мордвой, в летописях фигурируют как «Мордовская земля», что указывает на определенную степень независимости мордвы в это время от Орды [Гребенников 2024, с. 185]. Но уже при хане Тохтамыше мордва участвует на его стороне в противостоянии с Тамерланом, хотя эта мордва могла быть из самого Булгарского улуса [Там же, с. 187]. В любом случае, говорить о существовании улуса Мохши, который включал в себя почти всю домонгольскую «Мордовскую землю», к концу XIV в. не приходится. Участие мордвы в войске ордынцев отмечается летописями во время похода беклярибека Едигея на Москву в 1408 г., причем книжником она именно отделяется от татар в составе войска последнего, как и «болгарская сила» [ПСРЛ. Т. 15, стб. 484]. Относительно недавно авторы коллективной монографии о татарских «князьях» в Мещере XIV–XVI вв. пришли к выводу, что на момент XVI в. «мордовски-ми князьями» в этой области именовались татарские «князья» по названию податного населения [Акчурин и др., с. 43, 56, 58, 60, 80–82]. В то же время упоминание в летописях мордовских «князей» в известиях, описывающих события 2-й пол. XIV – нач. XV в., отождествляются исследователями с местными, мордовскими «князьями» [Там же, с. 165, 166], с чем есть все основания согласится. Следовательно, мордовские «князья», участвующие

в битве под Лысковом, были мордовской военизированной знатью. Вместе с тем, сказать, были ли это мордовские «князья», которые вместе со своими землями входили в состав Нижегородско-Сузdalского княжества, либо же «князья» самостоятельной «Мордовской земли», сложно. Так, известно, что постепенное приращение территорий Нижегородско-Сузdalского княжества за счет областей, населенных мордвой, происходило уже в 1360-х гг. [Гребенников 2023, с. 14–15]. Попытки захватить «места» мордовские рязанским князем Олегом Ивановичем также относятся к этому же времени [Гребенников 2024, с. 185]. По нашему мнению, мордовские «князья», участвующие в битве под Лысковом, все же в какой-то степени были зависимы от Нижегородско-Сузdalского княжества (к примеру, на них могла быть наложена дань) и могли тяготиться политикой Василия I в мордовских землях, после приобретения им прав на это княжество в 1392 г. По этой причине они были привлечены братьями Даниилом и Иваном Борисовичами в их борьбе за свою отчину.

Чтобы ответить на вопрос, чем руководствовались беки Булгарского улуса, помогая Данилу Борисовичу, для начала следует выяснить, кому подчинялся Булгарский улус в это время. Так, А.А. Горский считает, что Поволжье в этот период признавало власть хана Пулада – ставленника Едигея [Горский 2004, с. 154]. Следовательно, болгарские и жукотинские «князья», выступая на стороне Даниила Борисовича в конфликте за Нижегородское княжество с московским князем, поддерживали последнего по простой причине – Даниил являлся протеже Едигея. Именно этому князю последний выдал ярлык на нижегородское княжение после своего похода на Москву в 1408 г. [Там же, с. 153–154]. Таким образом, булгарские беки следовали в русле политики, которую проводил Едигей по поддержанию независимости Нижнего Новгорода от Москвы. С другой стороны, Р.Ю. Рева не так давно уточнил, что Пулад, судя по прекращению выпуска монет с его именем, скончался зимой 1410 г., что соответствует VII-X/813 г.х. [Рева 2016, с. 710]. Следовательно, к моменту битвы под Лысковым в Орде сменился хан. На момент начала 1411 г. Едигей был озадачен политикой нового хана, Тимура, который не желал являться марионеточным правителем в руках первого [Там же, с. 710–711]. Таким образом, борьба за Нижегородское княжество на какой-то момент перестала заботить беклярибека. Следовательно, действия булгарских беков могли носить самостоятельный характер и, возможно, были никак не связаны с политикой Едигея. Причина, по которой последние поддержали Даниила Борисовича в его борьбе за Нижний Новгород – стратегическое положение города. Насколько нам известно, это мнение еще не было высказано в научной литературе. Так, находясь в руках враждебного правителя, будучи «воротами» в реку Волгу и далее по ее течению в Булгарский улус, Нижний Новгород считался отличной базой для быстрой подготовки и отправки войск вдоль течения реки Волги. Даниил Борисович,

очевидно, не являлся князем, враждебно настроенным против булгарских беков, в то время как под знаменами московских князей Булгарский улус подвергся сильному разорению в 1395 г., о чем, видимо, помнили в улусе. Именно в Булгарском улусе пыталась скрыться от преследований со стороны Москвы жена его брата Семена Дмитриевича, и сам князь искал там защиты. Вместе с тем, отметим, что, контролируя Нижний Новгород, князья могли контролировать и поток товаров и продовольствия по Волге. Таким образом, мы приходим к заключению, что в борьбе за Нижний Новгород между московскими и нижегородско-суздальскими князьями существовала и сторонняя сила, которая стремилась поддерживать независимость этого стратегически важного пункта от Москвы.

Таким образом, проведенное исследование показало, что нижегородско-суздальские князья в борьбе с московским князем за Нижегородско-Суздальское княжество привлекали к участию на своей стороне не только татар, но и другие сторонние силы. По нашему мнению, участие болгарских, жукотинских и мордовских «князей» на стороне Даниила Борисовича в битве под Лысковом обусловлено желанием последних поддержать более лояльных к ним нижегородско-суздальских князей. Показательно, что действия первых носили самостоятельный характер, не зависящий от политики слабеющей Орды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода: 2-е изд. Вып. 1. М., 2006.

ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. Вып. 1. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

Акушин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань, 2021.

Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010.

Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь: сб. науч. ст. Вып. 4. М., 2004. С. 140–171.

Гребенников Н.Ю. К вопросу о положении мордвы и улуса Мохши в контексте русско-мордовско-ордынских отношений во второй половине XIV века // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2024. Т. 34. Вып. 1. С. 184–190.

Гребенников Н.Ю. Политическая ситуация в Среднем Поволжье и Поволжье в период «Великой замятни» в 1360–1370-х гг. по летописным данным // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. статей Междунар. научно-практической школы-конференции молодых уч-

ных (Москва, 24–27 октября 2023 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров и М.М. Беклемишева. М., 2023. С. 11–18.

Гребенников Н.Ю. Разорение Жукотина в 1360/1361 г.: Текстологический аспект летописных известий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023а. № 3 (93). С. 16–28.

Кучкин В.А. О времени похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» (к вопросу о методах исторического исследования) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 106–132.

Лурье Я.С. Летописи первой половины XV в. как литературный и исторический памятники // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 39–57.

Лурье Я.С. Летопись Тверская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л–Я / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. С. 61–63.

Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983.

Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань, 2008.

Рева Р.Ю. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 704–729.

N.Y. Grebennikov
Moscow (Russia)
HSE University

THE BATTLE OF LYSKOVO:
ON THE ISSUE ABOUT POSSIBLE REASONS OF THE INVOLVEMENT
IN THE BATTLE OF THE BULGARIAN AND MORDOVIAN “PRINCIPES”

The article analyzes the chronicle evidences where describes the battle of Lyskovo, which took place in 1411. This battle became one of the turning points in the struggle between the Moscow and the Nizhny Novgorod-Suzdal principes for the Grand Principality of Nizhny Novgorod-Suzdal. According to the results of the analysis of the chronicle reports, the author comes to the conclusion that in the struggle for the principality between the Moscow and Nizhny Novgorod-Suzdal branches of the Rurikovich, an independent force, the “principes” of the Bulgar ulus, acted on the side of the latter. As for the Mordovian princeps, they should be considered as the military elite of the Mordva who was depended from the Grand Principality of Nizhny Novgorod-Suzdal.

Keywords: the Grand Principality of Nizhny Novgorod-Suzdal, Vasily I, the Bulgar Ulus, Old-Russian chronicles, Daniil Borisovich Suzdalsky, the Tatars, the Mordovians.

A.C. Овсепян

г. Ставрополь (Россия)

Северо-Кавказский федеральный ун-т

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА
И ВОЗНИКОВЕНИЕ ФЕНОМЕНА ДВОЕВЕРИЯ
В АЛАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В X – 1-Й ПОЛОВИНЕ XII в.**

В данной статье автором предпринята попытка провести анализ источниковой базы и исследовательской литературы с целью воссоздания процесса христианизации средневековой Алании и возникновения феномена двоеверия. Данная тема актуальна и по сей день, поскольку остается неясным целый комплекс вопросов – от времени создания архиепископской кафедры до характеристики сосуществования двух систем ценностей как основополагающих конструктов религиозного мировосприятия аланов. Остается неясной сущность языческих представлений как основополагающего конструкта формирования картины мира аланов, поскольку существуют разные подходы к определению истоков дохристианских взглядов и «истинных» корней язычества, что представляется особо важным при определении сущности взаимовлияния двух систем мировоззрения и мировосприятия. Необходимо отметить, что автор данной статьи не претендует на всеобъемлющее рассмотрение вышеуказанного вопроса, поскольку нехватка источников и противоречие позиций ряда исследователей обеспечивают сохранение дискуссии относительно данной проблематики в научном поле, как минимум, на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: Алания, язычество, христианизация, двоеверие, Византия, миссионеры, архиепископ, кафедра, епархия.

Очерчивая общую картину, стоит отметить, что вплоть до X в. в Алании превалировал языческий культ. Позже, в связи с процессом христианизации, в Аланском государстве складываются все необходимые предпосылки для появления феномена двоеверия, результатом которого становится взаимное проникновение двух моделей мировоззрения и мироздания, столкновение и взаимное преобразование различных обычаев и обрядово-культовых систем.

Говоря о проникновении и распространении христианства в средневековой Алании, стоит отметить, что с IV по X вв., если и были контакты

аланской языческой среды с христианскими Арменией, западными и восточными грузинскими царствами и Византийской империей в лоне религиозного заимствования, они оставались незначительными, о чем также свидетельствуют крайне скучные археологические данные [Кузнецов 1992, с. 311–313]. Хотя, безусловно, проповедническая деятельность византийских священников на Северном Кавказе была очень хорошо выстроенной и целеустремленной.

Ситуация меняется уже к X в. Северный сосед Аланского государства – Хазарский каганат – клонился к политическому и экономическому упадку, что закономерно привело к ослаблению его влияния на Северном Кавказе. Разумеется, в сложившихся обстоятельствах Византия весьма успешно воспользовалась ситуацией и усилила миссионерскую деятельность на Северном Кавказе. После стабилизации внутриполитической обстановки Византия приступила к активизации внешней политики. Одной из внешнеполитических задач перед правящими кругами Византии стало усиление влияния на Северном Кавказе для успешного противостояния Хазарскому каганату. Особенно усиливались интересы греков в отношении Алании в качестве силы, противостоящей хазарам. Алания также было выгодно данное сотрудничество, поскольку она получала мощного союзника в борьбе с влиянием Хазарии [Там же, с. 313].

Известный отечественный дореволюционный исследователь Ю.А. Кулаковский, который занимался вопросами христианизации в аланской среде, полагал, что процесс крещения алан следует относить ко времени второго патриаршества патриарха константинопольского Николая Мистика (912–925) [Кулаковский 1898, с. 7]. Долгое время в научной среде данная точка зрения не подвергалась сомнению.

Известный отечественный историк и археолог В.А. Кузнецов предполагает, что письма Николая Мистика миссионерам в Аланию должны иметь несколько иную трактовку [Кузнецов 1992, с. 315]. Исследователь полагает, что процесс христианизации аланского общества начинается уже в период первого патриаршества Николая Мистика (901–907), когда в Аланию были отправлены первые миссионеры [Там же, с. 313].

Весьма любопытный обзор и критический разбор средневековых письменных источников (в том числе и византийских), упоминающих аланов, сделал каталонский исследователь аланов Агости Алемань, который приводит подробный хронологический обзор писем Николая Мистика миссионерам, посланным в Аланию, и аланскому архиепископу Петру [Alemany 2000, р. 187–192], что подтверждает точку зрения В.А. Кузнецова [Кузнецов 1992, с. 313].

Как отмечает сам Кузнецов [2002, с. 40], ему не удалось получить доступ к переводному изданию писем Николая Мистика американских исследователей Р.Дж. Дженкинса и Л.Дж. Вестерника, поэтому он опирался на данные

отечественного ученого С.Н. Малахова [2000, с. 28–36], который отмечал, что именно письмо № 79, вероятно, было адресовано миссионерам в Алании.

В данной работе автору удалось привлечь англоязычное издание американских ученых Р.Дж. Дженкинса и Л.Дж. Вестерника. Проанализировав содержание английского перевода оригинального письма, можно выразить согласие с представленными выше точками зрения отечественных исследователей, судя по употребляемой патриархом лексике при описании лишений, которые приходилось терпеть миссионерам в «пустынной среде местности, среди подобного вида людей со странными привычками...» [Jenkins, Westerink 1973, р. 335]. Однако следует понимать, что не только Алания была в поле зрения внешней политики Византии в плане насаждения и распространения христианства, поэтому следует осторожно относиться к данному предположению, поскольку этот вопрос все еще является дискуссионным в современной исторической науке.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вполне справедливое предположение, что создание архиепископской кафедры в Алании относится к самому началу X в. (исследователи полагают, что рукоположение архиепископа Петра в сан произошло примерно в 920–921 гг.) [Кузнецов 1992, с. 315; Малахов 2000, с. 28–36], что, в свою очередь, совпадает с началом процесса христианизации. Вполне логично, что успех обращения в христианство зависит не только от «превозмогания лишений окружающей среды», но и от институционализации религиозной структуры и догмата в той или иной местности.

Крайне примечательным является письмо № 52 Николая I Мистика архиепископу Алании Петру. В нем константинопольский владыка, помимо выражения «глубокой досады и разочарования в детях своих [архиепископах и епископах. – А.О.] относительно измерения глубины веры и расположенности к ним патриарха количеством писем, адресованных им», советует аланскому архиепископу не прибегать к излишним насильственным мерам по принуждению «имеющих силу и власть» к вере и их отказу от старого языческого культа многоженства [Jenkins, Westerink 1973, р. 281–287]. Данний хрестоматийный эпизод показывает уровень развития имущественной и социальной дифференциации в аланской среде, поскольку описываемые лица, имеющие силу и власть – скорее всего, верхушка феодальной прослойки общества, которая составляла основу тяжеловооруженного конного аланского феодального войска, являвшегося опорой военного могущества Аланского государства.

Дальнейшее освещение данной темы затрудняется крайней скучестью письменных источников, что вызывает замешательство в научной среде. Однако имеется свидетельство арабского географа и путешественника Аль-Масуди (ок. 896–956), который отмечал, что в 932 г. аланы отреклись от христианства и выгнали священников и клириков, которых прислал ва-

силев [Минорский 1963, с. 204]. В том же году шла крайне неудачная для Алании война с Хазарией, которая закончилась поражением первой и подписанием договора, по которому хазары, видимо, выдвинули требование удалить византийский клир с территории Северного Кавказа.

Необходимо также выяснить, где находилась архиепископская кафедра. Стоит отметить, что аланский архиепископ Петр, которого рукоположил в сан византийский патриарх, находился на территории современной Карачаево-Черкесии, в верхнем течении Кубани [Кузнецов 1992, с. 317]. Подтверждением тому является множество крестов и надгробий византийского образца, которые исследователи находят в верхнем течении р. Кубань и западной части нынешней Кабардино-Балкарии и датируют временем ранее XV в. [Лавров 1966, с. 17]. Благодаря археологическим находкам можно определить примерную зону деятельности христианских миссионеров из Византии и саму территорию Аланской епархии. В первую очередь, очень важно определить ее центр. В.А. Кузнецов, опираясь на работы В.Ф. Миллера, помещает его в Нижне-Архызском городище, что является вполне вероятным, поскольку именно там сохранились вплоть до современности Зеленчукские храмы (ок. X – нач. XI вв.) [Кузнецов 1977, с. 115–120].

Как отмечает Ю.А. Кулаковский, в церковных нотициях епархия Алании упоминается уже не как архиепископская, а как митрополичья, что говорит о повышении ее статуса. Исследователь также замечает, что епархия Авазгии, которая была древнее Аланской, так и осталась на уровне архиепископии, объясняя это увеличившимся весом Аланского государства в политической жизни региона [Кулаковский 1898, с. 8].

Уже к 1-й пол. XII в., как указывает в своем исследовании С.Н. Малахов, в Аланской епархии происходят серьезные изменения, что ему удалось проследить по византийским источникам. Дело в том, что в нотициях периода правления императора Андроника II Палеолога сообщается, что в соответствии с хрисовулом Алексея II Комнина и актом, выпущенным Синодом, Аланская епархия была объединена с Сотириупольским архиепископством, однако вскоре, вероятно, после смут, их разъединили [Малахов 1992, с. 149–179]. Одной из причин такого поворота событий могли стать внутренние усобицы в новообразованной объединенной епархии между руководящими ею иерархами.

Как отмечает В.А. Кузнецов, еще со времен научной деятельности Ю.А. Кулаковского Сотириуполь отождествлялся им и последующими исследователями с современным Сухумом, что являлось ключевым обоснованием для формулирования выводов относительно объединения Аланской и Абхазской кафедр [Кузнецов 1977, с. 17]. Но уже в 1988 г. Ю.Н. Воронов подкорректировал расположение Сотириуполя, опираясь на трактат византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управле-

нии империей» (лат. «*De administrando imperio*»), и предложил располагать Сотириуполь в окрестностях Трапезунда (нынешний г. Трабзон в Турции) [Воронов 1988, с. 72–73]. С.Н. Малахов соглашается с новым положением Сотириуполя и аргументирует сам факт перемещения митрополичьей кафедры с территории Нижне-Архызского городища в вышеупомянутый город, который находился чуть восточнее г. Трапезунд [Малахов 1992, с. 149–179].

С момента перемещения кафедры на северо-восток Малой Азии ее история представляется еще более смутной ввиду крайней нехватки или полного отсутствия письменных источников. Однако вплоть до конца XII в., по мнению В.А. Кузнецова, Нижне-Архызское городище, бывшее не только политическим и экономическим центром Алании, но и средоточием религиозной жизни, продолжало весьма продуктивно функционировать в качестве центра Аланской епархии. Одной из основных причин падения городища исследователь называет монголо-татарское нашествие [Кузнецов 1986, с. 245]. Хотя в более поздней публикации автор отказывается от данной «палочки-выручалочки» ввиду более глубокого погружения в вопрос исследования объективных причин упадка весьма развитого раннефеодального средневекового города, заявляя, что истинные причины его падения до сих пор остаются дискуссионным вопросом в исторической науке. При этом Владимир Александрович также настаивает на рассмотрении целого комплекса причин (внутренних и внешних), повлиявших на общий упадок Алании к нач. XIII в. [Кузнецов 1993, с. 244–247], что представляется наиболее убедительным.

При рассмотрении вопроса формирования феномена двоеверия в аланская среде стоит сразу же отметить, что процесс христианизации неизбежно привел к серьезной борьбе с язычеством и его пережитками, которые составляли основу картины мира и образа мышления большей части этноса. Разумеется, не стоит спешить с выводами относительно победителя в этой схватке, поскольку не так-то просто вытеснить укоренившуюся в системе ментально-идеологическую «систему координат».

Обратимся к свидетельствам персидских авторов X в. Ахмад ибн Руста Исфахани (?–ок. 903) отмечает, что аланский царь – «христианин в сердце», а его народ весь – язычники [Мирорский 1963, с. 221]. Другой, но уже неизвестный, персидский автор в трактате «Худуд аль-Алам» пишет, что «...их царь [алан. – A.O.] – христианин... Среди них есть и христиане, и идолопоклонники...» [Hudūd... 1970, р. 161]. Гораздо позже, уже в 1-й четв. XIII в., о том же (большом количестве язычников в христианской среде Алании) сообщают доминиканский монах венгерского происхождения Юлиан [Аннинский 1940, с. 79]. В.А. Кузнецов вполне обоснованно и логично предположил, что реабилитация язычества происходила на фоне общего упадка христианства и все углублявшегося и усложнявшегося состояния феодальной раздробленности в Аланском государстве [Кузнецов 1992, с. 323; 2020, с. 266–290]. На ос-

нове проанализированных источников можно сделать вполне обоснованный вывод, что двоеверие было чрезвычайно характерно для аланского общества с начала процесса христианизации вплоть до падения Аланского государства в сер. XIII в., хотя есть все основания полагать, что языческие пережитки характерны для преемников аланского этноса и по сей день.

Таким образом, христианство, как уже было отмечено ранее, с момента основания архиепископской кафедры в 1-й четв. X в. вступило в череду сложных взаимоотношений с плотно засевшим в головах людей язычеством, являя упоминаемый выше феномен двоеверия. Еще известный этимолог В.И. Абаев писал, что христианству приходилось подстраивать свои догмы под существовавшие на тот момент нормы, систему взглядов и ценностей и обрядово-культовую практику языческих представлений аланского этноса (которые, в свою очередь, играли роль религиозного субстрата в новом складывавшемся комплексе верований), что нашло выход во взаимопроникновении двух систем верований относительно отождествления старых богов и новых святых, прежних языческих праздников и обновленных памятных дат в соответствии с христианским календарем (помимо В.И. Абаева, вопросами синергии христианства и язычества занимался также Л.А. Чибиров) [Абаев 1972, с. 322–332; Чибиров 1976, с. 210–217].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.
- Alemany A. Sources on the Alans: A Critical Compilation. Leiden; Boston; Köln, 2000.
- Hudūd al-’Ālam. “The Regions of the World” a Persian Geography 372 A.H. / 982 A.D. / transl. by V. Minorsky. L., 1970.
- Jenkins R.J.H., Westerink L.G. Nicholas I – Patriarch of Constantinople. Letters. Greek text and english translation. Washington, 1973.
- Абаев В.И. Как апостол Петр стал Нептуном // Этимология 1970. М., 1972. С. 322–332.
- Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 71–112.
- Воронов Ю.Н. К локализации Никопсии // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов. Махачкала, 1988. С. 72–73.
- Кузнецов В.А. Заметки к истории христианства в Алании // Nartamongæ. 2020. Вып. 15. № 1–2. С. 266–290.
- Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
- Кузнецов В.А. Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 230–247.

Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках: к истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1993.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002.

Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. 1898. Т. 5. Вып. 1–2. С. 1–18.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. М., 1966.

Малахов С.Н. К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII–XVI вв. // Аланы. Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992. С. 149–179.

Малахов С.Н. Христианизация Алании в 912–922 гг. (по письмам Николая Мистика) // Мир православия: сб. науч. ст. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 28–36.

Чибирев Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.

*A.S. Ovsepyan
Stavropol (Russia)
North-Caucasus Federal University*

THE SPREAD OF CHRISTIANITY AND THE EMERGENCE OF THE PHENOMENON OF DUAL FAITH IN THE ALAN STATE IN THE 10th – 1st HALF OF THE 12th CENTURY

In this article, the author attempts to analyse the source base and research literature in order to recreate the process of Christianization of medieval Alania and the emergence of the phenomenon of double faith. This topic is relevant to this day, since a whole range of issues remains unclear – from the time of the creation of the archbishop's chair to the characterization of the coexistence of two value systems as fundamental constructs of the religious worldview of the Alans. The essence of pagan ideas as the fundamental construct of the formation of the Alan worldview remains unclear, since there are different approaches to determining the origins of pre-Christian views and the “true” roots of paganism, which seems especially important in determining the essence of the mutual influence of two systems of worldview and worldview. It should be noted that the author of this article does not pretend to comprehensively address the above issue, since the lack of sources and the contradiction of the positions of a number of researchers ensure that the discussion on this issue in the scientific field remains, at least for the near future.

Keywords: Alania, paganism, Christianisation, double faith, Byzantine, missionaries, archbishop, chair, eparchy.

Л.В. Богомолова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ДЕТСТВО СВЯТОГО В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРОП ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ

Данная статья посвящена размышлениям о детстве святого, описанного в житийной литературе. Во многих житиях описание детства разных святых выглядит во многом схожим. Каждый святой стал избранником Бога благодаря умению отказываться от мирских радостей и обращению к восхвалению Бога. Возникает впечатление, что такой подвижнический путь подходит немногим людям. Святой, главный герой жития, уже в детстве стремился получить книжные знания и отказывался от детских радостей. Также он отказывался от материальных благ. В юности святого не присутствует выбор брачных отношений, потому что к этому времени в нем формируется желание уйти в монастырь и служить церкви. Святой часто оказывается в одиночестве, без поддержки родителей или друзей. У него появляется много возвышенных идей, которые возможно воплотить в уединении, в обращении к книжным знаниям или в монастыре. Но есть светские люди, которых больше и которые не оказались перед таким выбором. Читая жития, можно задуматься над вопросом о том, могут ли рассказы о детстве святых быть красивым художественным образом или они отражают события, имеющие место в реальности X–XV вв.

Ключевые слова: детство, святой, агиография, житие, Древняя Русь, Феодосий Печерский, Евфросиния Полоцкая, Варлаам Хутынский, Алексий Московский.

О тех, кто причислен к лицу святых, существуют литературные памятники, называемые «жития» и уходящие в глубь времен. Жития представляют собой биографию святых, описанную со времени детства святого и до его смерти. Авторы житий могут сообщать о событиях из жизни святого, жившего задолго до них или бывшего их современником. Научная важность агиографии состоит в изучении подобных житий, находления соответствий описанных событий с культурно-историческими реалиями. Если всмотреться в описание детства святого, зафиксированное хотя бы в одном литератур-

ном источнике, можно прочитать о событиях, вызывающих интерес читателя и затрагивающих его душевное сочувствие. Избранность святым для служения церкви проявляется уже в детстве. Святой в детстве может изображаться с психологической точки зрения как ребенок, которому сложно найти понимание окружающих. Мысли святого заняты религией и служением Богу. Дети, проживающие обычное детство, любят шумные игры и движение. Ребенок, избранный для высшего предназначения, заинтересован в получении знаний, которые можно обрести во время чтения церковных книг. С социальной точки зрения святой в детстве описан отрицающим материальное благополучие, но при этом знающим чтение, письмо и содержание религиозной литературы, что доступно тому, кто имеет материальное благополучие.

Возможно, современный читатель может продолжить знакомство с текстами житий, прочитать больше сюжетов о жизни святых. В нескольких житиях могут повторяться сюжетные линии на тему детства святых. Основные события могут совпадать: ребенок находится там, где его можно сравнить со сверстниками, обычные дети любят шумные игры, святой в детстве посвящает время чтению церковных книг. Возникает вопрос о том, насколько реальным выглядит описание детства святого, если бы такой герой жития существовал. Или насколько такие события были возможны в жизни ребенка в Древней Руси, если автор описывает сколько-нибудь реальные впечатления от древнерусских традиций.

В тексте «Изборника» 1076 г. можно прочитать «Слова некоего старца о чтении книг»: «Послушай же жития святого Василия и святого Иоанна Златоуста, и святого Кирилла Философа, и многих других святых, как о них говорят впервые о них поведавшие: с детства предавались они святым книгам, а после и на добрые дела подвиглись. Смотри же, что начало добрым делам в поучении книг святых! Так вот, примером этих святых и подвигнемся мы на путь жития их и на дела их, и станем всегда научаться их книжным словом, исполняя их волю, как велят они; тогда и будем достойны мы вечной жизни во веки» [Из Изборника... 2004, с. 407–409]. Можно ли говорить о том, что автор жития мог приукрасить действительность, написать волнующий сюжет об испытаниях, с которыми святой встречался в детстве? Или автор написал о таких событиях, которые не противоречат тому, что могло происходить в детстве ребенка времен Древней Руси? Возможно, если бы такой ребенок повзрослел, он мог бы связать себя с религиозным служением. Статья посвящена решению вопроса о том, можно ли назвать описание детства святого в древнерусском житии художественным образом со своими литературными приемами или воспроизведением более или менее существующих событий.

Житийная литература сформировалась в Древней Руси под влиянием традиций Византии и христианской церкви. Поскольку житие – литератур-

ный жанр, структура жития имеет свою систему. Вначале автор пишет вступление о том, что он взял на себя право описывать жизнь святого и считает себя недостойным вести об этом речь. Житие описывает родителей святого соблюдающими благочестивые обряды. В детстве святой изображается как ребенок, не участвующий в играх детей и подолгу читающий церковные книги. Далее святой отказывается от мирской жизни и посвящает себя служению Богу, в уединении или присоединяясь к монастырю или создавая собственный монастырь. Начало биографии святого можно воспринимать как начало земных страданий, принятых им за возможность обратиться к религии, непонимание, претерпеваемое святым от окружающих, возможно, даже претерпевание зла, причиненного святому в детстве.

Можно воспринимать детство святого как сюжет о страдающем ребенке, гонимом и несправедливо обиженному. Но такой взгляд на детство святого может быть неточным. Вернее, нужно обратить внимание на разные детали описания детства. Предполагается ли, что святой мог происходить из низшего социального слоя и поэтому стать объектом для недоброжелательного отношения? Существуют сюжеты житий, где написано о том, что святой мог происходить из благородного рода и жить в семье, имеющей высокое материальное положение. Можно ли говорить о том, что к ребенку, склонному к чтению книг, отрицательно относились другие дети или его родители? В тексте жития может не быть написано о том, что ребенок в детстве был не-любимым детьми его возраста. Точно указано только то, что главный герой жития не присоединялся к группе играющих детей и искал таких занятий, которые были ему интересны. Но это не представлено как открытый конфликт. Точно так же отношения святого с родителями не представлены как открытый конфликт. Диалог с родителями строится на том, что родители святого предлагают ему пользоваться материальными благами, на которые он имеет право. Но святой добровольно отказывается от материальных благ и позже от вступления в брак с невестой из обеспеченной семьи, имеющей родословную. Житие рассказывает не столько о том, что святому причиняют обиду за его убеждения, сколько о том, что он умышленно создает себе трудности, чтобы обратиться к мыслям о душе, а не о земных радостях. При этом святой оставляет право окружающим на такую жизнь, которая является для них комфортной.

В данной работе рассматривается четыре сюжета житий, где отражены события, происходящие от XI до XIV вв. В чем-то жития святых имеют сходство, но есть детали, способные придать различную характеристику рассказам о детстве святых. Здесь представлены «Житие преподобного отца нашего Феодосия Печерского» [Житие Феодосия 1992, с. 69–97], «Житие преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой» [Житие Евфросинии 1992, с. 133–141], «Житие преподобного отца нашего Варлаама Хутынского»

[Житие Варлаама 1992, с. 154–164] и «Житие святого отца нашего Алексия, митрополита Московского и всея России чудотворца» [Житие Алексия 1992, с. 250–254] из текста «Четыи Минеи», записанного Димитрием Ростовским в 1705 г.

Согласно «Житию преподобного отца нашего Феодосия Печерского», Феодосий родился в городе Василёве, недалеко от Киева. Родители Феодосия названы благоверными, далее можно понять из текста, что это семья, принадлежащая к высшему социальному слою. Феодосия «отдали учиться грамоте» [Житие Феодосия 1992, с. 69], т.е. это было желание его родителей. Он подробно изучает священное Писание, все больший интерес Феодосия вызывают церковные службы. Феодосий выглядит замкнутым в детстве, он «сторонился своих сверстников и не принимал никакого участия в детских играх» [Там же]. Эти события входят в период детства. Следующие события в житии начинаются с наступления 13 лет Феодосия, когда его семья переселяется в Курск и умирает отец Феодосия. Подробно написано о том, что Феодосий посещает церковные службы, отказывается носить богатую одежду и переодевается в простую одежду. Это вызывает неприятие и гнев его матери. Она пытается любыми способами удержать сына рядом с собой. Оставаясь в Курске, Феодосий печет просфоры в церкви, чего не стал бы делать человек знатного рода. «На Феодосия за это негодовали его сверстники, которые старались вооружить против него даже его мать» [Там же, с. 70]. Только тогда, когда Феодосию исполняется 23 года, он уходит в Киев и принимает постриг. Феодосий вдохновляется голосом, услышанным в церкви: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» [Там же, с. 72]. После этого мать не может уговорить сына вернуться и следует его примеру, уходит в женский монастырь святого Николая. Описание чтения Феодосием в детстве священных книг типично для житийных нарративов. Сюжетная линия матери Феодосия выглядит необычно по сравнению с другими событиями в житиях святых. Мать изображается суровой иластной, она остается без мужа и поддерживает порядок в доме одна. Сын достаточно долгое время не может ей противостоять. Возможно, по мнению святого, это страдания, нужные для того, чтобы укрепить веру в Бога. В тексте «Домостроя» написано о том, как подобает вести себя женщине: «А всякий бы день у мужа жена спрашивала да советовалась обо всём хозяйстве, припоминая, что нужно. А в гости ходить и к себе приглашать и пересылаться только с кем разрешит муж» [Домострой 1990, с. 152]. Мать Феодосия не похожа на образец скромной и покорной женщины, вынужденной подчиняться мужу, но в тот момент мужа рядом с ней уже нет. В житиях, описанных ниже, у святых есть два родителя во времена детства, и родители святых не занимают такую активную позицию. В житии Феодосия упомянут конфликт со сверстниками, но уже во времена отрочества и юности.

«Житие преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой» – пример женской святости. Евфросиния происходит из княжеской семьи города Полоцка и при рождении получает имя Предислава. Святая знает грамоту «с самых юных лет» [Житие Евфросинии 1992, с. 133]. Предислава читает «священное Писание и прочие душепасительные книги» [Там же]. Период детства Предиславы продолжается до 12 лет. Далее княжеской дочери предлагают свою руку женихам из княжеских семей. Предислава отказывается от возможности стать женой, «так как уневестила себя бессмертному Жениху небесному, Господу Иисусу Христу» [Там же]. Она приходит в женский монастырь в Полоцке и просит постричь ее в монахини, уже не сомневаясь в решении посвятить себя Богу. Игумения думает о том, стоит ли это делать, «отчасти из-за юных лет Евфросинии, а отчасти из-за страха перед отцом её» [Там же]. С традиционным сюжетом о житии святого совпадает упоминание о том, что Евфросиния проявляет интерес к книжной мудрости. Отношения с другими детьми ее возраста не описаны. Скорее всего, детские игры не интересовали Евфросинию, так же, как и вступление в брак не будет ее привлекать по достижении брачного возраста. Для святой брачный возраст наступил в 12 лет. Значит, это время можно считать концом детства и началом выбора жизненного пути. Игумения монастыря опасается гнева отца Предиславы, князя. Но, когда княжеская дочь становится монахиней, родители не мстят за это игумении, судя по тексту, они «предались неудержимому плачу» [Там же].

«Житие преподобного отца нашего Варлаама Хутынского» представляет главного героя Варлаама, рожденного в Новгороде «от благочестивых и богатых родителей» [Житие Варлаама 1992, с. 154]. От рождения святой носит имя Алексий. Алексий, ставший Варлаамом, «получил доброе воспитание в страхе Божием» [Там же]. Точнее, в детстве святой знает грамоту, интересуется чтением книг и понимает священное Писание. В детстве «не любил игр и не предавался смеху» [Там же]. Алексий не принимает сытную пищу, соблюдает пост, читает молитвы. Родители святого «опечалены его необычайным воздержанием» [Там же], они используют уговоры, чтобы сын не изнурял себя постом. Но Алексий продолжает вести аскетичный образ жизни. Он становится отшельником уже после смерти родителей. Это традиционный рассказ о детстве святого. Отказ от земных радостей происходит тогда, когда святой живет в семье, способной дать ему благополучие. Можно обратить внимание на то, что открытого конфликта с родителями не происходит и Варлаам посвящает себя религии уже тогда, когда их не стало.

«Житие святого отца нашего Алексия, митрополита Московского и всея России чудотворца» сообщает о рождении святого от бояра Черниговского княжества. Алексий рождается в Москве. Имя Алексия при рождении – Елевферий. Про его обучение сказано так: «его отдали учителям для книжного обучения» [Житие Алексия 1992, с. 250], т.е. родители Елевферия

прилагали усилия для того, чтобы он получил знания. Есть эпизод, где святой в 12 лет расставляет сети для ловли птиц. Скорее всего, он мог быть не чужд активной деятельности. Елевферий засыпает во время своего занятия. Во сне ему слышится голос: «Зачем, Алексий, ты напрасно трудишься? Я сделаю тебя ловцом людей» [Там же]. После этого он задумывается о служении Богу. Имя Алексий становится монашеским именем святого, когда он отказывается от женитьбы и уходит в Богоявленский монастырь. Такой сюжет обращает на себя внимание тем, что Алексий в детстве предается такому развлечению как ловля птиц, понятному его сверстникам. Может быть, это нестандартный сюжет жития, где святой мог выглядеть в детстве, как обычный ребенок, и познакомился с книжными знаниями благодаря указаниям родителей. Голос во сне выражает несогласие с занятием Елевфения и указывает ему другой путь, где святой станет Алексием. Можно ли утверждать, что интерес к религии усиливается в душе Елевфения после этого сна? Будет верным мнение о том, что дальнейшая судьба героя жития стала такой, какой и должна быть судьба святого. Вызывают интерес временные рамки того, что называется словом «детство». Евфросиния в XII в. в 12 лет могла стать замужней. Алексий в нач. XIV в. в 12 лет получает прозрение, руководство к тому, чему предстоит посвятить себя. Похожий эпизод есть в житии Феодосия, после чего он уходит из дома, но с Феодосием это происходит только в 23 года.

Во всех представленных житиях святые происходят из благородных семей. Ни в одном случае главные герои не сталкивались с тяжелым материальным положением. Если они ограничивают себя в еде или не носят дорогую одежду, то делают это по собственному выбору. В «Изборнике» 1076 г. можно прочитать «Слова некоего отца к сыну своему»: «Не говори о владении своим: “То моё”, – но скажи: “Поручено мне на недолгие дни”, и точно ключник доверенное тебе раздавай, как велел то тебе поручивший. Поэтому, что тебе дал Всеянышний, то сделай именем Всеянышнего» [Из Изборника... 2004, с. 413]. Это совет отца, обращенный к сыну. Есть и совет для материально обеспеченных людей в «Поучении богатым»: «Раз уж великим от Бога сподобился ты благам, то и воздавать должен больше» [Там же, с. 417]. «Когда сидишь за обильным столом, вспомни о том, кто есть хлеб сухой и не может воды принести в недуге» [Там же, с. 423]. «Насыщая тело твоё, отдай часть еды твоей ради души своей, ибо честней она тела, чтобы душевную часть сохранили нищие, так что когда потребуется, она в готовности» [Там же, с. 423–425]. Можно сравнить правила «Изборника» с правилами из текста «Домостроя», основанного на текстах периода средневековья и зафиксированного в окончательном варианте в XVI в.: «Возлюбиши Господа от всей души – страх его да будет в сердце твоём. Будь и праведен, и справедлив, и живи в смиренении; очи долу опуская, ум к небесам простирай, в молит-

ве к Богу и в слове к людям приветлив будь; опечаленного утешь, в бедах будь терпелив, со всяким будь обходителен, щедр и милостив, нищелюбив и странноприимен, скорби о грехах и радуйся в Боге, не будь алчен к пьянству и жаден к обжорству, будь кроток, тих, молчалив, друзей возлюби, а не злато» [Домострой 1990, с. 117]. Нормы морали и поведения в Древней Руси X–XIV вв., описанные в книгах, призывают тех, кто обеспечен материально, делиться своими накоплениями. Это может быть и советом отца сыну.

В характере святого в детстве присутствуют почитание религии, интерес к церковной литературе, склонность к уединению. Возникает вопрос о том, были ли родители святого согласны с его убеждениями или противостояли святому? «Слова некоего отца к сыну своему» в «Изборнике» говорят: «Пусть в скорбях твоих будет тебе спасение церковь, но и, кроме печалей, всякий день и час в церковь войдя, к Всеизыншему припади, лицом покрывая землю, и попроси Его поминать тебя – и не уклонится от тебя душелобец человеколюбивый, но примет тебя и утешит» [Из Изборника... 2004, с. 411]. «Если в волнах житейских ты, в буре морской попадёшь в беду, укажу тебе, сын мой, пристанище истинное – монастыри, жилища святых» [Там же]. О почитании церкви написано и в «Домострое»: «Следует знать и то, как почитать детям духовных своих отцов. Приискать отца духовного, доброго, боголюбивого и благоразумного, рассудительного и твёрдого в вере, который подаст пример, а не потаковщика пьяницу, не сребролюбца, не гневливого. (...) Призывать же его к себе в дом часто, да и к нему приходить на исповедь по всей совести, поученьям его с признательностью внимать, и подчиняться ему во всём» [Домострой 1990, с. 118]. «А в церкви божьи всегда приходит с верою, не во гневе и без зависти, без всякой вражды, но всегда со смиренною мудростью, кротко и в чистоте телесной, и с подношением: со свечой и с просвириой, с фимиамом и с ладаном, кануном и с кутьей, и с милостыней, – и за здравие, и за упокой, и к праздникам также по монастырям пойдёшь – также с милостыней и с подношением» [Там же].

Ребенок из знатной семьи в Древней Руси мог получать в детстве знания из книг и оказаться в доме учителя или в доме, где собиралась группа детей для обучения. Это не вызвало бы несогласия у его родителей. Об уважении к чтению книг написано в литературных источниках. «Слова некоего старца о чтении книг» из текста «Изборника»: «Ни корабля без гвоздей не сделать, ни праведника – без чтения книг, и как у пленников на уме родители их, так у праведника – чтение книг. Воину красота – оружие, а кораблю – паруса, так и праведнику – чтение книг» [Из Изборника... 2004, с. 407]. «Поучение Исаия, пресвитера Иерусалимского» в тексте «Изборника» также говорит о пользе чтения: «Обычным делом почитай чтение книг: ибо когда захочет кто ум с языком испелить, пусть всегда обращается к книгам» [Там же, с. 437]. «Домострой» содержит советы родителям о том, что дети должны получать

знания, но, кроме духовных знаний, упомянуты ремесло и рукоделие. «Если же у богообязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе божьем и в добром наставлении, и научены всякому знанию и порядку, и ремеслу, и рукоделию, – такие дети вместе с родителями своими Богом будут помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми похвалены, а вырастут – добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их дочерях или, по божьей милости и подбирая по возрасту, своих дочерей за сыновей их выдадут замуж» [Домострой 1990, с. 134].

Книги Древней Руси содержат упоминание и о том, насколько уместно проявление веселости. Можно вспомнить, что святой в детстве выглядит отстраненным и не участвует в развлечениях, понятных большинству детей. «Слова некоего отца к сыну своему» в «Изборнике» 1076 г. говорят об этом так: «Голову пониже держи, ум же – высоко, очи потупя к земле, духовное зрение – к небу; сокнуты уста, уста же сердца вопиют к Богу» [Из Изборника... 2004, с. 409]. «Тихо ногами ступая, мысленными стопами стремись к небесным вратам; уши закрывай для дурных речей, мысленным слухом звуки лови святых слов, что записаны в книгах святых» [Там же]. «Поучение Исихия, пресвитера Иерусалимского»: «Уклоняйся от частого смеха, ибо он расслабляет душу, ослабивший же узду закона становится необузданым» [Там же, с. 437]. О том же написано в «Домострое»: «Будь и праведен, и справедлив, и живи в смирении; очи долу опуская, ум к небесам простирай, в молитве к Богу и в слове к людям приветлив будь» [Домострой 1990, с. 117]. Советы, обращенные к читателям древнерусских книг, в том числе к детям, предлагают скромное и тихое поведение как образец и изображают смех и откровенное веселье как нечто неправильное. Но это похоже на идеальное описание правил хорошего тона. Возможно, не всегда дети в Древней Руси вели себя именно так. Можно заметить, что в нескольких текстах житий задумчивый святой в детстве противопоставлен шумной группе детей, и его манера поведения обращает на себя внимание. Склонность к религии в детстве влечет за собой нежелание святого участвовать в играх с детьми. Не всегда в тексте жития есть упоминание о том, что святой в детстве никогда не принимал участие в играх. Возможно, это должно быть ясно уже потому, что в детстве святой занят чтением Писания. В житии Алексия упоминается ловля птиц. О недоброжелательном отношении сверстников подробно написано в житии Феодосия.

Правила отношения к церкви, социальной жизни и получению знаний во многом совпадают в «Изборнике» 1076 г. и «Домострое». «Изборник» 1076 г. написан как текст об очищении души, о морально-нравственных нормах, и указания в «Изборнике» больше связаны с духовностью и с тем, какими чувствами должен руководствоваться истинный христианин. «Домострой» обращает больше внимания на бытовую сторону жизни, на прави-

ла, действующие внутри одного жилища и одной семьи (возможно, состоящей из многих членов). Истины, записанные в «Домострое», затрагивают не только духовную сторону существования, но и практическую. В обоих случаях такие книги написаны как идеальное представление о том, какие принципы должен иметь человек, с какими чувствами нужно согласовывать свои действия. Современный читатель может не назвать такие тексты идеальными с романтической точки зрения. Будет правильнее сказать о том, что в них описаны нормы, правильные для представителей времени Древней Руси. Но все советы в этих книгах обращены к светскому читателю, а не к тому, кто посвятил себя церковному служению. Почтание Бога описывается таким, каким оно может быть приемлемо для светского человека. И в текстах книг не содержится предложений для светских людей отказаться от светской жизни и уйти в монастырь. Скорее всего, светские люди были бы не согласны с тем, что их сын или дочь не пользуются материальными благами и не хотят вступать в брак, как об этом написано в житиях святых. Все же почти во всех представленных житиях родители не оспаривают решение детей уйти в монастырь, в случае Варлаама он оказывается в монастыре после смерти родителей. Исключение представляет житие Феодосия, которого мать насилино удерживает возле себя. Создается мнение о матери Феодосия как о решительной женщине, наделенной властью в своей семье. С точки зрения современного читателя это выглядит как художественный образ сильной женщины, перед которой святым должен отстоять право на собственный выбор. В продолжении истории матери присутствует драматизм, она принимает монашество, чтобы оставаться там же, где и Феодосий. В остальных житиях линия родителей святых более нейтральная. Родители не принимают постриг вслед за сыном или дочерью.

Детство святого в житии выглядит как подготовительный этап к его предназначению служить Богу. Во время детства святой проживает отказ от земных благ и обращение к мудрости священных книг. Это нравственная идея текста жития. Также существуют каноны, по которым житие создается как литературное произведение. Существует набор событий, о которых можно прочитать во всем житии и в частности в его начале, в рассказе о детстве. Традиционное описание событий в детстве святого: рождение у благочестивых родителей, знакомство с грамотой, влечение к религии, отказ от детских занятий, отказ от излишества в еде и в одежде. Но в каждом житии может опускаться упоминание о чем-либо перечисленном, или на этом не всегда ставится акцент. Какая-либо деталь из детства святого может особенно ярко выделяться в тексте одного жития, тогда как в другом тексте жития о том же самом не написано подробно.

Также можно задуматься о том, какой период времени можно считать детством. Точнее, в каком возрасте святой мог почувствовать, что он узнал

все, что можно узнать в детстве, и готов перейти на следующий этап – служение Богу, и связано ли это с уходом в монастырь. Перед Евфросинией вопрос о будущем встает в 12 лет. Она может выйти замуж в этом возрасте, или уйти в монастырь. Ее юный возраст вызывает сомнение у игумении, но не вызывает сомнения у родителей, выбирающих ей жениха. В житиях о мужском служении Богу этот же возраст может стать временем поисков предназначения, но юноши уходят в монастырь позже. Феодосий принимает постриг в 23 года. Возможно, он сделал бы это раньше, но его останавливает мать. Из представленных житий в «Житии преподобного отца нашего Варлаама Хутынского» часть, связанная с детством, больше остальных соответствует каноническому описанию. Некоторые детали в текстах житий, связанные с детством, могут отличаться, потому что нормы, связанные с детством в XI–XIV вв., могли трансформироваться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Домострой / под ред. В.В. Колесова. М., 1990.

Житие преподобного отца нашего Варлаама Хутынского // Избранные жития русских святых (Х–XV вв.) / предисл. А. Карпова. М., 1992. С. 154–164.

Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского // Избранные жития русских святых (Х–XV вв.) / предисл. А. Карпова. М., 1992. С. 69–97.

Житие преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой // Избранные жития русских святых (Х–XV вв.) / предисл. А. Карпова. М., 1992. С. 133–141.

Житие святого отца нашего Алексия, митрополита Московского и всея России чудотворца // Избранные жития русских святых (Х–XV вв.) / предисл. А. Карпова. М., 1992. С. 250–254

Из Изборника 1076 года // Библиотека литературы Древней Руси XI–XII / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 2. XI–XII века. СПб., 2004. С. 406–480.

L.V. Bogomolova
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

CHILDHOOD OF A SAINT IN ANCIENT RUSSIAN HAGIOGRAPHIC LITERATURE: LITERARY TROPE OR SOCIAL TRAJECTORY

This article is devoted to reflections on the childhood of the saint described in the hagiographic literature. In many of the lives that tell about the life of the saints, the

description of the childhood of different saints looks very similar. Judging by the hagiographic literature, every saint became God's chosen one due to the ability to renounce worldly joys and turn to praising God. It seems that such an ascetic path is suitable for few people. The saint, the main character of the life, already in childhood aspired to gain book knowledge and refused childhood joys. He also refused material benefits. In the youth of the saint, there is no choice of marital relations, because by this time a desire to enter a monastery and serve the church is forming in him. The saint often finds himself alone, without the support of parents or friends. He has many lofty ideas that can be realized in solitude, in an appeal to book knowledge or in a monastery. But there are secular people who are more numerous and who are not faced with such a choice. They have a normal stay in social life, they do not need to look for another use for their desires. The saint's achievements are possible only in his biography, because he has a special purpose. Reading the lives, one can think about the question of whether stories about the childhood of saints can be beautiful in an artistic way or they reflect events taking place in reality of the X–XV centuries.

Keywords: childhood, saint, hagiography, life, Ancient Russia, Theodosius of Pechersk, Euphrosyne of Polotsk, Varlaam Khutynsky, Alexy of Moscow.

С.М. Пушкиов

г. Москва (Россия)

Российская академия народного
хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗЕМНОМ И ДУХОВНОМ ВОИНЕ В «КНИГЕ УВЕЩЕВАНИЯ» ПАВЛИНА АКВИЛЕЙСКОГО

Статья посвящена исследованию понятий «земного» и «духовного» воина в произведении под названием «Книга увещевания» авторства Павлина Аквилейского. Работа включает в себя анализ текста на предмет изучения терминов *«miles Christi»* и *«miles saeculi»*, а также описание общего исторического контекста создания трактата *«Liber Exhortationis»* 790–800 гг. Была показана эволюция отношения христианства к войне и к службе в армии, а также роль франкской элиты в ведении войн при Каролингах. К IX в. христианство охватывало все политические и социальные институты во Франкском королевстве, это отразилось на законодательных актах, поведении аристократии и способствовало созданию особых моральных наставлений, вроде «Книги увещевания». Это произведение отражает главную идеологему королевского двора Каролингов в отношении образа жизни светской знати и клира.

Ключевые слова: Франкское королевство, Каролинги, Павлин Аквилейский, Франкская церковь, Франки, Мирские зерцала, Зерцала.

В период правления Карла Великого, Франкское королевство вело огромное количество войн с соседними государствами и народами: с саками, лангобардами, аварами, славянами и баварцами. В отличие от Меровингов, которые для ведения войн использовали только свою дружину, Каролингская династия создала повинность для своих крупных и мелких землевладельцев. Графы обязывались в определенном порядке проходить военную службу, а некоторые монастыри и аббатства обязывались снабжать войско [Лависс 2018, с. 477]. Для военной подготовки некоторых людей специально отдавали в знатные дома, чтобы юноши могли овладеть верховой ездой и умениями всадника, о чем пишет франкский ученый Рабан Мавр [Кин 2000, с. 51]. Можно сказать, что к концу VIII в. франкская аристократия почти полностью военизовалась, в капитуляриях IX в. ее отмечают

как особую элиту, делая акцент на военном призвании и на благородство ее представителей [Duggan 2000, р. 47]. Франкский нобилитет был из одной среды, что и духовенство, для последнего требовалось постоянное духовное наставление в совершенном образе жизни, воспитание знати согласно христианским нормам морали [McKitterick 2008, р. 309]. Между тем, возникает вопрос: как христианская идеология относилась к войне, допускала ли она кровопролитие, и почему распространение христианской религии поддерживалось королевской властью даже в вопросах поведения представителей двора? Труды каролингских моралистов свидетельствуют, что в основе христианского мировоззрения лежали новозаветные принципы милосердия, любви и святости. В то же время, писатели неоднократно писали о военной службе, давая советы касаемо мирского служения [Ibid, р. 304].

В раннем христианстве было негативное отношение к военной службе, как и к любому насилию. Христианин должен был отвечать добром на зло, главным образом, такое постановление основывалось на Нагорной проповеди Иисуса Христа. Ранние церковные авторы как Ориген, Тертуллиан и Киприан осуждали службу в армии, говоря о том, что верующий христианин может иначе послужить империи [Флори 1999, с. 38]. Но отношение к войне в богословии начинает кардинально меняться в V в. с блаженным Августином и его произведением «О граде Божьем», где Августин говорит о допущении мирской службы и введении войн ради христианской *civitas*, а принцип «не противься злому» в теории остается идеалом, к которому все равно нужно стремиться [Romig 2017, р. 38]. Концепцию справедливой войны выражали позднеантичные и меровингские авторы, вести войну разрешалось только светским лицам, но никак не клиру. В текстах военную знать указывали как *milites saeculi* (воины мира), а для священнослужителей был особый статус: *milites Christi* (т.е. воины Христа), последний означал принадлежность к христианской вере и служение Иисусу Христу. Уже в эпоху Каролингов миряне обязывались не только служить земным правителям, но и исполнять Божьи заповеди и вести благочестивую жизнь наравне с духовенством.

Среди писателей королевского двора в период Каролингского возрождения пользовались популярностью позднеантичные христианские идеи о создании совершенной христианской политии и, главным образом, реализация ранее упомянутого «града Божьего» блаженного Августина. К концу VIII в. возникла потребность интегрировать мирскую знать в конструируемый идеал совершенного христианского общества, во главе которого стоит король (новый Давид), церковники и сеньоры. В своих произведениях франкские писатели стремились сформировать образ идеального правителя, воина или христианина, и если в начале средневековья христианские тексты были направлены преимущественно к духовенству, то, начиная с Карла Великого,

особые этические наставления стали посыпаться представителям светской аристократии [Stone 2007, р. 69–70].

Одним из таких текстов является трактат Павлина, патриарха Аквилеи, под названием «Книга увещевания» (лат. *Liber Exhortationis*), который был написан в 795–796 гг. и был адресован герцогу Фриули Эриху, который был высокопоставленным военным на службе у Карла Великого [Ненарокова 2015, с. 176]. По своему жанру данный текст является мирским зерцалом, это книга дидактического содержания, направленная для наставления и получения в этике простого мирянина. Примерно в это же время – 799–800 гг., другой автор – Алкуин Йоркский – пишет свой труд под названием «О добродетелях и пороках» (*De virtutibus et vitiis*) для Вида Бретонского. Эти каролингские манифесты являются яркими представителями жанра мирских зерцал, их сюжеты включали в себя позднеантичные христианские взгляды касающиеся религиозной нравственности. В то время, помимо Алкуина и Павлина, мирские зерцала писались и другими авторами: Иона Орлеанский (*De institutione laicali*), Дуода из Септимании (*Liber manualis*), Хинкмар (*De cavendis vitiis*) [Stone 2005, р. 31]. Вопрос данного исторического исследования мирских зерцал состоит в том, чтобы не только реконструировать образ христианина, но и обратить внимание на то, как в своей книге Павлин Аквилейский освящает воина Христа (*miles Christi*) и обычного воина, который подчиняется светскому господарю. Иными словами, необходимо понять, как Павлин представляет христианскую этику вместе с военными обязанностями представителя франкской элиты, на какие источники он опирается в своих рассуждениях, связана ли его концепция с античным и раннесредневековым мировоззрением Отцов Церкви, и, самое главное – свойственны ли были представления Павлина о мирском и Христовом воине его эпохи, или же он дает свою собственную интерпретацию. Содержание *Liber exhortationis* Павлина Аквилейского может дать ответ на вопрос: в каких границах определялись понятия *miles saeculi* и *miles Christi* на рубеже VIII–IX вв.?

«Книга увещевания» Павлина Аквилейского

В «Книге увещевания» автор неоднократно обращается к адресату как к воину, который находится на службе у повелителя, т.е. земного короля. В XX главе идет противопоставление земного воина (*miles terrenus*) и духовного (*miles spiritalis*). Первый выполняет указания земного правителя и следует тому, что свойственно обычным военным, а второй – духовный воин, следует за Христом, который искупил его Своей кровью и спас от стрел дьявола. Такое сравнение встречалось ранее в одном произведении VI в. под названием: «Наставление духовному сыну» (*Admonitio ad filium spiritualem*) Псевдо-Василия [Duval 1988, р. 129–130]. Духовный воин исполняет все Божьи заповеди и предписания: «Земной воин, готов отправится туда, куда

*его пошлют, и он не может оправдаться ради жены или детей. Тем более воин Христа должен беспрекословно подчиняться своему Господу Иисусу Христу, Который Сам искупил его Своей драгоценной кровью, по сравнению с земным повелителем» [Exhortatio sive..., p. 214]. Духовный воин борется не с обычными людьми, а, в первую очередь, с дьяволом, который гораздо опасней, чем любой другой противник. С ним духовный воин борется каждый день, но вместо реальных доспехов у него защита в виде любви Христа, а оружие – смиление и молитва. У него враг – дьявол – находится в плоти, с которой необходимо бороться день ото дня. Павлин задает риторический вопрос, насколько сильнее воин должен повиноваться Своему Небесному Повелителю, который спас его от ада и смерти, чем обычному королю: «*И если какой-либо воин старается подчиняться земному повелителю во всех его приказах, то насколько сильнее воину Повелителя надлежит охранять небесные предписания?*» [Ibid, p. 212]. Так, несмотря на военную службу правителю, христианский воин в представлении писателя, обязан в первую очередь следовать за Христом и исполнять Его волю. В IX главе Павлин говорит про обязанность чтения Священного Писания, поскольку в нем содержиться божественное послание лично Эриху, переданное от Господа, Его святых и апостолов, где сказано следовать всем Божиим повелениям [Ibid, p. 205]. Он проводит сравнение с гонцами от обычного короля, которые посылают обычные письма и с божественной вестью, изложенной в библейских текстах, а также указывает Эриху повиноваться Богу как императору [Ibid, p. 205–206].*

Есть еще одна антитеза, связанная с двумя воинами, где земной воин отягощен земными наслаждениями, которые по своей сути временны и не доставляют пользы, в то время как духовный воин следует за Господом, несет Его иго и в последствие получает награду на Небесах. В XI главе Павлин сравнивает радость *miles terrenus* при получении грабежа с радостью воров и прелюбодеев: «*Земной воин радуется, приобретя пустые почести сего века, красивым одеждам и миловидным браслетам, опоясывающим предплечье, возложенному на голову венцу, но эта радость не вечная, но преходящая*» [Ibid, p. 206]. Этот комментарий, посвященный мирским богатствам, может отражать обстоятельства написания. Текст, предположительно, был написан уже после грабежа аварского ринга, в ходе которого Эрих и приобрел многочисленные сокровища, часть из них также могли отойти Павлину. По мнению Рейчел Стоун, Павлин поэтому и делает акцент на материальных богатствах, говоря о том, что воину Христа не нужны драгоценности [Stone 2005, p. 79–80].

Особенностью повествования всего произведения служит то, что автор уделяет огромное внимание драгоценностям и тому, как к ним подобает относиться. Другие моралисты того времени больше делают акцент на защите Церкви и Божьего народа, у них не указано предостережение хищения и грабежа. Автором, кто стал также осуждать грабеж со стороны собствен-

ногого войска, был Одон Клюнийский, в *Vita Geraldi* (Житие Геральда) он показывает грабеж своими людьми как главную проблему, хотя его текст был написан спустя век после «Книги увещевания» [Ibid, p. 79–80]. Поэтому идеологема с осуждением грабежа, представленная у Павлина, должна рассматриваться только в контексте времени (а именно 795–796 гг.) и личности самого Эриха Фриульского.

К моменту написания «Увещевания», Церковь поддерживала военное призвание франкской элиты и старалась отождествить христианскую идеологию с новой ролью знати [Duggan 2000, p. 64]. Можно сделать вывод, что военная аристократия Каролингов была хорошо знакома с библейскими сюжетами и образами. В своих книгах моралисты обращали внимание не только на ветхозаветные сюжеты из книг Царств, книги Навина или Псалтыря, но и на некоторые новозаветные тексты, в частности, послания Апостола Павла, где говорится о духовных оружиях и сражениях (*«Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровержаем замыслы»* [2 Кор 10:4]). «Увещевание» и другие зерцала, адресованные светской аристократии, свидетельствуют об общем характере милитаризации франкского двора, что впоследствии станет причиной появления рыцарства. Тем не менее, нельзя сказать, что понятия «духовного воина», т.е. воина Христа и «мирского воина» тождественны. Во всяком случае, в «Книге увещевания» это не так. Павлин Аквилейский просто берет монашескую этику и пытается ее изъяснить своему адресату, чтобы он ближе познакомился с представлениями о благочестивом образе жизни. Однако это не значит, что в его трактате обычный воин приравнивается к «воину Христа» (т.е. к монаху), поскольку было упомянуто о разграничении терминов «земного» и «духовного» воинов. Стоит также отметить, что Павлин дает ряд христианских предписаний, касающихся только *milites Christi* для своего светского читателя, дабы он, будучи воином, все равно им следовал. «Книга увещевания» также свидетельствует о существовавшем социальном и идеологическом разделении королевской элиты и клира, но, в то же время, показывает общую христианскую идентичность для всех привилегированных сословий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Exhortatio sive De salutaribus documentis (Paulinus Aquileiensis), J.P. Migne.

URL: <https://mlat.uzh.ch/browser?path=/1458/3642/8665>

Кин М. Рыцарство. М., 2000.

Лависс Э. История Франции в раннее Средневековье. Блок Г. Начала. Галлия независимая и римская Галлия; Шарль Байе, Кретьен Пфистер, Артур Клен-клиз. Христианство, Варвары Меровинги и Каролинги / пер. с франц. О.А. Добиаш-Рождественской под ред. И.М. Грэвса. СПб., 2018.

Ненарокова М.Р. Средневековый путь к идеальному милюустройству (писатели эпохи Каролингов о государстве и власти) // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 3(47). С.170–186.

Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999.

Duggan A.J. Nobles and Nobility in Medieval Europe: Concepts, Origins, Transformations. Woodbridge; Rochester, 2000.

Duval Y. Paulin d'Aquilea et le duc Éric. Des clercs et moines aux laïcs et des laïcs aux clercs et moines // Antichità Altopadriatiche XXXII (1988), Aquileia e le Venetie nell'Alto Medioevo – XVIII settimana di Studi Aquileiesi 1987. Trieste, 1988. P. 115–147.

McKitterick R. Charlemagne: The Formation of a European Identity. Cambridge, 2008.

Romig A.J. Be a Perfect Man: Christian Masculinity and the Carolingian Aristocracy. Philadelphia, 2017.

Stone R. Kings are Different: Carolingian Mirrors for Princes and Lay Morality // Le Prince au miroir de la littérature politique de l'Antiquité aux Lumières / dir. F. Lachaud et L. Scordia. Rouen, 2007.

Stone R.S. Masculinity, Nobility and the Moral Instruction of the Carolingian Lay Elite: Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. L., 2005.

S.M. Pushkov

Moscow (Russia)

RANEPA

IDEAS ABOUT THE EARTHLY AND SPIRITUAL WARRIOR IN “THE BOOK OF EXHORTATION” BY PAULINUS OF AQUILEA

The article is devoted to the study of concepts “earthly” and “spiritual” warrior in a work entitled “The Book of Exhortation” by Paulinus of Aquilea. The work includes an analysis of the text for the purpose of studying the terms “*miles Christi*” and “*miles saeculi*”, as well as a description of the general historical context of the creation of the treatise “*Liber Exhortationis*” 790–800. The evolution of Christianity’s attitude to war and service in the army, as well as the role of the Frankish elite in the conduct of wars under the Carolingians was shown. In IX century Christianity encompassed all political and social institutions in the Frankish kingdom, this affected legislative acts, the behavior of the aristocracy and contributed to the creation of special moral instructions, which is “The Book of Exhortation”. This work reflects the main ideology of the Carolingian royal court in relation to the way of secular nobles and clergy’s life.

Keywords: Frankish kingdom, Carolingians, Paulinus of Aquilea, Frankish church, Franks, Lay mirrors, Mirrors.

М.И. Калинкина

г. Москва (Россия)

Российский ун-т дружбы народов

им. Патрика Лумумбы

**ЭВОЛЮЦИЯ «ОБРАЗА ДРУГА» И «ОБРАЗА ВРАГА»
В ОКСИТАНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА
ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТРУБАДУРОВ XI–XIII вв.)**

Статья посвящена исследованию отображения в окситанской лирике XI–XIII вв. таких категорий картины мира средневекового человека как «образ друга» и «образ врага». Данные образы не сразу стали едиными для всех жителей Юга Франции: сначала в творчестве трубадуров отражались только представления феодальной верхушки. В процессе расширения социальной базы трубадурской лирики и распространения идеалов куртуазной культуры формируется ряд представлений, общих для большей части населения Окситании, что способствует появлению национального самосознания. В статье будет рассмотрена эволюция двух ключевых категорий для этого процесса: «образа друга» и «образа врага».

Ключевые слова: картина мира, трубадуры, «образ друга», «образ врага», окситанцы, крестоносцы, Педро Арагонский, Гильем Тудельский, Аноним.

Одной из важнейших составляющих менталитета любого народа является картина мира. Картина мира – это своеобразная «координатная система», которая является продуктом общественного сознания и в большей или меньшей мере разделяется всеми членами определенного сообщества. Координатами в данном случае считаются коренные категории сознания такие как: восприятие времени-пространства, личности, социума, оценки права и обычая, осознания и отношения к труду, богатства, бедности, отношения к смерти и представления о потустороннем мире, соотношение земного и божественного, восприятие истории, источники страхов, «образ друга» и «образ врага», «культура стыда» и «культура вины» и т.д. А.Я. Гуревич видит главную задачу истории ментальностей в изучении и реконструкции картины мира людей прошлого [Гуревич 1989, с. 78]. Картина мира ретранслируется через язык, религию, общение в конкретном социуме и воспитание, она охватывает внеличностные механизмы сознания – т.е. те его стороны, которые

индивиду разделяет с другими членами своего сообщества. Этот аспект менталитета находит отражение в литературных произведениях. В поэтическом наследии трубадуров можно проследить развитие и изменения ряда категорий картины мира окситанцев.

Условно трубадурское творчество можно поделить на несколько периодов: 1) ранний (со 2-й пол. XI по XII в.) – ранняя трубадурская лирика; 2) классический (с XII до 1-й трети XIII в.) – наиболее зрелые образцы трубадурской лирики, оформление куртуазной культуры; 3) поздний (со 2-й пол. XIII по нач. XIV в.) – упадок трубадурской лирики, ее политизация и «обратная христианизация». Трубадуры были крайне неоднородной социальной группой: кто-то принадлежал к феодальной знати (например, Гильем Аквитанский, Берtran de Born), другие были клириками в прошлом (монах из Монтаудона) или выходцами из семейств зажиточных горожан или селян (Маркабрюн или Гирнаут де Борнель) [Алисова, Плужникова 2011, с. 32]. Это, а также связи трубадуров с жонглерами и их постоянные странствия способствовали проникновению в куртуазную культуру ряда народных элементов. Следствием данного процесса стало сближение менталитетов массы и правящей элиты и формирование общенародных представлений. Одними из них являются «образ друга» и «образ врага».

«Образ друга» в ранний период складывается из представления друга как союзника. Данный образ чаще проявляется в произведениях трубадуров-выходцев из феодальной среды. Гильом Аквитанский в «*Pos de chantar m'es pres talenz*», полагает таковым Фолька Анжуйского – своего вассала, которому вверяет защиту земель своего рода и короля, который эти земли ему предоставил. Однако уже в следующей кобле он выражает сомнения насчет их помощи: «Если Фольк Анжуйский не придет ему на помощь, / И [не придет на помощь] король, от которого я получил свои земли, / Будут [моему сыну] причинять зло все остальные» [Гильом Аквитанский 2011, с. 93]. Здесь воспроизводится «образ друга» картины мира типичного представителя высшей феодальной аристократии – это сюзерен и вассалы, которые могут как выступить в поддержку, так и на стороне врагов.

В классический период в поэзии трубадуров наряду с вышеупомянутым образом появляется «образ друга» как близкого по духу человека в двух его ипостасях – как Дамы и как друга, посвященного в тайну отношений влюбленных. В первом случае дружба – это часть любовного чувства (*Fin Amor*), а во втором имеется в виду дружба между двумя мужчинами. Последний можно увидеть в альбе Гираута де Борнеля, где другостоял всю ночь без сна и в молитве Богу, охраняя свидание своего приятеля с возлюбленной [Гираут де Борнель 2011, с. 131]. Так же в классический период под «образ друга» подходили сеньоры-меценаты, которые финансировали трубадуров и придерживались идеалов куртуазной культуры. Данные вари-

анты «образа друга» уже можно отнести не только к картине мира крупной аристократии, но и к картине мира мелких дворян и горожан.

«Образ врага» можно разделить на «зло повседневное», «зло эсхатологическое» и «зло извне». Первое и второе «зло» в трубадурской лирике были относительно стабильны – это ревнивицы, клеветники [Арнаут Даниэль 2011, с. 135] и равнодушные Дамы [Бернард де Вентадорн, строки 8–11] в первом случае и Смерть [Бертран де Борн 2011, с. 127] и Дьявол во втором. «Зло повседневное» сформировалось из-за специфики куртуазной любви, а «зло эсхатологическое» – из-за влияния христианства. Третье же «зло» варьировалось от периода к периоду. В раннем периоде «врагами извне» выступали соседи-феодалы, как это было в уже упомянутой каносне Гильома Аквитанского. Подобное понимание врага свидетельствует о чисто феодальном восприятии и ее автора, и его среды, а также – о разобщенности окситанской элиты. В одной из кансон Маркабрюна главным «злом» уже выступает французский король, который отправил возлюбленного девушки в Крестовый поход [Маркабрюн 2011, с. 99]. Поскольку и автор кансоны, и ее героиня не являются представителями высшей феодальной знати, можно предположить, что образ короля Франции для основной массы населения не является образом положительным или хотя бы близким. У того же трубадура в морализаторской сирвенте о причинах неудачи Крестового похода мы впервые встречаем французов в качестве враждебной силы, из-за которой поход потерпел неудачу [Marcabru, lines 64–67].

В классический период, на который пришелся пик Крестовых походов, образ «врага извне» надолго занимают мусульмане, у которых надо отвоевывать Святую землю [Raimbaut de Vaqueiras, lines 60–64]. Соседи-феодалы остаются «врагами извне» в сирвентах знатных трубадуров. В первом случае «враг извне» был общим для большей части населения, а во втором – характерен только для дворянской среды.

Ситуация кардинальным образом меняется в поздний период трубадурского творчества. Причиной для этого служит начало Альбигойских войн.

«Песнь о крестовом походе против альбигойцев», была написана в 1-й пол. XIII в. клириком Гильемом из Тудельи и безымянным поэтом, «Анонимом». Она в некотором роде является произведением смешанного жанра: по формальным признакам ее можно «отнести одновременно к жанру стихотворной исторической хроники и к жанру эпической песни, и при этом в нем отчетливо ощущается влияние окситанской лирической поэзии – так называемых *coblas capcaudadas* (курсив Лихачевой С.Б. – М.К.)» [Лихачева 2018, с. 160] в первой части и в наличие ряда трубадурских приемов во второй («весенний зачин», метрическая форма стиха и т.д.). Поэтому мы и взяли данное произведение для анализа – по причине некоторой схожести с трубадурской лирикой, мы можем считать «Песнь» частью поэтической традиции трубадуров позднего периода.

Прежде чем перейти к анализу самой «Песни», необходимо рассмотреть личности ее авторов, поскольку две ее части имеют некоторые различия, связанные с их позицией и ментальностью. Дело в том, что в рассматриваемый нами период, окситанское общество находилось в крайне тяжелом положении – в стране сосуществовали сразу две противоборствующие религиозные доктрины: катаризм и католичество, и вдобавок шла война с французами-крестоносцами. Окситанское общество, и до этого не отличавшееся единством, разделилось на три группы: 1) еретики-катары – «совершенные» и «верующие»; 2) окситанцы, которые выступали против крестоносцев-французов, но не отрекались от католичества; 3) католики-окситанцы, которые активно сотрудничали с крестоносцами. Данное деление не было сословным: в каждой из 3 групп встречались как аристократы, так и клирики с крестьянами. Если говорить об авторах «Песни», то автор первой части – Гильем из Туделы – относится к третьей группе, а анонимный создатель второй части – ко второй, что обуславливает разницу их восприятия событий Альбицкого крестового похода. Отсюда – разница в их отражении в произведении.

Отношение к происходящему у Гильяма Тудельского складывается, исходя из его социального положения и окружения: «как представитель католической церкви и поэт, состоящий на службе у графа Бодуэна, перешедшего на сторону Монфорта, Гильем положительно настроен по отношению к борьбе крестоносцев против альбицкой ереси» [Лихачева 2018, с. 151]. Поэтому в первой части можно встретить множественные похвалы графу Бодуэну, Симону де Монфору, аббату Сито Арно Амори и епископу Тулусы Фолькету [Лихачева 2018, с. 155–156]. Вместе с этим, будучи уроженцем близкой к югу зоны, он не может не проявлять некоторого сочувствия к окситанцам. Так, он «отстаивает благонадежность виконта Безьецкого... возмущается жестокостью рутьеров крестоносной армии; хвалебный эпитет *pros – доблестный* (курсив Лихачевой С.Б. – М.К.)... употребляется им и по отношению к Монфору, и по отношению к Раймону VI... и к графу де Фуа» [Лихачева 2018, с. 155]. Но вместе с этим, он активно порицает южан, которые препятствуют борьбе с ересью: «Глупцы, прелата дураком считая, говорят. /Над паstryрем глумился люд... а он теперь легат! / И столько власти получил, что вскоре всех подряд / Неверных истребил» [Песнь... 2011, с. 11]. В итоге, при анализе первой части «Песни» следует иметь в виду, что ряд положений картины мира автора будет не совсем совпадать с картиной мира большей части окситанского общества.

Вокруг личности второго автора в научной среде до сих пор ведутся споры. «В 1907 году С. Фабр предположил, что продолжателем Гильяма стал знаменитый трубадур Пейре Карденаль» [Морозова 2011, с. 297], а Ш. Ростен выдвигал гипотезу, что им являлся трубадур Ги де Кавальон

[Там же]. Так же есть основания предполагать, что Аноним входил в состав свиты сына графа де Фуа – Роже Бернара или самого Раймона VII, поскольку эти две фигуры он особенно выделяет в своей части. Вероятно, Аноним был уроженцем Тулузы – об этом можно судить по количеству восхвалений этого города и симпатиям к династии местных графов [Там же]. Аноним выступает ярым противником крестоносцев и Монфора и его симпатии находятся полностью на стороне южан, но еретиком его назвать нельзя. По его свидетельствам можно более полно выделить ментальные особенности окситанцев. Однако следует учитывать, что в ряде случаев, он может излишне идеализировать действия соотечественников.

В «образе друга» у обоих авторов представлен папа римский и король Арагона, Педро II. Первое выглядит парадоксально, поскольку именно с инициативы Иннокентия III начался крестовый поход на земли Окситании. Но, так как оба автора являются убежденными католиками, подобное отношение к верховному понтифику естественно, однако мы не можем утверждать, что его разделяло все окситанское общество.

Фигура же Педро Арагонского и Арагона в целом может объективно считаться «образом друга» для всей Окситании. Во-первых, Педро II и в «Песне», и в свидетельствах современников описан почти как идеал куртуазного сеньора: он щедр, добр, весел, храбр и бесстрашен, владеет изысканной речью, любитель трубадурского искусства и умеет ухаживать за женщинами. Педро Арагонский прославился своими боевыми качествами, имел репутацию победителя мавров и одного из «христианнейших» государей Европы. Ко всему прочему, он хороший сюзерен, который пытается до последнего защищать своих вассалов [Ольденбург 2001, с. 60], даже если это противоречит его собственной вассальной присяге папе римскому [Там же, с. 43]. В первой и в начале второй части «Песни», король Арагона и его рати видятся авторами как единственная надежда на победу. Гильям Тудельский даже утверждает, что тулусцы могли спокойно сдать свой город Монфору, ведь: «И сам отважный Арагон, сверкая сталью лат, / Сумел Монфора б победить, пред коим нет преград» [Песнь... 2011, с. 78]. Поэтому неудивительно, что с его смертью в битве при Миоре окситансское сопротивление на время затихло. Надо отметить, что после того, как французы окончательно подчинили Юг, в сознании окситанцев еще сохранялся образ Арагона как источника помощи, что отразилось в сирвентах поздних трубадуров: «Но что же думает славный юноша арагонский (Иаков); что он не возвращает себе того, что принадлежало его отцам? Он храбр и любезен; о, как бы я хотела, чтобы он пришел к нам и прогнал этих французов с нашей земли» [Цит. по: Осокин 2003, с. 271].

Что же касается «образа врага», то у авторов первой и второй части они отличаются. Гильям Тудельский видит корень всех бед Окситании в ере-

тиках-катарах [Песнь... 2011, с. 10]. Это из-за них начался крестовый поход, а кроме того, в понимании Гильема, они являются не только врагами Окситании, но и врагами религии, что во много раз хуже для верующего из средневековья.

Во второй же части «образу врага» соответствуют французы (в особенности их лидер, Симон де Монфор) и часть клира, их поддерживающая. В трубадурском творчестве ранее французы и Капетинги не воспринимались положительными. А в части Анонима французские крестоносцы-завоеватели приобрели образ почти эсхатологического Зла, которому противостоит Добро в лице защитников независимости Окситании: «О граф, служить Добру – вот Рыцарства закон, / Но сей незыблемый завет Монфором посрамлен, / Ведь Зло возводит в ранг Добра коварный граф Симон, / Он губит именем Христа отнюдь не басурман! / Клянусь, он Церковь заманил в ловушку и капкан. / Отныне в мире все вверх дном, везде царит обман» [Там же, с. 113]. Французы в повествовании Анонима выступают носителями таких качеств как: жестокость, жадность, лживость, беззаконие и т.д. Так же им вменяется в вину то, что свои действия они оправдывают Волей Бога, что очерняет саму суть христианства, по мнению автора. О священнослужителях, которые выступают на стороне Монфора (особенно о епископе Фолькете, которого Аноним называет «мерзким лжецом» [Там же, с. 101]), высказывания во второй части «Песни» не менее резкие: «А клир тулузцев обманул, им дав дурной совет, / И ныне рыцарей Креста, чей путь от века свят, / Повсюду держат за лжецов, во всех грехах винят. / Пусть Церковь оправдала грех, но грешник канет в ад, / Ведь Бог сумеет разобрать, кто прав, кто виноват» [Там же, с. 172]. Похожий взгляд выражает в своих сирвентах и Пейре Карденаль – трубадур-современник Альбигойских войн: «Священнослужители притворяются пастухами, / но на самом деле они убийцы» [Peire Cardenal, lines 1–2].

Таким образом, мы можем видеть, что в окситанском «образе друга» раннего и позднего периода трубадурской лирики наблюдается некоторая преемственность. Сначала «другом» полагался близкий по духу человек, придерживающийся куртуазной системы ценностей, а на момент Альбигойских войн эти качества стали приписываться королю Арагона, на защиту которого надеялись и знатные, и простые окситанцы. Кардинальное различие в «образе врага» в раннюю и классическую эпохи трубадуров и во времена написания второй части «Песни», т.е. в позднюю эпоху заключается в том, что ранее «враги» – феодалы и мусульмане – не угрожали самому существованию региона. Французы и ранее не воспринимались окситанцами в положительном ключе, а с приходом Монфора и крестоносцев, стали почти «эсхатологическим злом». В позднюю эпоху «образ врага» приобретает значение ключевого стимула для формирования национального самосознания окситанцев – одного из самых важных компонентов менталитета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арнаут Даниэль. Sestina // Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М., 2011.

Бернарт де Вентадорн. Lancan vei per mei la landa // Проект «Русская планета»: история, наука, книги, образование. Филология. Библиотека «Вавилон». Произведения средневековых поэтов: трубадуры. URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/trubadur/index.htm>

Берtran de Борн. Si tuit li dol e·lh plor e·lh marrimen... // Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М., 2011.

Гильом Аквитанский. Pos de chantar m'es pres talentz... // Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М., 2011.

Гираут де Борнель. Reis glorios, verais lums e clartatz... // Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М., 2011.

Маркабрюн. A la fontana del vergier... // Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М., 2011.

Песнь о крестовом походе против альбигойцев / Пер. с фран. И.Ю. Белавин, Е.В. Морозова; прим. и указат. Е.В. Морозова. М., 2011.

Marcabru. Pax in nomini Domini // Проект «Русская планета»: история, наука, книги, образование. Филология. Библиотека «Вавилон». Произведения средневековых поэтов: трубадуры. URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/trubadur/index.htm>

Peire Cardenal. Clergue si fan pastor // Проект «Русская планета»: история, наука, книги, образование. Филология. Библиотека «Вавилон». Произведения средневековых поэтов: трубадуры. URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/trubadur/index.htm>

Raimbaut de Vaqueiras. Ara pot hom conoisser e proar // Проект «Русская планета»: история, наука, книги, образование. Филология. Библиотека «Вавилон». Произведения средневековых поэтов: трубадуры. URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/trubadur/index.htm>

Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М., 2011.

Гуревич А.Я. Проблемы ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии и новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75–89.

Лихачева С.Б. Гильом Тудельский и его хроника: об авторстве и жанровом своеобразии I части «Песни о альбигойском крестовом походе» // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 5 (795). С.151–166.

Морозова Е.В. История в зеркале поэзии // Песнь о крестовом походе против альбигойцев / пер. с фран. И.Ю. Белавин, Е.В. Морозова; прим. и указат. Е.В. Морозова. М., 2011.

Ольденбург З. Костер Монсегюра. История Альбигойских крестовых походов. СПб., 2001.

Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. Т. 2. М., 2003.

M.I. Kalinkina

Moscow (Russia)

RUDN University

THE EVOLUTION OF THE “IMAGE OF A FRIEND”
AND THE “IMAGE OF AN ENEMY” IN THE OCCITAN WORLDVIEW
(BASED ON THE ANALYSIS OF THE POETIC HERITAGE OF THE
TROUBADOURS OF THE 11th–13th CENTURIES)

The article is devoted to the research of the display in Occitan lyrics of the 11th–13th centuries of such categories of the medieval man’s worldview as the “image of a friend” and the “image of an enemy”. These images did not immediately become uniform for all residents of the South of France: at first, only the ideas of the feudal elite were reflected in the work of the troubadours. In the process of expanding the social base of troubadour lyrics and spreading the ideals of courtly culture, a number of ideas are formed that are common to most of the Occitan population, which contributes to the emergence of national identity. The article will consider the evolution of two key categories for this process: the “image of a friend” and the “image of an enemy”.

Keywords: worldview, troubadours, “image of a friend”, “image of an enemy”, Occitan’s, crusaders, Pedro of Aragon, Guillem of Tudela, Anonymous.

Л.А. Грицай

г. Ярославль (Россия)

Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского

СЕМЬЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ЭПОХИ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОСНОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИТЕЛЬСКОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

В статье рассматривается семья как социальный институт в эпоху европейского средневековья и ее роль в воспитании детей. Описываются представления о семье как патриархальной структуре, где важное значение придавалось передаче традиций, веры и социального статуса. Изучается влияние католических богословов на формирование модели семьи и выбора воспитательных практик, основанных на христианских ценностях. Анализируются взгляды средневековых мыслителей на роль родителей в воспитании детей. Сделаны выводы о том, что воспитание в семье играло решающую роль в формировании личности ребенка, готовя его к жизни в религиозно ориентированном и иерархическом обществе.

Ключевые слова: семья, история семьи, Европейское средневековье, воспитание детей, католическая церковь, средневековые мыслители.

Как известно, семья в европейском средневековье занимала центральное место в социальной структуре общества. Семья служила основой экономической, социальной и религиозной жизни, представляя собой важнейший общественный институт, выполняющий функцию передачи традиций, веры и образа жизни. В средневековой Европе семейные отношения были строго регламентированы: глава семьи – отец – обладал безусловной властью и авторитетом. Женщина в семье, как правило, отвечала за дом и воспитание детей. Семейные отношения находились под значительным влиянием христианской церкви. Церковь играла важную роль в формировании норм поведения внутри семьи, проповедуя добродетели послушания и взаимоуважения.

Следовательно, целью исследования является анализ семьи как социального института в эпоху европейского средневековья и изучение ее роли в воспитании детей. Исследование направлено на выявление особенностей

семейных отношений, а также изучение взглядов средневековых мыслителей на воспитательный процесс. Особое внимание уделяется тому, как семья влияла на формирование личности ребенка и его интеграцию в общество. Методами исследования стали: историко-генетический метод (для изучения развития и трансформации института семьи в контексте социально-экономических и религиозных условий средневековой Европы); а также анализ трудов средневековых мыслителей для определения их взглядов на семейное воспитание.

Католическая церковь оказала значительное влияние на формирование семейных отношений и представлений о воспитании детей. Важным аспектом средневековой модели семьи стало христианское понимание брака и семьи как священного союза, заключенного перед Богом. Семья рассматривалась не только как социальная, но и как духовная общность, где воспитание детей являлось обязанностью родителей. Учение о семейной жизни подробно раскрыто в трудах католических богословов Августина Блаженного и Фомы Аквинского. Августин рассматривал брак как следствие грехопадения, а женщину – как виновницу первого греха, обязавшуюся нести за это наказание [Августин 2000, с. 53]. Взгляд Фомы Аквинского был более мягким: он считал семью священным союзом, а главной целью брака – рождение и воспитание детей [Гусак 2000, с. 12–20]. Католическая церковь отводила родителям главную роль в воспитании.

И.А. Ильин отмечал различия между европейской и русской моделями средневековой семьи. Так, философ полагал, что в православной традиции доминируют отношения между детьми и родителями с акцентом на материнскую любовь и отцовскую справедливость. В католической же семье супружеские отношения важнее детско-родительских. Отец выступает юридической главой семьи, а мать вовлечена в процесс воспитания детей [Ильин 1992].

Отметим, что в средневековой католической традиции женщина рассматривалась двойственno: с одной стороны, она считалась несовершенной и соблазнительной, как Ева, требующей контроля со стороны мужчин; с другой – возвеличивалась в образе Девы Марии. Однако материнство не считалось главным предназначением женщины, в отличие от русской традиции, где оно почиталось весьма высоко. Примером тому служит текст XIV в. «Парижский домострой», в котором содержатся правила для женщин, но воспитание детей не упоминается [Greco 2009].

О.Л. Янушкявичене, исследуя педагогические традиции католических стран, отмечает, что католицизм, в отличие от православия, в большей степени ориентирован на активную деятельность и служение людям. Это отразилось на семейном воспитании, где главную роль играла практическая деятельность [Янушкявичене 2009, с. 24]. Следовательно, система воспи-

тания была структурированной и связанный с юридическими правилами. В европейской традиции возникла концепция договорной природы семьи, где брак считался нерасторжимым, так как заключался перед Богом. На Тридентском соборе (1545–1563) брак и семья были признаны церковным таинством, а воспитание детей стало ключевой задачей семьи. Европейская система воспитания опиралась на рациональный подход: в семье соблюдалась строгая иерархия, предусматривавшая наказания за нарушения правил поведения. При этом Г.В. Безрогова и О.И. Варьш отмечают, что, несмотря на существование единой педагогической системы, в средневековые существовали различные субкультуры (рыцарская, монашеская, крестьянская и городская), каждая со своими воспитательными идеалами, что не противоречило целостности общей системы воспитания [Антология... 1994, с. 22].

Анализируя тексты о воспитании детей средневековых европейских мыслителей, можно заключить, что они придавали большое значение воспитательной функции семьи. Например, Иоанн Златоуст и Фома Аквинский утверждали, что родители – это проводники воли Бога, их долг направлять своих детей на путь праведности. В воспитании детей акцент делался на послушании и дисциплине. Идеал средневекового воспитания предполагал, что ребенок воспитывается в уважении к традициям и религиозным нормам. Уважение к старшим и послушание родителям считались важными добродетелями, которые закладывались в детях с раннего возраста. Средневековые ученые подчеркивали, что воспитание ребенка должно быть комплексным: наряду с религиозным наставлением, родителям рекомендовалось обучать детей основным житейским навыкам, таким как ведение хозяйства, мастерство в ремеслах и военное дело для мальчиков. Девочек, в свою очередь, готовили к будущей роли жены и матери.

В качестве примера рассмотрим трактат Винсента из Бове «О наставлении детей знатных граждан» (1246), написанный по просьбе королевской семьи. Трактат состоит из 51 главы и охватывает темы воспитания, обучения, выбора учителей и уделяет внимание воспитанию девочек. Это произведение было популярно в средневековой Европе и считалось руководством по воспитанию. Винсент считает, что и обучение, и воспитание одинаково важны: первое дает образованность, второе – дисциплину, подразумевая под ней следование нравственным и социальным нормам. Он подчеркивает необходимость послушания детей родителям, цитируя Ветхий Завет. Воспитание он считает богоугодным делом и моральным долгом родителей. Наказание детей Винсент рассматривает как эффективный педагогический метод, который учит мудрости, терпению и смиренению. Особое внимание Винсент уделяет воспитанию девочек, советуя отцам держать их в строгости, приводя в пример Деву Марию. Он рекомендует обучать девочек через религи-

озные тексты, прививая им чистоту, скромность и смиление. Характерной чертой трактата является обращение к текстам Ветхого и Нового Заветов, а также античных авторов, чьи идеи Винсент гармонично объединяет в своем учении [Винсент из Бове 1994, с. 111–138].

Филипп Новарский в своем сочинении «Четыре возраста человека» (ок. 1264 г.) описывает, как следует воспитывать детей с рождения до юности, основываясь на своем опыте. Это педагогический кодекс рыцарского воспитания, где сочетаются религиозные и аристократические ценности. Воспитание, по мнению Филиппа, должно быть строгим и требовательным, с контролем поведения и без чрезмерной ласки, так как потакание ведет к дурным манерам. Филипп приводит в пример воспитание Иисуса Христа, подчеркивая, что даже он рос в послушании. Любовь к детям, считает он, должна быть разумной, чтобы они не возгордились. Важно обучать детей как книжной мудрости, так и ремеслам или военному делу, в зависимости от их сословия. Он высоко ценит труд как средство воспитания и призывает детей усердно трудиться ради успеха в жизни. Для рыцарей Филипп рекомендует учение кодексу чести, физическую подготовку, изучение литературы и риторики. Детство он называет «фундаментом жизни», от которого зависит будущее. Большое значение он придает наказанию, советуя применять его строго, вплоть до тюрьмы, если ребенок не исправляется. Филипп различает воспитание мальчиков и девочек. Мальчики должны готовиться к более важной роли в обществе, а девочки – к ведению домашнего хозяйства. Он выступает против образования для женщин, считая, что грамотность может привести их к греху, и видит в целомудрии главную женскую добродетель [Филипп Новарский 1994, с. 141–147].

Сочинение философа и теолога Эгидия Римского «О правлении государей» отражает схоластические идеи и подчеркивает превосходство духовной власти над светской. В нем автор обращается к государям, указывая на их обязанность воспитывать своих детей, чтобы те уделяли больше внимания душе, чем телу, прививая добрые нравы. Важными методами воспитания Эгидий называет увещевания, личный пример и разумное наказание. Он призывает обучать детей наукам, уделяя внимание «семи свободным искусствам». Эгидий Римский также вводит новаторскую для того времени идею природосообразности – воспитание должно соответствовать возрасту ребенка. Он описывает подходы для разных возрастных этапов: от ухода за младенцами до организации игр и физических упражнений. После 7 лет он советует усиливать физические нагрузки и учить детей воздержанию, а после 14 лет – уделять внимание развитию тела, воли и интеллекта, при этом акцентируя внимание на нравственном и умственном воспитании. Отдельно философ рассматривает воспитание девочек, призывая родителей ограничивать их свободу передвижения, чтобы уберечь от распущенности. Девушки

должны быть скромными, рассудительными и трудолюбивыми, а отцы обязаны следить, чтобы они не предавались праздности. Эгидий считает, что воспитание девочек сложнее, так как они менее склонны к разумному поведению, чем мужчины [Эгидий Римский 1994, с. 148–169].

Значимым памятником средневековой педагогики является книга Жоффруа де ла Тур Ландри «Книга рыцаря де ла Тура Ландри, написанная в назидание его дочерям» (1371–1372). В своем труде автор признается в любви к детям и стремится наставить их на добродетельную жизнь. Жоффруа рассказывает дочерям о примерах добродетельных женщин из Библии, таких как Сара и Ребекка, а также о судьбе французских женщин. К высшим женским добродетелям он относит нравственную чистоту, смирение, веру в Бога и духовное воспитание через религиозную литературу [Тур Ландри 1994, с. 171–178].

Последним изучаемым нами памятником эпохи средневековья является трактат католического священника и будущего кардинала Джованни Доминичи «Наставления в семейных делах» (конец XIV – начало XV в.). В этом труде он обращается к родителям, утверждая, что только Богу известна конечная цель воспитания, а родители должны следовать его воле, отраженной в Библии. Доминичи советует использовать изображения святых и религиозные истории о милосердии и любви к Богу, чтобы дать детям примеры для подражания. Он подчеркивает важность воспитания, соответствующего социальному статусу семьи. Доминичи утверждает, что воспитание мальчиков и девочек должно отличаться. Женщина, по его мнению, слабее и менее способна к интеллектуальному созерцанию, поэтому главное, что нужно ей привить, – целомудрие через религиозное воспитание. Юноша же должен быть мужественным, мудрым, добродетельным и верующим [Доминичи 1994, с. 261–287].

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Семья в эпоху европейского средневековья играла ключевую роль в воспитании личности. Родительское воспитание находилось под влиянием католической церкви и философских идей средневековых мыслителей. Воспитание в семье было направлено на формирование в ребенке послушания, уважения к старшим, религиозного мировоззрения и верности традициям. Родители воспринимались как главные наставники в жизни ребенка.

2. Средневековые европейские мыслители уделяли особое внимание нравственному воспитанию детей в семье, считая его важной частью формирования личности. Они подчеркивали значение дисциплины и послушания, рассматривая их как необходимые условия для развития добродетели и соблюдения общественного порядка. Воспитание в духе христианской морали и следование установленным нормам поведения считались основой для формирования личности достойного члена общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин Блаженный.* Творения: в 4 т., 2-е изд. Т. 2. СПб., 2000.
- Антология педагогической мысли христианского Средневековья: в 2 т. Т. 1. Путь христианского образования в трудах Отцов Церкви и мыслителей Раннего Средневековья / сост., вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Безрого, О.И. Варяш. М., 1994.
- Винсент из Бове.* О наставлении детей знатных граждан // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: в 2 т. Т. 2. Мир преломится в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / сост. В.Г. Безрого, О.И. Варяш. М., 1994. С. 111–138.
- Гусак П.* Любовь, подружжя, сексуальність: усвідомлення істини // Вісник Інституту родини і подружнього життя Львівської Богословської Академії. 2000. № 1. С. 12–20.
- Доминичи Дж.* Наставления в семейных делах Д. Доминичи // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: в 2 т. Т. 2. Мир преломится в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / сост. В.Г. Безрого, О.И. Варяш. М., 1994. С. 261–287.
- Ильин И.А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России // Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. Т. 1. М., 1992.
- Тур Ландри Ж.* Книга рыцаря де ла Тура Ландри, написанная в назидание его дочерям // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: в 2 т. Т. 2. Мир преломится в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / сост. В.Г. Безрого, О.И. Варяш. М., 1994. С. 171–178.
- Филипп Новарский.* Четыре возраста человека // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: в 2 т. Т. 2. Мир преломится в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / сост. В.Г. Безрого, О.И. Варяш. М., 1994. С. 141–147.
- Эгидий Римский.* О правлении государей // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: в 2 т. Т. 2. Мир преломится в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / сост. В.Г. Безрого, О.И. Варяш. М., 1994. С. 148–169.
- Янушикевичене О.Л.* Историко-педагогический анализ становления и развития теории духовного воспитания подрастающих поколений: автореф. дис. ... док. пед. наук. М., 2009.
- Greco G.L., Rose C.M.* The Good Wife's Guide: Le Ménagies de Paris, A Medieval Household Book. Ithaca, 2009.

*L.A. Gritsai**Yaroslavl (Russia)**Yaroslavl State Pedagogical University**named after K.D.Ushinsky*

**THE FAMILY AS A SOCIAL INSTITUTION
OF THE EUROPEAN MIDDLE AGES:
BASIC IDEAS ABOUT PARENTING CHILDREN**

The article examines the family as a social institution in the era of the European Middle Ages and its role in the upbringing of children. The article describes the idea of the family as a patriarchal structure, where important importance was attached to the transmission of traditions, faith and social status. The influence of Catholic theologians on the formation of a family model and the choice of educational practices based on Christian values is studied. The views of medieval thinkers on the role of parents in the upbringing of children are analyzed. It is concluded that family upbringing played a crucial role in shaping the child's personality, preparing him for life in a religiously oriented and hierarchical society.

Keywords: family, family history, European Middle Ages, parenting, Catholic Church, medieval thinkers.

В.П. Ковалевская

г. Москва (Россия)

Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина

КОНЦЕПТ ‘BEN’ (ЖЕНЩИНА) В ДРЕВНЕИРЛАНДСКИХ САГАХ КОРОЛЕВСКОГО ЦИКЛА

Исследование посвящено анализу лексических средств, объективирующих концепт ‘ben’ (женщина) в ирландских сагах Королевского цикла древнеирландского периода. Используя методику построения номинативного поля концепта, автор составляет поле языковых средств, объективирующих изучаемый концепт в текстах выборки. Полученное в результате применения методики номинативное поле затем интерпретируется исходя из раннесредневековых социокультурных представлений кельтов о женском образе.

Ключевые слова: ирландские саги, древнеирландский язык, образ женщины, концепт, номинативное поле концепта, когнитивная лингвистика.

1.1. Королевский цикл ирландских саг

Кельтский корпус саг – один из самых богатых корпусов мифологических текстов. После прихода на острова в V в. христианства, а вместе с ним и письменной традиции, многие из них попали на страницы рукописей. В период с VI по X в. в ирландских скрипториях было записано порядка 350 саг. Более поздние манускрипты уже по большей части восходят к правариантам, зафиксированным в эту эпоху [Предания… 1991, с. 5].

Самиими ирландцами саги разделялись по двум принципам: по своему статусу по отношению друг к другу и по сюжетам. По статусу саги разделялись на «основные» (prímscélá) и «вводные» (remscélá) [Mac Cana 1980, р. 115–123]. Позже они стали делиться на сюжеты: похищения, разрушения, сватовства, видения, etc.

Деление саг на циклы появилось только в нач. XVIII в. и в течение XX в. утвердилось в кельтологии. Принципом объединения саг в циклы является наличие общего центрального героя или группы героев, темы, места или времени действия. Существует много классификаций, основанных на принципе циклов [подробнее см.: Poppe 2008], однако наиболее распространенной является разделение на четыре глобальных цикла: Уладский, Мифоло-

гический, Фенийский и Исторический [Ibid, p. 12–13]. Исторический, или Королевский, цикл включает в себя саги об исторических и полуисторических королях Ирландии, о происхождении династий и народов. Наиболее ранний, древнеирландский пласт текстов, относимых к нему кельтологами, датируется VI–X вв.

1.2. Образ женщины в раннесредневековой ирландской литературе

Значение образа женщины в кельтской культуре сложно переоценить. Он обладает как общими для средневековой европейской культуры, так и специфическими чертами. Женщина у кельтов связана с потусторонним миром, магией, судьбой, темами любви, зачатия, рождения, смерти, войны и власти [подробнее см.: Михайлова 2023]. *Muireann Ní Bhrolcháin* упоминает три функции женских образов, специфические для раннесредневековой ирландской литературы: женщина как богиня суверенитета, связь с мотивом необычного зачатия и рождения, связь с темой любви и мотивом смерти их любовников [Ní Bhrolcháin 1980, p. 12].

Женские образы имеют особенное значение в контексте представлений кельтов о королевской власти. Принятие власти королем осмыслилось ирландцами в терминах сакрального брака короля и богини территории или «суверенитета» [Васютин, Бервинова 2008, с. 29]. Она нередко появляется в сагах в виде женщины, которая испытывает претендентов на престол, часто требуя у них поцеловать ее или вступить с ней в половой акт. Прошедшего испытание она наделяет властью, делая его, таким образом, королем [Eichhorn-Mulligan 2006, p. 1014–1015]. В некоторых нарративах богиня территории является в образе безобразной старухи, которая после вступления в сакральный брак с королем превращается в молодую красавицу. Богиня территории «стара, как холмы», и ее красота и молодость бесконечно возобновляются посредством таких союзов [Mac Cana 1980a, p. 7].

2.1. Морфонематические мутации в древнеирландском языке

Древнеирландский язык, как и все древние индоевропейские языки, является флексивным. Однако в отличие от большинства других древних индоевропейских языков, где флексия выражается в чередовании прозрачных и узнаваемых окончаний, древнеирландская флексия состоит из большого количества чередований палатализации / непалатализации в конце слов, изменений в корнях слов и морфонематических «мутаций» последующих слов [Stifter 2006, p. 35].

Так называемые «мутации» – это систематические изменения альяута слов, определяемые синтаксическими свойствами предыдущего слова. Они являются яркой особенностью островных кельтских языков. В древнеир-

ландском языке существует три типа мутаций: лениция (далее обозначается как ^L), назализация (далее – ^N) и аспирация (далее – ^H).

2.2. Существительное в древнеирландском языке

Древнеирландские существительные бывают женского, мужского и среднего рода. Они делятся на 7 гласных и 7 согласных классов склонений в зависимости от звуков, исторически составлявших финаль основы в индоевропейском и общекельтском языках:

- o-класс (м. и сп. р.)
 - á-класс (ж. р.)
 - iо-класс (м. и сп. р.)
 - iâ-класс (ж. р.)
 - í-класс (ж. р.)
 - i-класс (м., ж. и сп. р.)
 - u-класс (м. и сп. р.)
 - k-класс (м. и ж. р.)
 - g-класс (м. и ж. р.)
 - t/d-класс (м. и ж. р.)
 - nt-класс (м., ж. и сп. р.)
 - n-класс с подклассами (м., ж. и сп. р.)
 - r-класс (м. и ж. р.)
 - s-класс (сп. р.)
- + неправильные существительные.

Существительные в древнеирландском изменяются по числам и падежам. Число бывает единственное (Sg.), множественное (Pl.) и двойственное (Du.). Двойственное число всегда используется с числительными (da^L, dá^L (сущ. м. р.), da^N, dá^N (сущ. сп. р.), di^L, dí^L (сущ. ж. р.) ‘два’). Они изменяются по пяти падежам: именительный (Nom.), родительный (Gen.), предложный (Prep.), винительный (Acc.) и зватательный (Voc.).

2.3. Лингвистическая характеристика слова ‘ben’ (женщина)

Древнеирландское ‘ben’, в конце концов полностью вытеснившее ‘bé’, употреблявшееся только в поэтических и юридических текстах, произошло от индоевропейского *gʷén-h₂ (ben < *gʷen, *gʷenā < *gʷēn < **gʷén < *gʷén-h₂) [подробнее см. Jasanoff 1989].

Слово ‘ben’ относится склонению á-класса, которое составляют существительные только женского рода. Парадигма рассматриваемого слова является аномальной для данного склонения. Она состоит из 13 словоформ единственного, множественного и двойственного числа: ben^L (Nom.Sg), mná^H (Gen.Sg), mnaí^L (Prep.Sg), mnaí^N (редко bein^N) (Acc.Sg), á^L ben^L (Voc.Sg), mná^H (Nom.Pl), ban^N (Gen.Pl), mnáib (Prep.Pl), mná^H (Acc.Pl.), á^L mná^H (Voc.Pl),

dí^L mnaí^L (Nom., Acc., Voc.Du), dá^L ban^L (Gen.Du), díb^N mnáib (Prep.Du) [Stifter 2006, p. 61]. Исторически верная форма ‘bein^N’ Acc.Sg редко встречается в ранних древнеирландских текстах, а к классическому периоду уже практически полностью оказалась заменена на ‘mnaí^N’.

В сложносоставных словах используется корень ban^L-, имеющий значение ‘женский, женщина’: comairle ‘совет’, banchomairle ‘совет женщины’; tigernae ‘правитель’, bantigernae ‘правительница’.

При употреблении с притяжательным местоимением мужского рода a^L ‘его’ принимает значение ‘жена’: a^L ben^L ‘его жена’.

3.1. Понятие концепта и номинативного поля концепта в когнитивной лингвистике

Понятие «концепт» широко распространено в современной лингвистике и по-разному трактуется как в рамках отдельных ее областей, так и учеными внутри них, однако всех их объединяет теоретическое представление о концепте как единице сознания. З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют несколько подходов к изучению концепта внутри когнитивной лингвистики: «культурологическое, предполагающее исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук, лингвокультурологическое, предполагающее исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры, логическое – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы, семантико-когнитивное – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере и философско-семиотическое, предполагающее исследование когнитивных основ знаковости» [Попова, Стернин 2007, с. 12].

В данной работе термин «концепт» будет пониматься как «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [Введение... 2004, с. 71]. Концепт при этом может быть как выражен, так и не выражен вербально. Вербализированный концепт является частью языкового сознания, т.е. «совокупности образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых слово-сочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Языковое... 2000, с. 26]. Совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих) концепт, называется номинативным полем концепта [Попова, Стернин 2007, с. 47].

Несмотря на то, что, согласно исследованиям последних лет, мышление народа не опосредуется его языком, через номинацию оно овнешняется при

помощи языка. «Изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, [через исследование языкового материала] позволяет косвенно судить о том, каково было мышление народа, реконструировать в какой-то степени в основных чертах его когнитивную картину мира в определенный период» [Там же, с. 39].

3.2. Применение методик когнитивной лингвистики в рамках исследования древних языков

Несмотря на активное развитие когнитивной лингвистики, ее методики в основном применяются в рамках синхронического изучения состояния языка на момент исследования. Изучение древних языков с их помощью в современной науке не распространено.

Несомненно, в связи с тем, что единственным доступным для подобной работы языковым материалом являются письменные тексты, набор методов исследования значительно сужается, а возможные к применению методы имеют дополнительные ограничения. В частности, при работе с древними языками также затруднено выявление семантических компонентов отдельных единиц. Тем не менее, письменный материал дает достаточно возможностей для лингвокультурологического исследования. Опираясь на данные других наук – истории, археологии, антропологии, фольклористики и других – при интерпретации результатов, полученных в рамках лингвистического исследования, можно получить уникальные и крайне ценные данные, дающие возможность реконструировать ценностную картину мира народа в изучаемый период.

4.1. Проанализированные саги

В рамках исследования были проанализированы следующие саги, относящиеся к Королевскому циклу: Scél asa mberar combad hé Find mac Cumaill Mongán (R.I.A. (Royal Irish Academy) MS 23 E 25 (Leabhar na hUidhre)), Scéla Mosauluim, Maic Con, Luigdech (Laud 610 94v^b17ff), Orgain Denna Ríg (Rawlinson B 502), Esnada Tige Buchet (Rawlinson B 502, fo. 73r^b31–73v^a49), Cath Almaine (Yellow Book of Lecan: 206a 8–207b 35), Togail Bruidne Da Derga (R.I.A. Lebor na hUidre, p. 83a–99a).

Все тексты написаны на древнеирландском языке и составлены в период с нач. VI до нач. X в.

4.2. Лексико-фразеологическое поле слова ‘ben’

Аsteriskom (*) отмечены формы и переводы, которые являются моими предположениями.

<Ben> женщина; <(a) ben> (его) жена; <ingen> дочь, девушка; <cumal> рабыня; <máthair> мать; <rígan> королева, <banscál> женщина, <sethar>

сестра, <caillech> монахиня, старая женщина, <badb> богиня войны, <druinech> швея, *<dúnd> *маг.

Слова ‘banscál’, ‘caillech’ и ‘badb’ несут в себе компонент значения «связь с потусторонним миром». Слово ‘banscál’ состоит из двух корней: ‘ban-’, имеющий значение ‘женский, женщина’ и ‘scál’, имеющий значение ‘призрак, иллюзия’. Слово ‘caillech’ в древнеирландский период имевшее значение ‘старая женщина’ или ‘монахиня’ позже стало употребляться в значении ‘старая ведьма’. Слово ‘badb’ является одновременно именем собственным одной из ирландских богинь и именем нарицательным, имеющим значение ‘богиня войны’.

4.3. Анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт ‘ben’ (женщина)

Существительные приведены в единственном числе именительном падеже, прилагательные – в единственном числе именительном падеже, глаголы – в третьем лице единственном числе настоящего времени. Если слово указано в иной форме, ее характеристика следует в скобках.

Аsterиском (*) отмечены формы и переводы, которые являются моими предположениями.

Действия (субъект): <coínid> плакать, <ad·accái> видеть, <beirid (macci)> носить (сыновей), <gaibid maicc altrama> принимать приемного сына, <is máthair mic> быть матерью сыновей, <luíd> передвигаться, перемещаться, <as·beir> говорить, <ní·léicid> не позволять, <beirid robud> выносить предупреждение, <as·beir fris> высказываться против кого-то/чего-то, <as·beir rann> говорить четверостишие, <gaibid rann> петь четверостишие, <do·meil na fesse> пировать, <caraid> любить, <con·tuili> спать, <do·fuschi> просыпаться, <do·téid> приходить, <foíd> *(Pres.3Sg) спит, <attá ina cotlud> быть в процессе сна, <con·tuili> спать, <laigid> лгать, <téit> идти, <ar> молвить, <at·baill> умирать, <coimét> охранять, держать, <attá i n-ucht> быть на воспитании (букв. «в груди»), молвить, <ailid> усыновлять, <ní·gaib> не принимать, <ní·foí> не оставаться, <at·rullai> *(Pt.3Sg) сбежала, <is ig gul> быть в процессе плача, <is ig golgairi> быть в процессе оплакивания, *<is caíneadi> причитать, <is oc folcud> быть в процессе мытья, <attá os taithbiuch (fuilt)> быть в процессе распускания (волос), <is a sídaib> быть (родом) из курганов фей, <gainithir> рождаться, <ad·gnin> знать, <rug> *(Pt.3Sg) родила, <do·gní brothchán> сделать похлебку, <tibid> смеяться, <is oc cuindchid> быть в процессе вопрошения, <do·téid> приходить, <do·beir> класть, <is oc admilliud> сглазить (быть в процессе), <sechmi·ella> *проходить мимо, <lamaid> осмеливаться, <ad·ella> подходить, приходить.

Действия (объект): <a réir (di) sétaíb> обещать (ее) в качестве эквивалента, возмещения, <admolad> хвалить, <for·comai> держать, охранять, <·comtholadh> (Pt.Pss.3Sg) была усыпана (кем-то), <con·ricc (frie)> встречаться (с ней), <do·eclainn céli (di)> выбирать мужа (ей), <caraid> любить (ее), <do·beir for láim> отдать (ее) в руки, <ad·cí> видеть (ее), <íarmi·foich> спрашивать (ее), <con·dieig (dia)> просить (ее) руки, <beirid> приводить, носить, брать (ее), <fo·ceird ina broinn> класть ребенка ей в живот, <ráidid> рассказать, <do·aitni (fria)> светить (на нее), <as·beir (fria)> говорить (о ней), <gaibid saint *(impe)> желать (ее), <ad·suidi (dí)> удержать (ее), <ad·comairc scéla (dí)> спрашивать (ее) историю, <do·beir cumala (dí)> дать (ей) рабынь, <léicid> оставлять (ее), позволять (ей), <do·beir> брать (ее), <marbaid> убивать (ее), <altromm (dí)> нянчить (ее), <do·beir isin chuithi> класть (ее) в яму, <do·rairngiread> *(Agm.Pt.Pss.3Sg) (она) была предназначена (букв. предсказана), <téit (chuice)> приходить (к ней), <argaib> поймать (ее), <as·beir (fria)> говорить (ей), <beirid ar éigin> приводить (ее) силой, <do·léci> позволять (ей), <oirgid> убивать (ее).

Состояния и характеристики: <soír> свободная, <brónach> печальная, <torrach> беременная, <báith> глупая, <gáith> мудрая, <maccdacht> достигшая брачного возраста, <múad> великолепная, <birach> вооруженная копьем, <bélsalach> сквернословящая, <brónaid> скорбящая, *<báed> любящая, <bélderg> красноротая, <cáem> красивая, милая, <álaind> красавая, прекрасная, <cóir> прекрасная, <cruth> стройная, <aimbrit> бесплодная, <rochaím> самая красивая, <roálaind> самая прекрасная, <mór> огромная, <dub> темная, черная, <dúabais> зловещая, *<dochraid> *отвратительная, <oen-> одна, <nocht> голая, <buidech> довольная, благодарная.

Атрибуты: <dér> слеза, <gruad> щека, <idnacul> транспортировка, сопровождение, <bráthair> брат, <macc> сын, <ainm> имя, *<aithech tige> *муж, <máthair> мать, <comairle> совет, договор, <osnad> вздох, *<menmarcee> *любовник, <ingen> дочь, <coibnius> родство по крови, *гармония, <céile> муж, <serc> любовь, <míad> честь, благородство, <mér> палец, <clúas> ухо, <maithe> доброта, <timthirecht> прислуживание, <blegon> доение, <tinnsgra> выкуп за невесту, <esnad> музыка, пение, <con> платье, <mong> грива (волосы), <étach> одеяние, <menma> разум, мнение, <cír> расческа, <bratt> мантия, <dúalldai> (Nom.Pl) бахромы, *<ecoirside> *брюшь, <léine> туника, <túagmíl> застежка, орнамент с изображением животных, <bruinne> грудь, <formna> плечо, <gúala> лопатка, плечо, <trilis> коса, локон, <cenn> голова, <fige> плетение, <dúal> локон, <folt> волосы, <sedlag> халат, *<dót> рука, ладонь, <mala> бровь, <dét> зуб, <súil> глаз, <bél> рот, губа, <mér> палец, <lám> рука, <taeb> бок, <slíasait> бедро, <glún> колено, <lurga> голень, <sál> пятка, <traig> нога, <saeragaid> благородное лицо, *<mínmala> ровная бровь, <rígosc> королевский глаз, <banmail> женское достоинство, <glór>

голос, <céim> шаг, <tochim> походка, <serc> любовь, *<túalaing labartha> умение говорить, <ríar> желание, <gáire> смех, <tech> дом, <cenél> паса, <srúb> рыло, <lurga> голень, <cél> предзнаменование, <cos> нога, <anál> вздох, дыхание, <aíl> желание, <dám> компания, *<aídidecht> *прием в качестве гостя, <míthurus> дурное предзнаменование, *<imdai> *комната, <tóessca fola> струи крови, <súsne main (a) (h-)airlig> веревка (ее) убийства (метафор.), <brága> шея, *<úagboid> *ужасное предзнаменование, <gráin> ненависть, ужас, <omun> страх.

4.4. Мотивы, связанные с образом женщины

Мотивы указаны в порядке распространенности: от более распространенных к менее.

Мотивы: королевская власть; смерть родственника (брата, сына) женщины; смерть самой женщины; смерть любовника; удочерение принцессы; война; любовь; приемный сын; женщина как выкуп; мудрость; поэзия; запрет; охрана девушки брачного возраста; тайная встреча с любовником; волшебный сон; судьба; побег; похищение; доение коровы; необычный выкуп за невесту; пение; страх; колодец; девушка в доме без двери; предсказание; предназначение; расчесывание волос; исключительная красота; магия; происхождение из народа фей; множество имен; бесплодие королевы; волшебная похлебка; лечащая бесплодие; король приказывает убить свою dochь; позволение зайти в дом; спасение дочери короля ее убийцами; уродство; сглаз; убийство.

Заключение

На основе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Женщина в древнеирландских сагах Королевского цикла определяется, прежде всего, по своей социальной роли члена семьи (<(a) ben> (его) жена; <ingen> дочь, девушка; <máthair> мать).

2. Женский образ в изученных текстах всегда связан с темой королевской власти, смерти или зачатия и рождения детей, что подтверждает выдвинутую ранее гипотезу об отражении специфических для раннесредневековой ирландской культуры функций образа женщины (в частности, связь с темами зачатия, смерти и королевской власти) в наборе лексических средств, объективирующих концепт ‘ben’.

3. Представление кельтов о связи женщины с потусторонним миром отражено как на уровне лексико-фразеологического поля (слова ‘banscál’, ‘caillech’ и ‘badb’ несут в себе компонент значения «связь с потусторонним миром»), так и на уровне сочетаемости лексем, объективирующих концепт (действия (*субъект*): <at·baill> умирать, <is ig golgairi> быть в процессе оплакивания, *<is caíneadi> причитать; действия (*объект*): <marbaid>

убивать (ее), <do·beir isin chuithi> класть (ее) в яму, <oírgid> убивать (ее); *состояния и характеристики*: <brónaid> скорбящая; *атрибуты*: <tóessca fola> струи крови, <súsne main (a) (h-)airlig> веревка (ее) убийства, и мотивов (смерть родственника (брата, сына) женщины; смерть самой женщины; смерть любовника; волшебный сон; король приказывает убить свою дочь; убийство). В эту же категорию входят лексические и мотивные единицы, связанные с пространством сна: <foíd> *(Pres.3Sg) спит, <attá ina cotlud> быть в процессе сна, <con·tuili> спать, <·comtholadh> (Pt.Pss.3Sg) была усыплена (кем-то); мотив волшебного сна.

4. Связь женщины с потусторонним миром выражена также через связь с магией, предвидением будущего и знанием, мудростью как на уровне сюжета (*мотивы*: мудрость; волшебный сон; судьба; колодец; предсказание; предназначение; расчесывание волос; исключительная красота; магия; происхождение из народа фей; множество имён; волшебная похлебка; лечащая бесплодие; сглаз), так и на уровне лексических единиц (*действия (субъект)*): <as·beir rann> говорить четверостишие, <gaibid rann> петь четверостишие, <attá oc taithbiuch (fuitl)> быть в процессе распускания (волос), <is a sídaib> быть (родом) из курганов фей, <ad·gnin> знать, <is oc admilliud> сглазить (быть в процессе); *действия (объект)*: <do·rairngiread> *(Agm.Pt.Pss.3Sg) (она) была предназначена (букв. предсказана); *атрибуты*: <menma> разум, мнение, <cé> предзнаменование, <míthurus> дурное предзнаменование, *<úagboid> *ужасное предзнаменование).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Васютин С.А., Бервинова Р.Ю. Сакрализация королевской власти у кельтов // Вестник КемГУ. История. 2008. № 2. С. 29–31.

Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. Вып. 4. Кемерово, 2004.

Михайлова Т.А. Хозяйка судьбы: Образ женщины в традиционной ирландской культуре. М., 2023.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. М., 2007.

Предания и мифы средневековой Ирландии / пер. С.В. Шкунаева. М., 1991.

Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.

Jasanoff J.H. Old Irish Bé ‘Woman’ // Ériu. 1989. Vol. 40. P. 135–141.

Ní Bhrolcháin M. Women in Early Irish Myths and Sagas // The Crane Bag. 1980. Vol. 4. No. 1. Images of the Irish Woman. P. 12–19.

Mac Cana P. The learned tales of medieval Ireland. Dublin Institute for Advanced Studies, 1980.

Mac Cana P. Women in Irish Mythology // The Crane Bag. 1980a. Vol. 4. No. 1. Images of the Irish Woman. P. 7–11.

Eichhorn-Mulligan A.C. The Anatomy of Power and the Miracle of Kingship: The Female Body of Sovereignty in a Medieval Irish Kingship Tale // Speculum. 2006. Vol. 81. No. 4. Oct. P. 1014–1054.

Poppe E. Of Cycles and Other Critical Matters. Some Issues in Medieval Irish Literary History and Criticism. Cambridge, 2008.

Stifter D. Sengoidelc: Old Irish for beginners. Syracuse, 2006.

V.P. Kovalevskaia

Moscow (Russia)

Pushkin State Russian Language Institute

THE CONCEPT ‘BEN’ (WOMAN) IN OLD IRISH SAGAS OF THE ROYAL CYCLE

The study is devoted to the analysis of lexical means objectifying the concept of ‘ben’ (woman) in the Irish sagas of the Royal Cycle of the Old Irish period. Using the method of constructing the nominative field of the concept, the author compiles a field of linguistic means objectifying the studied concept in the texts of the sample. The nominative field obtained as a result of applying the method is then interpreted based on the early medieval socio-cultural ideas of the Celts about the female image.

Keywords: Irish sagas, Old Irish; image of a woman, concept; nominative field of the concept, cognitive linguistics.

A.O. Мулеев

г. Казань (Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ПОНЯТИЕ «KING'S PEACE» В АНГЛИИ ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ ГЕНРИХА VI

В данной статье автор анализирует понятие «King's peace», встречающееся в средневековых английских документах. Для терминологической трактовки данного понятия в исследовании был применен лингвистический метод. Автор рассматривает различные источники, касающиеся г. Саутгемптона. В результате делается вывод о неоднозначности понятия «King's peace», отсутствии какой-либо точной формулировки. При этом отмечается, что данное понятие обозначает разновидность королевской защиты для города.

Ключевые слова: King's peace, общественный порядок, Генрих VI, Англия, XV в., Позднее средневековье.

Всякому государству в любую историческую эпоху для нормального функционирования необходимо, чтобы соблюдался общественный порядок. Это нужно для решения как внутригосударственных проблем, так и для внешнеполитических. Поэтому одной из важнейших задач правителя любого государства является поддержание этого общественного порядка. Понятие «king's peace», встречающееся в английских средневековых документах, по нашему мнению, имеет отношение к описанию общественного порядка.

Однако, несмотря на то, что в одном из англо-русских словарей [Multitran] выражение «king's peace» переводится именно как «общественный порядок», не все так однозначно. Например, если обратиться к одному из наиболее авторитетных толковых словарей английского языка [Merriam-Webster], то в нем можно найти целых две трактовки этого понятия¹: 1) особая защита, обеспечиваемая монархом в англосаксонской и средневековой Англии конкретным лицам (например, членам королевского домохозяйства) или местам (например, королевские дороги), а иногда и определенным периодам времени (например, дни коронации); 2) общий порядок для

¹ Перевод с английского здесь и далее мой.

защиты лиц и имущества, распространявшийся в средневековые времена на большие территории, а позже – на весь королевский домен по закону, контролируемому властью британского монарха [Merriam-Webster]. Похожее токование данному историческому понятию дано и в Юридическом словаре Блэка: «королевское субъектное право быть защищённым от преступления в определённых областях, которые являются субъектом непосредственного контроля короля» [Black's... 2015, р. 730]. Следовательно, можно сделать вывод, что данное понятие подразумевало под собой особый вид протектората от короля, который распространялся на важные для него объекты, от людей до участков земли на островной части средневековой Англии.

Очевидно, рассматриваемый нами определенный правопорядок требовал наблюдения и соблюдения. В частности, следует обратить внимание на клятву, которую давали жители города Саутгемптон, который, судя по наличию данного текста, входил в королевские владения, королю. Слова этой клятвы могут быть найдены в ранних уставах городской Гильдии. Помимо того, что жители должны были соблюдать обычай и постановления своего города, они соглашались вносить свой вклад во все обязанности в рамках соблюдения исследуемого особого общественного порядка. Это подразумевало наблюдение за местностью, районами города, за поступлением различного рода взносов. Они также не имели права присваивать товары иностранцев, при этом должны были предупреждать мэра об иностранцах, торгующих в городе. Интересным для нас моментом является согласие на непредъявление иска жителю города, а также не брать ученика на период менее семи лет, зачислять его в течение первого года для его дальнейшего благополучия. При этом горожанин должен был посещать мэра по всем публичным поводам, что в том числе подразумевало предупреждение его о любом возможном нарушении общественного порядка (в источнике на англ. king's peace) [The borough...].

Конечно, ожидать, что мэр сможет и принять всю указанную выше информацию, особенно если речь касалась общественного порядка, и, после обработки, еще и исполнить правосудие, было бы некорректно. Поэтому некоторыми исследователями отмечается наличие такого должностного лица, которое обычно упоминалось во множественном числе и называется «*justices of the peace*» [Studer 1911, р. 147]. Данное понятие сложно перевести на русский язык, потому что это не просто судебный работник, например, мы находим информацию, что они были защитниками бедных [Report... 1835, р. 880], и не могли разбираться с уголовными преступлениями без специальной комиссии [The borough...]. Будет не совсем корректно взять в качестве перевода предлагаемый термин «мировые судьи», поскольку он отсылает нас к термину, подходящему специфике Российской империи XIX в. С большой долей вероятности можно сказать о наличии

специфических отличий данной эпохи от исследуемой нами эпохи правления Генриха VI в Англии. Поэтому, чтобы не путать этих должностных лиц с другими, так или иначе связанными с правосудием, мы предлагаем не переводить этот термин и использовать его таким, какой он есть. Если обратить внимание на текст королевского акта, согласно которому эти должностные лица появились, одной из основных причин создания и существования этой должности, вероятно, была обеспокоенность, что у солдат, возвращавшихся с войны с Францией, могло не получиться интегрироваться обратно в свои общины в качестве мирных жителей [McBain 2015, р. 158]. Предположительно, это беспокойство привело к тому, что Английский парламент еще в 1361 г. разработал и привел в жизнь «Акт для регламентации деятельности *justices of the peace*». Этот официальный документ гласил, что «каждому графству должен был быть назначен феодальный сеньор и с ним три или четыре наиболее достойных в графстве человека, а также несколько, сведущих в законе; и они будут иметь власть сдерживать мятежников и всех других нарушителей, а также преследовать, арестовывать и наказывать их в соответствии с их правонарушением и заключать их в тюрьму и должным образом наказывать в соответствии с законами и обычаями королевства» [Justices...]. Если проанализировать представленный текст вышеуказанного документа, можно заметить, что такие должностные лица назначались графствам. На момент его появления лишь несколько городов островной Англии имели статус графства, а король, оставляя это право за собой, мог указать им не вмешиваться в дела некоторых городов. Следовательно, можем предположить, что деятельность этих должностных лиц не распространялась на территории, которые назывались «King's peace».

Таким образом, следует отметить, что любой территориальный объект в островной Англии периода правления Генриха VI мог стать особой территорией, которая получала протекторат от короля, но только, видимо, по специальному распоряжению. За порядком на данной территории должны были следить специальные должностные лица, которые, если рассуждать логически, должны были назначаться королем. Однако, вероятно, для полного соблюдения общественного порядка, в процессе осуществления надзора за его соблюдением участвовал мэр, если это касалось города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Justices of the Peace Act 1361. URL: legislation.gov.uk/aep/Edw3/34/1/section/I

Report of the Commissioners Appointed to Inquire into the Municipal Corporations in England and Wales: Appendix 2. L., 1835.

McBain G. Modernising the Law: Breaches of the Peace & Justices of the Peace // Journal of Politics and Law. 2015. Vol. 8. No. 3. P. 158–222.

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/king%27s%20peace>

Multitran. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?ll1=1&ll2=2&s=king%27s+p eace&l1=1&l2=2>

Black's Law Dictionary / ed. B.A. Garner. 10th edition. Eagan, 2015.

Studer P. Supplement to The Oak Book of Southampton, of C. A.D. 1300. Southampton, 1911.

The borough of Southampton: General historical account // A History of the County of Hampshire. Vol. 3. L., 1908. P. 490–524. URL: <https://www.british-history.ac.uk/vch/hants/vol3/pp490-524>

A.O. Muleev

Kazan (Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

THE TERM “KING’S PEACE” IN ENGLAND OF THE REIGN OF HENRY VI

The author of this article analyzes the concept of “King’s peace”, found in medieval English documents. A linguistic method was used in the study, for the terminological interpretation of this concept. The author considers various sources concerning Southampton. As a result, it is concluded that the concept of “King’s peace” is ambiguous, there is no exact wording. It is concluded that this concept means a kind of royal protection for the city.

Keywords: King’s Peace, Public Peace, Henry VI, England, XV century, late medieval.

Д.Д. Рахов

г. Казань (Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ЗАЩИТА СВЯТОЙ ЗЕМЛИ: КРЕПОСТИ КОРОЛЕВСТВА ИЕРУСАЛИМСКОГО В XI–XIII вв.

Данная научная статья посвящена анализу исторической роли крепостей, построенных крестоносцами в Королевстве Иерусалимском в период с XI по XIII вв. Автор исследует развитие архитектуры крепостей, их стратегическое значение и влияние на политическую и военную историю региона. Результаты исследования могут быть полезны для понимания военно-стратегических аспектов крестовых походов и истории Святой земли.

Ключевые слова: крепость, замок, Королевство Иерусалимское, Крестовые походы, фортификации, башни.

Сегодня в исторической науке есть множество работ, посвященных истории средневековья. В них часто фигурируют самые разные аспекты той эпохи, начиная от истории крупных государств Европы вплоть до крохотных аспектов жизни и быта простого монаха в Вестминстерском аббатстве. Рассматривают в подобных научных работах и самые известные символы тех дней: болезни, монашеские ордена и, конечно, замки или, как их еще называют, крепости. Замок – не просто здание, в котором живет король или феодал, это, в первую очередь, самое передовое военное сооружение своего времени. На строительство и последующее содержание крепостей тратились огромные деньги, а управлять подобными структурами ставили только самых надежных и талантливых феодалов-военачальников. Многие крепости, расположенные сегодня на территории Европы, видели расцвет Римской Империи, строились фортификационные сооружения и в Средние века. Конечно, за долгие годы существования государств Европы у них появилась культура строительства крепостных сооружений и из-за влияния внешних факторов она менялась. Одним из самых важных факторов, повлиявших на развитие крепостного дела в Европе, стали всем известные Крестовые походы. Время, когда сотни тысяч людей двинулись на территорию Ближнего Востока с целью найти там спасение своей души. Важнейшим событием для эпохи

Крестовых походов стало основание первых государств воинов-паломников, среди которых самым главным было королевство Иерусалимское. К одноглавому городу сходились все дороги и сам Иерусалим являлся величайшей святыней всего Христианского мира, к которому ежегодно шли сотни тысяч паломников со всей Европы. Но как была выстроена оборона государства и какова в ней роль крепостей? В этом нам и предстоит разобраться.

Не секрет, что главной целью Первого Крестового похода стал город Иерусалим. Вновь собранное войско крестоносцев подошло к стенам Святого города к 7 июня 1099 г. Для начала нужно понять, что из себя представлял город на момент XI в. Город, явившийся одним из крупнейших в регионе, находился на двух холмах. Войти в город можно было или через северные ворота, или через так называемые Золотые ворота, что располагались в восточной части Иерусалима. Армии европейцев поставили свой лагерь недалеко от самого города и сразу приступили к осаде. Однако несмотря на высокий боевой дух взять город первым ударом не удалось. Крестоносцам не хватало осадных орудий: лестниц, таранов, мангана и тяжелых катапульт. Было принято решение отложить новый штурм до тех пор, пока не будут построены вышеуказанные орудия. Однако построенные орудия часто уничтожались во времяочных вылазок противника, о чем свидетельствует Торквато Тассо в своей поэме «Освобождение Иерусалима» [Торквато Тассо 2001, с. 203]. Осада длилась еще шесть недель. За это время были построены осадные орудия и наконец европейцам удалось ворваться в город: «в полуденный час, франки славно вступили в город. Это был день Венеры, тот самый день [недели], в который Христос спас весь мир на кресте. Тогда со звуком труб все наши пришли в волнение и, не медля подняв на вершине стены знамя, с криком “Помоги нам, Боже!” отважно бросились в атаку. Все язычники были приведены в ужас, и их отвага быстро обратилась в беспорядочное бегство по узким улочкам города... В год одна тысяча сотый, если отнять один год, От рождения Девой Господа, пришествием своим восславившегося, Пятнадцатый день июля Феб уже осветил, Когда могучие франки доблестию Иерусалим захватили» [Фульхерий Шартрский 2020, с. 91, 94].

После покорения Иерусалима и разгрома армии султана Египта перед европейцами встал вопрос о дальнейшей судьбе подчиненных земель. После большого совета было принято решение отдать обязанность защиты Гроба Господнего Готфриду Бульонскому, одному из лидеров похода: «Готфрида, за его знатное достоинство, рыцарскую доблесть, строгую умеренность, равно как и за изысканность манер, весь народ войска Господня избрал в Святом городе правителем государства, дабы он хранил его и управлял им» [Там же, с. 94]. Таким образом, было создано Иерусалимское королевство, которое просуществует вплоть до 1291 г.

Для обеспечения защиты нового государства правители приступили к возведению фортификационных сооружений. В годы правления короля Балдуина I (1100–1118) для закрепления влияния над торговыми путями и защиты от вражеских атак территории близких к побережью Мертвого Моря строится крепость Монреаль в 1115 г. Замок был построен на холме высотой 1274 м и имел неправильную форму, которая повторяла контур самого холма. Вход в крепость располагался внутри холма. Интересным является решение проблемы с чистой водой, которая была нужна защитникам. С этой целью был вырыт туннель длиной, как пишут исследователи, в 365 ступеней и вел он к роднику с чистой водой [Kennedy 1994, р. 25].

Важным участком для защиты государства стал Асколон. Для контроля над его территорией и использование его в дальнейшем как плацдарма для экспансии на земли врага были построены несколько крепостей. Известный летописец Вильгельм Тирский описал в своем труде некоторые из них: «В двенадцати милях от Аскалона они построили сильную крепость (замок Бетгебелин), окруженную неприступной стеной, с башнями, валами и рвом... Христиане единодушно откликнулись на призыв, и на только что упомянутом холме “неподалеку от города Лидда, в 20 км на юго-восток от Тель-Авива” они построили крепость “Ибелин” из очень прочной каменной кладки с глубоким фундаментом и четырьмя башнями. Из старых зданий, многие остатки которых сохранились до наших дней, был получен обильный запас камней... Были вызваны рабочие, людей снабдили всеми необходимыми материалами, и была построена крепость из тесаного камня, опирающаяся на прочные фундаменты. Она была украшена четырьмя башнями подходящей высоты. С ее вершины открывался беспрепятственный вид на весь город... В просторечии он назывался Бланшегард, что в переводе с латыни означает Белая сторожевая башня... Итак, как мы уже говорили, господин король основал там замок “Дара” скромных размеров, вмещающий едва ли не столько места под ним, как в двух шагах от него, квадратной формы, с четырьмя угловыми башнями, одна из которых была толще и более укрепленной, чем остальные, но все еще были без вала и барбикана “antemurali”. Теперь он удален от моря примерно на пять стадий, а от Газы на четыре мили» [William of Tyre 1986, р. 660].

Еще одним важным регионом, взятым под контроль армий крестоносцев, стал Лахиш. Для обороны был возведен замок Бетгебелин. Основание замка связывают с именем короля Иерусалима Фульком (1131–1143). Позже крепость была передана во владение ордену госпитальеров. До наших дней замок не дожил, но исследователи смогли восстановить его возможную планировку. Крепость представляла собой прямоугольник, находившийся на высоте 310 м. Защитные сооружения крепости вероятнее всего были построены в византийском стиле. Еще одним интересным замком, по-

строенным крестоносцами, является Кастеллум Арнальди. Располагался он на высоте около 285 м и имел по всей видимости форму прямоугольника размерами 50 на 44 м. Большинство его башен были прямоугольной формы, внутри замка по всей видимости имелся ряд сводчатых помещений, примыкающих к южной стене [Pringle 1997, р. 106–107].

Были и небольшие крепости, которые строили рыцари. Они представляли из себя каменные башни, достигавшие в высоту 2 этажа. Перекрытия в подобных строениях были каменными и строились в виде пазов или бочек. На территории бывшего Иерусалимского королевства было обнаружено 75 подобных строений. Размерами они сильно отличались, но чаще всего представляли собой башни размером 8,4 x 5,3 м, высота которых обычно не превышала 15 м. Из примеров подобных укреплений можно вспомнить Ка-заль де Плен, возведенную в 1099 г. по указу самого Готфрида Бульонского и впоследствии переданную ордену тамплиеров [Браун 2010, с. 110–111].

Возвращаясь к крупным замкам, можно вспомнить крепость Шате де Рей, основание которой датируется не ранее 1160-х гг. Располагался замок на вершине высотой 550 м близ деревни Миilia и представлял собой по форме прямоугольное сооружение с четырьмя квадратными башнями. В качестве основного материала использовались правильные каменные блоки. Общая площадь крепости составляет 40 кв. м. Окружен был замок и еще одной стеной, расположенной ниже по склону, которая частично была высечена в скале. Высота стены была в среднем 8–10 м, а толщина доходила до 3 м. Предполагалось, что крепость станет одним из главных форпостов на сервере королевства. Однако в источниках замок не фигурирует даже в качестве сборного пункта войск [Pringle 1997, р. 37–38].

К востоку от побережья Мертвого моря был возведен Замок Балдуина. Предполагалось, что замок станет опорным пунктом для контроля над торговыми путями, проходившими через эти земли. Крепость была возведена на отроге и размеры ее были 110 x 90 м. До наших дней дошли остатки стены, которые дают понять, что ее высота достигала 10 м. Помимо высоких каменных стен и казематов дополнительной защитой замку служили овраги и скалистые утесы, которых было множество в долине. Интересные свидетельства о событиях 499 г.х. (1105–1106) оставил арабский хронист Ибн аль-Каланси: «В этом году франки отправились к Саваду Тиверии и начали строительство замка Алаль между Савадом и Аль-Батанией» [Гибб 2009, с. 53].

Лучше всего из всех известных замков крестоносцев на Ближнем Востоке сохранился Эль-Карак. Его постройку связывают с дворянином Паганом Дворецким. Летописец Вильгельм Тирский так описывает это событие: «Примерно в это время некий дворянин по имени Паганус построил крепость в земле Аравия Секунда, которая получила название Керак... Это место было сильно укреплено как благодаря своему природному положению,

так и искусственными средствами... Наконец, во время правления Фулька, третьего короля латинян на Востоке, некий Паганус по прозвищу дворецкий, владыка владений, лежащих за Иорданом, построил на этом месте цитадель. Он был расположен на той же горе, где когда-то располагался город, но на менее крутом склоне, который спускался к равнине внизу. Преемники Пагана, а именно Маврикий, его племянник, и Филипп Наблусский, добавили ров и башни, чтобы сделать это место еще более неприступным» [Pringle 1997, p. 703–704]. Сама крепость являлась важным узловым пунктом линии защиты Иерусалимского Королевства от армий Эмира Египта. Замок успел пережить несколько мелких набегов и крупных осад, и пал лишь при нашествии Салах-ад-Дина в 1188 г.

Известен и еще один замок, расположенный в 25 км к западу от Иерусалима – Ле Торон де Шевалье. Информации о том, кем и когда он был основан нет. Единственный источник, где упоминается замок, – Хроники Альфонсо Императора: «После того как граф Родриго Гонсалес поцеловал руку короля и попрощался со своей семьей и друзьями, он отправился в дальнее путешествие в Иерусалим, где участвовал во многих сражениях с сарацинами. Он построил очень сильный замок в Тороне напротив Аскалона, значительно укрепил его рыцарями, пехотинцами и провиантами и поручил его рыцарям Храма» [Barton, Fletcher 2000, p. 184]. Из источника становится ясно, что в дальнейшем замок был передан ордену тамплиеров. Изначально он представлял собой башню площадью 14 кв. м и толщиной стен до 4 м. Был в замке и цокольный этаж со сводчатыми стенами. Вход в крепость располагался на западной стороне. На склонах холма близ крепости, повторяя его форму, была сооружена внешняя ограда.

Стоит отметить, что в исследовании были рассмотрены далеко не все крепости, но важность выше приведенных фортификационных сооружений для защиты Иерусалимского королевства неоспорима. Не оспорим и тот факт, что с созданием государств крестоносцев на территорию Святой Земли приходит и европейская школа фортификации, которая, смешиваясь с арабской, формирует новую промежуточную культуру, повлиявшую на развитие фортификации в самой Европе. Особенностью новой культуры строительства крепостей стало использование различного вида камня как основного материала в строительстве башен. Сами башни стали строиться круглой формы, что было более эффективно при обороне. Еще одним новшеством стали машикули, перенятые у мусульман. Вокруг крепости франки стали выкапывать сухой ров. Крепости были основой системы обороны государств крестоносцев, на них делали большую ставку и, в том числе, отдавали в управление военно-монашеским орденам. Для многих из них крепости стали не просто временной базой, а домом, за который они готовы были сражаться до последней капли крови. Строительство линий обороны позволило

взять под контроль многие торговые маршруты, которые проходили через Иерусалимское королевство. Крестоносцы считали, что, построив цельную линию обороны, они смогут защитить завоеванные земли, однако они не учли, что их главной проблемой были не армии мусульман, а собственная разобщенность и недоверие к своим союзникам европейцам. Именно это и приведет их к поражению в битве за Святую Землю.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Браун Р. По следам крестоносцев. Путеводитель по замкам Израиля. Модиин, 2010.

Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. М., 2009.

Торквато Тассо. Извлечение из поэмы «Освобожденный Иерусалим» (между 1563 и 1575 гг.) // История Средних веков: Крестовые походы (1096–1291 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. СПб.; М., 2001. С. 192–208.

Фульхерий Шартрский. Иерусалимская история / пер. А.Н. Слезкина. СПб., 2020.

Pringle D. Secular Buildings in the Crusader Kingdom of Jerusalem. An Archaeological Gazetteer. Cambridge, 1997.

William of Tyre Archiepiscopi Chronicon / ed. R.B.C. Huygens. Vol. 1–2. Turnholt, 1986.

Barton S., Fletcher R. The World of El Cid. Chronicles of the Spanish Reconquest. Manchester; New York, 2000.

Kennedy H. Crusader Castles. Cambridge, 1994.

D.D. RakhoV

Kazan (Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

PROTECTION OF THE HOLY LAND: FORTRESSES OF THE KINGDOM OF JERUSALEM IN THE 11th–13th CENTURIES

This scientific article is devoted to the analysis of the historical role of the fortresses built by the crusaders in the Kingdom of Jerusalem in the period from the 11th to the 13th centuries. The author explores the development of fortress architecture, their strategic importance and influence on the political and military history of the region. The results of the study can be useful for understanding the military-strategic aspects of the Crusades and the history of the Holy Land.

Keywords: Fortress, Castle, Kingdom of Jerusalem, Crusades, Fortifications, Towers.

А.И. Сухоруков
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

НИКИФОР I И СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ: РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА В ЖИЗНЕОПИСАНИИ

В статье рассматривается, как византийские источники повлияли на создание «Повести временных лет». В качестве примера взяты два исторических деятеля, судьбы которых похожи – это византийский император Никифор I и древнерусский князь Святослав Игоревич. Автор сравнил жизни этих правителей по двум аспектам: во-первых, были рассмотрены хронологические рамки их правления, во-вторых, проанализированы источники, которые описывают их деятельность. В работе использовались такие источники, как «Повесть временных лет», «История» Льва Диакона о Святославе и византийские хроники Георгия Амартола и Феофана о Никифоре I. В статье был сделан вывод, что в жизнеописании Святослава есть схожие элементы с правлением Никифора I, которые не были заимствованы летописцем напрямую, но повлияли на создание истории о гибели Святослава в 972 г.

Ключевые слова: Никифор I, Святослав Игоревич, смерть, Феофан летописец, Георгий Амартол, Повесть временных лет, Лев Диакон.

Существует множество работ, посвященных биографии древнерусского князя Святослава Игоревича. В этих работах детально рассматриваются важнейшие внешнеполитические решения князя, а также анализируются положительные и отрицательные аспекты его правления. До XX в. у многих историков преобладали позитивистские взгляды относительно объективности летописных данных о первых древнерусских князьях. Выдающиеся историки нач. и сер. XIX в. писали о правлении Святослава Игоревича по большей части, оценивая его деятельность и не подвергая сомнению данных «Повести временных лет» (далее – ПВЛ). Однако в конце XIX – нач. XX в. картина изменилась. Ученые стали проявлять интерес к анализу ПВЛ с точки зрения лингвистических данных и параллелей с другими иностранными источниками, например, византийскими авторами [Шахматов 2002]. На современном этапе развития науки исследователи уделяют особое внимание

критическому анализу летописных сводов. Они стремятся углубиться в детали и конкретные события, описанные в этих документах.

В настоящее время достоверность летописных сообщений о Святославе Игоревиче, как и о других древнерусских князьях, вызывает сомнения. В некоторых работах исследователи уже находили схожие параллели судеб Святослава Игоревича и Никифора I при сопоставлении византийских источников с древнерусскими летописями [Данилевский 2004, с. 124–125; Вилкул 2018, с. 99]. И.Н. Данилевский в своей работе «Герменевтические основы изучения летописных текстов», рассматривая последние годы правления Святослава, замечает схожие элементы в описании смерти князя с Никифором I, но не углубляясь в более детальный анализ двух этих правителей, приходит к мнению, «что описание последних лет жизни Святослава в ПВЛ вряд ли стоит воспринимать, как протокольно-точное описание того “как все было на самом деле”. Скорее, это попытка метафорически передать смысл событий, происходивших в конце 60-х гг. X века. Речь идет, видимо, о преемственности христианских сакральных центров мира Иерусалим – Константинополь – Преслав – Киев» [Данилевский 2004, с. 167].

Другие ученые проводили более детальное исследование, сравнивая смерть этих двух правителей. Например, в работе «Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда...» А.Ф. Литвинова и Ф.Б. Успенский, анализируя древнегерманские и византийские источники, а также ПВЛ, приходят к выводу о сходстве смерти Святослава Игоревича со смертью двух византийских императоров – Балдуина и Никифора I, склоняясь при этом ко второму варианту. Более того, авторы считают, что и достоверность сообщения о смерти Никифора I вызывает множество вопросов: «Таким образом, хотя мы ни в коем случае не можем полностью отрицать возможности того, что “Хроника” Феофана описывает реальный, действительно имевший место факт, мы все же считаем более вероятным литературное происхождение рассказа о голове императора Никифора. Это, в свою очередь, повышает вероятность книжного генезиса истории о посмертной судьбе князя Святослава Игоревича» [Литвинова, Успенский 2018, с. 119]. В своей статье «“Святославида”, или что общего у князя Святослава Игоревича с “героями песнопевца Гомера”» С.А. Козлов не соглашается с концепцией, предложенной Ф.Б. Успенским и А.Ф. Литвиновой, считая, что заимствование деталей смерти князя и его «истории с черепом» могло произойти не напрямую из византийских источников, а из общефольклорного фонда, поскольку рассказы о черепах имели характер бродячего сюжета [Козлов].

Есть авторы, которые проводят параллели между Святославом и другими историческими личностями. В работе «Фантомная история Киевской Руси 862–1113. Проблематика древнерусского летописания» Е.В. Сахаров пытается развить концепцию о происхождении княжеской династии Рюри-

ковичей от самих римских императоров. По его мнению, до 1113 г., т.е. до правления Владимира Мономаха, повествование о первых русских князьях летописцем ни что иное, как выдумка: не существовало ни одного из тех князей, которые фигурируют в ПВЛ. Древнерусские князья, такие как Рюрик, Олег, Игорь Ольга, Святослав и другие имели прототипы в лице римских императоров (Рюрик – это Юлий Цезарь; Олег Вещий – Октавиан Август и т.д.). Святослав Игоревич сопоставляется в данной книге с Нероном. Также, как и Нерон, Святослав пытается перенести столицу своего государства, и, подобно римскому императору, князь был гонителем христиан. Все это позволяют автору считать, что именно римский император Нерон являлся прообразом при создании биографии Святослава в летописных сводах [Сахаров 2009, с. 24–25]. Но Е.В. Сахаров забывает объяснить, почему же в византийских источниках и в других иностранных хрониках, которые были написаны задолго до ПВЛ, упоминаются первые древнерусские князья и их походы. Или же иностранные авторы нам тоже врут? Вопрос остается открытым.

Упомянутые мной историки, находя сходство в сюжете правления Никифора I и Святослава, сосредотачиваются на смерти древнерусского князя, не уделяя должного внимания сравнению их биографий в целом. Однако, важно провести более детальный анализ летописных данных о деятельности обоих правителей – от восшествия на трон до самой смерти. Прежде чем рассматривать византийские и русские источники, следует сравнить хронологию правления Святослава Игоревича и Никифора I.

В самом начале повествования о жизнедеятельности князя и «цесаря» наблюдается различие и некоторое сходство между ними: Никифор I пришел к власти в результате восстания и получил ее незаконным путем, Святослав же был законным правителем Руси: он унаследовал власть от своего отца. Но до прихода к власти Святослава и Никифора государством правила вдова правителя или княгиня. С одной стороны, это была княгиня Ольга, которая стала регентшей после смерти Игоря в 945 г. С другой стороны, Ирина, которая, как и регентша Ольга при малолетнем сыне Константине, также пришла к власти в Византии. Если рассматривать их политическую деятельность, то можно заметить лишь некоторые общие черты: оба правителя вели постоянные войны и конфликтовали с разными народами и государствами, включая Болгарское царство. И в обоих случаях их правление закончилось трагически – гибелью на поле брани.

Однако при более детальном рассмотрении их биографий возникают сомнения в возможности провести аналогии между ними. Мы видим образы успешного военного полководца в лице Святослава и неудачливого военного политика в лице Никифора I. Военные заслуги Святослава гораздо значимее, чем явные военные проигрыши Никифора I тем же болгарам и ис-

ламским государствам. Кроме того, Никифор I проводил внутренние политические реформы в своем государстве, чего не делал Святослав. В рамках хронологии стоит сосредоточиться на конкретных исторических событиях (походах на Болгарию) и конечном пути их жизни – смерти. Оба правителя, Никифор I и Святослав, совершили несколько походов на Болгарское царство, но одного ждали поражения в этих военных походах, другого – удачи. Единственным исключением является первое поражение Святослава в войне с Византией 970–971 гг., а у Никифора I победа при взятии и разгроме болгарской столицы в 811 г. Но и тут мы видим кардинальные различия, в одном случае проигрыш, в другом победа. Что же касается смерти, мы видим, что правители погибают после похода, не доходя до столицы. Их поджидают военные отряды: Святослава – печенеги во главе с ханом Курей на Днепровский порогах, а Никифора – болгары во главе с царем Крумом в Вырбишском ущелье. В обоих случаях правителей неожиданно атаковали, и они погибли. Хотя сходство в их судьбах очевидно, остается неясным, почему князь Святослав на год задержался на Днепровских порогах, не пытаясь добраться до дома, как это сделал его воевода Свенельд. Возможно, летописец, составляя ПВЛ, запутался в хронологии и записал еще один год в пути Святослава Игоревича, объяснив это разливом Днепра. Но какую характеристику и интерпретацию преподносят нам летописцы при описании их правления?

Византийский император, согласно хронике, предстает перед нами как настоящее воплощение зла. Он идет против своего народа, идет против Бога. Его душа бесчувственная, «всегда непроницаемою личиною бесстыдства» [Феофан Византиец]. Он пытается скрывать свои чувства под маской, но народ видит все его козни. Становиться очевидно, что автор приукрашивает информацию о личных качествах самого византийского императора, для него, как я уже повторюсь, Никифор I – безбожник, который сделал все возможное для ненависти к его личности. Никифор I изображен в «Хронографии» Феофана трусом. Хронисту было важно показать, что византийский император не способен принимать важные внешнеполитические решения, он просто не способен вести боевые действия. Он не готов терять свою власть, не может мужественно, как тот же Святослав, сражаться против своих врагов. Никифор I боится смерти и готов пойти на сделку с самим «дьяволом».

Святослав Игоревич в ПВЛ напротив изображен мужественным и храбрым воином. Он приравнивает себя к обычным бойцам некняжеского происхождения: не спит в шатрах, ест только зажаренное мясо, не возя с собой ни возов, ни котлов – «...такими же были и все остальные его воины...» [Повесть временных лет 1996, с. 168]. Летописец тем самым показывает приближенность древнерусского князя к простому люду, а именно к своим

воинам. Святослав заботится об их благосостоянии, почитая каждого в своей дружине.

Если мы обратимся ко Льву Диакону, то увидим, что он, как и ПВЛ, изображает древнерусского князя Святослава Игоревича отважным, мужественным и деятельным правителем. Он почитаем и уважаем в своем государстве и в народе, за ним готова следовать его дружина в его постоянных походах – это свидетельствует о его высоком статусе, как князя. Но Лев Диакон, как патриот своей страны (Византийской империи) повествует о Святославе, как о жестоком, свирепом и горделивом воине. Он готов пойти на все, чтобы одержать победу над своим противником: «...со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность» [Лев Диакон 1988, с. 56]. Он также «надменный одержанными победами» над мисянами отвергает мир, предложенный византийским императором Иоаном Цимисхием. Святослав планирует завоевать весь Константинополь и возложить дань на византийцев. Тут мы можем заметить параллель с аналогичной историей с Никифором I. Он также, как и Святослав Игоревич, перед роковым сражением отвергает предложенный болгарами мирный договор, который мог отсрочить его смерть. «Охваченный варварским бешенством и безумием...» [Там же, с. 57] Святослав затмил свой разум.

Находясь уже в бедственном положении, он продолжает сражаться с византийским императором, считая, что сможет одолеть его в битве у Доростола и что вскоре сможет добраться до самих ворот Царьграда: «...мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его...» [Там же, с. 57]. Однако Лев Диакон не ограничивается только уничтожительными характеристиками древнерусского князя, как свирепого военачальника, как это делает тот же Феофан, рассказывая о правлении Никифора I. Святослав в его работе заботится о своих воинах: «...он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов...» [Там же, с. 81]. Вот почему говорить о сходстве внутренних качеств Святослава Игоревича и Никифора I мы не можем. Один предстает нам в ПВЛ и в сочинении Льва Диакона отважным князем, готовым пожертвовать жизнью ради победы своего войска, а другой хитрым трусом, не способным к ведению военных действий.

В отношении к религии наблюдается явное сходство между летописями о князе и византийском императоре. Феофан и Георгий Амартол, описывая правление Никифора I, рассказывают о его неблагочестивых поступках [Феофан Византиец; Истрин 1920, с. 486–487]. Император делал все ради внешнего вида, а не ради Бога. Его правление стало катастрофой для право-

славного мира. Византийские летописи описывают Никифора I как человека, который прекратил борьбу с инакомыслящими и негодовал на обвинения в адрес еретиков. Большая часть духовной элиты не поддерживала императора и выступала против его социальных реформ и неудачных военных походов. В летописи Феофана также упоминается вопрос, связанный с отношением Никифора I к традициям византийских христиан: «Он порицал тех, которые издревле приносили Богу златые и серебряные сосуды, и объявил свою волю, что можно осквернять общественным употреблением церковную святыню, как Иуда думал о мире Господнем» [Феофан Византиец].

Император ввел новые налоги, которые усугубили положение простых византийцев. Он также пытался незаконно отнимать имения православных и придумывал другие бесчисленные утеснения. Пытаясь показать всю степень безбожных верований императора и его отношение к религии, Феофан описывает попытку покушения на Никифора I со стороны христианина в образе монаха: «1-го числа октября месяца, в третий день недели, какой-то неизвестный человек, в виде монаха, выхватив у воина из ножен меч, вбежал во дворец и искал убить Никифора...» [Там же]. Это божественное предзнаменование должно было подтолкнуть императора к переосмыслинию своих политических решений в отношении православного мира Византийской империи.

Описание в ПВЛ отношения к христианам Святослава похоже. Он отказывается от предложения матери принять православие, объясняя это тем, что население его может не понять и ополчиться против него. Летописец дает понять читателям, какая насильственная смерть ожидает древнерусского князя за его богохульство: «не зная, что кто матери не послушает – в беду впадет, как сказано: “Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет”» [Повесть временных лет 1996, с. 167]. Хотя Никифор I был православным, а Святослав Игоревич оставался язычником, мы можем говорить о сходстве в том, как книжники описывали их отношение к вере. Как и Святослав Игоревич, Никифор I высмеивал православных, совершал поступки, противоречащие традициям церкви, что является грубым нарушением правил христианской религии.

Завершая анализ источников, следует отметить одно из главных сходств – гибель обоих правителей в сражениях с врагами. Святослав Игоревич пал в бою с печенегами, а византийский император Никифор I – в схватке с болгарами. После смерти обоих из их черепов были сделаны соусы для питья. Я уже сравнивал хронологию сражений и гибели этих правителей. Теперь рассмотрим информацию, доступную нам из источников.

В битве на Днепровских порогах Святослава атаковал печенежский хан Куря. Этот персонаж упоминается только в ПВЛ. После победы Куря сделал из черепа Святослава чашу. В ПВЛ говорится: «И убили Святослава, и взяли

его голову, и сделали чашу из черепа, оковав его и пиши из него» [Там же, с. 172]. Сравнивая описание смерти Святослава в ПВЛ и в «Истории» Льва Диакона, можно заметить явные различия. Византийский историк не упоминает ни о каком Куре и не говорит о чаше из черепа русского князя. Это заставляет усомниться в достоверности этих исторических сведений. Откуда автор летописи взял информацию о чаше из черепа? Ответ можно найти в истории гибели Никифора I.

В повествовании Георгия Амартола тоже фигурирует имя, похожее на имя убийцы Святослава – Курей, «Круммос», царь Первого болгарского царства. После смерти византийского императора он также сделал из его черепа чашу [Истрин 1920, с. 487]. Но в отличие от Хроники Амартола, Феофан в своем труде не может дать точного ответа, кто именно совершил убийство византийского императора. Или это совершили болгары, или сама свита и его приближенные пошли на этот поступок [Феофан Византиец]. Таким образом, детали гибели Святослава Игоревича – имя убийцы и использование чаши из черепа – возможно были взяты не у Феофана, а из текста Георгия Амартола, который описывает историю правления Никифора I. Это предположение можно сделать, учитывая сходство сюжетов с ПВЛ.

Подводя общий итог всему выше сказанному, мы замечаем схожие элементы жизнеописания, связанные с религией и последними годами жизни этих личностей. Военные походы, личные качества правителей и внутренние реформы своей страны не могут считаться заимствованными или даже переписанными с византийских хроник. Не стоит считать, что биография Святослава полностью повторяет жизнь этого византийского императора. ПВЛ заимствовала отдельные сюжеты для своего повествования, не переделывая полностью биографии русских князей под сообщения о византийских императорах. Вероятнее всего, что автор ПВЛ заметил общие сходства в описании жизни Святослава с событиями правления императора Никифора I и решил позаимствовать сюжет, описывающий смерть этого деятеля из-за недостатка информации о гибели древнерусского князя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Истрин В.М. Книги временные и обранья Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Пг., 1920.

Лев Диакон. История / пер. М.М. Копыленко; отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988.

Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996.

Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Ispovednik/hronografija/

Вилкул Т.Л. Как составитель Начальной летописи работал с Хроникой Георгия Амартола // «Повесть временных лет» к 900-летию создания: сб. науч. ст. СПб., 2018. С. 84–100.

Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

Козлов С.А. «Святославида», или что общего у князя Святослава Игоревича с «героями песнопевца Гомера». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyatoslav-ili-chto-obschego-u-knyazya-svyatoslava-igorevicha-s-geroyami-pesnopervt-sa-gomera/viewer>

Литвинова А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М., 2018.

Сахаров Е.В. Фантомная история Киевской Руси: 862–1113. Проблематика древнерусского летописания. М., 2009.

Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскание о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

*A.I. Sukhorukov
St. Petersburg (Russia)
Saint Petersburg State University*

NIKIFOR I AND SVYATOSLAV IGOREVICH: DIFFERENCES AND SIMILARITIES IN BIOGRAPHY

The article examines how Byzantine sources influenced the creation of The Tale of Bygone Years. As an example, we took two historical figures whose fates were similar – the Byzantine emperor Nikephoros I and the ancient Russian prince Svyatoslav Igorevich. The author compared the lives of these rulers in two aspects: firstly, the chronological framework of their reign was examined, and secondly, the sources that describe their activities were analyzed. The work used such sources as “The Tale of Bygone Years”, “The History” of Leo the Deacon about Svyatoslav and the Byzantine chronicles of George Amartol and Theophanes about Nikephoros I. The article concluded that in the biography of Svyatoslav there are similar elements with the reign of Nikephoros I, which were not borrowed directly by the chronicler, but influenced the creation of the story of the death of Svyatoslav in 972.

Keywords: Nikifor I, Svyatoslav Igorevich, death, Theophanes the chronicler, George Amartol, The Tale of Bygone Years, Leo the Deacon.

Н.Ю. Гребенников, А.С. Николаева

г. Москва (Россия)

Высшая школа экономики

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: КНЯЗЬ ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВИЧ КАК ФИЛАНТРОП

В статье рассматривается благотворительная деятельность князя Владимира Святославича. Древнерусские книжники описывали филантропию с опорой на библейские тексты. Показывается, что для древнерусских книжников нищета и церковное благочестие были основополагающими чертами в формировании образа идеального князя.

Ключевые слова: пожертвования, Владимир Святославич, христианство, Начальный свод, Иаков Мних, Иларион.

Идея пожертвований появляется задолго до утверждения христианства – с существования греческих полисов и Римской Республики, а затем Империи. Императоры жертвовали что-то жителям своего любимого города с целью показать свою любовь к ним, а не утвердить власть над его населением [Brown 2002, р. 4]. Ожидалось, что жители будут любить свой город, проявлять благосклонность ко всем его жителям [*Ibid*, р. 5]. Подавляющая часть населения, получающая от императора дары, признавалась «бедняками» [*Ibid*].

Истоки практики христианской благотворительности содержатся в текстах Священного Писания. Во втором Послании апостола Павла к Коринфянам отмечается, что подаяние – залог любви Божьей: «Кийждо яко же изволение иметь сердцемъ, не от скорби, ни от нужды: доброхотна бо дателя любить Богъ» (2 Кор. 9:7). Евангелист Матфей указывает характеристику совершенного человека, данное Иисусом Христом: «Рече ему Иисусъ: аще хощеши совершенъ быти, иди, продажъ имѣние твое и дажъ ницымъ: и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди вслѣдъ Мене» (Мф 19:21).

Цель исследования – раскрыть и описать феномен благотворительности в домонгольской Руси на примере княжения Владимира Святославича.

Благотворительные практики Владимира описываются в Повести временных лет (далее – ПВЛ). Она составлена к 1115 г. и переписана игуменом

Выдубицкого монастыря Сильвестром в 1116 г., легла в основу Лаврентьевской летописи. Вторая редакции ПВЛ была составлена летописцем Мстиславом Владимировичем 1117 г. и отразилась в Ипатьевской летописи [Гиппиус 2012, с. 38–49]. Свод, предшествующий ПВЛ, до 6523/1015 г. отразился в Новгородской первой летописи младшего извода (далее – Н1Л), и был назван А.А. Шахматовым «Начальным» [Шахматов 2002, с. 26–31; 2003, с. 31–71, 380–412, 428–465]. Свод создан в 1091 г. [Алешковский 1976, с. 139–141]. Существует предшественник Начального свода – монотематическое Сказание, созданное в нач. или 1-й пол. XI в. [Гиппиус 2012, с. 50–55]. Оно основывалось на устном предании и вело свое повествование от основания Киева до крещения князя Владимира [Там же, с. 54]. Привлекается «Память и Похвала Владимиру» Иакова Мниха, посвященная прославлению Владимира Святославича. По одной из версий «Похвала» составлена позже 1050/1051 гг., но до конца 1080-х гг. [Милютенко 2008, с. 92], по другой – до 1160-х гг. [Введенский 2017, с. 45–54]. Анализируется «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, где переосмысливается место Руси в христианском мире. По мнению А.В. Назаренко, «Слово» было произнесено в Софийском соборе в 1045–1046 гг. [Назаренко 2005, с. 121–123]. Еще один источник, где отмечается милость Владимира Святославича по отношению к обездоленным – Несторово Чтение о Борисе и Глебе. Оно составлено между 1081 г. и 1088 г. [Шахматов 2002, с. 58]. Анализируются Жития кн. Владимира Святославича¹. Установлено, что первый и второй вид Жития по классификации А.А. Шахматова совпадает с делением на Пространную и Краткую редакции Прологных житий [Лосева 2009, с. 132]. Житие отразилось в Пространной редакции Пролога, который был составлен между 1165 и 1168 гг. [Введенский 2017а, с. 368]. Краткая же редакция Пролога появилась на рубеже XII–XIII вв. [Лосева 2009, с. 124].

В истории домонгольской Руси князь Владимир Святославич – первый Рюрикович, который начал делать пожертвования разным общественным слоям Древней Руси. Первый вклад князя был сделан в Десятинную церковь по завершении ее строительства (989 г. по Лаврентьевской², 991 г. – по Ипатьевской): это были иконы, церковные сосуды и кресты, которые он захватил в Корсунь в походе 988 г. [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 121, 122; Т. 2, стб. 106]. Дополненная фраза читается в Начальном своде: указывается, что кресты были «честныя съ драгым камениемъ» [НПЛ, с. 165]. Передача десятины от князя в храм Успения Пресвятой Богородицы в летописи

¹ Обзор Житий дан Б.М. Клоссом [2003, с. 199–201].

² Н.И. Милютенко предположила, что неточность в двух редакциях ПВЛ связана с тем, что протограф Лаврентьевской летописи – свод 1305 г., был ветхим, куда и вкрались ошибки в текст ПВЛ [Милютенко 2008, с. 76].

описывается как праздник, «от имѣния моего и от град моих» [НПЛ, с. 165; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1, стб. 124; Т. 2, стб. 109]. Практика передачи десятой части доходов не была воспринята Владимиром из Византийской империи, а связана с «налоговой практикой первых правителей восточных славян», т.е. восходит еще к языческим временам [Темушев 2023, с. 189]. В Древней Руси Церковь на начальном этапе существования зависела от княжеских финансов, поскольку не располагала земельным фондом, который мог бы способствовать ее материальному обеспечению [Там же, с. 184]. Владимир Святославич раздавал много «имения» представителям разных социальных слоев: «...и створи праздник великий в тои день бояромъ своимъ и старцомъ градскымъ, и убогымъ раздая имѣние много...» [НПЛ, с. 166]³. Остается неясным, что подразумевает под «именями» летописец, но в другом известии фигурирует раздача денежных средств – гривен – по случаю строительства церкви в Васильеве после победы над печенегами в 996/6504 г.: «...и творяще праздникъ великий: 300 бѣрковъсковъ меду россыпи, и созва боляры своя и старѣшины и посадники своя по всѣмъ градомъ своимъ, раздаваше 300 гривень убогымъ...» [НПЛ, с. 166]⁴. Как видим, все известия уже читались в Начальном своде и в своей основе восходят к Древнейшему сказанию [Гиппиус 2012, с. 59].

В чем состояла мотивация Владимира щедро одаривать население? В праздник Успения св. Богородицы в 996 г. Владимир слышал молитвы и евангельские чтения. Согласно им, не стоит копить богатство на бренной земле: оно может быть украдено. Следует приумножать богатство в Небесном царстве. Те, кто продаст имение и пожертвует нищим – будут помилованы [НПЛ, с. 166; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1, стб. 125; Т. 2, стб. 110]. Этот фрагмент едва ли может восходить к Древнейшему сказанию, поскольку для него не характерно использование прямого цитирования из Библии [Гиппиус 2012, с. 51]. Проявление щедрости к нуждающимся является неотъемлемым элементом жизни любого христианина [Herrin 2013, p. 272]. Владимир пытался следовать этим общепринятым установлениям. Князь задумывался и о своей загробной жизни, поэтому «повелѣ всяку нищю и убогу приходить на дворъ княжъ и възимати всяку потребу, питье и ядение, и от скотыничь кунами. Устрои же и се рекъ, яко “немощини и болнии не могутъ долѣсти двора моего”; повелѣ пристроити кола, накладше хлѣбъ и мясь, рыбъ... а въ другихъ квасъ, и возити по граду, и въпрашати: “Кдѣ болнии, нищии, не

³ В ПВЛ старцы именуются «людьскими» [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1, стб. 124; Т. 2, стб. 109].

⁴ По ПВЛ: «...и творяше праздникъ, варя 300 переваръ меду, и зваше бояры своя и посадники, и старѣшины по всимъ градомъ, и люди многы; и раздаваше 300 гривень оубогимъ...» [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1, стб. 125; Т. 2, стб. 109].

могущи ходити”, и тѣмъ раздаваху на потребу» [НПЛ, с. 166, 167; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1, стб. 126; Т. 2. Стб. 110]. По нашему мнению, отрывок Начального свода идеально восходит к «Похвале» Иакова Мниха. В «Похвале» говорится о внимании Владимира к нищим и больным: «Иже немощныя и старыя не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то в домы имъ посылаше, немощнымъ и старымъ, всяку потребу блаженный князь Володимеръ деяше. ... и нищая, и сироты, и вдовицы, и слѣпья, и хромыя, и трудоватыя, вся милуя, и одѣвая, и накормя, и напаяя» [БЛДР. Т. 1, с. 322].

Летописный рассказ Начального свода упоминает пир: «...устави пиръ творити на дворѣ въ гридницѣ, и приходити бояромъ и гридемъ и сочкымъ и десячъскимъ и нарочитымъ мужа, при князи же и безъ князя» [НПЛ, с. 167]. Трапеза подготовлена для зависимых от князя людей, т.к. выше летописец оговаривает раздачу «потребы» нищим, а затем «и се же пакы творяще людемъ своимъ» [Там же]. В «Похвале» Иакова Мниха иные акцентные доминанты. Последовательно указываются три пира Владимира: «... первую митрополиту съ епископы, и съ черноризцѣ, и съ попы; вторую нищимъ и убогымъ; третью собѣ, и бояромъ своимъ, и всемъ мужемъ своимъ» [БЛДР. Т. 1, с. 320]. Таким образом, у Иакова Мниха акцент сделан на отдельных трапезах для лиц разного социального статуса, а не на княжеском пире.

При описании раздачи милостыни и организации общественных обедов, устраиваемых Владимиром Святославичем, книжники опирались на библейские тексты, что в целом соответствует композиции средневековых нарративов. Они могли обращаться к Евангелию от Луки, который вкладывал в уста Христа следующие слова: «... егда сотвориши обѣдь или вечерю, не зови друговъ твоихъ, ни братии твоєя, ни сродникъ твоихъ, ни сосѣдъ богатыхъ... Но егда твориши пиръ, зови нищія, маломощныя, хромыя, слѣпья: и блажень будеши, яко не имуть ти что воздати: воздать же ти ся въ воскрешение праведныхъ» (Лука 14: 12–14).

В Чтении о Борисе и Глебе нищелюбие Владимира упоминается вместе с языческой верой: «...бѣ же мужъ правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ, Елинъ же вѣрою» [Жития святых мучеников... 1916, с. 1916]. Нестор описал компилитивный образ князя Владимира, основываясь на разных источниках, прежде всего, на «Памяти по похвале» Иакова Мниха. В ней читается та же последовательность низших социальных слоев, которым благоволил Владимир.

Пассаж о благотворительности князя включен в версию Жития пристранной редакции Пролога. После смерти Владимира его вспоминали «яко заступника сироты, яко помощника нищии, вдовицы, яко печалника и кормителя...» [Лосева 2009, с. 430]. Нищелюбие выступает одной из княжеских добродетелей, которую нельзя опустить – иначе образ равноапостольного

князя будет выглядеть незавершенным. Вполне вероятно, что на момент XII в., когда составлялось Житие Владимира, в книжных кругах князь мыслился заступником обездоленных.

Практика благотворительности, постепенно распространявшаяся на Руси, была заимствована из Византии, где уже с IV в. филантропия признавалась превыше всех других добродетелей [Stathakopoulos 2008, с. 166]. По мнению Д. Статхакопулса, имперская идеология филантропии в Восточной Римской империи сформировалась на стыке между частной заботой императора, который действует предусмотрительно и заботливо по отношению к своим подданным, а с другой стороны, христианской идеей милосердия по отношению к нуждающемуся [Ibid, s. 172]. Возможно, описание благосклонного отношения Владимира к низшим социальным слоям древнерусского общества восходит к «Поучению» Агапита – «византийскому» зерцалу VI в., который был известен на Руси, начиная с XI в. Одежда, которая никогда не обветшает – это мантия благотворительности, а нерушимое платье – любовь к бедным людям. Только тот, кто облачен в пурпур любви к бедным, будет удостоен Царствия Небесного⁵. Книжники старались приблизить Владимира Святославича к низшим слоям населения, как это практиковалось в Византии. В празднование 12 дней между Рождеством и Богоявлением императоры приглашали в дворец бедняков, чтобы они могли отобедать вместе с гостями василевса [Ibid, s. 174]. Так византийский император упражнялся в том, чтобы быть похожим на Иисуса Христа [Ibid, s. 175]. Богатство, согласно христианской мысли, является Божиим даром, который следует использовать в подражании Богу, а не для собственного удовлетворения [Herrin 2013, р. 275]. Владимир Святославич, располагая большим количеством земных богатств, принимал во внимание эту простую, но важную христианскую мысль.

Причина повышенного внимания Владимира к обездоленным указывается в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Она раскрывается через цитату пророка Даниила вавилонскому царю Навуходоносору: «Съвѣть мои да будеть ти годѣ, царю Науходоносоре, грѣхы твоя милостинями оцѣсти и неправды твоя щедротами нициихъ». Еже слышавъ ты, о честьниче, не до слышания стави глаголаное, нъ дѣломъ съконча, просящимъ подаваа, нагыя одѣвая, жадныя и алчныя насыща, болящимъ всяко утѣшение посылаа, должностна искупая, работнымъ свободу дая» [БЛДР. Т. 1, с. 48]. Владимир, по словам Илариона, стремился искупить свои грехи. Проявляемая забота о нищих и убогих, по мнению князя, могла подойти для этого. Владимир стремился быть примерным христианином, «идеальным» правителем, подражая во многом византийским императорам, в осо-

⁵ Цит. по: [Stathakopoulos 2008, с. 171].

бенности Константину Великому. Именно этот император активно выделял средства на раздачу бесплатного хлеба гражданам, построил дома для престарелых и бедных [Нетрин 2013, р. 277]. Владимир Святославич мог задумываться о том, какие воспоминания о своем правлении оставит. Он стремился к тому, чтобы как современники, так и последующие поколения вспоминали его щедрым и человеколюбивым правителем. Было ли так на самом деле, или Иларион пытался представить читателю образ христианского правителя, следя в нарративе распространенной практике средневековых хронистов, – ответить трудно. Как показано выше, большинство пассажей о благотворительности князя имеют библейскую основу, поэтому можно говорить о сознательном формировании образа с маловероятной опорой на историческую действительность.

Таким образом, практика благотворительности появилась на Руси с принятием христианства. Она идеально восходит к новозаветным текстам. Князь жертвовал церковную утварь, раздавал деньги, устраивал обеды для нищих и убогих. Книжники, конструируя образ идеального христианского правителя, показывали, что князь Владимир Святославич был щедр и следовал христианским заповедям. Вполне вероятно, что образ крестителя Руси, покровительствующего духовенству и нуждающимся, стал примером для книжников в процессе создания житийных произведений и некрологов⁶ о других князьях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Библиотека литературы Древней Руси [БЛДР]. Т. 1. XI–XII века / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 1997.

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / под. ред. Д.И. Абрамовича. Пг., 1916.

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.

Новгородская первая летопись старшего и младшего извода [НПЛ] / под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет / под. ред. Е.Ф. Карского: 2-е изд. Л., 1926.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись / под ред. А.А. Шахматова: 2-е изд. СПб., 1908.

⁶ К примеру, нищелюбие в качестве черты, свойственной князю, отмечено в некрологе Романа Ростиславича, а любовь к духовным лицам и подношения Церкви, как и строительство храмов, подчеркивается во всех некрологах Ростиславичей [Конявская 2017, с. 87–88].

Алецковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковоедение отечественной истории: сб. ст., 1975. М., 1976. С. 133–163.

Введенский А.М. О времени составления «Памяти и похвалы Иакова Минха» // Исследования по истории Восточной Европы. 2017. Вып. 11. С. 45–54.

Введенский А.М. Проложные жития первых русских святых и летописный источник Пролога // Руслан эпохи Владимира Великого: Государство, церковь, культура: мат. Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига князей Бориса и Глеба (14–16 октября 2015 г.) / отв. ред. Н.А. Макаров и А.В. Назаренко. Москва; Вологда, 2017а. С. 351–370.

Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Руслан в IX–XI веках: археологическая панorama. Москва; Вологда, 2012. С. 37–63.

Клосс Б.М. Житие князя Владимира // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я.Н. Щапова. М., 2003. С. 199–201.

Конявская Е.Л. Некрологи Ростиславичам в Ипатьевской летописи // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 85–92.

Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники / науч. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2008.

Назаренко А.В. О времени написания «Слова о законе и благодати» Илариона // Восточная Европе в древности и Средневековье – XVII. Проблемы источниковедения. Ч. 1. М., 2005. С. 121–123.

Темуциев С.Н. Налоги и дань в Древней Руси. М., 2023.

Шахматов А.А. История русского летописания Т. 1. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / отв. ред. В.К. Зиборов и В.В. Яковлев. СПб., 2002.

Шахматов А.А. История русского летописания Т. 1. Кн. 2. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды / отв. ред. В.К. Зиборов, В.В. Яковлев. СПб., 2003.

Brown P. The Poverty and the Leadership in the Later Roman Empire. Hanover; London, 2002.

Herrin J. Margins and Metropolis: Authority across the Byzantine Empire. Princeton; Oxford, 2013.

Stathakopoulos D. “*Philoptochos basileus*”: Kaiserliche Armenfürsorge zwischen Rhetorik und Realität in Byzanz // Zwischen Ausschluss und Solidarität: Modi der Inklusion / Exklusion von Fremdem und Armen / Hrsg. Raphael L., Uerlings H. Frankfurt a. M., 2008. S. 165–179.

*N.Y. Grebennikov, A.S. Nikolaeva**Moscow (Russia)**HSE University*

CHARITY IN PRE-MONGOL RUSSIA:
PRINCEPS VLADIMIR SVYATOSLAVICH AS A PHILANTHROPIST

The article examines the charitable activities of Princeps Vladimir Svyatoslavich. Old Russian scribes described philanthropy based on biblical texts. It is shown that for the Old Russian scribes, love of poverty and church piety were fundamental features in forming the image of an ideal ruler.

Keywords: donations, Vladimir Svyatoslavich, Christianity, The Initial code, Jacob Mnich, Hilarion.

А.Р. Галиев

г. Екатеринбург (Россия)

Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

**ВОЕННЫЕ СОЮЗЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА
ИОАННА VI КАНТАКУЗИНА С ТУРЕЦКИМИ ЭМИРАМИ
В 1341–1347 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ВИЗАНТИЙСКИХ
ИСТОЧНИКОВ XIV–XV вв.**

В настоящем исследовании предпринимается попытка оценить влияние турецкой военной помощи эмиров Умура и Орхана на победу Иоанна Кантакузина в гражданской войне 1341–1347 гг. Автор приходит к выводу, что турецкие войска Умура являлись не основной и не регулярной военной силой Кантакузина, пусть и принесли значительный вклад в победу императора, а союз с Орханом был заключен в первую очередь для того, чтобы османскими войсками не воспользовались противники Кантакузина.

Ключевые слова: Иоанн Кантакузин, гражданская война 1341–1347, Умур, Орхан, турецкие войска.

Византийская гражданская война 1341–1347 гг. вылилась в затяжной вооруженный конфликт, следствием которого стал экономический и политический кризис в империи. Противоборство шло между великим доместиком Иоанном Кантакузином, провозглашенным императором, и регентским советом, состоявшем из императрицы Анны Савойской, патриарха Иоанна Калеки и великого дуки Алексея Апокавка. Враждующие стороны активно привлекали на свою сторону различные военные формирования из иностранцев: сербов, турок, болгар. Однако наиболее массово вмешивались в гражданскую войну турецкие эмиры Умур и Орхан. В настоящем исследовании предпринимается попытка оценить влияние турецкой военной помощи на победу Иоанна Кантакузина.

В литературе распространено мнение, что Кантакузин победил в войне только благодаря турецкой помощи Умура и Орхана, которые предоставляли ему значительные армии. Г.А. Острогорский писал, что поддержка турок «дала ему преимущество над противниками, можно даже сказать, что она

в конечном итоге с военной точки зрения решила исход византийской гражданской войны» [Острогорский 2011, с. 623]. Р.М. Шукuroв считает, что «именно помощь Умура в 1341–1343 гг. позволила Кантакузину избежать разгрома и полного краха политической карьеры» [Шукuroв 2017, с. 201]. А.В. Зыкова рассуждает, что сербы и турки стали «ключевым инструментом гражданской войны», и именно с их помощью Кантакузин смог «подчинить своему влиянию византийские территории и получить желаемое им право на регентство над несовершеннолетним наследником престола» [Зыкова 2023, с. 317]. Дж. Файн утверждает, что «к 1345 году, при поддержке Фессалии и турок Умура, Кантакузин одержал верх в византийской борьбе» [Fine 1994, р. 307]. Наконец, Г. Вайс делает такое заключение: «Не сила византийских последователей принесла победу Кантакузину, а жестокая помощь турецких войск не только Умура, но и Орхана» [Weiss 1969, с. 42].

Умур был эмиром бейлика Айдын на побережье Эгейского моря. Он был знаком с будущим императором задолго до гражданской войны. Ученый XIV в. Никифор Григора писал, что «Умур с давних пор, поскольку служ о Кантакузине, сопровождаемый рукоплесканием и песнями, прошел по всей суще и морю, сделался весьма ревностным его поклонником и обещал ему всю жизнь хранить нерушимую дружбу по отношению к нему» [Никифор Григора 2014, с. 24]. Историк Д. Николь писал, что между Кантакузином и Умуром завязалась дружба еще в 1335 г., и уже тогда эмир осуществлял военную помощь для императора Андроника III [Nicol 1996, р. 35]. Согласно повествованию Григоры, Умур прибыл зимой 1342–1343 гг. к Ди-димотихону, пытаясь узнать, что происходит с его другом Иоанном Кантакузином, он не зашел в город, но стал лагерем рядом с ним [Никифор Григора 2014, с. 64]. Не принял Умур и подарков императрицы Ирины Кантакузины, поскольку считал, что «будет крайне неуместно, если, в то время как друг его помещен в суровые условия в чужой и зарубежной земле, он будет проводить время в удовольствиях» [Там же, с. 66]. Умур утешал императрицу, «находившуюся в этой трагической ситуации, и от всей души обещал слушать ей во всем, чего она пожелает» [Там же, с. 67]. Однако затем из-за мора и холода он вернулся в свою страну. Григора хотел доказать, что Умур, ведомый благородных порывом, прибыл в Византию в зимнее время года, когда на море был шторм и армия испытывала всякие неудобства, чтобы отыскать Кантакузина. Складывается впечатление, что лагерь Умура у Ди-димотихона служил охраной города.

Историк XV в. Дука описывал эти события иначе. Умур не только привел с собой в Ди-димотихон «около пятисот турецких всадников и столько же пехотинцев», но и отправил «остальные войска грабить все побережье от Галлиполи до Селимбны под предлогом того, что Умур был союзником Кантакузина» [Doukas 1975, р. 69]. Впечатление создается совсем иное: Умур уже

не защищает императрицу Ирину, а словно берет ее в заложники. На Дуку, очевидно, оказывали влияние события XV в., потому он не мог описывать турецкие войска на византийской территории как однозначно благородные и союзные, как это делал Григора. Но не вызывает сомнений, что войска Умурра грабили окрестности Диадимотихона, как это делали любые иные отряды турок в Византии, прикрываясь тем, что грабят противников Кантакузина.

Далее Григора писал, что Кантакузин запросил войска Умуря в июле 1343 г., когда был блокирован армией Алексея Апокавка в Верии [Никифор Григора 2014, с. 79]. Вскоре к василевсу прибыл флот Умуря из двухсот кораблей [Там же, с. 83], и турки «разграбили подчиненные трибальские села» [Там же, с. 84]. Сомнительно, что турки избирательно грабили только трибальские, т.е. сербские поселения, не трогая ромейские. Умур хотел окружить Фессалонику и взять ее приступом, но Кантакузин «считал, что не стоит являть превосходство своих сил за счет страданий осажденных, но что повстанцы, приди наконец в отчаяние от голода и будучи вынуждены осадой, сдадутся сами и сдадут город на условиях капитуляции» [Там же, с. 87]. В итоге Умур «отпустил остальную армию домой за море, <...> а при себе оставил только шесть тысяч отборных воинов» [Там же, с. 87]. Василевс с Умуром ушли в уже дружественную Кантакузину Фракию и к зиме 1343–1344 гг. захватывали «[только те] тамошние города, которые склонялись к отпадению» [Там же, с. 88].

Весной 1344 г. Умур вернулся в свою страну, «пообещав чуть позднее вернуться к Кантакузину еще более сильным помощником» [Там же, с. 101–102]. Он действительно вернулся весной 1345 г. к Диадимотихону, а «затем оттуда вместе с императором дошел до Византия, чтобы посмотреть город, а если понадобится, то и атаковать» [Там же, с. 130]. Григора хотел этим сказать, что ромейско-турецкие войска Кантакузина к этому времени уже контролировали всю территорию, кроме столицы. Вскоре Умур вернулся в Малую Азию и более не смог прийти к Кантакузину, занятыйвойной с латинянами. Осенью 1345 г. будущий месадзон Димитрий Кидонис написал василевсу хвалебное письмо, в котором радовался, что «бывшие врачи теперь являются защитниками, а император укрошаet их силой оружия и хитрой дипломатией» [Demetrios Kydones 1981, с. 132], имея в виду турецких союзников. В этом заявлении действительно можно усмотреть не только восхваление императора, но и объективный факт: турки, до этого практически всегда игравшие роль разорителей, теперь были военными союзниками и даже подчинялись императору. «В то, что среди людей [турок] когда-либо были воинственные волнения, поверить нелегко даже тем, кто сам от них пострадал» [Ibid, с. 132], – писал ученый, полагая, что император полностью контролировал своих союзников. По всей видимости, Кидонис намеренно не говорил о турецких грабежах.

Император Иоанн Кантакузин полагал, что и без помощи Умура он достигал значительных результатов. В 1344 г., не имея при себе никаких турецких войск, поскольку армия Умура ушла в Малую Азию, а союз с Орханом не был еще заключен, Кантакузин контролировал обширную территорию. Он писал: «Император взял под свой контроль все города страны, за исключением нескольких, и что вскоре он завоюет и остальные, и что он осаждает столицу частыми атаками» [Johannes Kantakuzenos 2011, s. 346–347]. Таким образом, фессалийских, македонских и фракийских войск, которые он сумел набрать в ходе военных действий, хватило для того, чтобы контролировать большую часть страны. Кроме того, интересно заметить, что именно Умур помешал Кантакузину отстоять часть осаждаемых сербами городов. Так, турецкий эмир уговорил императора летом 1345 г. не следовать скорым маршем к осаждаемому сербами городу Фера, но спешно отправиться всей армией на осаду столицы. В итоге столицу взять не удалось, а Фера сдалась сербам. Кантакузин прямо винил в этом своего турецкого союзника и писал: «Между тем император Кантакузин был крайне недоволен тем, что в столице не происходило ничего такого, на что он надеялся, и обвинял вождей турок и других полководцев в том, что он потерял Феры и другие города Македонии из-за их опрометчивости и ограниченности. Он подозревал, что после того, как они покинут города, король легко возьмет их, поскольку они уже оставили всякую надежду на помощь императора» [Ibid, s. 366–367].

Тем не менее, нельзя преуменьшать турецкую помощь Кантакузину. К примеру, император находился в неустойчивых отношениях с болгарским полунезависимым правителем Момчилом, который постоянно переходил от союзничества с императором к открытой войне с ним. Примечательной является ситуация, в которой Момчил, разгромивший один из отрядов Кантакузина, скоро попросил прощения, и император, явно не имея достаточных сил, чтобы разбить противника, у которого образовалось «значительное войско», был вынужден простить этого человека. Кантакузин с сожалением писал, что он «считал невозможным наказать Момчила» [Ibid, s. 283]. Но вскоре «Момчил вновь объявил императору войну и изо всех сил разорил города Халкидики» [Ibid, s. 284].

«Момчил обладал определенным авторитетом и значительной военной силой», которую сам император точно не называл. Григора указывал, что в армии Момчила было четыре тысячи конных воинов [Никифор Григора 2014, с. 131], а историк Дж. Файн утверждает, что пять тысяч пехоты и три тысячи всадников [Fine 1994, p. 304]. Разбить Момчила Кантакузин смог только с помощью Умура. Император «организовал армию ромеев и варваров [турок] на три части: правым флангом командовал Умур со своими турками; они должны были беспокоить противника из луков, стреляя во фланги; левый фланг возглавил Иоанн Асень, брат императрицы Ирины;

в его состав входили закованные в доспехи ромеи, искусные в бою на копьях; серединой, наконец, командовал сам император во главе отборных ромеев и персидских [турецких] людей» [Johannes Kantakuzenos 2011, s. 352–353].

Орхан являлся вторым эмиром османского бейлика. Орхана и Кантакузина связывают давние военные и политические отношения. В 1337 г. Кантакузин с небольшим отрядом отбил нападение Орхана на окрестности Константинополя [Никифор Григора 2013, с. 413], а в 1341 г. до начала гражданской войны заключил с ним мир [Johannes Kantakuzenos 2011, s. 35]. Дука писал, что в 1345 г. Орхан выступил против Кантакузина на стороне константинопольского регентства и «отправил десять тысяч турок, которые пересекли пролив в Город, где константинопольцы с радостью их приветствовали» [Doukas 1975, p. 71], однако «турки не смогли добиться никаких успехов против Кантакузина, поскольку этот человек был чрезвычайно компетентен в военных вопросах <...> Много плених турок он предал мечу» [Ibid, p. 71]. После этого военно-династический союз с Орханом, заключенный в 1346 г., Кантакузин стремился оправдать следующим образом. Он писал: «Император Кантакузин теперь получил известие, что императрица отправила к Орхану посольство, чтобы завоевать его в качестве союзника; поэтому он также послал к нему послов и позаботился о том, чтобы тот присоединился к нему, а не к константинопольцам» [Johannes Kantakuzenos 2011, s. 329–330]. Как можно видеть из этого сообщения, первой причиной привлечения Орхана на свою сторону стало стремление Кантакузина не допустить его привлечение на сторону врагов. Когда Умур в последний раз покинул императора (лето 1345 г.), Кантакузин мог полагаться только на ромейские силы. Он сумел разбить турок Орхана, однако хотел, чтобы в будущем эти войска были на его стороне, а не стороне его противников. Через некоторое время Орхан потребовал дочь Кантакузина себе в жены [Ibid, S. 390]. Взамен на это Орхан пообещал быть «не только товарищем по бою и другом, но и сыном, и разместить все свои силы там, где прикажет» [Ibid, S. 390] васильевс. Григора здесь был согласен с Кантакузином и тоже писал, что Орхан сам потребовал дочь императора в жены: «Это было, конечно, ненормально, что живущий где-то далеко пожилой мужчина, да к тому же варвар, просто понаслышке влюбился в очень молодую и красивую девушку из благородной семьи» [Никифор Григора 2014, с. 161]. Григора был также согласен и с тем, что основной причиной союза Кантакузина и Орхана являлось недопущение союза Орхана с противниками императора. Что было достигнуто, поскольку османский эмир «немедленно расторг свои договоренности с императрицей Анной. И с этих пор Кантакузин стал страшен и непобедим» [Там же, с. 161]. Дука писал иначе: «Кантакузин пообещал выдать ему замуж свою дочь и множество сокровищ в качестве приданого» [Doukas 1975, p. 72]. Кантакузин, с точки зрения Дуки, сам стремился

к этому союзу и сам предложил османскому правителю свою дочь, чтобы тот «протянул руку помощи» [Ibid, p. 72]. В этом же духе рассуждал Халкокондил: «Кантакузин <...> заключил брачный союз с Орханом, чтобы приобрести могущественного друга и союзника» [Laonikos Chalkokondyles 2014, p. 37]. Впрочем, Халкокондил считал, что союз был в равной степени выгоден и для Охрана, поскольку османский эмир «благодаря этому браку заключил мир с греками и с этого момента воевал против варварских правителей Фригии, с которыми у него был спор» [Ibid, p. 37].

Для историков XV в., живущих уже в совсем иной реальности отношений с османами, выдача дочери за османского правителя явно была неприемлемой, потому они не стремились объяснить это инициативой Орхана и тем частично оправдать Кантакузина. Не упоминали они и о том, что этот союз было необходимо заключить, чтобы Орхан не выступил против императора.

Перед согласием на этот брак Кантакузин спросил мнение Умура и отправил к нему посольство. «Он увидел в этом прекрасную идею и рекомендовал заключить брачный союз. Дружба и родство с варварам, говорил он, принесут большую пользу в борьбе с врагами ромеев» [Johannes Kantakuzenos 2011, s. 391], – так писал Кантакузин о позиции Умура по этому вопросу. Если принять во внимание, что Умур был не только военным союзником, но и другом Кантакузина, то можно поверить в искренность этого сообщения. Еще более важным кажется следующее уточнение, которое делал Умур со слов Кантакузина: «Даже если ему в настоящее время не нужны варвары для войны против своих соплеменников, <...> сила была бы необходима против соседних правителей, которые причинили большую несправедливость и взяли под свой контроль многие города и страны ромеев» [Ibid, s. 391]. Таким образом, Кантакузин вновь хотел указать, что он контролировал все византийские территории, кроме Фессалоники и Константинополя, с помощью своих войск, и подкрепление против ослабленного правительства в Константинополе ему не требовалось. Еще одним важным преимуществом Орхана была территориальная близость его владений. Если земли Умура располагались на территории византийской Лидии в Малой Азии, то государство Орхана находилось в бывшей византийской Вифинии, т.е. на другом берегу Босфора. Он мог значительно быстрее переправить свои войска на помощь императору. Кантакузин писал об этом: «Поскольку Орхан находился недалеко, тем более что он контролировал область от Пафлагонии до Фригии на море, император Кантакузин легко мог при необходимости пригласить к себе своего союзника» [Ibid, s. 329–330], о том же говорил Умур на страницах истории Кантакузина: «Орхан взял под свой контроль территорию напротив Фракии, и поэтому ему было легко оказать помощь, когда он захотел» [Ibid, s. 391]. Итак, если Умура, с некоторыми оговорками, можно считать не только союзником, но и другом Кантакузина,

то союз с Орханом для императора – вынужденная мера союза с бывшим врагом, на которую он пошел из стратегических соображений.

Военные союзы Кантакузина с Умуром и с Орханом были вызваны разными обстоятельствами. Умур помогал Кантакузину благодаря дружбе с ним и, очевидно, ради грабежей византийских территорий. Его помощь не была регулярной, поскольку эмир прибывал в Византию лишь три раза на несколько месяцев. Учитывая тот факт, что Кантакузин мог контролировать обширные территории только с помощью своей армии, можно судить, что помощь Умура была дополнительной. Однако сил Кантакузина явно не хватало для того, чтобы справиться с большой вражеской армией, например войском Момчила. Возможно предположить и то, что Кантакузин не стремился набрать значительную византийскую армию, поскольку часто мог рассчитывать на помощь Умура. Союз с Орханом был заключен ради того, чтобы не допустить подобного соглашения эмира с константинопольским регентством. Кантакузин стремился видеть его в качестве сильного союзника, ради чего пошел на династический союз. С этих пор военная мощь василевса значительно повысилась, вне зависимости от того, насколько необходимы были османские войска в конце гражданской войны против ослабленного регентства. Можно судить, что турецкая помощь Умура и Орхана хоть и была значительной, однако с рядом военных задач Кантакузинправлялся самостоятельно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Никифор Григора.* История ромеев. Т. 1 / пер. с греч. Р.В. Яшунского, вступ. ст. Л. Герд. СПб., 2013.
- Никифор Григора.* История ромеев. Т. 2 / пер. с греч. Р.В. Яшунского. СПб., 2014.
- Demetrios Kydones.* Briefe. Erster Teil, erster Halbband (Einleitung und 47 Briefe) / Übers. u. erl. von F. Tinnefeid. Stuttgart, 1981.
- Doukas.* The Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks / transl. by G.J. Magoulias. Detroit, 1975.
- Johannes Kantakuzenos.* Geschichte. Dritter Teil (Buch 3) / Übers, u. erl. von G. Fatouros und T. Krischer. Stuttgart, 2011.
- Laonikos Chalkokondyles.* The Histories. Vol. 1 / transl. by A. Kaldellis. L., 2014.
- Зыкова А.В. Инструментарий борьбы за власть константинопольского триумвирата и Иоанна Кантакузина в гражданской войне 1341–1347 гг. // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 6. С. 310–319.
- Острогорский Г. А. История Византийского государства. М., 2011.
- Шукров Р.М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017.

Fine J.V.A. The Late Medieval Balkans: A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Michigan, 1994.

Nicol D.M. The Reluctant Emperor: A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk, C. 1295–1383. Cambridge, 1996.

Weiss G. Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969.

A.R. Galiev

Yekaterinburg (Russia)

Ural Federal University

MILITARY ALLIANCES OF THE BYZANTINE EMPEROR JOHN VI KANTAKOUZENOS WITH THE TURKISH EMIRS IN 1341–1347 BASED ON BYZANTINE SOURCES OF THE 14th–15th CENTURIES

This study attempts to assess the impact of Turkish military assistance from the emirs Umur and Orhan on the victory of John Kantakouzenos in the civil war of 1341–1347. The author concludes that Umur's Turkish troops were not the main or regular military force of Kantakouzenos, although they made a significant contribution to the emperor's victory, and the alliance with Orhan was concluded primarily to prevent the Ottoman troops from being used by Kantakouzenos' opponents.

Keywords: John Kantakouzenos, civil war of 1341–1347, Umur, Orhan, Turkish troops.

М.А. Несин
г. Санкт-Петербург (Россия)
МОО «Историческое сознание»

НАБЕГИ ВЯТЧАН 1486 г. НА УСТЮГ И ОТВЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ ВОЙСК

В данной работе комплексно проанализированы сведения источников о набегах вятчан на Устюг 1486 г. и ответных действиях велиокняжеских войск. Ставятся вопросы о локализации Осиновца, отсутствии деления вятских бояр на противоборствующие промосковскую и антимосковскую партии. Автор показывает, что вятчане не объединялись с Казанским ханством против Ивана III.

Ключевые слова: Иван III, Вятская республика, Костя Юрьев, Осиновец, Казанское ханство, Устюг.

Во 2-й пол. XV в. Великое княжество Московское и Казанское ханство соперничали за Вятскую землю, стремясь подчинить ее своему влиянию. В 1459 г. велиокняжеские войска во главе с князем Иваном Юрьевичем Патрикесовым совершив поход на Вятскую землю взяли два города – Орлов и Котельнич, а жителей главного города Хлынова / Вятки (нын. Киров) привели к присяге великому московскому князю. Ермолинская летопись, сообщающая уникальные подробности об осаде Хлынова упоминает, что Василий II «князя Ивана Юрьевича» «на Вятку послалъ в свое мѣсто» [ПСРЛ. Т. 23, с. 156]. При публикации «Севернорусского свода 1472 г.» в 5 выпуске «Памятников литературы Древней Руси» выражение «в свое место» было переведено ленинградским филологом В.В. Колесовым как «наместником» [ПЛДР, с. 459]. Этот перевод представляется верным – ни про одного велиокняжеского воеводу в русских источниках не сообщалось, что он занимал место великого князя в качестве полководца, в том числе про новгородского наместника Андрея Федоровича Челяднина, которому в 1500 г. Иван III разрешил самому выбирать воевод во все полки, кроме самого главного, Большого [РК, с. 30], хотя обычно воевод всех полков назначал сам государь. Таким образом, в 1459 г. в завоеванной велиокняжескими войсками Вятской земле было введено московское велиокняжеское наместничество, и первым вятским наместником великого князя был назначен князь И.Ю. Патрикесев.

Другое дело, что это, равно как и велиокняжеское наместничество в вечевом Новгороде, не означало ни ликвидацию вятской вечевой республики, ни лишения вятчан возможности организовывать военные походы без санкции великого князя. В 1466 г. вятчане сходили в набег на Кокшенгу, что вызвало недовольство нового великого московского князя Ивана III. Тот велел перехватить вятскую флотилию устюжскому наместнику Василию [Федоровичу] Сабурову [ПСРЛ. Т. 37, с. 91]. (Другое дело, что Сабуров после трехдневных переговоров пропустил вятчан с награбленной добычей в обмен на «посул» [взятку] и не был за это наказан великим князем¹. Может быть, потому что у самих московских властей были напряженные отношения с кокшанами: в 1452 г. Кокшенту разоряли велиокняжеские войска, в 1471 г. – рать лояльного Москве удельного вологодского князя Андрея Меньшого.) При этом великий князь обычно не настаивал на участии вятчан в организованных им военных походах на Казанское ханство. Согласно велиокняжескому летописцу, в 1468 г. многие вятчане сами, а не по приказу великого князя и его воевод участвовали в походе велиокняжеского войска в Прикамье. А когда во время похода вятчане узнали о приближении к своему городу казанского воинства, часть из них вернулась назад по своей воле, а не с разрешения велиокняжеских воевод [ПСРЛ. Т. 26, с. 224; ПСРЛ. Т. 27, с. 125]². Пришедшее вскоре к Вятке большое казанское войско вынудило вятчан платить дань и держать нейтралитет в войне Ивана III с казанским ханом Обреимом [ПСРЛ. Т. 24, с. 188; ПСРЛ. Т. 26, с. 226; ПСРЛ. Т. 27, с. 126; Несин 2022, с. 107–110]. По мнению некоторых ученых, казанцы поставили в городе своего наместника [Худяков 1991, с. 40; Алишев 1995, с. 39; Волков 2001, с. 10–12; Волков 2014, с. 79; Волков 2018, с. 22], однако, как уже отмечалось в историографии, об этом в источниках не упоминается [Бахтин 2001, с. 164; Алексеев 2003, с. 16. Примеч. 24; Алексеев 2009, с. 71. Примеч. 205]. На мой взгляд [Несин, 2022. с. 107], можно сделать вывод, что в Вятке не было установлено казанского наместничества: в 1469 г. там находился только посол казанского хана, отправивший в Казань донесение о приближении русского

¹ Вероятно, после этой истории В.Ф. Сабуров решил перейти на службу к удельному дмитровскому князю Юрию Васильевичу (в 1471 г. Сабуров был его боярином [Зимин 1988, с. 191]). Однако, в отличие от князя И.В. Лыко Оболенского, который в 1470-х гг., занимая должность велиокняжеского наместника в Луках, грабил горожан и, спасаясь от велиокняжеского суда, перешел на службу к удельному князю Борису Волоцкому, В.Ф. Сабуров не подвергался преследованию и аресту со стороны Ивана III.

² В.В. Низов полагал, что вятчане были вынуждены в 1462 г. участвовать в организованном Иваном III походе на марийцев [Низов 1991, с. 97], однако в упомянутых им устюжских летописях об этом не сообщается.

войска [ПСРЛ. Т. 26, с. 226; ПСРЛ. Т. 27, с. 126]. Было ли при этом в Вятке ликвидировано великокняжеское наместничество или нет, не ясно³. При этом вятчане в значительной мере проводили самостоятельную внешнюю политику, ходя в 1471 г. в походы на Сарай и Северную Двину без санкции казанских властей. Типографская летопись (далее – Тип.) сообщает что они имели на обратном пути из Сарая боевое столкновение с казанцами [ПСРЛ. Т. 24, с. 191]. Но согласно наиболее обстоятельному рассказу великокняжеского летописания, они пробились «сквозь» ордынские суда, а казанскую заставу незаметно миновали [ПСРЛ. Т. 26, с. 240–241; ПСРЛ. Т. 27, с. 135]. Скорее всего никакого серьезного столкновения с казанским войском у вятчан не было. Разве что чуть было не столкнулись со стражей, либо с таможней, да и то прошли мимо нее. К существенному обострению отношения Вятки с Казанским ханством это не привело: источники не упоминают о конфликтах Казани и Вятки в 1-й пол. 1470-х гг. Лишь в 1478 г. казанский хан Обреим чтобы сильнее подчинить Вятскую землю Казанскому ханству, совершил поход на Вятскую землю; весной-летом великолепные воеводы совершили ответный поход на Казань, не снявший напряженности в московско-казанских отношениях и той же осенью Иван III держал «на Вятке» своих воевод на случай нового казанского набега [Несин 2022]. Этим он явно демонстрировал свои притязания на власть над Вятской землей.

Посажение в 1484/85 г.⁴ великим московским князем Иваном III на казанском престоле своего ставленника Мухаммед-Эмина не могло не обеспокоить жителей соседней Вятки, что их край в скором времени тоже окажется под властью Москвы. Едва ли случайно, что в 1486 г. вятчане совершили два набега на управляемый великокняжескими наместниками Устюг. Оба раза вятчане доходили только до городка Осиновца, расположенного более чем в 100 км от В. Устюга, в районе современного пгт Подосиновца Кировской области. Считается, что от Осиновца осталось Аксентьевское городище на левой стороне р. Юг. Вместе с тем, пока что там надежно не зафиксированы культурные слои позднее XV в. [ПАКО, с. 128]⁵, в то время как горо-

³ Летом 1489 г. жители Хлынова заявили великокняжеским воеводам, что служат Ивану III и платят ему дань [ПСРЛ. Т. 37, с. 50, 96]. Это можно понять двояко, и как уверение в исполнении старых традиционных обязанностей и как готовность возложить на себя с этой минуты новые обязательства в надежде уладить дело миром, откупившись выплатой дани и участием в каком-нибудь великолепном военном походе.

⁴ Обоснование датировки см.: [Несин 2023, с. 98. Примеч. 8; 2024, с. 91. Примеч. 1].

⁵ Позднее Л.Д. Макаров писал, что верхняя датировка XV в. возникла из-за ошибки в отчете при упоминании церкви XVIII ст., построенной позднее на го-

док Осиновец упоминается и в XVII ст. [см., напр.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15047. Л. 452 об; РИБ, с. 742, 814⁶; КБЧ, с. 167]. Поэтому вопрос об отождествлении Аксентьевского городища с городком Осиновцом пока остается открытым.

Согласно Устюжскому летописному своду нач. XVI в. (далее – УЛС), в 6994 (1485/86) г. 18 марта вятчане «пришли ратью на Устюг», однако до «города не дошли»: весть об их приближении «пришла» в Устюг «перед ними». Они добрались лишь до «городка» Осиновца, простояли под Осиновцом «день» и разорили 3 волости. Устюжане за ними ходили и «не дошли» (не достигли [Срезневский 1893, стб. 691; СРЯ 1977, с. 346]) их [ПСРЛ. Т. 37, с. 49⁷, 96]. Наличие точной даты появления вятчан в Устюжской земле под Осиновцом склоняет к выводу, что летописный рассказ написан по свежим следам. Как видно, вятчане собрали небольшую «изгонную» (расчитанную для внезапного нападения на Устюг, а не на открытый бой с подготовленным противником. – М.Н.) рать, поэтому узнав, что устюжане извещены об их приближении, предпочли избежать боестолкновения с устюжскими ратниками, и, потратив всего 1 день на разорение 3 волостей неподалеку от Осиновца, ретировались до прихода устюжан. Стоит отметить, что, вятчане, по-видимому, шли не на лыжах, а на конях: если они 18 марта только дошли до Осиновца, то по пути к Устюгу их бы, наверное, застигла оттепель. Составленная в конце XVI – начале XVII в. Вычегодско-Вымская летопись (далее – ВВЛ) вкратце пересказывает сообщения УЛС, уточняя, что вятчане не взяли Осиновец [Доронин 1958, с. 263]. Для этого хронисту не требовалось привлекать дополнительного источника, ибо это и так ясно вытекает

городище [Макаров 2013, с. 186]. Другое дело, что никаких материальных свидетельств существования городка в XVI–XVII вв., вроде керамики с Колотовского городища [Там же, с. 184], на Аксентьевском городище не было обнаружено.

⁶ Другое дело, что в то время городок уже пришел в упадок: некоторые писцы в те годы воспринимали Осиновец как бывший городок, отмечая осыпь (насыпь), на которой он «быль» [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 515, л. 410].

⁷ В 1-й редакции УЛС, сохранившейся в единственном списке Мациевича дата пропущена и эта погодная запись в ней представлена в сокращенном и дефектном виде: из нее не ясно, что во время второго набега вятчан на Устюг сделал их воевода Костя Юрьев, взяв топор и дойдя до леса, перед тем как «и ушел в городок Осиновец». Это проясняется в более полном тексте 2-й редакции УЛС (Архангелогородского летописца): взяв топор и дойдя до леса, он покинул воинство [ср: ПСРЛ. Т. 37. 49–50, 97]. К тому же надо учсть, что для Архангелогородского летописца не характерны вымыселенные календарные даты. Вернее полагать, что дата восходит к аутентичному летописанию, а не выдумана XVII ст. при создании Архангелогородского летописца.

из рассказа устюжского хрониста: тот, сообщив о разорении 3 волостей, не умолчал бы о взятии самого «городка», если бы оно имело место. Вероятно, вятчане не собирались его брать, а просто блокировали для того, чтобы осиновляне не мешали им разорять сельскую округу.

Весной вятчане снова отправились в набег на Устюг и опять дошли только до Осиновца. Как и в прошлый раз, в набеге на Устюг они хотели использовать фактор внезапности. Согласно УЛС, «о Троицыни» дни пришли на Устюг «изгоном» на судах и сели обедать под Осиновцом [ПСРЛ. Т. 37, с. 49, 96]. Оборот «о Троицыне дни» обычно понимают, как на Троицу, которая в 1486 г. приходилась на 14 мая. Однако в действительности он скорее означал не «на Троицу», а «около Троицы». Как я недавно отметил [Несин, 2024а, с. 79], в Стоглаве «о Велице дни» упомянуты радуница и «вьюнец» [Царские вопросы... 1890, с. 192–193], хотя, как известно, вьюнишник исполняли уже на пасхальной неделе и в первое воскресенье после Пасхи, а радуница и вовсе традиционно приходится на вторник второй недели после Пасхи. Таким образом, вятчане сели обедать под Осиновцом не строго 14 мая, а плюс-минус одна-две недели от этой даты. Во главе вятской судовой рати был поставлен воевода Костя Юрьев, который 15 лет тому назад возглавлял успешный набег вятчан на Сарай. В набег на Устюг он пошел «неволею» / «в неволю» (против своей воли). В походе его сын Иван Торопа заболел «трясцей» (лихорадкой) и захотел соснового сока [ПСРЛ. Т. 37, с. 49⁸, 96], живицы, которая действительно считается полезной при простудных и вирусных заболеваниях. Впрочем, не исключено, что Иван просто сказался больным для того, чтобы дезертировать. Когда вятчане сели обедать под Осиновцом, Костя сам вместе с сыном пошел в лес, взяв топор и, дойдя до леса, оставив войско ушел в Осиновец. Осиновляне «на конех отпустили» (Костю с сыном) со многими людьми на подводах (ездовых лошадях / телегах, запряженных лошадьми [СРЯ 1989, с. 236]) к Москве.

⁸ В дефектной записи списка Мациевича упоминание сына Кости пропущено (оборот «сын его» был вставлен публикаторами по Архангелогородскому летописцу, а в рукописи он отсутствует [ПСРЛ. Т. 37, с. 49. Примеч. р-р]) и получается, будто заболел и захотел соснового сока сам Костя. В результате имя Кости упоминается два раза подряд, при описании действий все того же Кости, что не характерно для Устюжского летописания [Там же, с. 49]. Более грамотным представляется чтение Архангелогородского летописца, согласно которому, Костя по неволе пошел с вятчанами, а заболел и захотел соснового сока его сын, и пошел Костя с ним в лес [Там же, с. 96]. К тому же, список Мациевича и Архангелогородский летописец сходятся на том, что осиновляне отпустили Костю на конях [Там же, с. 50, 96]. Таким образом, Костя «утек» вместе с сыном, ехавшим на другом коне.

И князь великий их (Костю с сыном [Анзимиров 2019, с. 50] / Костю и его спутников⁹) пожаловал» [ПСРЛ. Т. 37, с. 49–50, 96]. Очевидно, именно от Кости Юрьева Иван III узнал имена трех своих главных противников в Вятке – Ивана Аникеева, Пахома Лазарева и Палку Богодайщикова. 3 года спустя при покорении Вятки велиокняжеские воеводы потребовали у вятчан выдать этих «изменников и крамольников», которых потом доставили в Москву, и там Иван III велел их бить кнутом и потом повесить [ПСРЛ. Т. 37, с. 97]. (Рассказ т.н. общерусского летописания о взятии велиокняжескими воеводами Вятской земли в 1489 г., содержащийся в ряде памятников русского летописания начиная с сокращенного летописного свода 1493 г, также сообщает, что Иван III казнил смертью крамольников [ПСРЛ. Т. 27, с. 289]. Полагаю, что этот рассказ восходит к современному велиокняжескому летописанию конца XV в. На это указывают такие характерные черты, как наличие точной даты отправки Иваном III своих воевод в поход на Вятку [11 июня] вкупе с пышным титулованием Ивана III великим князем всея Руси и формулировкой причины похода велиокняжеских воевод на вятчан «за их неисправление» [Там же, с. 288].) Что касается вятчан, то они, хватившись своего воеводы, начали «приступати» (подходить) к Осиновцу, ожидая найти его в городе, но получили от осиновлян правдивый ответ, что воевода на конях с проводниками уехал в Москву и в ту же ночь бежали в Вятку. Оставшись без воеводы, вятская рать утрачивала боеспособность. К тому же после общения с осиновлянами «изгонный» набег на Устюг терял смысл, так как осиновляне могли успеть предупредить устюжан о приближении неприятельской судовой рати. ВВЛ приводит иную версию этого набега: «Вятчане пришедши на Устюг другояжды на судех подступиша, а осиновци и устюжана отбились» [Доронин 1958, с. 263]. Едва ли она является достоверной: для УЛС не характерно умалчивать о военных действиях или военных победах с участием устюжан. Тем более что после бегства воеводы вятчане под покровом ночи ушли восвояси, а не штурмовали Осиновец.

Уваровская и Софийская II (далее – СII) летописи, в которых, по мнению исследователей, отразился свод 1518 г. в повести «О взятии казанском от великого князя Ивана» (Ивана III в 1487 г.) ниже известия об отправке Иваном III русских воевод на Казань «о Велице дни» сообщает, что «тогда же

⁹ Н.С. Борисов, опираясь на дефектную запись списка Мациевича, в котором опущено упоминание ухода Ивана Торопы в лес, допускает, что сын Кости Юрьева был убит вятчанами [Борисов 2000, с. 376]. Но, как отмечено выше, тот же список Мациевича равно как и Архангелогородский летописец, сообщает, что осиновляне отпустили Костю на конях, а не на коне [ПСРЛ. Т. 37, с. 50, 96], следовательно, его сын уехал на другом коне.

и вятчане отступиша от великого князя» и великий князь послал «на вятчан» своего воеводу Юрия Шестатка Кутузова с «многою силою» (с большим войском), он «шед, умиришася с ними» и вернулся, «тогда же» и вятский воевода Костя прибежал к великому князю «къ» Москве [ПРСЛ. Т. 6, стб. 323, ПСРЛ. Т. 28, с. 318]¹⁰. Несомненно, под отступничеством вятчан подразумеваются их известные из устюжского летописания набеги на подвластные Ивану III земли Устюга: из второго набега из-под Осиновца и сбежал в Москву к Ивану III вятский воевода Костя Юрьев¹¹. На мой взгляд, автор

¹⁰ В более поздних памятниках русского летописания, доведенной до 1530-х гг. Львовской летописи и написанном в XVII в. Толстовском списке Тип. приведен аналогичный рассказ с некоторыми изменениями. Львовская летопись называет вятского воеводу Костю полным именем: Константин [ПСРЛ. Т. 20, с. 252], в Толстовском списке Тип. известие передано с некоторыми сокращениями: опущены упоминание лица, пославшего на вятку воеводу Ю.В. Шестака Кутузова, указание, чьим был этот воевода, сведение о большом размере его войска и название города, в который бежал вятский воевода Костя. При этом, фамилия Ю. Шестака Кутузова указана поздним переписчиком с ошибкой – Кутузов [ПРСЛ. Т. 24, с. 236].

¹¹ Другое дело, что некоторые исследователи пытались дать отступничеству вятчан от Ивана III иное объяснение. Н.М. Карамзин, со ссылкой на Львовскую летопись, заявил, что вятчане выгнали великокняжеского наместника [Карамзин 1819, с. 191], Н.И. Костомаров писал, что, когда великокняжеские войска отправились в поход на Казань, вятчане прогнали посланного к ним великокняжеского наместника [Костомаров 1863, с. 248]. Г.В. Вернадский, опираясь на труд Костомарова, утверждал, что в 1487 г. вятчане отказались от участия войне с Казанью [Вернадский 1997, с. 112]. То же со ссылками на Вернадского и Львовскую летопись пишет В.А. Юршина [Юршина 2018, с. 201, 203]. Однако, Львовская летопись не сообщает ни об изгнании вятчанами великокняжеского наместника, ни об отказе вятчан участвовать в «Казанском взятии». Такой информации нет ни в одном источнике. Как и сведений о том, что Иван III приглашал вятчан принять участие в этой кампании. К слову, в этом походе участвовали служилые люди, а не северорусские ополченцы вроде устюжан. Уже хотя бы поэтому вятчане не должны были призывать. Между тем, из уже известного во времена Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова Архангелогородского летописца, несложно понять, в чем именно заключалось отступничество вятчан от Ивана III: в 6994 (1486) г., вятчане совершили набеги на подвластные великому князю земли Устюга, оба раза дойдя до Осиновца, (во второй раз из-под Осиновца от вятчан и сбежал в Москву их воевода Костя Юрьев). Также в 6996 (1488) г. Юрий Шестак вместе с князем Иваном Владимировичем Оболенским Лыко до осени простояли в Устюге, охраняя устюжские земли от вятчан [ПСРЛ. Т. 37, с. 96]. (Впрочем,

данной летописной повести был современником тех событий и представителем кремлевского духовенства – скрупульно описывая события, происходившие за пределами Москвы, он знал даты прибытия в Москву вести о взятии Казани (и имя гонца), а также доставки пленного хана в Москву, и на чьем именно кремлевском дворе был поселен пленный хан [Несин 2024а, с. 96].

Если в устюжском летописании эти набеги с бегством Кости в Москву относятся к 1486 г., то повесть «О взятии Казанском...» относит их ко времени похода велиокняжеских войск на Казань, имевшего место в 1487 г. В основном исследователи полагались на более обстоятельный рассказ Устюжского летописания. Другое дело, что автор повести «О взятии казанском...» вероятно не стремился соблюсти строгую хронологическую последовательность. Примечательно, что в повести не упоминаются имена отправившихся в поход на Казань велиокняжеских воевод и татарского «царевича», а также пленного казанского «царя», зато упомянуты имена ходившего на Вятку воеводы Ю. Шестака Кутузова и сбежавшего к великому князю в Москву вятского воеводы Кости [ПСРЛ. Т. 6, стб. 323, ПСРЛ. Т. 28, с. 318]. Похоже на то, что автор повести не одобрял организованное Иваном III «Казанское взятие» с пленением казанского хана, ясно давая понять, что «тогда» надо было отдать приоритет разрешению конфликта с вятчанами, не ограничиваться примирением, а взять их главный город и захватить в плен правителей.

Разрядная книга под 6995 (1486/87) г. упоминает об отправке Иваном III «к Вятке» своих воевод Ивана Владимировича Лыка и Юрия Ивановича Шестака [РК, с. 21].

Устюжское летописание под 6996 (1488) г. сообщает, что эти воеводы великого князя стояли в Устюге и «стерегли» устюжан / устюжские земли «от вятчан» с двинянами, вожанами и каргопольцами [ПСРЛ. Т. 37, с. 50, 96]¹².

последняя датировка не точна: этим же годом датируется прошлогоднее солнечное затмение, случившееся 20 июля 1487 г.) Если это не отступничество вятчан от великого князя, то что? Так что, едва ли стоит изобретать какие-то дополнительные причины конфликта Ивана III с вятчанами, вроде отказа последних принимать участие в «Казанском взятии» 1487 г., участвовать в котором тех видимо и не приглашали.

¹² 2-я редакция УЛС (Архангелогородский летописец) ошибочно называет Ю. Шестака боярином и упоминает, что они простояли до осени и пошли прочь [ПСРЛ. Т. 37, с. 96]. Не ясно, восходят ли эти подробности к аутентичным известиям, пропущенным в более краткой записи списка Мациевича, или, напротив, являются поздней вставкой, основанной на простом рассуждении: до войны дела не дошло, но какое-то разумное время пришлось посторечь Устюг от потенциального нападения вятчан. В близком к Архангелогородскому летописцу тексте ВВЛ, добавлено, что пермские люди в то лето (год / летний сезон) «сидели ве-

На этом основании обычно делается вывод о еще одном северном походе этих воевод в 1488 г. Однако, как отметил покойный В.В. Низов, датировка этого известия не является достоверной: ниже в этой же погодной записи упоминается прошлогоднее солнечное затмение, случившееся на Ильин день (20 июля) 6995 (1487) г. [Низов 1991, с. 110]. Поэтому, князь И.В. Лыко Оболенский и Ю.И. Шестак стояли в Устюге не позднее 6995 (1486/87) г. Как видно, одной из причин похода войска князя И.В. Лыка Оболенского и Ю.И. Шестака Кутузова к Вятке с большим войском были сведения о намерениях вятчан совершить новый набег на устюжские земли. Надо полагать, вятчане не пошли на прямой конфликт с велиокняжескими воеводами и те, в свою очередь, с ними помирились, но не были уверены, что они больше не пойдут в набег на Устюг и потому стояли в нем какое-то время, охраняя город от их возможного нападения. Таким образом, инцидент не был исчерпан.

Другое дело, что московские власти действовали неторопливо, не спеша быстро доводить дело до войны, и пытались поначалу убедить вятчан добровольно признать власть Ивана III, отпустить полон и вернуть владельцам награбленное имущество. В какой-то мере они следовали политике Василия II и митрополита Ионы. Около 1452 г. Иона в грамотах к вятчанам и к вятскому духовенству призывал вятчан «добить челом» (изъявить покорность) Василию II, отпустить захваченных в 1451 г.¹³ на пр. Сысоле, Выми и Вычегде «християнских» пленников и «отдать» «грабежи церковные» (вернуть награбленное церковное имущество), намекая, что в противном случае дело дойдет до войны: «та кровь християнская вамь отольется» [АИ, с. 491–492]. И лишь в конце 1450-х гг. Василий II отправил на Вятку войска, его воеводы привели вятчан к крестоцелованию, при этом главный воевода великого князя И.Ю. Патрикеев стал в Вятке великокняжеским наместником. Во 2-й пол. 1480-х гг. Иван III действовал быстрее. Между 1486 и 1489 гг. митрополит Геронтий отправил в Вятскую землю два послания – одно вятскому духовенству, а другое вятчанам, в которых он практически

ликим страхованием от вятчан», и воеводы были присланы великим князем степень, помимо устюжских «мест», вычегодские [Доронин 1958, с. 263]. Не ясно, опирался ли поздний летописец на какой-то дополнительный источник, или домыслил, что вятчане снова могли начать разорять берега Вычегды, как во времена Василия II. В ВВЛ эти события упоминаются под 6994 (1486) г. Но стоит учесть, что в ней пропущены упоминания 6995 и 6996 гг. Поэтому не исключено, что по факту в одной погодной записи были объединены события разных лет.

¹³ ВВЛ сообщает об этом набеге вятчан под 1450 г. [Доронин 1958, с. 261]. На самом деле его следует отнести к 1451 г., после прибытия из Новгорода на Русский Север Дмитрия Шемяки [Несин 2015, с. 117–119; 2017].

в тех же самых выражениях, что его предшественник Иона настойчиво призывал вятчан «добрить челом» великому князю, «отдать грабежи церковные и христианские» (вернуть награбленное имущество у церквей и христиан), «бесхитростно» отпустить захваченный полон «християнских душ» [Там же, с. 141–142]. Речь, разумеется, шла о вещах и пленниках, захваченных вятчанами в 1486 г. в окрестностях Осиновца. В противном случае митрополит Геронтий, как в свое время Иона грозил вятчанам войной: «та кровь християнская вамъ отольется» [Там же, с. 142–143]¹⁴. (Разве что Геронтий, в отличии от Ионы, не уличал вятчан в жестоких расправах над православным населением велиокняжеских владений вроде сожжения множества людей в избах и хоромах, выжигания глаз и сажания младенцев на кол [ср.: АИ, с. 490]. Может быть, потому что в 1486 г. оба вятских набега в Поюжье были весьма кратковременными и поэтому, теперь вятчане больше занимались грабежами, чем массовыми зверскими убийствами.) Вятчане снова не послушались митрополита. Иван III в отличие от Василия II не стал ждать более 5 лет, не ограничился приведением вятчан к присяге с учреждением наместничества и даже арестом и казнию трех главных вятских «изменников и крамольников».

11 июня 1489 г. Иван III послал против вятчан «за их неисправление» своих воевод а вятских «больших» людей (бояр) извел (поголовно депортировал) с женами и детьми, посадив в Боровске, Кременце (нын. село Кременское Медынского района Калужской области) и Алексине где их наделил

¹⁴ Г.В. Вернадский усмотрел в послании Геронтия вятчанам просьбу не вступать в союз с мусульманами (казанскими татарами) против христиан, ссылаясь не на текст источника, а на его пересказ в работе Н.И. Костомарова [Вернадский 1997, с. 112]. По Костомарову, Геронтий упрекал вятчан в «соединении» с «погаными» [Костомаров 1863, с. 249]. В действительности в послании к вятчанам Геронтий припомнил им их давнюю «грубость» по отношению к велиокняжеской власти, давнюю поддержку велиокняжеских недругов, которых микролит называл «поганством», однако, имел ввиду отнюдь не иноверцев, а православных христиан, «отлученных» «отъ Божьи церкви» [АИ, с. 142]. Очевидно, митрополит намекнул на военные действия вятчан на стороне противников Василия II, удельных князей Юрия Дмитриевича, Василия Косого и Дмитрия Шемяки, прежде всего, последнего, действительно отлученного от церкви. (К слову, в послании митрополита Ионы вятчанам начала 1450-х гг. о Дмитрии Шемяке говорится в тех же выражениях: «съ отлученнымъ отъ Божия церкве съ княземъ Дмитриемъ съ Шемякою» [Там же, с. 490].) Если бы вятчане в самом деле совершали набеги на христианские велиокняжеские земли по договоренности с нехристианами-казанцами, или по инициативе казанского хана [Борисов 2000, с. 377] то глава русской церкви не стал бы это замалчивать.

землями [ПСРЛ. Т. 27, с. 288–289; ПСРЛ. Т. 37. с. 97]. При этом депортация коснулась также купцов, которых переселили в Дмитров [ПСРЛ. Т. 27, с. 289]. По мнению ряда историков, во 2-й пол. XV в. в Вятке боролись две боярские партии, промосковская и антимосковская [Эмасусский 1949, с. 37; 1996, с. 37–39; Борисов 2000, с. 375; Помелов 2017]. Однако, источники не сообщают ни о борьбе этих партий ни о наличии в Вятке того времени других приверженцев Ивана III, кроме сбежавшего в Москву вятского воеводы Кости Юрьева. Зато для удержания власти над Вятской землей великому московскому князю пришлось в 1489 г. выселить всю местную знать. Это скорее склоняет к выводу, об отсутствии в Вятке промосковской и антимосковской боярских партий как таковых и о том, что к московскому владычеству знатные вятчане в массе относились отрицательно. Это отчасти напоминает покорение Новгорода. После того как весной 1477 г. стало ясно, что Иван III намерен ликвидировать Новгородскую республику: посадить на всех улицах своих тиунов и построить на территории Ярославова двора – на месте городской вечевой площади – свою резиденцию, в Новгороде уже не осталось сторонников связей с Москвой. Новгородцы отвергли требования великого князя и избрали нескользких бояр, которые, по их мнению, проявили к великому князю излишнюю лояльность. Впоследствии Ивану III пришлось депортировать из Новгорода почти всех местных землевладельцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиюю [АИ]. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841.

Доронин П. Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисайлово-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 242–271.

Книга Большому Чертежу (Памятник XVII века) [КБЧ]. М.; Л., 1950.

Памятники литературы Древней Руси [ПЛДР]. Вып. 5. Вторая половина XV века. М., 1982.

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 6. Софийская вторая летопись. М., 2001.

ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962.

ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1962.

- ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи. Л., 1982.
- Разрядная книга [РК] 1475–1598 гг. М., 1966.
- Российский государственный архив древних актов [РГАДА]. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 515.
- РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15047.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией [РИБ]. Т. 12. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. СПб., 1890.
- Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинах (Стоглав). М., 1890.
- Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.
- Алексеев Ю.Г.* Летняя компания 1469 г. и великоокняжеская летопись // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2003. Вып. 3 (18). С. 3–16.
- Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
- Анзимиров Л.В.* Поместья вятчан в Московской земле // Исторический формат. 2019. № 3–4. С. 42–52.
- Бахтин А.Г.* Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: дис. ...док. ист. наук. М., 2001.
- Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.
- Вернадский Г. В.* Россия в средние века. М., 1997.
- Волков В.А.* Войны Московской Руси конца XV–XVI вв. М., 2001.
- Волков В.А.* Вятский поход Данилы Щени в 1489 году // Преподаватель XXI век. 2014. № 4. Ч. 2. С. 277–282.
- Волков В.А.* Иван III. Непобедимый государь. М., 2018.
- Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине в XV – первой трети XVI вв. М., 1988.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. СПб., 1819.
- Костомаров Н.И.* Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 1. СПб., 1863.
- Макаров Л.Д.* Материальная культура русского населения среднего течения реки Юг по данным археологии // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 182–188.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 1. А–К. СПб., 1893.
- Несин М.А.* Федор Васильевич Басенок // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. 7. С. 96–173.
- Несин М.А.* Поход Дмитрия Юрьевича Шемяки на Русский Север в 1450-х гг. // Творческое наследие А.А. Зимины и современная российская историография. Шестые Зиминские чтения: международная научная конференция, посвященная

95-летию со дня рождения Александра Александровича Зимины, Москва, 7 апреля 2015 г.: доклады, статьи и воспоминания. М., 2017. С.163–170.

Несин М.А. Казанский поход на Вятскую землю и русский поход на Казань 1478 г. // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Мария Михайловна Мартынова (1922–2003), Борис Григорьевич Плющевский (1912–1998), Николай Николаевич Латышев (1892–1953), Никифор Павлович Павлов (1922–2008): материалы III Всерос. науч. конф. (Ижевск, 14–15 апреля 2022 г.). Ижевск, 2022. С. 107–120.

Несин М.А. Русско-казанский конфликт начала 1480-х гг // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы X Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 6–7 декабр. 2022 г.). Ижевск, 2023. С. 95–114.

Несин М.А. Казанский престол в 1484–85/86 гг. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы XI-й Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых, Ижевск, 24–25 октября 2023. Ижевск, 2024. С. 82–91.

Несин М.А. К истории взятия Казани в 1487 году: проблемы хронологии и особенности организации похода // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году. Свияжск, 2024а. С. 78–107.

Низов В. Вятка в борьбе за политическую самостоятельность // Вятка: краеведческий сборник. Киров, 1991. С 93–119.

Памятники археологии Кировской области [**ПАКО**]. Материалы историко-архивных и библиографических исследований: справочник. Вып. 2. Киров, 2010.

Помелов В.Б. Конец Вятской вечевой республики, или откуда взялось выражение «Москва слезам не верит» // Вопросы педагогики: журнал. 2017. № 11. С. 75–78.

Словарь русского языка XI–XVII вв. [**СРЯ**]. Вып. 4. М., 1977.
СРЯ. Вып. 15. М., 1989.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства М., 1991.

Эмаусский А.И. Вятская земля в период образования русского государства. Киров, 1949.

Эмаусский А.И. История Вятского края в XII – середине XIX веков. Киров, 1996.

Юришина В.А. Герменевтический анализ присоединения Вятки к Москве // Множественность интерпретаций: цифровая перезагрузка: материалы VI Международной молодежной научно-практической конференции (Тюмень, 16 февраля 2018 г.). Тюмень, 2018. С. 200–205.

*M.A. Nesin**St. Petersburg (Russia)**MO "Historical Consciousness"*

THE RAIDS OF THE VYATCHANS IN 1486 ON USTYUG AND THE RETALIATORY ACTIONS OF THE GRAND DUCAL TROOPS

In this work, information from sources about the raids of the Vyatchans on Ustyug in 1486 and the retaliatory actions of the Grand ducal troops is comprehensively analyzed. Questions are raised about the localization of Osinovets, the absence of division of the Vyatka boyars into opposing pro-Moscow and anti-Moscow parties. The author shows that the Vyatchans did not unite with the Kazan Khanate against Ivan III.

Keywords: Ivan III, Vyatka Republic, Kostya Yuryev, Osinovets, Kazan Khanate, Ustyug.

И.Н. Мастяева
г. Москва (Россия)
Ин-т всеобщей истории РАН

УПАДОК ДИСЦИПЛИНЫ В АББАТСТВЕ МОНМАЖУР (ПРОВАНС) В КОНЦЕ XIII – 1-й ПОЛОВИНЕ XIV в.^{*1}

В статье исследуются политические и экономические факторы, действия аббатов, римских понтификов и местной знати, оказавшие влияние на изменение организации монашеской жизни в бенедиктинском аббатстве Монмажур на рубеже XIII–XIV вв. На основе актовых материалов показано, как постепенно происходила утрата братией бенедиктинских идеалов, что привело к упадку монашеской дисциплины. Этот процесс, характерный для позднесредневековой монашеской жизни в целом, представлен через конкретные примеры, демонстрирующие сложное взаимодействие различных сил, оказавших влияние на жизнь монастыря.

Ключевые слова: дисциплина, Прованс, Монмажур.

В историографии, посвященной истории Прованса в Средние века, период конца XIII–XIV в. обычно описывается как время упадка. В первую очередь, речь идет о структурном кризисе. В нач. XIV в. ограничения, накладываемые имеющимися (достаточно устаревшими) агротехнологиями, сталкиваются в Провансе с результатами активного демографического роста XIII ст. Регион больше не может прокормить сам себя, но при этом торговые города, такие как Марсель и Ницца, пытаются продолжить активно зарабатывать на экспорте зерна. В сер. XIV в. относительное спокойствие времен Карла II и Роберта I Анжуйских сменяется политическим кризисом в правление Жанны Неаполитанской. Голод 1323, 1329 и 1332 гг., вызванный климатическими катаклизмами и, как следствие, неурожаями, и последовавшая за ним эпидемия чумы (с 1347 г.) привели к резкому и значительному сокращению численности населения и новым периодам голода в 1357

^{*1} Статья написана при поддержке гранта РНФ № 22-18-00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

и 1368–1375 гг. Чума становится эндемической, т.е. продолжает беспокоить жителей Прованса из года в год, что также не улучшает ситуацию в регионе. К бедам, постигшим Прованс в XIV в. следует также добавить разбой рутьеров (банд уличных разбойников, часто возглавляемых представителями знати) начиная, по крайней мере, с 1355 г., войну Ашского союза (1382–1388), политический кризис после смерти Жанны Неаполитанской, а затем, в 1392–1399 гг., регулярные нападения банд Раймонда де Тюренна. Только к сер. XV в. процветавший еще столетие назад регион начнет постепенно возвращаться к нормальной жизни [Aurell, Boyer, Coulet 2005, р. 143–280].

На этом неспокойном фоне протекала не менее насыщенная духовная жизнь Прованса. Религиозная карта региона к XIV в. становится крайне сложной. Помимо папской резиденции в Авиньоне, важнейшими религиозными центрами Прованса являлись архиепископства Арля и Экс-ан-Прованса (неофициальной столицы графства Прованс) и лишь немногим уступавшее им по влиянию епископство Марселя. Но, главное, все более плотной сетью своих монастырей покрывают Прованс к началу рассматриваемого периода монашеские ордены. Помимо старинных бенедиктинских аббатств и скромного числа цистерцианских обителей, это многочисленные обители новых монашеских орденов, пришедших в Прованс в XIII в. – в первую очередь, францисканцев и доминиканцев, но также и августинцев, братьев орденов св. Духа и св. Троицы, госпитальеров, тамплиеров и даже представителей тевтонского ордена. Жизнь некоторых из них (например, мендикантов Марселя) неплохо изучена [Baratier 1973, р. 177–191], но в целом, как специальных, так и обзорных работ о монашестве Прованса в позднее средневековье, к сожалению, написано все еще недостаточно, а разбросанные по региональным архивам источники в большинстве своем остаются неизданными.

Историографические оценки жизни монашества в позднесредневековом Провансе также пессимистичны, как и характеристика истории региона в целом, о которой шла речь выше: начиная с XIV в. наступает закат монашеской традиции. Смягчение дисциплины, излишняя «проницаемость» монастырских стен (нередко миряне почти свободно навещали монахов, а последние – надолго отлучались из монастыря) трудно совместимое с бенедиктинскими идеалами обогащение монастырей, отказ от ручного труда – список отклонений от монашеского идеала, которые историки фиксируют в позднесредневековых монастырских источниках, действительно впечатляет. Еще один признак упадка – усиливающийся контроль папства за монастырями: начиная с XIV в. (особенно в период Авиньонского папства) наместники св. Петра часто напрямую назначают аббатов, преимущественно в бенедиктинских монастырях. Таким образом, обители не только теряли свою старинную автономию выбора аббата, но и фактически лишились

должного руководства, поскольку назначаемые сверху аббаты часто были лишь бенефициариями своей новой должности и никогда не появлялись в монастыре. С XIII в. снова растет число монастырей, переданных в комманду, но на этот раз в бессрочную. Общая тенденция к обмирщению монашества коснулась даже нищенствующего францисканского ордена: так Иоанн XXII активно выступал против «спиритуалов» [Bedouelle 1975, р. 21–39].

Впрочем, печальные признаки упадка монашества, о которых речь шла выше, в большинстве своем были далеко не новыми явлениями. Нарушения бенедиктинского устава и излишняя «проницаемость» монастырских стен были постоянным предметом жалоб со стороны ревнителей строгости монашеской жизни едва ли не с момента возникновения монашества как такового. К тому же, кризис коснулся не всех монашеских орденов. Кармелиты продолжали основывать новые монастыри и распространять свое влияние: их новые обители располагались в Англии, Померании и даже на Балеарских островах. Продолжали возникать новые ордены. В Испании иеронимиты (или «Еремиты Святого Иеронима»), регулярные каноники, одобренные Григорием XI в 1373 г., быстро приобрели популярность и вдохновили создание подобного ордена в Италии. В Швеции с 1369 г. процветал Бригиттинский орден [Roest 2020, р. 1171–1190]. Однако все это не касается истории монашества в Провансе.

Историография, посвященная бенедиктинскому монашеству Прованса, скучна. И, к сожалению, эта проблема характерна для исследования позднесредневекового бенедиктинского монашества в целом: классические монографии, посвященные этому «традиционному» средневековому монашеству, часто заканчиваются XIII в. [Knowles 1948; Brooke 2003]. И это не удивительно. По крайней мере, с сер. XII в. бенедиктинцы уступают роль движущего фактора духовной жизни эпохи сначала новым монашеским орденам XII в. (цистерцианцам, премонстрантам, картузианцам и др.) и установленным каноникам, а в XIII в. – мендикантам (нищенствующим орденам) – доминиканцам, францисканцам, августинцам-еремитам и кармелитам. Образ жизни нищенствующих монахов, тесно связанных с городской жизнью и (изначально) выступавших за монашескую бедность, лучше соответствовал новым запросам общества средневековой Европы. С финансовой точки зрения в XIII–XIV вв. многие бенедиктинские монастыри также переживали не лучшие времена, часть обителей прекращает свое существование – главным образом из-за утраты одного из важнейших источников доходов, дарений, ведь имущество и подарки теперь гораздо чаще получают более популярные мендиканты.

На территории Прованса в нач. XIV в. осталось всего несколько действительно крупных и влиятельных бенедиктинских монастырей и все они

находились в достаточно сложной ситуации. Самые известные из них – это Сен-Виктор в Марселе, Лерен, на острове Сент-Онора в окрестностях Канн и, наконец, Монмажур неподалеку от Арля. Последний, наименее изученный, и будет нас интересовать.

Аббатство Св. Петра в Монмажуре (от лат. *Monsmajoris* – большая гора) располагается в 5 км к северо-западу от Арля. Изначально аббатство было островным, однако к XIV в. Средиземное море начинает постепенно отступать, соединяя обитель с сушей. До X в. остров Монмажур принадлежал церкви св. Трофима в Арле, но в 949 г. представительница франкской знати, Теуцинда Арльская, приобрела его и в 977 г. завещала группе отшельников, уже проживающих на острове. Завещание предписывало отшельникам основать на острове бенедиктинский монастырь. Начиная с XI в. разросшаяся обитель становится на некоторое время фамильной усыпальницей графов Прованса. В 1030 г. аббатству удается получить чащницу от хранящегося в Арле куска древа Креста, что становится ключевым моментом в его истории; с этого момента аббатство св. Петра в Монмажуре – крупный средиземноморский паломнический центр. В эпоху своего расцвета, пришедшуюся, как и у большинства бенедиктинских обителей, на XII в., Монмажур управлял сетью из 56 приоратов, число монахов материнской обители доходило до 60, а дарения в пользу аббатства включали даже маленький город – Пертию. С XIV в. начинается упадок аббатства – чума, вернувшаяся после поражения в битве при Пуатье французские солдаты, занимавшиеся грабежами, не могли не повлиять на жизнь обители. В XVI в., в период Религиозных войн, монахи бежали из аббатства, а вернувшись, обнаружили основные его здания в руинах. Тем не менее часть братьев предпочла остаться в обители. К началу Французской революции в Монмажуре было всего 6 монахов. Революцию аббатство не пережило – было разрушено. Сейчас руины монастыря являются объектом культурного наследия.

Оригиналы дошедших до нас источников по истории аббатства в настоящее время хранятся, в большинстве своем, в фонде 2Н архива департамента Бюш-де-Рон. Большинство из этих документов (преимущественно, речь идет об актовом материале), в том числе и несохранившиеся до наших дней, были транскрибированы в XVII в. монсеньором Шантелу и вошли в его рукописную историю аббатства (сохранилась в нескольких экземплярах: BnF MS 13915, Archives départementales des Bouches-du-Rhône 2Н 650, Bibliothèque municipale d'Arles Ms 162 и 163). В конце XIX в. текст монсеньора Шантелу был издан под редакцией Барона де Рура [du Roure 1890–1891]

С упадком монашеской дисциплины Монмажур столкнулся еще в нач. XIII в., в период борьбы с альбигойской ересью, которая в то время как раз начала распространяться в Провансе. Известно, что уже тогда аббат Гийом

де Бонье для улучшения поведения монахов, пригласил в обитель двух папских легатов, которых Папский престол в ноябре 1204 г. отправил в соседний Лангедок для борьбы с альбигойцами. В итоге в Монмажур прибыл только один из них, цистерцианец Рауль. Он провел в обители тщательное расследование, основываясь на результатах которого в июле 1205 г. подготовил свое постановление. Рауль советовал организовать ежегодные визитации приоратов, строго наказывать монахов отчуждающих имущество церквей без разрешения аббата, осудил выявленные им случаи насилия в монастыре и запретил наличие любых привилегий у одних братьев перед другими [de Marin de Carranrais 1877, p. 53]. Сложно судить о том, были ли эти рекомендации услышаны. Во всяком случае, ситуация с церковным имуществом не улучшилась: вскоре папа Иннокентий IV был вынужден выпустить отдельную буллу, запрещающую существующую в аббатстве практику передачи приоратов светским священникам. Судя по всему, эта выгодная для монахов на местах, но лишающая доходов материнскую обитель практика была крайне распространена в приоратах Монмажура в XIII в. Более того, не исключено, что монахи были серьезно недовольны попытками улучшить дисциплину в монастыре: мы не знаем точно, что именно побудило монахов Монмажура попытаться свергнуть своего аббата, но вторая изданная Иоанном IV булла, касающаяся Монмажура, отлучала от церкви всех восставших монахов обители.

К концу XIII в. дисциплина в Монмажуре пошатнулась окончательно: ок. 1274 г. Климент IV назначил аббатом итальянца Бернарда де Монтемира-то. Новый аббат почти не появлялся в Провансе, предпочитая жить в Риме. Пользуясь его отсутствием, монахи Монмажура предельно ослабили дисциплину в монастыре. В частности, они стали употреблять жирную пищу, включая мясо три раза в неделю, а для того, чтобы не испытывать недостатка в рыбе, добились организации регулярных поставок рыбы к своему столу [du Roure 1890–1891, p. 258, 261]. Назначенный аббатом в 1287 г. Этьен де Монтэарено немедленно собрал генеральный капитул с целью приведения монастырской жизни в Монмажуре к бенедиктинским идеалам. В статутах этого генерального капитула, увидевших свет в 1288 г., он установил наказания для тех, кто силой захватывал бенефиции, запретил монахам есть, пить и ночевать в городе, за исключением дома архиепископа, обители каноников св. Трофима, тамплиеров, госпитальеров, францисканцев и доминиканцев, посещать женские монастыри, потребовал скромности в одеяниях, но проявил некоторую терпимость в том, что касалось вопросов питания: употребление жирной пищи не было полностью запрещено [Stouff 1984, p. 272]. Тем не менее, монахам его действия показались чрезмерными и их недовольство вылилось в открытое физическое насилие: аббата ограбили, отобрав книги, некоторые предметы мебели и важные документы, касающие-

еся имущества и привилегий аббатства. После чего братья сами назначили нового келаря и приора монастыря.

Решить конфликт без вмешательства третейского суды оказалось невозможno, и монахи и аббат сошлись на кандидатуре Гийома де Мандаго, протонатария Святого Престола. Этот прелат ожидаемо встал на сторону аббата Монмажура: он потребовал отмены всех сделанных мятежными монахами административных назначений и приговорил всех провинившихся приоров к штрафу в 200 ливров с каждого [de Marin de Carranrais 1877, p. 65]. Более того, покончив с наказаниями, Гийом сам провел реформу монастыря. В 1294 г. он издал остававшуюся в силе вплоть до XV в. конституцию из 46 глав. Предложенные им дисциплинарные решения были менее строгими, чем решения генерального капитула 1288 г., но все же стремились лучше организовать жизнь обители. В частности, эта конституция оставляла права на распределение бенефициев и назначения приоров только за аббатом, запрещала назначать на эти должности лиц, не относящихся к ордену св. Бенедикта запрещала новициям покидать монастырь в течение года без уважительной причины; согласно ей получение бенефициев от монастырей других орденов каралось изгнанием (за исключением перехода в этот орден с разрешения аббата). В свою очередь, аббат не мог отстранять монахов от управления приоратами, не приведя веских оснований для этого, генеральные капитулы должны были проводиться ежегодно, а приорам, меняющим место жительства, разрешалось брать с собой личные вещи, только если они не имели долгов и др. [de Marin de Carranrais 1877, p. 65].

Третья попытка улучшить дисциплину в Монмажуре имела место уже непосредственно в XIV в. Она стала частью большого проекта папы Бенедикта XII по возрождению дисциплины в бенедиктинском ордене в целом. Издав соответствующий ордонанс, понтифик избрал аббата Сен-Виктор в Марселе и Раймона, аббата Сен-Пьер в Монмажуре для его выполнения в церковных провинциях Экс, Арль и Эмбрен. Мы не знаем, сделали ли что-либо вышеупомянутые аббаты для выполнения папского решения. Известно только лишь, что 14 мая 1337 г. в Маноске был создан генеральный капитул бенедиктинского ордена этих провинций, на котором присутствовали, помимо вышеупомянутых, аббаты Леринского монастыря, аббатств св. Андрея и св. Петра в Вьенне, Круа, св. Андрея близ Авиньона и св. Евсевия в Апте. Однако никаких серьезных последствий этот капитул не имел, ни в целом, ни для Монмажура в частности [de Marin de Carranrais 1877, p. 766].

Наконец, уже в самом нач. XV в. Бенедикт XIII, удерживающий за собой на тот момент одновременно и архиепископство Арля и Монмажур, отправил 6 мая 1404 г. в Прованс Жака Поллери – архидьякона Вивье, доктора юридических наук и клирика апостольской палаты. Его целью было провести дисциплину монахов Монмажур и организовать в аббатстве библиотеку.

Неизвестно, насколько удачной оказалась первая часть его миссии, но со второй он справился блестяще – довольно быстро в аббатстве была создана одна из лучших библиотек провинции (после закрытия аббатства она досталась ордену иезуитов) [de Marin de Carranrais 1877, p. 84].

* * *

Упадок дисциплины в аббатстве Монмажур является частью общего кризиса монашеской жизни в позднесредневековой Европе. Внутренние разногласия и обмирщение, вкупе с внешними факторами – чума, политические и военные конфликты – привели к постепенному разрушению традиционных устоев обители. Несмотря на отдельные попытки реформ, со стороны как монастырских властей, так и папства, аббатство так и не смогло восстановить свою былую славу. Упадок Монмажура отражает те глубокие изменения, которые происходили в религиозной и социальной жизни Прованса и Европы в целом в XIII–XIV вв. Но при этом его история – также свидетельство непрерывной борьбы католической церкви за сохранение дисциплины и духовных идеалов в условиях социальных и политических изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

du Roure B. Histoire de Montmajour d'après Dom Chantelou avec documents inédits. Aix-en-Provence, 1890–1891.

Aurell M., Boyer J.-P., Coulet N. La Provence au Moyen Âge. Aix-en-Provence, 2005.

Baratier Ed. Le mouvement mendiant à Marseille // Cahiers de Fanjeaux. 1973. No. 8 (Les Mendiants en Pays d'Oc au XIIIe s.). P. 177–191.

Bedouelle G. Chronologie sommaire des événements et des controverses // Cahiers de Fanjeaux. 1975. No. 10 (Franciscains d'Oc: Les spirituels). P. 21–39.

Brooke C. The Age of the Cloister: The Story of Monastic Life in the Middle Ages. Mahwah (NJ), 2003.

de Marin de Carranrais F. L'abbaye de Montmajour. Etude historique. Marseille, 1877.

Knowles D. The Religious Orders in England. Cambridge, 1948.

Roest B. A Crisis of Late Medieval Monasticism? // The Cambridge History of Medieval Monasticism in the Latin West / ed. A. I. Beach, I. Cochelin. Cambridge, 2020. P. 1171–1190.

Stouff L. Saint-Pierre de Montmajour et la ville d'Arles // Cahiers de Fanjeaux. 1984. No. 19 (Les moines noirs). P. 263–285.

I.N. Mastyaeva

Moscow (Russia)

Institute of World History
of the Russian Academy of SciencesTHE DECLINE OF DISCIPLINE IN THE MONTMAJOUR ABBEY
(PROVENCE) IN THE LATE 13th – 1st HALF OF THE 14th CENTURIES

The article explores the political and economic factors, the actions of abbots, Roman pontiffs, and local nobility that influenced changes in the organization of monastic life at the Benedictine Abbey of Montmajour at the turn of the 13th–14th centuries. Based on official documents, the gradual loss of Benedictine ideals is shown, leading to the decline of monastic discipline. This process, characteristic of late medieval monastic life in general, is presented through specific examples that demonstrate the complex interaction of various forces affecting the life of the monastery.

Keywords: discipline, Provence, Montmajour.

М.М. Филимонова
г. Лион (Франция)
Ун-т Lumière Lyon 2

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ СХИЗМЫ. ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЬМА ИЗ REGISTRA VATICANA 291

Начало Западного раскола (1378–1417) ознаменовало собой период глубоких потрясений в христианском мире. В данном исследовании рассматриваются начальные этапы раскола, особое внимание уделяется событиям, связанным с папскими выборами 1378 г., когда смерть папы Григория XI и последующее давление со стороны римского населения привели к избранию Бартоломео Приньяно папой Урбаном VI. В статье приводится транскрипция первого письма *Registra Vaticana* 291, а также краткая сводка изданий писем этого регистра.

Ключевые слова: Великая схизма, церковный раскол, *Registra Vaticana* 291, Клемент VII, Жан де Миороль.

Период pontifikата Григория XI и начало Великого раскола стали временем потрясений для христианского мира. События начала раскола хорошо задокументированы, поскольку различные люди, включая монархов, которые выбирали между двумя папами, опрашивали свидетелей событий в Риме и Авиньоне [Jamme 2005, р. 2–3].

Когда Григорий XI умер в марте 1378 г., конclave, который должен был избрать его преемника, столкнулся с сильным давлением со стороны римского населения. Народ требовал итальянского папу, опасаясь возвращения в Авиньон в случае избрания француза. В такой атмосфере принуждения кардиналы избрали Бартоломео Приньяно, архиепископа Бари, который принял имя Урбан VI. Поначалу его избрание было принято, но агрессивные реформы и резкий стиль Урбана VI быстро вызвали отторжение у многих кардиналов, которые начали сомневаться в действительности его избрания, утверждая, что оно было проведено под принуждением [Valois 1896–1902, р. 11–13; Salembier 1900, р. 12–18; Delaruelle etc. 1962, р. 4–7].

В сентябре 1378 г. группа кардиналов, большинство из которых были французами, собралась в Фонди и объявила избрание Урбана VI недействительным, избрав в качестве соперника папы Роберта Женевского, который

принял имя Климент VII. Это положило начало расколу, в результате которого появились два конкурирующих папских дворов: Урбан VI остался в Риме, а Климент VII основал свой двор в Авиньоне, фактически восстановив авиньонскую папскую резиденцию [Delaruelle etc. 1962, p. 11–17; Genequand 2013, p. 52–57].

Папы хотели установить свою власть любыми средствами и очень быстро выбрали военный путь для разрешения раскола. Они преследовали одну и ту же цель – чтобы как можно больше людей признали их единственным и истинным понтификом.

Ватиканский регистр 291 содержит письма антиподы Клемента VII первого года pontifikата. Там собраны 3 категории писем: de Curia (до f. 59v), de indultis (до f. 232), de communibus [Giusti 1981, p. 75].

Большая часть писем этого регистра (даже почти все) представляют собой жалование бенефициев: должностей, обязанностей и т.д. Именно так великий понтифик укреплял свою позицию. Ведь при наличии двух пап легитимность каждого была под вопросом.

Johannem episcopo Gebennensi petendi et recipiendi quascunque pecuniarum summas fructusque redditus et proventus Camere apostolice debitum tam a partiarchis archiepiscopis episcopis et aliis ecclesiarum prelatis quam regibus reginis et aliis principibus secularibus quam etiam ex emolumentis officiorum prothonotariorum bulle et registra litterarum apostolicarum et compota audiendi datur potestas [Archivio Segreto Vaticano, Registra Vaticana 291. 1r].

Clemens episcopus servus servorum dei. Venerabili fratri Johanni episcopo Gebennensis salutum et apostolicam benedictionem. De tue circumspectionis industria et fidelitate probata ac providentia circumspecta familiari experientia nobis notis plenam in domino fiduciam obtinentes ac sperantes indubie quod eam que tibi committenda duxerimus prudenter et fideliter exequaris circumspectioni tue petendi exigendi requirendi lenandi colligendi et recipiendi per te vel alium seu alias nostro et Romane ecclesie ac camere apostolice nomine et venerabilibus fratribus universis et singulis patriarchis archiepiscopis et episcopis et dilectis filiis electis abbatibus prioribus decanis archidiaconios necnon capitulis et conventibus quorumcumque monasteriorum et ecclesiarum tam cathedralium quam collegiatarum et aliis personis ecclesiasticis secularibus et regularibus exemptis et non exemptis quorumcumque ordinum etiam utriusque sexus necnon a quibuscumque regibus reginis principibus ducibus marchionibus comitibus baronibus militibus quibuscumque vassallis et vicariis ac censuariis nostris et ecclesie quam aliis quibuscumque universitatibus et communibus populis et singularis personis quorumcumque regnorum provinciarum civitatum cerrarum villarum castrorum et locorum aliorum universi orbis necnon a quibuscumque chesaurariis collectoribus

subcollectoribus et aliis officialibus omnibus nostris et prefate ecclesie ac camere apostolice qui fuerunt quibuscumque praeteritis et nunc sunt et erunt imposterum ad dictam et alia nostra et Romane ecclesie ac camere apostolice officia quomodolibet deputati et generaliter ab omnibus aliis bonis personis cuiuscumque status gradus preminentis dignitatis et condicionis fuerint suis gradus omnes et singulas pecuniarum quantitates et summas et omnia alia et singula bona credita et debita que nobis Romane ecclesie et camere apostolice etiam de quibuscumque temporibus predecessorum nostrorum romanum pontificum debentur et deberi possunt et imposterum debebuntur per predictos et quolibet eorumdem tam ratione communium servitorum (va) nostrorum sancte Romane ecclesie cardinalium debitorum et nostrorum (cat) arreragiorum et primorum fructuum necnon censuum annuorum nobis et ecclesie Romane ac collegis venerabilium fratrum nostrorum sancte sanctorum ecclesie debitorum et ipsorum arreragiorum quam alia qua cumque ratione vel causa et generaliter omnes et singulos introitus fructas redditus proventus obventiones et jura ac emolumenta quecumque et quocumque nive nuncupantur que ad nos et cameram nostram pervenerint pervenient et pervenire poterunt quoquomodo et qualitercumque et quibuscumque romanibus suis causis tam etiam de emolumentis officii notariorum nostrorum absontium bulle ac regim litterarum apostolicarum quam alias unde cumque compotaque et rationes a personis et debitoribus supremis audiendi approbandi et reprobandi dilationes et terminos dandi et concedendi et cum personis eisdem et eorum procuratoribus concordandi et conveniendi prout tibi videbiter expedire necnon ipsas personas predictas et earum quamlibet ad solvendum et compota reundendum expellendi et quoscumque contradictores per censuram ecclesiasticam appellationem postposita compescendi et de receptis per te aut deputandos a te absolueri et quitandi ac dandi et concedendi litteras quitationis et absolutionis oportunas ac omnia alia et singula faciendi gerendi et exercendi que ut permissis curia permissa fuerint seu etiam oportuna plenam et libram tenore presentium potestate concedimus et facultatem. Datum Fundis kalendas Januarii pontificatus nostri anno primo [Ibid].

Самое первое письмо в регистре адресовано Жану де Миороль (Jean de Mirol), епископу Женевы, в котором папа наделяет его полномочиями запрашивать и получать все денежные суммы и пособия, причитающиеся Апостольской палате, как от патриархов, архиепископов, епископов и других прелатов церквей, так и от королей, королев и других светских князей, а также вознаграждение за должности протонотария и ведение реестра апостольских писем и отчетов. Жан де Миороль был близок к папе Клименту VII с самого детства, поэтому вполне логично, что он выступал против Урбана VI. Филипп Женекан называет его «очень дорогим другом Папы, которому он доверял больше всего», но он говорит о его карьере через несколько лет после начала раскола, так что эта дружба могла начаться позже,

но, учитывая, что они выросли вместе, вероятно, их отношения всегда были близкими.

Стоит упомянуть что довольно большая часть писем *Registra Vaticana 291* адресована кардиналам (ок. 150). Многие письма, особенно в начале реестра, адресованы арагонскому кардиналу Пьеру де Люн, будущему папе Бенедикту XIII. Он стал кардиналом в 1375 г. Он прибыл в Рим вместе с двором Григория XI и был одной из главных фигур в начале Раскола. Он был среди кардиналов, которые объявили Урбана VI истинным папой после его избрания, несмотря на срыв голосования 8 апреля. Но вскоре Пьер де Люн начал сомневаться в избрании Урбана VI. В то же время он не стал открыто выступать против папы, как это сделали бы другие кардиналы, собравшиеся в Ананье в июне.

Несколько писем этого регистра уже были изданы. Так, например, в книге «*Documents relatifs au Grand Schisme. T. 2. Lettres de Clément VII (1378–1379)*» [Documents relatifs... 1930] приведены публикации двух писем целиком, а также присутствуют анализы и инкапиты некоторых других писем из регистра 291. Также мы нашли два письма в *Acta pseudopontificum Clementis VII (1378–1394), Benedicti XIII (1394–1417), Alexandri V (1409–1410) et Johannis XXIII (1406–1415)* [Acta pseudopontificum... 1971].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Acta pseudopontificum Clementis VII (1378–1394), Benedicti XIII (1394–1417), Alexandri V (1409–1410) et Johannis XXIII (1406–1415). E regestis Avenionensibus, Vaticanis, Lateranensibus et supplicationum alisque Fontibus collegit, notis aliisque subsidiis adornavit / éd. A. L. Tatu. Fontes series III. Vol. 13. T. 2. Rome, 1971.

Archivio Segreto Vaticano, Registra Vaticana 291.

Delaruelle E., Labande E.-R., Ourliac P. L'Eglise au temps du Grand Schisme et de la crise conciliaire (1378–1449). T. 14. De l'Histoire de l'Eglise sous dir. de J.-B. Duroselle et E. Jarry. P., 1962.

Documents relatifs au Grand Schisme / textes et analyses recueillis par K. Hanquet, revus et publiés par U. Berlière. T. 2. Lettres de Clément VII (1378–1379). Louvain, 1930.

Genequand P. Une politique pontificale en temps de crise: Clément VII d'Avignon et les premières années du Grand Schisme d'Occident (1378–1394). Basel, 2013.

Giusti M. Inventario dei Registri Vaticani. Città del Vaticano, 1981.

Jamme A. Renverser le pape. Droits, complots et conceptions politiques aux origines du Grand Schisme d'Occident // Coups d'Etat à la fin du Moyen Age? Aux fondements du pouvoir politique en Europe occidentale / ed. F. Foronda, J.-P. Genet, J.M. Nieto Soria. Madrid, 2005. P. 1–52. URL: <https://shs.hal.science/halshs-00270079>

Salembier L. Le Grand schisme d'Occident. P., 1900.

Valois N. La France et le grand schisme d'Occident. P., 1896–1902.

M.M. Filimonova

Lyon (France)

Lumière Lyon 2 University

THE BEGINNING OF THE GREAT SCHISM.

PUBLICATION OF A LETTER FROM THE REGISTRA VATICANA 291

The beginning of the Western Schism (1378–1417) marked a period of profound upheaval and division in the Christian world. This study examines the initial stages of the schism, focusing on the events surrounding the papal election of 1378, when the death of Pope Gregory XI and subsequent pressure from the Roman population led to the election of Bartolomeo Prignano as Pope Urban VI. The article includes a transcription of the first letter of Reg. Vat 291, as well as a brief summary of the editions of the letters of this registry.

Keywords: Great Schism, Reg. Vat. 291, Clement VII, Jean de Murol.

А.С. Бокарев

г. Санкт-Петербург (Россия)

Санкт-Петербургский гос. ун-т

МОСКОВСКАЯ СМУТА XV в. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СПОРЫ ВОКРУГ «ФЕОДАЛЬНОЙ ВОЙНЫ»

Княжеские усобицы XV в., борьба двух династических линий – Калитичей (Даниловичей) (потомков Дмитрия Донского, Василия II Васильевича, прямого наследника Василия I с одной стороны, и его дяди Юрия Дмитриевича, двоюродных братьев Василия Косого и Дмитрия Шемяки – с другой), за обладание московским великокняжеским столом стали поворотной точкой в истории средневековой России. Политический консенсус, достигнутый в результате победы Василия II в Московской усобице, стал фундаментом, на котором его сын Иван III начал строить русское централизованное государство. В данной статье автор рассматривает различные подходы и главные споры в современной отечественной историографии, связанные с изучением династической войны.

Ключевые слова: Василий II, династическая война, княжеские усобицы XV в., Юрий Звенигородский, Василий Косой, Дмитрий Шемяка, «феодальная война», смута XV в.

Московский конфликт за великокняжеский стол привел к тяжелой и продолжительной войне, едва не раскололшей зарождавшиеся новое единое русское государство с центром в Москве, на два: Южное со столицей в Москве и Северное со столицей в Галиче.

Исследование особенностей и проблем историографии Династической войны сегодня особенно важно. Это связано с тем, что исследователи пересматривают представления о формировании феодальных отношений в Московском государстве. Кроме того, растет роль микроистории, а также переосмысливается влияние городских общин на ход этого конфликта. Закономерным образом, произошел пересмотр ранее принятых советской историографией парадигм, в том числе произошел отказ от ранее общепринятого термина «феодальная война», новое определение, в равной степени принятое всеми историческими школами, так и не появилось.

Время правления Василия II является ключевой точкой в процессе рождения единого русского централизованного государства. Княжеские усобицы и процесс созиания земель вокруг Москвы стали неотделимыми друг от друга процессами в исследованиях историков. Подходы исследователей в интерпретировании событий и фактов, а также их героев зачастую кардинально отличались в зависимости от взглядов исследователей на развитие российской государственности. Позднее в советской историографии сложилось понятие «феодальная война» и данный конфликт рассматривался исключительно с позиции классового подхода. В настоящее время исследователи имеют все возможности для беспристрастной оценки событий конфликта. В современной историографии нет единой позиции в отношении оценок княжеских усобиц, что делает изучение вопроса в данный момент актуальным и важным.

В современной историографии можно выделить три основные концепции изучения периода объединения русского государства и «династической войны», как ее важного элемента. Некоторые исследователи считают, что в ходе централизации власти, в московском княжестве был построен восточный деспотизм по примеру ордынского. Другие представители «единодержавной» концепции рассматривают усиление центральной власти как закономерный исторический процесс, аналогичный централизации других европейских государств. Третьи видят в этом периоде черты особого пути Русской цивилизации и построения служилого государства.

Одной из видимых работ по теме княжеских усобиц, всколыхнувшей историческое сообщество в нач. 90-х гг., является книга А.А. Зимины «Витязь на распутье». В данной работе историк рассмотрел эпоху правления Василия Темного под новым для того времени ракурсом, впервые в советской историографии отойдя от рассмотрения московской усобицы как эпизода классовой борьбы эпохи феодализма. Также исследователь рассуждает о возможных альтернативах построения русского государства на более демократических или федеративных началах. Им выдвинут тезис возможности построения государства не на феодальных началах, а на буржуазных.

В своем исследовании А.А. Зимин подробно рассмотрел Русский Север, интересы его населения, отличные от политики Москвы, причины, по которым долгие двадцать лет он являлся опорой Юрия Дмитриевича и его сыновей.

Специфика исследования, изложенная в работе «Витязь на распутье», заключается в детальном изучении позиции и политической программы противников великого князя московского. Особенно детально историк исследует и реконструирует деятельность Юрия Дмитриевича и его среднего сына Дмитрия Шемяки, которых он считает истинными наследниками Дмитрия Донского. Победа Василия Темного выставлена А.А. Зиминым, как исключительно негативное явление.

«Итак, слепой, немудрящий правитель вернул свой престол. Его противники повергнуты были во прах. Единство земель вокруг Москвы было восстановлено. Но какой ценой?» А.А. Зимин, подчеркивает, резкое сокращение уделных княжеств. Только Михаил Андреевич сохранил Белозерский удел, остальные так или иначе прекратили свое существование. Появилось явление массовых казней для борьбы с политическими противниками великого князя. Он считает, что Василию II оставался один шаг до самодержца типа Ивана IV Васильевича [Зимин 1991, с. 210].

Но при всей новизне исследования для своего времени, ему не удалось создать отдельного самобытного направления в отечественной историографии, и его работа стоит отдельно от остальных трудов, касающихся эпохи становления единого русского государства. Но значимость работы А.А. Зимина заключается в том, что сторонники различных историографических концепций делали отсылки в своих исследованиях к «Витязю на распутье» и обрушивались на его теории с обоснованной критикой, которая до сих пор остается актуальной.

Подчеркивая верность тезиса о демократических традициях Русского Севера, А.Ю. Дворниченко и Ю.В. Кривошеев замечают, что демократические традиции, равно как на севере и на юге Московского княжества, имели древние корни еще со времени русских городов-государств, особого «имперского населения» не было ни в одном из регионов. [Дворниченко, Кривошеев 1992, с. 8–9].

Московский историк Борисов указывает на отсутствие оснований говорить о принципиально иной «политической программе» Юрия Дмитриевича или кардинальных различиях во взаимоотношениях с ордынскими властями [Борисов 2020, с. 182].

Как уже говорилось выше, работа Зимина хоть и является очень знаковой, но стоит в стороне от основных исторических концепций в современной историографии. В последние два десятилетия процесс образования единого Русского государства, одним из важнейших этапов которого были княжеские усобицы 2-й четв. XV в. стал рассматриваться в трех направлениях: первое – сложение московского великокняжеского деспотизма наподобие восточной монархии, второе – создание земского и служилого государства, третье – «единодержавный» подход, усматривает закономерный процесс развития государства, централизации и укреплении верховной власти, происходивший во всех странах Европы этого периода. Считая укрепление государственной власти в этот период единственным возможным движением политической истории, они являются прямыми наследниками трехсотлетней историографической традиции, заложившей основы данной концепции.

Исследователи, которые поддерживают идею формирования «восточного деспотизма», как и приверженцы «единодержавного» подхода в исто-

риографии, продолжают использовать термин «феодальная война второй четверти XV века», хотя в их интерпретации данный термин не несет того значения, который закладывался в советский период. Несмотря на диаметрально противоположное отношение их к процессу усиления центральной власти, они сходятся в оценке конфликта как противостояния между великим князем и удельными вассалами за политическое влияние в московском княжестве.

Авторы придерживающиеся концепции «восточного деспотизма» выделяют негативные аспекты объединительной политики Москвы, подчеркивая сходства с ордынской системой управления и силовые методы объединения страны [Кобрин 1985, с. 198, 216–218; Кобрин, Юрганов 1991, с. 54–64; Миллов 1998, с. 558–572].

А.А. Горский, выступает с критикой А.А. Зимина, уточняя, что все участники династической войны, были верными вассалами орды, ни один из ее участников не спешил поднимать «знамя борьбы с татарскими насильниками». Нет принципиальной разницы во взаимоотношениях с Ордой в политике Василия II, Юрия Дмитриевича и Дмитрия Шемяки. «Юрий Дмитриевич – фигура, несомненно, яркая, но никакого осознания необходимости борьбы с Ордой в его деятельности не просматривается: в 1431–1432 гг. он не “поднимает знамя борьбы”, а пытается получить от хана ярлык на великое княжение. Еще менее годится на роль борца с игом Дмитрий Шемяка. Воевал он с татарами всего однажды, причем по повелению Василия II» [Горский 2016, с. 146].

Такой подход определяет анализ усобиц княжения Василия II как событий, прежде всего обусловленных не внутренними, а внешними причинами.

Историки с «единодержавным» подходом большее внимание уделяют значению для становления централизованного русского государства победы Василия II, рассматривая данный конфликт в глобально-историческом контексте, как важный эпизод становления централизованного русского государства.

«Окончание Московской усобицы резко повысило военные возможности и укрепило политические позиции великого князя московского, определило его ведущую роль в процессах централизации в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси» [Назаров, 2013, с. 272].

В ходе династической войны страна подверглась сильному разорению, что привело к усилению зависимости от ордынских правителей и является негативным явлением. Позитивным итогом этого противостояния «стало утверждение принципа наследования власти по прямой нисходящей линии от отца к сыну». Василий II, хотя и продолжил политику выделения уделов своим младшим сыновьям, доля наследства старшего сына Ивана III обеспечила ему главенство над младшими братьями [Волков 2023, с. 222].

Концепции историков современного «единодержавного» направления совпадают с воззрениями представителей дореволюционной историографии в вопросе исторического значения объединения русских земель вокруг Москвы для истории Русского государства, то, как эти позиции блокируются, наглядно видно в работах историка Н.С. Борисова. Его мнение о важности и влиянии для русской истории Василия Темного совпадает с позицией А.Е. Преснякова. Согласно их версии, Василий смог подготовить страну к построению единого централизованного Русского государства, а старшего сына Ивана к роли самодержца. Государственная деятельность Василия Темного признается положительной и благостной для государственного строительства. «Единодержавие и самодержавие московских государей явилось итогом созиания раздробленной власти над территорией Великороссии и ее населением. Василий Темный в последнее свое десятилетие положил прочную основу Великорусскому государству построением его ядра – Московского государства» [Борисов 2020, с. 303–304].

Представителям этого направления историографии свойственно рассмотрение процессов государственного строительства и событий смуты XV в. как естественных для своей эпохи, не выделяющихся на общем фоне других династических конфликтов, происходивших в Европе этого периода: война Роз в Англии, династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е гг. XV в. В своей новой статье исследователь В.А. Волков оправдывает отравление Дмитрия Шемяки в Новгороде и находит близкие исторические аналогии, подчеркивая суровость реальных законов политики той эпохи. Несмотря на моральную сторону действий Василия II, исследователь считает их последствия полезным «благом для общества». Польза от прекращения междуусобиц и разорения земель Московского государства становится им выше жизни отдельного человека [Волков 2024, с. 34].

Обе концепции, «восточно-деспотическая» и «единодержавная», отличаются отношением авторов к государственной власти и определением ее характера. Сторонники «восточно-деспотического» историографического подхода считают усиление государственной власти и укрепление самодержавной системы управления явлением негативным, а «единодержавники», наоборот, признают пользу от этих событий для страны. В главном эти подходы тождественны и рассматривают конфликт потомков Дмитрия Донского, как противостояние двух княжеских ветвей наследников за власть. Хотя представители этих историографических концепций все еще частично продолжают использовать термин «феодальная война», они вкладывают в это понятие зачастую несколько иное значение, чем советская историография.

Историки Петербургской школы предлагают другой взгляд на проблему. Они рассматривают образование единого Русского государства и княжеские усобицы XV в. как часть эволюции традиций вечевой демократии, свойствен-

ных русским городам-государствам. Эти традиции перешли в земские традиции русского народа в эпоху рождения централизованного русского государства.

Исследователи пришли к выводу, что происходило постепенное сосредоточение власти в руках доминирующей городской общины – Москвы, и поэтапное отмирание структур, ранее существовавших городов-государств. Укрепление власти одного – сильнейшего города – привело к усилению центральной власти, что в последствии проложило путь к созданию служилого государства. В своих работах исследователи последовательно не используют понятие «феодальная война». Идеальный термин, который описывает данный конфликт и вызывает у ее представителей консенсус, еще не найден.

«В ходе смуты второй четверти XV в. столкнулось между собой старое и новое. Но новыми были не северные порядки, как считал А.А. Зимин, а наоборот, московский строй, несший начала единодержавия. И он победил. В ходе смуты второй четверти XV в. в полной мере проявились еще сохранявшиеся традиции древнерусского волостного строя. “Народные массы” влияли на ход политической жизни не “классовой борьбой” и “созданием экономических предпосылок и условий прогрессивной централизации”, как считалось в сталинской историографии. Они еще непосредственно участвовали в политической борьбе, поддерживая тех или иных “политических деятелей”. Но это была лебединая песня древнерусских городов-государств. Они все больше уступают место централизованной государственности, преобразуясь в земскую традицию, которая долго будет жить потом в России» [Дворниченко 2010, с. 287].

Война двух политических союзов, образованных вокруг городов Москвы, – борьба городов-государств за главенство над Русской землей. Влияние воли всех слоев населения на исход конфликта неоднократно подтверждалось исследователями различных эпох. Концепция древнерусских городов-государств и процесса их дальнейшей трансформации так же имеет крепкую связь с дореволюционной историографией. Еще известный историк XIX в. В.О. Ключевский подчеркивал значимость воли населения Москвы на ход развития княжеских междуусобных войн. Василий Темный победил потому, что «все влиятельное, мыслящее и благонамеренное в русском обществе стало за него». Население Северной Руси окончательно признало способность Москвы стать центром объединения, а активная позиция населения в ходе конфликта лишь укрепила их ведущие позиции среди иных городов «Великороссии». Укрепление позиций городской общины Москвы привело и к усилению княжеской власти в отношении других волостей [Ключевский 1988, с. 45].

В своей книге Зимин также признает важность фактора решений москвичей в ходе конфликта, демократический выбор его населения, которое дважды «проголосовало ногами» за Василия II, что является еще одним подтверждением силы вечевых традиций русских городов-государств.

«Оторвавшись от местной среды, галицкие князья в московском служилом люде, “боярстве” встретили только чувство злобы. Неуютно было князю Юрию, Василию Косому и Дмитрию Шемяке в столичной Москве, с которой ничего не могли сделать галицкие пушки (их было так мало!). Массовое бегство ко двору Василия II в первые годы его правления и особенно к ослепленному главе удела на Вологде, показало необходимость новых решений» [Зимин 1991, с. 202].

Признает влияние городской общины Москвы на ход и развитие противостояния двух династических ветвей даже Л.В. Черепнин, он указывает на еще один случай исхода Галицкого князя из Москвы, к которому также возможно причастно решение москвичей и их неприятие «Юрьевичей». После смерти Юрия Дмитриевича великим князем в Москве становится Василий Косой, а его братья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный перешли на сторону Василия II. Черепнин считает, что такое решение они принимают, точно осознавая непрочность положения своего брата в Москве. Василий Косой вынужден покинуть Москву и не пытается укрыться за ее стенами так же из-за отсутствия поддержки ее населения. «Галицким князьям хватало сил, чтобы занять Москву, но когда они добивались этого, то оказывались во враждебной среде, и удержать занятый велиокняжеский стол к ним уже не было сил» [Черепнин 1960, с. 763].

Одним из современных специалистов по вопросу московской междоусобицы является С.В. Гусева (С.В. Алексеева), в ее диссертации «Княжеские усобицы второй четверти XV в.: территориально-политический аспект развития русских земель» проанализированы и обобщены данные о разнообразных русских землях и отживающих свой век городах-государствах. Признавая масштабы конфликта, охватившего всю Северо-Восточную Русь, она обращает внимание на руководящую и направляющую роль московской городской общины, сыгравшей ключевое значение в разрешении всех княжеских усобиц эпохи Василия Темного [Гусева 2008, с. 39–88].

«Определяющая роль в династическом конфликте, тем не менее, была отведена Москве и ближайшим к ней городам-землям. Именно от позиции москвичей и их соседей, зависела судьба соперничавших представителей правящей династии» [Кривошеев и др. 2021, с. 332].

Особый интерес представляет позиция Ю.Г. Алексеева. Он все еще со-средотачивал основное внимание на противостоянии феодалов, признавая важность решений Московской земли. Данный подход можно рассматривать как начало эволюции еще позднесоветской историографии и начало разделения ее на различные направления современной историографии.

Согласно позиции исследователя, победа Василия, в династической усобице одержана не столько им самим, сколько Москвой, Московской землей. Признавая силу воли и жизнестойкость слепого князя, Ю.Г. Алексеев указывает на ошибки в его государственной политике. После объединения

Московского княжества в один велиокняжеский удел он снова нарезает уделы для своих сыновей. «Русская земля по-прежнему представляла собой пеструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией» [Алексеев 1991, с. 46–52].

Современные исследователи стараются заменить понятие «феодальная война». Представители всех историографических концепций все реже его используют. Все это происходит из-за глобального пересмотра процесса зарождения и развития феодализма в России, произошедшего в конце XX – начале XXI в. В современной исторической науке идет поиск определения, которое однозначно заменило бы понятие «феодальная войны». Единая терминология, с которой согласились бы все представители различных историографических школ, на данный момент отсутствует, но общая тенденция такова. Для обозначения конфликта потомков Дмитрия Донского используются различные определения: «династический кризис», «династическая война», «междоусобная война», «смута XV века», «княжеские усобицы XV века», а термин «феодальная война» хотя и продолжает использоваться за ним уже не признается его прежнее содержание.

Исследование условий и предпосылок возышения Москвы не теряет своего ключевого значения для отечественной истории. Изучение данного процесса, одного из самых судьбоносных в русской истории, естественным образом включает в себя исследование эпохи правления Василия II Темного и княжеских усобиц XV в. Исторической науке еще предстоит систематизировать и доработать историографические концепции, касающиеся данного периода, и выработать новую терминологию, в полной мере описывающую и характеризующую происходившие в этот момент глобальные исторические процессы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
- Борисов Н.С. Василий Темный. М., 2020.
- Волков В.А. Войны княжеской Руси. М., 2023.
- Волков В.А. Роковой яд «в куряти». Смерть Дмитрия Шемяки и окончание московско-галических войн во второй четверти XV века // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2024. Т. 15. № 2. С. 27–35.
- Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016.
- Гусева С.В. (Алексеева С.В.) Княжеские усобицы второй четверти XV в.: территориально-политический аспект развития русских земель: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
- Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010.

Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. «Феодальные войны» или демократические альтернативы? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 3. СПб., 1992. С. 3–12.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1988.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Руси (XV–XVI вв.). М., 1985.

Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.

Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Гусева С.В. Москва в эпоху средневековья: Очерки политической истории XII–XV столетий. СПб., 2021.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Назаров В.Д. Московская усобица 1425–53 // Большая российская энциклопедия. Т. 21. М., 2013. С. 267–272.

Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

A.S. Bokarev

St. Petersburg (Russia)

Saint Petersburg State University

THE MOSCOW TROUBLES OF THE 15th CENTURY.
PROBLEMS OF MODERN HISTORIOGRAPHY:
DISPUTES OVER THE “FEUDAL WAR”

Princely strife of the 15th century the struggle of two dynastic lines of Danilovich (descendants of Dmitry Donskoy – Vasily II Vasilyevich, the direct heir of Vasily I, on the one hand, and his uncle Yuri Dmitrievich, cousins of Vasily Kosoy and Dmitry Shemyaka, on the other) for the possession of the Moscow Grand ducal table, became a turning point in the history of Medieval Russia. The political consensus reached as a result of the victory of Vasily II in the Moscow strife became the foundation on which his son Ivan III began to build a Russian centralized state. In this article, the author examines various approaches and the main disputes in modern Russian historiography related to the study of the dynastic war.

Keywords: Vasily II, Moscow strife, dynastic war, princely strife of the XV century, Yuri Zvenigorodsky, Vasily Kosoy, Dmitry Shemyaka, “feudal war”, the troubles of the XV century.

С.В. Белопольская
г. Москва (Россия)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП САМООРГАНИЗАЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА МОНПЕЛЬЕ

В статье рассматривается начальный этап формирования университета Монпелье: от самоорганизации медицинских школ в городе до институционализации университета под эгидой Церкви. Автор анализирует статуты 1220 г., подаренные университету легатом папы, и выявляет особенности структуры и управления университета как сообщества магистров и школьников.

Ключевые слова: университеты, средневековые корпорации, история медицины, статуты, Монпелье.

Университет Монпелье – наравне с Болоньей, Парижем и Оксфордом – является одним из старейших университетов [A history... р. 45]. Можно говорить о процессе самоорганизации этих четырех университетов еще с XII в., а об их институциональном оформлении – с 1-й четв. XIII в. Именно данные университеты, как считается в современной научной литературе, выступали моделями для более поздних университетов [*Ibid*]. Университет Монпелье представляет интерес не только как один из первых университетов Европы, но и как первый *медицинский* университет: этот факт позволяет изучить особенности объединения преподавателей-врачей и их учеников.

Следует подчеркнуть, что процесс самоорганизации и процесс институционализации – это два разных, хотя и взаимосвязанных, процесса, которые будут рассматриваться нами в симбиозе. Самоорганизация сообщества – это процесс упорядочения элементов в социальной системе за счет внутренних факторов, приводящий в результате к появлению некой общественной единицы качественно нового уровня. Институционализация – процесс превращения каких-либо отношений в форму организаций отношений с установленными правилами и нормами, т.е. в институт. На материале по истории медицинского университета Монпелье возможно наблюдать следующие процессы: во-первых, объединение разрозненных элементов (преподавателей медицины, с одной стороны, и студентов, с другой) в единое сообщество –

новую структурную единицу; во-вторых, установление внутренней структуры нового сообщества, формирование иерархии и норм, обязательных для выполнения внутри сообщества.

Ко 2-й пол. XII в. уже определенно можно говорить о существовании как минимум нескольких медицинских школ в Монпелье. По мнению А. Жермена, изучение медицины существовало в Монпелье с начала существования самого города [Germain 1880, р. 8]. Однако первое письменное упоминание о медицинской школе в Монпелье относится к 1137 г. В *Vita Adelberti*, биографии архиепископа Майнца Адальберта II, написанной Ансельмом Гавельбергским, говорится о юноше, пребывающем в Монпессулани (*Mons Pessulanus*), где врачи обучают и наставляют в медицине. Оставшись в городе, он узнает о том, что сообщает медицина, «постигая причины природы, вещи, скрытые от него самого, не для богатства, но потому что желал узнать правду о вещах» [СУМ, р. 758]. Обучение медицине в Монпелье упоминают и другие авторы: Святой Бернар, Иоанн Солсберийский, Цезарий Гестербахский [Germain 1880, р. 8]. Жиль де Корбей, придворный врач Филиппа Августа, получивший образование в Салерно, посетивший Монпелье и преподававший медицину в Париже в 1180–1194 гг., в своем трактате *De Urinis* осуждает врачей Монпелье за их косность в отношении настоящей науки [Medieval Science... 2005, р. 198].

О наличии по крайней мере нескольких медицинских школ в Монпелье к концу XII в. свидетельствует указ сеньора Монпелье Гийома VIII о свободе преподавания медицины. Гийом заключает, что «все люди, кем бы они ни были и откуда бы они ни были, кто желает управлять медицинской школой в Монпелье, без всяких препятствий управляли медицинскими школами» [СУМ, р. 179]. Более того, в указе подчеркивается, что любой человек, кем бы он ни был и откуда бы он ни был, может заниматься этим делом. Таким образом, Гийом уравнивает права христиан, мусульман и евреев, как местных, так и приезжих на преподавание медицины. Позволяя каждому преподавать медицину без ограничений, сеньор привлекает в Монпелье новых врачей, магистров и школьников, что приносит городу и, соответственно, самому сеньору, больший доход. Кроме того, данный указ может свидетельствовать о том, что попытки получить монополию на преподавание предпринимались, и, следовательно, уже к концу XII в. в Монпелье существовали школы с достаточно высоким уровнем самосознания и самоорганизации, желавшие добиться исключительных привилегий.

В нач. XIII в. положение медицинских школ в Монпелье меняется. Территория Южной Франции, и в особенности провинция Лангедок, в нач. XIII в. была охвачена движением катар, для борьбы с которыми Иннокентий III в 1209 г. организовал крестовый поход. Однако в противодействии ересям церковная власть использовала не только военную силу, но и мирные

способы борьбы: особое внимание уделялось развитию проповеди и образования – Церковь покровительствовала нищенствующим орденам и зарождающимся университетам.

В 1220 г. папский легат Конрад фон Урах прибыл в Монпелье, чтобы пожаловать статуты медицинским школам Монпелье, таким образом взяв их под защиту Церкви. Как говорится в преамбуле статутов, они были составлены «с общего согласия и совета досточтимых братьев епископов Магелона, Агда, Лодева и Авиньона и других прелатов, а также сообщества медиков, как магистров, так и школяров Монпелье» [СУМ, р. 180]. Важно отметить, что в тексте подчеркивается единство магистров и школяров. Следовательно, в сообществе уже существовали две группы – магистры и школяры, которые признавались частью единой корпорации. Корпорация магистров и школяров – как *universitas*, уже существовала в Монпелье к 1220 г., ее создание не было инициировано папским легатом. Статуты лишь положили начало процессу институционализации корпорации.

Статуты позволяют описать сообщество магистров и школяров как «систему, наблюдаемую в моменте и в процессе дифференциации от среды» [Луман 2007, с. 83]. Общность в средневековом городе является самовоспроизводящейся системой, постоянно устанавливающей «границы между собой и своей средой» [Уваров, Попова 2018, с. 18]. В первую очередь в статутах рассматривается, кого именно можно считать членом университетского сообщества. Что касается преподавателей, «кто прежде не преподавал в Монпелье», пусть никто не преподает в Монпелье, «если только они не были предварительно проверены и одобрены епископом Магелона и комиссией преподавателей по их усмотрению» [СУМ, р. 181]. Решение о включении нового члена в сообщество принимает как внешняя сторона – Церковь, под покровительством которой и находится университет, – так и само сообщество: требуется согласие нескольких членов, чтобы решение было принято. Кроме того, необходима «проверка» новых членов. В статутах не уточняется, что подразумевала проверка, однако, вероятно, она предполагала выявление уровня знаний кандидата и их достаточность для осуществления преподавательской деятельности: университет был заинтересован в высоком уровне знаний принимаемых членов. Отметим, что уже состоявшие в корпорации преподаватели (те, кто раньше преподавал в Монпелье) не должны были проходить дополнительную проверку и считались включенными в сообщество.

В статутах оговариваются и условия включения школяров в состав университетской общности: «Пусть в Монпелье не будет ни одного школяра, если только он не прикреплен к некоторому магистру» [Ibid]. Такое же условие обговаривалось в статутах папского легата Робера де Курсона, пожалованных школярам и магистрам парижских школ в 1215 г. [СУР, р. 78].

В статутах отдельно был прописан процесс принятия школьара в магистры (*inceptio*). Указывается, что школьар «должен быть принят [в магистры] под руководством того магистра, учеником которого он был непрерывно до принятия, в течение как минимум одного месяца» [CUM, р. 181]. Один месяц – очень малый срок, особенно в сравнении с ремесленными корпорациями того же периода, в которых обучение ученика у одного мастера продолжалось в среднем 6–8 лет [Кириллова 2019, с. 172].

Еще одним условием является произнесение клятвы: «он [школьар] не должен считаться магистром, если сначала не поклянется, что будет соблюдать все, что содержится в настоящей хартии, на святом Божьем Евангелии» [CUM, р. 182]. Упоминание клятвы – один из важнейших элементов университетских статутов. Историк О.Г. Эксле подчеркивает «клятвенный» характер профессиональных объединений средневековья. Согласно его определению, гильдия – это «объединение в клятвенное сообщество – (*conjuratio*)», т.е. «объединение людей, давших друг другу клятву, созданное с целью взаимной защиты и помощи, религиозной и общественной деятельности, а также профессионального и экономического содействия его членам» [Эксле 2007, с. 97]. К такого рода объединениям можно отнести и медицинский университет в Монпелье, который, согласно статутам, также требовал от своих членов принесения клятвы о соблюдении общих принципов функционирования сообщества, записанных в статутах. Клятва, по выражению Эксле, является конституирующими фактором социальной группы. Именно посредством принесения клятвы «социальная группа утверждает себя как группу относительно своего окружения» [Эксле 2007, с. 102].

Воспользовавшись методом анализа гильдейских статутов, проведенным О.Г. Эксле, рассмотрим статуты медицинского университета Монпелье. Объединения на основе взаимной клятвы имели собственные суды [Эксле 2007, с. 108]. В тексте статутов указано, что гражданские дела, касающиеся членов университета, будут находиться под юрисдикцией магистра, избранного для совершения правосудия. Этот магистр, согласно статутам, может называться Канцлером Университета (*Cancellarius Universitatis scolarium*) [CUM, р. 181]. Однако уголовная юрисдикция осуществляется епископом Магелона [*Ibid*].

Большое значение для корпорации имела защита от вмешательства извне [Эксле 2007, с. 103]. В статутах читаем: «Если магистр будет судиться за обиду, нанесенную ему или его людям чужим, то все магистры и школьары окажут ему поддержку советом или помощью, лишь бы он этим не был обеспечен и не понес ущерба» [CUM, р. 181]. В указанном статуте отчетливо проявляется требование корпоративной солидарности ко всем членам сообщества.

Для корпораций также характерны совместные трапезы и практики по-миновения мертвых: с помощью проведения подобных ритуальных собраний социальная группа осознавала себя как группа [Эксле 2007, с. 110]. Это относится и к ранним университетам, таким, как Парижский [Уваров 2018, с. 289]. Подобные статуты присутствуют и в статутах медицинского факультета Монпелье: «Пусть все, и магистры, и школьники, усердно и благоговейно следят за погребением умерших» [CUM, р. 182].

Статуты ограничивают конкуренцию внутри сообщества: «Если магистр имеет тяжбу против своего ученика из-за жалованья или из-за чего-либо другого, то никто из других магистров, после предупреждения, не должен принимать его [ученика] в своих школах» [*Ibid*]. Таким образом, можно говорить о внутренней солидарности магистров в сообществе. Необходимо подтверждение от магистра, что его требование было удовлетворено, прежде чем ученик сможет перейти к другому магистру.

Статуты также оговаривают иерархию внутри сообщества: в целом, магистры равны между собой (связанные гильдейской клятвой равны – *pares* – между собой [Эксле 2007, с. 104]). Однако выделяется старейший магистр (« тот, который раньше и больше учил » – *is qui prius et plus magistraverit*), который регулирует время занятий: «[Старейший магистр] должен дать знать другим, в какие дни и на какое время им следует воздерживаться от лекций и диспутов, чтобы, когда и насколько он сам прекращал, прекращали и другие». Старейшему магистру должно быть оказано «подобающее почтение в процессии»: «Чтобы тот мог предшествовать другим в проявлении ученого почтения, кто предшествует в долгом труде преподавания» [CUM, р. 182].

Из статутов мы видим следующую структуру университетского сообщества: во-первых, существует комиссия из трех членов университета, которая вместе с епископом Магелона проверяет и одобряет новых членов университета. Во-вторых, присутствует старший магистр, который определяет порядок проведения занятий, а также вместе с епископом Магелона и двумя другими «благоразумнейшими и славнейшими» магистрами выбирает канцлера, который решает гражданские судебные дела, касающиеся членов корпорации. Статуты не запрещают старейшему магистру быть одновременно и канцлером, однако в статутах эти должности разведены. Наличие же определенной комиссии является обязательным условием. Таким образом, можно говорить о коллегиальном управлении университетом. Кроме того, в статутах упоминаются общие собрания магистров и школьников: так, например, в статуте, запрещающем являться на «собрания» (*conventibus*) без тонзуры или монастырского одеяния. Однако в тексте не регулируются такие собрания, их роль и функции, порядок их проведения.

Подводя итоги, отметим, что на начальном этапе формирования университета Монпелье (2-я пол. XII в. – 1220 г.) можно говорить о высоком уровне самосознания и самоорганизации медицинских школ. Их известность выходила за пределы Лангедока. На начальном этапе развития медицинских школ они могли принадлежать не только христианам, но и арабам, и евреям – по указу Гийома VIII от 1180 г. объявлялась свобода преподавания медицины. Однако уже в 1-й четв. XIII в. преподавание медицины оказывается под контролем церковной власти по причинам, связанным с изменением отношения Церкви к медицине и ее борьбой против катарской ереси. С 1220 г., момента опубликования первых статутов университета Монпелье, можно говорить о начале процесса институционализации медицинских школ.

К завершению начального этапа преподаватели и студенты медицинских школ уже объединились в корпорацию, обладавшую двойственным характером: с одной стороны, это было сообщество учителей и учеников, с другой – сообщество врачей. Этот двойственный характер корпорации будет сохраняться и на протяжении всего следующего этапа формирования университета.

По своей структуре медицинский университет в Монпелье представлял собой корпорацию (статуты регламентировали условия получения степени магистров и особенности их взаимодействия с учениками, призывали к корпоративной солидарности, упоминали общие собрания, а также обязательство погребения умерших членов общины). В то же время эта корпорация была институирована церковью и ее членами: принятие новых магистров, избрание канцлера университета и решение судебных тяжб находились под контролем епископа Магелона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Cartulaire de l'Université de Montpellier [CUM]. Т. 1 (1181–1400). Montpellier, 1890.

Chartularium universitatis parisiensis [CUP]. Т. 1. Р., 1889.

Кириллова Е.Н. История ремесла во Франции XIII–XVIII веков: стать мастером. СПб., 2019.

Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007.

Уваров П.Ю. От школ к университету: рождение корпорации // Городские сообщества Западной Европы в Средние века. М., 2018. С. 277–305.

Уваров П.Ю., Попова Г.А. Почему социальные системы западноевропейского средневековья? // Городские сообщества Западной Европы в Средние века. М., 2018. С. 11–33.

Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007.

A History of the University in Europe: Vol. 1. Universities in the Middle Ages. Cambridge, 2003.

Medieval Science, Technology, and Medicine: An Encyclopedia. N.Y., 2005.

Germain A. L'école de médecine de Montpellier. Montpellier, 1880.

S.V. Belopolskaya
Moscow (Russia)

THE INITIAL STAGE OF SELF-ORGANIZATION
AND INSTITUTIONALIZATION
OF THE UNIVERSITY OF MONTPELLIER

The article examines the initial stage of the formation of the University of Montpellier: from the self-organization of medical schools in the city to the institutionalization of the university under the auspices of the Church. The author analyzes the statutes of 1220, granted to the university by the pope's legate, and identifies the features of the structure and management of the university as a corporation of masters and scholars.

Keywords: universities, medieval corporations, medical history, statutes, Montpellier.

П.Ю. Никитина
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

«ТАК КАК ГНЕВ ЖЕНЩИНЫ БЕССМЕРТЕН»: К ВОПРОСУ О РОЛИ МАРГАРИТЫ ЙОРК В ВОССТАНИИ ПЕРКИНА УОРБЕКА

Статья посвящена одной из представительниц династии Йорк, правившей Англией с 1461 по 1485 гг., – Маргарите Йорк (1446–1503), сестре двух королей Эдуарда IV и Ричарда III. После того, как младшего из ее братьев убили и свергли, и воцарилась новая династия Тюдор, Англию сотрясло сразу два восстания во главе с претендентами Ламбертом Симмелом и Перкином Уорбеком. Роль вдохновительницы отводили собственно Маргарите Йорк. В данной статье автор пытается выяснить действительно ли Маргарита Йорк была во главе двух восстаний, или же таковой ее выставила пропаганда Тюдоров.

Ключевые слова: Тюдоры, Йорки, восстание Перкина Уорбека, Маргарита Йорк, XV в.

Семья Маргариты Йоркской принадлежала к числу наиболее влиятельных в средневековой Англии. Она являлась седьмым ребенком герцога Ричарда Йоркского и Сесилии Невилл. Йорки – одна из ветвей династии Плантагенет, ведущая свое происхождение от английского короля Эдуарда III, начавшего Столетнюю войну. На самом деле, у герцога Йорка было больше прав на престол по крови, чем у царствующего короля: он восходил к Эдуарду III по матери и по отцу, в то время как король Генрих VI – только по отцу. Два брата Маргариты впоследствии стали королями из династии Йорк – Эдуард IV (1442–1483) и Ричард III (1452–1485), хотя ни один из них не был рожден королем, впрочем, как и их отец [Устинов 2008, с. 377].

Раннее детство Маргарита провела со своими младшими братьями – Джорджем, будущим герцогом Кларенсом, и Ричардом, будущим герцогом Глостером, а затем королем Англии. С последним, как полагают исследователи, у нее были теплые отношения [Браун 2020, с. 83].

Когда отец Маргариты, герцог Йорк, поднял восстание против правившего короля Генриха VI Ланкастера (1422–1471), ей было почти пятнадцать

лет. Из младшей дочери герцога она стала дочерью мятежника. Герцог Йорк был убит в битве при Уэйкфилде в конце 1460 г., и, казалось бы, это конец, но один из его сыновей – Эдуард – принял на себя руководство и победил [Устинов 2008, с. 522].

В 1461 г. Эдуарда IV короновали. На момент восшествия брата на престол Маргарита оставалась единственной незамужней девушкой в семье. Претендентов на ее руку было несколько, и, в конце концов, мужем Маргариты был выбран наследник герцога Бургундского, только что овдовевший Карл Смелый (1433–1477). Экономически и политически Бургундия была самым привлекательным союзником, и не последнюю роль сыграл тот факт, что Эдуард IV рассматривал этот союз как поддержку своих усилий по возвращению герцогств Нормандия и Гасконь, традиционно принадлежавших английскому королю. Для Бургундии новая женитьба герцога давала надежду на рождение наследника мужского пола, так как единственным выжившим ребенком от предыдущих двух браков была дочь Мария Бургундская (1457–1482). Однако эту надежду Маргарита не оправдала: десятилетний брак остался бездетен. Но она много трудилась в интересах своего мужа: путешествовала по герцогству, вела переговоры от его имени с иностранными послами, а также с его собственным народом [Blockmans 1992, р. 29].

В 1470 г., когда Генрих VI Ланкастер вернулся на английский престол, Эдуард IV и его брат Ричард искали убежища и поддержки в Бургундии. Муж Маргариты помог английскому королю в процессе возвращения трона. Она также была занята сбором средств для своих братьев, в то время как герцог Бургундский повел свои армии навстречу французам. Кроме того, Маргарита принимала участие в переговорах, чтобы убедить Джорджа, герцога Кларенса, предавшего своего брата-короля и вставшего на сторону Ланкастеров, вернуться. Переговоры оказались успешными: Джордж вернулся к семье, но через пару лет был казнен по обвинению в государственной измене [Браун 2020, с. 168].

После того, как герцог Карл был убит в битве при Нанси в 1477 г., Маргарита активно поддерживала свою падчерицу Марию, герцогиню Бургундскую, и организовала брак ее с Максимилианом Габсбургом. Отношения Маргариты с падчерицей и ее мужем были необычно теплыми. Когда Мария умерла в 1482 г. в возрасте двадцати пяти лет, упав с лошади, ей наследовал сын – Филипп Красивый, чьим воспитанием теперь занималась Маргарита [Blockmans 1992, р. 31].

Несчастья в жизни Маргариты не ограничились смертью мужа, падчерицы и начавшейся войной за бургундское наследство. В 1483 г. умер ее брат-английский король Эдуард IV в возрасте сорока лет. Трон наследовал его двенадцатилетний сын Эдуард, а регентом при нем назначался Ричард,

герцог Глостер. Но воля короля не была исполнена: оба сына почившего короля, т.н. тауэрские принцы, были помещены в Тауэр, где их следы теряются. В обход их прав коронуется сам Ричард III, который был убит спустя два года в битве при Босворте в 1485 г., а на английский престол взошел дальний родственник предыдущей династии Ланкастер – Генрих Тюдор (1457–1509). Его правление не было безоблачным: почти сразу же, в 1487 г., а затем в 1491 г., вспыхивают восстания Ламберта Симнела и Перкина Уорбека. По официальной версии Тюдоров – это были претенденты на английский престол, выдававшие себя за тех самых сыновей Эдуарда IV, заключенных в Тауэр, или за сына одного из его братьев – графа Уорика [Устинов 2008, с. 375–376].

Рассмотрим подробнее оба восстания. В 1487 г. юноша по имени Ламберт Симнел, очень похожий на сына покойного короля Эдуарда IV, назвал себя Эдуардом Уориком, сыном герцога Кларенса (обвиненного в государственной измене брата короля Эдуарда IV). Граф Уорик находился тогда в Тауэре (чему поспособствовал Генрих Тюдор, для которого мальчик представлял угрозу), и по слухам, был убит. Ламберт собрал вокруг себя юркистов, в том числе, его признали тетя – Маргарита Бургундская – и Джон де ла Поль – наследник почившего Ричарда III. Но восстание было разгромлено, большинство сторонников схвачены и убиты, Маргарите, правда, удалось ускользнуть. Ламберт Симнел, к слову, оставшуюся свою жизнь проработал на королевской кухне [Устинов 2008, с. 396].

Но опыт Ламберта Симнела был не единственным. Вскоре, в 1491 г., объявляется молодой человек т.н. Перкин Уорбек, называющий себя выжившим принцем Ричардом Шрусбери, младшим сыном Эдуарда IV. Он довольно быстро нашел поддержку своих прав в Англии и за ее пределами, что, несомненно, представляло угрозу для Генриха Тюдора. Неизвестность обстоятельств гибели т.н. тауэрских принцев и личности их убийцы играли на руку претенденту. Новоявленный принц Ричард принимается при французском дворе Карла VIII (1470–1498), бургундском дворе и признается своей теткой – Маргаритой, а шотландский король Яков IV (1473–1513) оказывает ему военную поддержку и организовывает брак со своей кузиной – Екатериной Гордон (1474–1537) [Ландер 2013, с. 240]. Стоит отметить, что ни у кого из этих политических деятелей не было «теплых» отношений с английским королем.

В 1495 г. «принц Ричард» начинает вторжение в Англию и высаживается в Кенте с небольшим отрядом, но удача отворачивается от него, и он бежит в Ирландию и Шотландию. В следующем году при помощи шотландцев было организовано еще одно вторжение, но оно потерпело поражение, и шотландский король «вышел из игры». В сентябре 1497 г. «принц Ричард» предпринимает попытку начать восстание в Корнуолле обещаниями сни-

зить налоги для крестьян, но при приближении английских войск «принц» запаниковал, оставил свою армию, и в конечном счете был схвачен и помещен в Тауэр [Cotton Vitellius A-XVI 1905, p. 217–221].

Во время пребывания «принца» в Тауэре, Генрих Тюдор проявлял к его персоне повышенный интерес. В это же время составляется, публично оговаривается и распространяется т.н. «Исповедь» – документ, доказывающий, что Перкин Уорбек – самозванец, а не принц [*Ibid*, p. 219]. Кстати, что примечательно, она распространяется вместе с генеалогическим древом Тюдоров, очень комплементарным и не особо правдивым. В «Исповеди» отдельно и очень подробно описывается генеалогия самозванца, конечно же, без какого-либо королевского следа, а участие людей в восстании обосновывается внешней схожестью Перкина Уорбека с сыном Эдуарда IV.

«Принц» бежит летом 1499 г., но его достаточно быстро находят и публично казнят в ноябре того же года [*Ibid*, p. 227]. Вероятно, бегство было подстроено, чтобы получить достойный повод для казни претендента.

Придворные историографы английского короля и современники событий – Бернар Андре (ок. 1450–1522) и Полидор Вергилий (1470–1555) – главным инициатором этих двух восстаний единодушно называли Маргариту Бургундскую. В частности, Андре называет ее «второй Юноной» [Андре 2017, с. 91], мотивируя ее участие местью и злостью за падение ее династии. Сравнение с Юноной довольно интересное: Юнона – римское имя греческой царицы богов Геры, которая отличалась властностью, жестокостью и особенно ревнивым нравом. В мифах Гера часто плела интриги против героев и собственного мужа.

Маргарита на тот момент была последним живым ребенком своих родителей, оба ее брата-короля мертвые. Основным мотивом Маргариты выставляется жажда убийства. По поводу ее опасений насчет того, что Тюдоры расправятся со всеми остальными претендентами на престол, в том числе и с остатками семьи Маргариты, Андре заявляет, что оснований для таких мыслей нет, якобы Генрих Тюдор до такого не опустится. Т.е. Маргарита выставляется практически абсолютным злом, тогда как Тюдор – безвинный достойный король [Там же, с. 94].

Но не стоит забывать, что легитимность правления Генриха Тюдора была крайне сомнительной. К его матери претензий не было, она принадлежала к роду Бофортов (род бастардов Джона Гонта, одного из сыновей короля Эдуарда III) и одной из потенциальных наследников короля Генриха VI Ланкастера, когда у того не было собственных наследников. Но отец Генриха Тюдора не имел внушительной родословной: вероятнее всего, отец первого короля Тюдора был бастардом простого джентри Оуайна Тюдора и королевы-матери Екатерины Валуа, так как не сохранилось никаких документальных свидетельств об их браке [Устинов 2008, с. 433].

Основания для мести и для реванша, конечно же, у Маргариты были. Мы не знаем действительно ли она верила в то, что оба этих юноши ее племянники, или они были всего лишь орудиями в политической игре. Едва ли Маргарита была такой неистово мстящей и упоенной ненавистью, как ее описывали придворные историографы Тюдоров, ведь тоже самое они сделали и с Ричардом III [Браун 2020, с.406]. И сделано это, скорее всего, чтобы обелить и возвысить Генриха VII. Конечно, мотив мести не стоит списывать со счетов: дом Маргариты был уничтожен, брат, племянники, многие представители семьи убиты или пленены.

Так или иначе, после казни «принца» в 1499 г., Маргарита помирилась с английским королем, оставшуюся жизнь она провела, занимаясь воспитанием внуков и правнуков. Маргарита умерла в возрасте пятидесяти семи лет в 1503 г. в своей резиденции.

Таким образом, как представляется автору, истина как всегда где-то посередине: едва ли Маргарита была абсолютным злом, как ее описывают придворные тюдоровские историографы. Тем не менее, и мотив мести не стоит сбрасывать со счетов. Несомненно, Маргарита играла одну из ведущих политических ролей: как последняя представительница дома Йорков только она могла признать племянников, и оказать им как военную, так и финансовую поддержку. У законного сына Эдуарда IV (*Titulus Regis* – документ, по которому все дети Эдуарды IV от Елизаветы Будвилл – незаконнорожденные, был отменен Генрихом Тюдором в 1485 г.) было больше прав по сравнению с узурпатором Тюдором. Французский король, как и шотландский, был извечным врагом английского. Только у Маргариты был личный мотив. Но действительно ли оба претендента были ее родней? Или, может быть, это лишь политический расчет?

Ответить на вопрос был ли Перкин Уорбек выжившим принцом Ричардом не представляется возможным, пока не будет обнаружен его прах и не будет проведена экспертиза детских костей, найденных в XVII в. и приписываемых традицией тауэрским принцам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Сotton Vitellius A-XVI // *Chronicles of London* / ed. Ch. Kingsford. Oxford, 1905. P. 153–264.

Андре Б. История жизни и достижений Генриха VII / пер. с лат., вступ. ст., коммент. Д.В. Кирюхин. М.; СПб., 2017.

Браун Е.Д. Ричард III: самый оболганный король средневековья. М., 2020.

Ландер Дж.Р. Войны Роз / пер. с англ. А.А. Кралиной. СПб., 2013.

Устинов В.Г. Столетняя война и Войны Роз. М., 2008.

Blockmans W. The Devotion of a Lonely Duchess // Margaret of York, Simon Marmion, and The Visions of Tondal: Papers Delivered at a Symposium Organized by the Department of Manuscripts of the J. Paul Getty Museum in Collaboration with the Huntington Library and Art Collections, June 21–24, 1992 / ed. Th. Kren. Malibu, 1992. P. 29–46.

P.Y. Nikitina
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

“SINCE A WOMAN’S ANGER IS IMMORTAL”:
TOWARDS THE QUESTION OF MARGARETE YORK’S ROLE
IN PERKIN WARBECK’S REBELLION

The article is devoted to one of the representatives of the York dynasty, which ruled England from 1461 to 1485 – Margaret Yorke (1446–1503), the sister of two kings Edward IV and Richard III. England was shaken by two rebellions led by pretenders to the English throne, Lambert Simnel and Perkin Warbeck, after the youngest of Margaret’s brothers was killed and deposed. The author tries to find out whether Margaret York was really at the head of the two rebellions or whether she was made so by Tudor propaganda.

Keywords: Tudors, York, Perkin Warbeck’s Rebellion, Margaret York, XV century.

СЕКЦИЯ «ЕВРОПА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ»

И.В. Матюхина
г. Москва (Россия)
Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЛЕЗНИ И ЕЕ ПРИЧИНАХ (ПО ТРАКТАТАМ АМБРУАЗА ПАРЕ)

В Средние века и Раннее новое время знакомые нам слова могли трактоваться по-иному. В особенности это касается работы врачей, а конкретно хирургов, которые тогда признавались, как обособленная от признанной медицины группа людей. Целью данного исследования является определение понятия «болезнь» и ее причин в Средние века по трактатам французского хирурга Амбруаза Паре. Результаты показывают смешение для Средних веков понятий «болезнь» и «симптом», деление болезней на «реальные» и «мнимые» / «божественные» и «дьявольские», представление о колдунах как о шарлатанах, беспомощных в исцелении.

Ключевые слова: Средние века, Раннее новое время, болезнь, симптом, колдовство, симулянт, Амбруаз Паре.

Многое в Средних веках остается для нас неизвестным, особенно мышление людей того времени. В привычные для нас слова они могли вкладывать иной смысл. Наглядно это можно увидеть в контексте истории медицины Раннего нового времени. Представления о причинах болезней в средневековые нуждаются в трактовании.

В нашей работе будут использованы источники, написанные французским хирургом Амбруазом Паре (1510–1590). Он был «человеком Возрождения», и отличительной чертой его мышления был универсализм знания. Амбруаз Паре сам не только словами, но и действиями устанавливал новые границы медицины [Бергер 2023, с. 250].

Он родился на северо-западе Франции, примерно в 300 км от Парижа, между 1509 и 1517 гг. в семье хирурга-цирюльника или сундучника. Приехал в Париж в 1533 г. и три года был младшим хирургом в парижском

Отель-Дье [Там же, с. 8], некогда одной из самых престижных больниц Европы, в сер. XVI в. переживавшей упадок [Там же, с. 64]. До этого получил базовые знания от старого хирурга из Лаваля по имени Виало, у которого научился делать кровопускания и легкие операции [Там же, с. 56]. Принимал участие в Итальянских войнах за пределами страны и в религиозных войнах во Франции. Там он и сделал свои значительные открытия, касающиеся лечения ран. Позднее Паре стал придворным хирургом, переболел чумой. «Владел домом в Париже и виноградниками в Медоне», был в плену у испанцев и умер во время осады Парижа Генрихом IV [Там же, с. 8].

Авторы-хирурги, в отличие от части своих коллег, владели грамотой, но не признавались в обществе за «настоящих» врачей. Их взгляд более практический, и он позволит посмотреть на представления о причинах болезней и больных не только как наказание за грехи.

Таким образом, в данной работе мы поднимаем *проблему* определения понятия «болезнь» и ее причин в Раннее новое время.

В 1570-е гг. Паре начал издавать общий свод своих работ, в том числе трактат «О монстрах и чудесах», вышедший в 1573 г. [Бергер 2023, с. 171]. Издание, посвященное Генриху III, имело цель поставить хирургию в ряд медицинских наук и спровоцировало крайне негативную реакцию со стороны медицинского факультета Парижского университета [Бергер 2004, с. 148]. Основная его часть – характеристика врожденных патологий – описания сиамских близнецов, иллюстраций монстров и пр. Нас же будут интересовать главы-описания болезней и их симуляций из практики А. Паре и его брата Жана. Их перевод был сделан Е.Е. Бергер [Паре 2008].

Трактат «О чуме» (полное название – «Трактат о чуме, ветряной оспе и краснухе, с кратким описанием лепры») был издан в 1568 г. Написан в связи со вспышкой чумы в мае 1566 г., из-за которой прервалось большое путешествие короля Карла IX вместе с королевой-матерью, во время которого А. Паре сопровождал правителя в должности придворного хирурга [Паре 2021].

Для характеристики болезней по трактату А. Паре прежде всего отметим классификацию по Ж. Фернелю (1497–1558) – это коллега и современник А. Паре, на которого ссылается хирург при формулировании причин недугов. У Ж. Фернеля болезни делятся на две основных группы: 1) послываемые Богом, которые не могут быть излечимы обычными средствами (как язвы у Иова и тяжелая болезнь Иезекии); 2) болезни от дьявола, которые могут быть также вселяемы колдунами. Колдуны, которые в представлении общества от болезней лечат, в итоге просто обманывают [Паре 2008, с. 55–56].

У А. Паре немного усовершенствованная версия концепции Ж. Фернеля: есть реальные болезни и мнимые [Бергер 2008, с. 44]. Реальные болезни

лечат только врачи, мнимые – могут лечиться колдовством, но дьявол не может дать истинное и полное излечение, только ложное и паллиативное [Паре 2008, с. 58]. Врачи от колдовской болезни вылечить тоже не могут [Там же, с. 60].

Когда реальные болезни излечиваются просто, это нужно воспринимать не как колдовство, а как Благодать. Задача врача состоит в проведении манипуляции, которые сама природа провести не в состоянии [Паре 2008, с. 60; 2021, с. 146]. Можно сказать, что реальные болезни чаще всего выступают и как «божественные».

При этом нужно отделять от «реального» лечения болезней «суеверия» – в понимании А. Паре это действия, которые не основаны «ни на каком разуме или авторитетах, ни божественных, ни человеческих, а на каких-то старческих бреднях» [Паре 2008, с. 58]. «Суеверие» – 1) это думать, что можно исцелиться от эпилепсии, если наречься именами трех царей, явившихся поклониться Господу – Гаспаром, Мельхиором и Бальтазаром и 2) считать, что уже хорошо известные лекарства могут действовать необычным образом – например, что если давать больному эссенцию янтаря или амбра, смешанную с засушенным пионом каждое утро, то у него вырастет опухоль с орехом [Там же, с. 58–59]. Можно сказать, что в первом случае это элементы «народной медицины», которые не подкреплены практической основой. Во втором же случае это пренебрежение признанными врачами лекарствами, которые лечат от реальных болезней. Из-за таких действий причиной ухудшения состояния может быть неправильный подход к лечению. Подобное А. Паре осуждает.

Таким образом, в представлении А. Паре существуют «реальные болезни», которые могут быть излечимы врачом, и «мнимые», которые может попробовать излечить колдун, но поскольку он является обманщиком, это вряд ли произойдет. «Мнимую» болезнь вряд ли излечит и сам дьявол, поскольку это не в его интересах. Врач с «мнимой» болезнью не поможет уж точно. В то же время А. Паре соглашается с концепцией «божественных» и «дьявольских» болезней, дополняя ее.

У А. Паре нет деления на болезни и на травмы. Среди болезней, названных в честь святых, отмечается болезнь св. Иоанна [Там же, с. 51], которая представляет собой ранения на поле боя, при этом она же упоминается в 25 гл. трактата «О монстрах и чудесах» о симуляции женщиной «змеи во чреве», что собственно тоже можно считать «травмой», а не болезнью, если не учитывать невозможность того, чтобы 4 года в женщине жила настоящая змея. При этом стоит отметить, что сам хирург считает это заболевание вне данной истории возможным [Там же, с. 51]. Также А. Паре среди болезней упоминает переломы и вывихи костей, кровотечение, и подчеркивает, что их должен лечить хирург [Там же, с. 60].

Определение инкубов / суккубов у А. Паре противоречит теологической точке зрения на эти термины. По мнению многих отцов церкви, инкуб по существу – «распутный демон или гоблин, ищущий сексуальных связей с женщинами», а суккуб – «соответствующий ему дьявол, появляющийся перед мужчинами... поскольку ночной кошмар сексуален по своему внутреннему содержанию, инкуб часто отождествляется с марой – демоном дурных снов, отсюда и латинское название ночного кошмара – *incubo* (“лежать на-взничь”...)» [Роббинс 1994, с. 183]. Верования в этих существ были связаны с подавленным желанием сексуального удовлетворения [Там же, с. 188].

По определению А. Паре, инкуб – болезнь, от которой ощущается тяжесть в теле и человеку тесно и душно. Вызывается, как правило, пищей и напитками, которые приводят к тяжести в желудке и «поднимают к мозгу большие пары», из-за чего человеку становится тяжело дышать и говорить [Паре 2008, с. 54]. Для выздоровления рекомендуется избегать употребления тяжелой пищи и крепких вин, которые поднимают «пары» к мозгу. Мы можем только предполагать, о каких парах могла идти речь, но по описанию данная болезнь похожа на последствия переедания и в целом проблемы с желудочно-кишечным трактом.

Поскольку А. Паре подробно описывает, как можно вылечить инкуб, мы можем сделать вывод, что это реальная болезнь. В противном случае его методы лечения бы не работали.

Примечательно, что А. Паре употребляет именно слова «*incubé*» и «*succubé*» [Paré 1595, р. 838], хотя по-французски инкуб также называют «*follet*» [Роббинс 1994, с. 183]. Он делает французскую адаптацию латинских терминов.

Также выделяется суккуб, но не уточняется, чем эта болезнь отличается от инкуба. Умолчание может быть связано с дьявольской природой подобного недуга, что не является основным предметом практики А. Паре, ведь даже в случаях болезней, связанных с дьяволом, он приводит чисто хирургические методы избавления от проблемы, которые не помогают, а избавиться помогает только экзорцист, и то, не всегда.

Также у А. Паре в разных значениях фигурирует термин «пары». Это и просто испорченный, зараженный воздух во время чумы – «дурные пары» от гниения, провоцирующие чуму [Паре 2021, с. 150]. В то же время это «пары» как проявление болезни «инкуб» и причина эпилепсии [Паре 2008, с. 57]. В оригинальном издании 1595 г. в контексте чумы употребляется «*fumees pourries*» [Paré 1595, р. 650], и этимологический словарь характеризует слово «*fumee*» на нач. XII в. не как зараженный воздух, а как «пар, выделяющийся из горящего тела или более горячий, чем окружающий воздух» («*vapeur qui se dégage d'un corps en combustion ou plus chaud que l'air ambiant*») [FUMÉE, 4b]. Вероятно, выделение «паров» как причины зараже-

ния воздуха чумой – это особенность, появившаяся после первой эпидемии чумы, которая могла быть впоследствии заимствована А. Паре при описании чумы уже не в XIV, а в XVI в.

Не разделяются А. Паре заболевания и симптомы заболеваний при описании случаев из практики. В число болезней, которые симулировали его пациенты, он относит гнилую руку [Паре 2008, с. 45], лихорадку [Там же, с. 47], онемение языка и упадок сил [Там же, с. 48], зубную боль [Там же, с. 59] (это как раз редкий случай, когда человек в рассказанной истории не симулировал недуг). Связано это не только с тем, что мы не можем применять современную семиотическую теорию в исследуемый период, но и потому что в медицинской семиотике «симптом» рассматривается в тесной связи со «знаком» (симптом как собственно болезнь), а в философии языка «знак» скорее отсылает к «символу» [Найман 2014, с. 476]. Т.е. для А. Паре проявление болезни уже может считаться болезнью.

В то же время А. Паре практически не уделяет внимание описанию боли. Здесь он повторяет галеновское представление, где боль – это не самый очевидный признак заболевания, а следствие одного из симптомов – изменения функций в организме (например, катаракта) или цвета кожи и кровотечения [Бергер 2023, с. 149].

Среди заболеваний в нашем понимании можно назвать желтуху [Паре 2008, с. 48], эпилепсию [Там же, с. 51], слепоту, глухоту и немоту [Там же, с. 51] (все эти недуги симулировались). В числе болезней оказались также осложнения от неуказанных болезней, которые А. Паре, видимо, считал отдельным диагнозом: выпадение кишки [Там же, с. 49] и выпадение матки (у мошенницы якобы после родов) [Там же, с. 50], камни в полости (подробнее не уточняется) и флюс [Там же, с. 60].

Колдовство занимало важное место в жизни не только из-за сочетания в народной культуре языческой и религиозной традиций [Арнаутова 1994, с. 121], но и поскольку профессиональных врачей было по-прежнему мало и их услуги не были доступны для большинства населения. «Смирение» перед болезнью проявлялось не всегда – люди стремились исцелиться любым доступным способом, даже если церковь считала его греховным [Арнаутова 1993, с. 12]. Открывались госпитали, но принять всех туда не могли, да и условия содержания [Бергер 2008, с. 41] могли накладывать свой отпечаток на выбор больными способов лечения.

Также наблюдалась причудливая тенденция, получившая название «одержимость демонами», которая породила множество процессов над колдовством с 1560 по 1640 гг. Возрождение представляет собой эпоху, когда определяющая роль отводилась сверхъестественным силам (Богу и Сатане) и звездам, а вспышка эпидемических заболеваний приводила к поиску «козлов отпущения». Расплачиваются за это женщины, евреи, иностранцы

и маргинализированные люди (нищие, проститутки) [Durand, etc. 2000, ch. 3, par. 18].

Отождествление колдовства с культом дьявола в облике, который существовал в массовом сознании в раннем и развитом средневековье, было обусловлено укреплением позиций церкви в народной культуре [См. подр.: Гуревич 1990, с. 308–376]. В нашем случае мы видим редкое проявление как раз обыденного взгляда А. Паре на болезнь. Хотя и здесь он этот взгляд совершенствует. Речь идет уже не о колдовстве как причине болезни [Арнаутова 2003, с. 57], а о колдовстве как очередном проявлении симуляции. Описываются колдуны, признаваемые априори шарлатанами, которые идут на такую работу из-за бедности и что часто в наказание за свою ложь заболевают на самом деле [Паре 2008, с. 52]. Колдуны являются посланниками дьявола, его пособниками [Там же, с. 58].

«Мнимые» болезни, вызванные дьяволом – гвозди и другие предметы в теле [Там же, с. 53], или же состояние, похожее на эпилепсию, но ей не являющееся [Там же, с. 51], не лечатся обычным врачом. Болезни, посланные колдунами, также не поддаются врачу и могут иметь тяжелые этические последствия (как, например, изменения в браке) [Там же, с. 54]. В описаниях «мнимых» болезней мы находим отсылки к библейским сюжетам: один человек от жажды решил съесть яблоко, и сразу почувствовал, как в него вселился нечистый дух [Там же, с. 56–57] – параллель сюжету с Евой и Адамом (Быт. 3: 6, 13). В то же время колдуны сами могут подвергаться заболеваниям – так, одна женщина, «упражнялась в своем дьявольском искусстве» и умерла от тяжелой болезни [Там же, с. 52], здесь точную причину их назвать нельзя, но следуя логике А. Паре, такие болезни посыпаются в наказание (за грехи от Бога или за «недостаточно выполненное задание» от дьявола – мы сказать тоже не можем).

Подобные выводы можно применить в случае с реальной болезнью – если она неизлечима, то возможно она не просто тяжелая или это воля Божья, а как раз происки дьявола или колдуна.

Таким образом, согласно трактатам А. Паре существуют «божественные» и «дьявольские болезни» наравне с «реальными» и «мнимыми». Реальные могут быть излечимы врачом, и они, как правило, оказываются божественными – исцеление – Божья благодать, а задача врача – сделать манипуляции, которые природа сама сделать не в состоянии. Если болезнь неизлечима, то причиной может быть не только воля Божья, но и дьявольская, «мнимая» природа болезни. «Мнимые болезни» могут быть непосредственно из-за дьявола, т.е. «дьявольскими», а также из-за колдуна, который тоже может наслать на человека болезнь или обманывать, когда якобы от нее лечит. Дьявол и колдун – пособники, которые могут действовать раздельно.

Во время практики А. Паре еще не было четкого разграничения симптомов, заболеваний и осложнений, поэтому «реальные» причины болезней не могут быть освещены напрямую. Нередко наличие в нашем понимании «симптома» заболевания для А. Паре – уже болезнь, и соответственно, ее детальные причины могут быть неуказанными. «Божественная причина» болезни стоит выше остальных. Человек побеждает болезнь по Воле Бога, но есть ее проявления, которые могут быть излечены врачами. Именно в этом синтезе кроется исцеление. Больные проживают испытания не только из-за своих грехов перед Богом, но и из-за злого умысла дьявола или колдуна. Если болезнь от Бога, то шансов выжить больше, поскольку будут работать средства от врача.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Паре А. О монстрах и чудесах / пер. и публ. Е.Е. Бергер // Французское общество в эпоху культурного перелома: от Франциска I до Людовика XIV / под ред. Е.Е. Бергер и П.Ю. Уварова. М., 2008. С. 45–61.

Паре А. Трактат о чуме / пер. и. коммент. Е.Е. Бергер // Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XVI вв. Сборник документов / под ред. Е.Е. Бергер и П.Ю. Уварова. М., 2021. С. 135–162.

Парэ А. Les oeuvres de M. Ambroise Paré conseiller, et premier chirurgien du Roy: Avec les figures & portraits tant de l'anatomie que des instruments de chirurgie, & de plusieurs monstres. Le tout divisé en vingt six livres...P., 1595 // La Bibliothèque numérique de la BnF et de ses partenaires [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k53757m/f895.vertical>.

Арнаутова Ю.Е. Болезнь в картине мира средневековой народной культуры (Германии VI–XIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

Арнаутова Ю.Е. Болезнь // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 54–58.

Арнаутова Ю.Е. Тревоги повседневной жизни: болезни, представления об их причинах и лечении // Средневековая Европа глазами историков и современников. Ч. 3. Средневековый человек и его мир. М., 1994. С. 101–122.

Бергер Е.Е. Амбруаз Паре. Первый хирург королевства. СПб., 2023.

Бергер Е.Е. «Нехорошо, что монстры живут среди нас» (Амбруаз Паре о причинах врожденных аномалий) // Средние века. 2004. Вып. 65. С. 147–165.

Бергер Е.Е. Симулянты, шарлатаны, колдуны... («Дурные люди» в представлении Амбруаза Паре) // Французское общество в эпоху культурного перелома: от Франциска I до Людовика XIV. М., 2008. С. 41–44.

Гуревич А.Я. Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Найман Е.А. Античная медицинская симптоматология и современная семиотическая теория // Schole, СХОЛЭ. 2014. № 2. С. 473–479.

Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии / пер. с англ. под ред. Ф. Капицы. М., 1994.

Durand G., Duplantie A., Laroche Y. et Laudy D. Histoire de l'éthique médicale et infirmière. Contexte socioculturel et scientifique. Montréal, 2000 // OpenEdition Books – Presses de l'Université de Montréal. Ch. 3. URL: <https://books.openedition.org/pum/14322>

FUMÉE // Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/visusel.exe?55;s=2456675100;r=2;nat=;sol=5> (дата обращения: 10.10.2024).

*I.V. Matyuhina
Moscow (Russia)
Lomonosov Moscow State University*

MEDIEVAL IDEAS ABOUT ILLNESS AND ITS CAUSES
ON THE TREATISES OF AMBROISE PARÉ

In the Middle Ages and the Early modern period words familiar to us could be interpreted differently. Particularly, when it comes to the work of doctors, specifically surgeons, who were taken as a group of people isolated from the recognized medicine. The aim of the study is to define the idea of “illness” and its causes in the Middle Ages according to the treatises of Ambroise Paré. The results of the study shows confusion of ideas of “illness” and “symptom”, division of illnesses into “real” and “imaginary” / “divine” and “devilish”, the idea of sorcerers as charlatans, helpless in healing.

Keywords: Middle Ages, Early modern period, illness, symptom, sorcery, pretender, Ambroise Paré.

С.Д. Гай
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О САМОУБИЙСТВАХ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ XI – 1-Й ПОЛОВИНЫ XVII в.

В историографии устоялось мнение, что в русском обществе до начала старообрядческих гарей самоубийство регламентировалось исключительно церковными нормами, в особенности правилами Тимофея Александрийского. В настоящей статье эта точка зрения подвергается критике. На основе письменных источников XI–XVII вв., таких как кормчие книги, требники, вопрошания, «Пчела», автор реконструирует мировоззренческую картину и выявляет неоднородность представлений о самоубийстве на Руси. Примечательно то, что представления о самоубийстве формировались не только под влиянием церковных авторов, но и благодаря античным мыслителям и народным поверьям.

Ключевые слова: историческая суицидология, культура Древней Руси, кормчие книги, «Пчела».

Историография изучения феномена самоубийства в истории России невелика. Среди исследователей стоит отдельно выделить культуролога И.Б. Паперно, которая пытается проследить, как самоубийство «становится фактом культуры и в этом качестве явлением историческим» [Паперно 1999, с. 6]. Упор в работе делается на изучение самоубийств в XIX в., где возникает феномен «эпидемии самоубийств». Автор также уделяет внимание развитию церковного взгляда на суицид в России. Причем она считает, что «вплоть до реформ Петра самоубийство всецело находилось в ведении церковных законов» [Там же, с. 66]. То есть в них И.Б. Паперно видит основу формирования представлений о самоубийстве в России. Однако построения автора, касающиеся русской истории до XVII в. не охватывают весь пласт источников, а поэтому нуждаются в существенном дополнении.

Та же проблема касается и других отечественных исследователей в области исторической суицидологии. Древнерусский период они рассматривают поверхностно: исследователи отмечают осуждение суицида со стороны православной церкви, но не рассматривают церковную полемику вокруг

этого вопроса. Особняком стоит историографическая традиция в изучении старообрядческих гарей. Ее разработкой занимаются историки, для которых важно выявить природу самосожжений. С этой целью они обращаются к социокультурному контексту их возникновения. В этом плане ценна монография Е.В. Романовой, в которой автор подробно рассматривает, на основании каких идей «было утверждено и поддерживалось отношение к суициду, как смертному греху» [Романова 2012, с. 81]. Однако их построения тоже нельзя назвать безупречными, потому что от исследователей ускользает существенный пласт источников, в следствии чего картина теряет целостность.

Особенностью работ большинства авторов является то, что они обращаются к представлениям о самоубийстве на ранних этапах русской истории с целью раскрытия проблемы эпидемии самоубийств в XVII и XIX вв. То есть авторы смотрели на вопрос априори, с предубеждениями. Поэтому настоящая статья хронологически ограничена периодом XI – 1-й пол. XVII в. Выбор нижней границы обоснован особенностю письменных источников, появление которых связано с распространением христианства и развитием книжной культуры. Верхняя граница связана с тем, что после церковного раскола 2-й пол. XVII в. в старообрядческой среде начинает распространяться практика самосожжения. Это вызывает бурную полемику, как со стороны защитников, так и со стороны противников «гарей», в следствии чего представления о самоубийстве начинает претерпевать существенные изменения. Свое развитие тенденция находит в том, что в 1716 г. в воинском уставе Петра I самоубийца отходит под юрисдикцию светского права. Настоящая работа ставит своей целью выявление особенности отношения к самоубийству до того момента, как оно стало вопросом политическим.

В изучаемый период церковь играла огромную роль в регламентации социальной жизни. Поэтому рассмотрение восприятия самоубийства следует начать с норм канонического права. Православное греческое право, постановления церковных соборов, догматы отцов церкви, собраны в Номоканоне. На территорию Руси данный свод законов проник достаточно рано и был известен, как кормчие книги. Я.Н. Щапов относит их появление к XI в. [Щапов 1978, с. 101], а самую раннюю сохранившуюся до нас Ефремовскую редакцию датирует концом XII в. [Там же, с. 195].

В историографической традиции принято возводить православное понимание суицида исключительно к 14-му правилу Тимофея Александрийского [Бондач 2008, с. 17–19]. Однако уже в самой ранней кормчей, касающейся самоубийств, отразились высказывания нескольких отцов церкви. Помимо Тимофея Александрийского также присутствуют изречения Петра Александрийского, Геннадия Константинопольского и Тарасия Константинопольского. По учению Тимофея Александрийского самоубийцы делятся на тех, кто «въистиноу несъмысльнь сы сътвори» (то есть на невменяемых)

и на тех, кто «како отъ прѣнемогания сътвори» (то есть на осознанных). Определение степени субъектности самоубийцы было делом священника: исходя из сделанных выводов, он либо допускал, либо запрещал поминование, потому что «самоубийца бо есть самъ себѣ» [Бенешевич 1906, с. 546]. К тому же стоит учесть, что ответы Тимофея Александрийского были инновационными для христианского суицидологического дискурса. Исследователи отмечают, что благодаря этим положениям православное отношение к суициду отличалось от католического, в котором порицались все самоубийцы, не взирая на степень их осознанности [Паперно 1999, с. 66–67]. Однако в той же кормчей книге архиепископы Тарасий и Генадий также осуждают все самоубийства, невзирая на психологическое состояние человека, обосновывая это тем, что «самоубийца бо есть себе и божьей твари враг» [Бенешевич 1906, с. 66]. То есть и в православном своде канонического права присутствовали статьи, которые приравнивали все самоубийства к греху убийства. Также в кормчей книге особо выделяются правила Петра Александрийского, по которым «самоубийца быти огню... ельма же оубо оутаи ихъ безоумие се сътворышемъ, обаче шесть мѣсяцъ имъ положитьсь» [Там же, с. 582]. Здесь архиепископ порицает акт нанесения себе увечий посредством огня, даже если они были несмертельными. То есть в данной статье осуждается сам факт проявления аутоаггрессивного поведения. Причем без снисхождения к тем, кто сделал это в неосознанном состоянии. Получается здесь субъектность человека не играет значения при вынесении наказания. Исходя из рассмотренных статей ранней редакции кормчей книги видно, что каноническое право в отношении к самоубийцам не было единственным, высказывания одних отцов церкви могли противоречить другим.

Возникает вопрос, на что из вышеперечисленного опирались священники на практике. Историк церкви Е.В. Голубинский считает, что священники в массе своей были не осведомлены в каноническом праве, а больше полагались на обычай, который возник на основе церковных канонов [Голубинский 1881, с. 429–233]. Свою точку зрения Голубинский обосновывает тем, что книги были дорогими, а сами священники не старались выучить все церковные законы. Эти доводы, в которых автор ссылается на современных ему епископов, для нас убедительными не являются. Однако стоит согласиться с тем, что правила в кормчей книге не были универсальными. Но отсутствие точного представления священника по житейским вопросам было связано скорее не с доминированием частного обычая, а с полемической структурой самой Кормчей книги. Поэтому остается открытым вопрос: чья же из представленных точек зрения на самоубийство была в обиходе у епископата?

В пользу прерогативы учения Тимофея Александрийского говорит то, что он был популярен среди интеллектуальной публики Древней Руси.

В этом плане показательно то, что в «Вопрошании Кирика Новгородца», датируемого XII в., при изложении вопросов о причащении бесноватых и молодоженов используются некоторые ответы Тимофея Александрийского [Русская историческая библиотека 1880, стб. 29, 44]. Также примечательно, что в XIII в. Сарайский епископ Феогност на константинопольском соборе вопрошает: достойно ли иметь подношения за самоубийцу, если он «ума целого не имеет». Отвечают ему в соответствии с известной, или, в случае нераспространенности кормчих книг, неизвестной ему догматикой Тимофея Александрийского [Бенешевич 1906, с. 115]. Это указывает нам на то, что долгий период русской истории не было универсальной и устойчивой церковной точки зрения на самоубийство. Однако заметно, что правила Тимофея Александрийского начинают преобладать в сознании епископата. И действительно, в более поздних документах, таких как Номоканон требника 1658 г., по вопросу самовольной смерти отражен именно подход Тимофея Александрийского [Павлов 1897, с. 320–324].

Для русского общества, рассматриваемого нами периода, данная полемика об отпевании определенных самоубийц была важна, потому что касалась вопросов погребения нечистых покойников. А к тем, кто сам себя лишил жизни в традиционной аграрной культуре относились с опаской. Так в XIII в., возможно в связи с голодом, произошли волнения, в ходе которых крестьяне стали выкапывать захороненных самоубийц. На это в «слове о маловерии» отреагировал епископ Серапион: «О, безумье злое! О, маловерие!.. Сим ли Бога умолите, что утопленника или удавленника выгрести? Сим ли божию казнь хотите утишите» [Зеленин 2022, с. 71]. Против раскапывания могил самоубийц в 1506 г. выступал Максим Грек [Там же, с. 72]. То есть мы видим, что здесь церковная практика вступает в конфликт с народными представлениями, по которым самоубийцы являлись заложниками покойниками и несли опасность для урожая и людей [Там же, с. 73]. Однако также мы встречаем альтернативную точку зрения церкви. В послании 1417 г. митрополита Фотия к Псковскому духовенству говорится, что «а который от своих рук поубится... тех не повелено у церквей хоронить, но в пусте месте в яму тело ти захоронити». В своем послании митрополит обосновывает идею убогих домов – практики коллективных захоронений заложных покойников, которая впоследствии на века прижилась в народном сознании [Там же, с. 72–76]. То есть мы видим, что в отношении к трупу самоубийцы в обществе не наблюдалось единого мнения. Но можем определенно сказать, что церковь противилась надругательству над мертвцами, не важно по какой причине они умерли.

Стоит учесть, что жизнь простого народа в Древней Руси была тесно связана с церковью. Этот общественный институт играл значительную роль в профилактике аутоагgressивного поведения. Он выставлял определенные

антисуицидальные барьеры. В современной суицидологии к таким церковным барьерам принято относить: формирование смысла жизни, наличие образца преодоления мучений из агиографической литературы, страх перед адом, устранение одиночества человека перед лицом Бога и оказание психотерапевтической помощи со стороны священника [Меринов 2021, с. 8–11]. Большую их часть сложно проследить на историческом материале. Однако присутствует возможность рассмотреть содержание психотерапевтической помощи священника. Христианин периодически исповедовался в совершаемых или, что важно, мысленных грехах. Поэтому особую ценность представляют требники, где собраны вопросы, которые священник задавал пастве. До нас дошли документы, относящиеся к XVI в., однако зафиксированные в них вопросы практиковались на исповедях и в более ранний период. Среди вопросов, которые священник задавал и мужчинам, и женщинам, мы находим: «или см-рти бажель / или см-рти бажила» и «или по мертвому плакал много / или плакала по мертвому много» [Алмазов 1894, с. 152, 168]. К тому же предусматривалась епитимия за «реч любя см-рть» в форме 100 поклонов [Там же, с. 274]. Это говорит о том, что церковь осуждала суицидальные желания христиан и запрещала им продолжительно горевать по мертвым. Табуирование загробной жизни пересекается с народными поверьями, по которым существовал запрет на тоску по мертвым. Но в то же время в требниках отражено, что церковь наставляла на том, что человек обязан помнить о смерти [Там же, с. 253]. Исходя из этого мы видим, что в Древней Руси присутствовало понимание неизбежности смерти, но жаждать ее и тосковать по ушедшим в мир иной было запрещено.

Особо остро для человека стоит вопрос его достоинства и соответственности благой смерти. В требниках отражено, что христиане желали, чтобы Бог «избавил их «от напрасна см-рти». В этом случае примечательно, что для мужчин был предусмотрен вопрос «или рек удавися» [Там же, с. 152], а на человека, который «прорекши см-рть себе. или другу», накладывалась епитимия в размере 30 поклонов на 6 дней [Там же, с. 280]. Это подтверждает, что по христианской морали желать другому нечистой смерти, иными словами, воспевать самоубийство, являлось грехом. Таким образом, в древнерусском обществе накликание смерти, порицалось со стороны церкви.

Более поздний источник 1-й пол. XVII в., требник Петра Могилы, в части, посвященной умершим затрагивает образ самоубийц. Описывая суицидальное поведение, автор обращается к последним часам жизни египетской царицы Клеопатры, которая, как утверждает киевский митрополит, выпила яд трупной головы. Поступок Клеопатры Петр Могила связывает с тиранией Птолемея и христианским мировоззрением царицы [Требник Петра Могили 1996, с. 854]. То есть книжник был знаком с ярким античным образом самоубийцы. Но исторический контекст в его создании перемешался. Полу-

чается, в Русской православной церкви XVII в. были осведомлены о культурном феномене античных самоубийств, но его событийность приобрела местный, искаженный вариант. Так же в требнике мы встречаем критику христианской секты, которая под предлогом истинного учения практикует самосожжения [Бенешевич 1987, с. 857]. Следовательно, практика нанесения самому себе увечий посредством огня началась еще до старообрядческих гарей, захлестнувших русское царство в XVII в.

Также стоит обратить внимание на «Пчелу» – византийский сборник выражений знаменитых философов и богословов того времени. Этот источник не находил ранее отражения в историографии изучения самоубийств, а он, в свою очередь, выражает альтернативную точку зрения на восприятие смерти. Самую раннюю его рукопись палеографы датируют «не позднее начала XIII в.» [«Пчела»... 2008, с. 7–8]. Примечательно, что «Пчела» была распространена не только в среде духовенства, но и у светского образованного населения.

В данном источнике содержатся культурные воззрения на смерть человека. Примечательно, что в сборнике нашли отражения цитаты не только христианских богословов, но и античных философов. Это позволяет нам существенно дополнить картину танатологических представлений в Древней Руси. Про смерть в сборнике присутствуют высказывания богослова Иоана Златоуста и ряда греческих ораторов и философов, таких как Сократ, Еврипид, Клитарх, Аристотель и Софокл. На основе их изречений в «Пчеле» формируется особое отношение к смерти. Так, Еврепид утверждает, что того, кто «от много грудного житъи починает» следует выносить с радостью и похвалами [Там же, с. 513]. Смерть от мучений воспринималась с радостью, в следствие чего можем предположить, что различные мучения выступали облегчающими факторами для скоропостижной кончины человека. Златоуст говорит, что «яко же тело близ сущей кончины многим недугом объятое есть... Достойно же о смерти радоваться, аще скоро отведен от сего зла» [Там же, с. 513]. Схожая мысль присутствует и в высказывании Софокла, который утверждает, что «лоуче есть смерть, паче болести беспрестанные» [Там же, с. 512]. То есть мы видим, что в сборнике «Пчела» жизнь в мучениях побуждает человека стремится к смерти, нежели к тяжелой жизни. Интересно, что это вступает в конфликт с 14-м ответом Тимофея Александрийского, по которому осуждались самоубийства, совершенные из-за «искушения или пренемогания». Особо ценно приводимое в сборнике, высказывание Сократа: «оуче славноу мужьски оумерети, нежели жить с срамомъ» [Там же, с. 519]. Эта речь Сократа взята из знаменитого диалога Платона «Федон», в котором древнегреческий философ обосновывает достоинство самоубийства. Современные исследователи считают, что природа античных самоубийств была неразрывна с пониманием достойной жизни,

поэтому существовала концепция достойной смерти, как продолжения достойной жизни [Мохов 2020, с. 50]. А в следствие того, что основополагающие суицидологические тезисы работ античных философов были известны на Руси, можем предположить, что и концепция достойной смерти, пускай и в урезанном состоянии, присутствовала в ментальности древнерусского человека.

Таким образом, можно утверждать, что в русском обществе XI – 1-й пол. XVII в. существовали различные представления о самоубийстве. Их основа – это каноническое право кормчих книг. Но долгий период истории внутри самих кормчих одни авторы противоречили другим, при этом до XVII в. ошибочно будет говорить о прерогативе правил Тимофея Александрийского. Функцию профилактики суицидального поведения в Древней Руси взяла на себя церковь. Отражение этого мы можем наблюдать в требниках и епитимийниках, где сохранились вопросы антисуицидальной направленности, которые священники задавали пастве во время исповеди. Причем священники опирались не только на отцов церкви, но и на античные прецеденты, например на самоубийство Клеопатры. Помимо церковного восприятия самоубийства в книжном обществе бытовала и альтернативная точка зрения, о которой мы можем узнать из переводного сборника изречений «Пчела». Она основывалась на трудах античных авторов и постулировала идею достойной смерти. Полемика о природе самоубийц для простого народа была важна, потому что в них видели нечистых мертвцев, приносящих неурожай и голод.

На основе всего вышеперечисленного, стоит отметить, что на формирование представлений о самоубийстве в русском обществе XI – 1-й пол. XVII в., помимо церковных авторов, повлияли также античные мыслители. К тому же существенный вклад в формирование данных представлений внес аграрный быт древнерусского населения, породивший народные поверья, согласно которым самоубийцы были заложными покойниками и превращались после смерти во вредоносных демонов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви опыт внешней истории. Т. 3. Приложения. Одесса, 1894.

Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. Т. 1. СПб., 1906.

Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. Т. 2 / отв. ред. Д.С. Ангелов, Б.А. Рыбаков. София, 1987.

Павлов А. Номаканон при большом требнике. М., 1897.

«Пчела»: Древнерусский перевод. Т. 1 / отв. ред. А.М. Молдован. М., 2008.

-
- Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. СПб., 1880.
- Требник Митрополита Петра Mogili. К., 1996.
- Бондак А.Г. Каноны о самоубийствах // Встреча (Студенческий православный журнал Московской духовной академии). 2008. № 1 (26). С. 17–19.
- Голубинский Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1881.
- Зеленин Д.К. Очерки славянской мифологии: 2-е изд., испр. и доп. М., 2022.
- Меринов А.В. Религиозно-церковные возможности профилактики аутоагрессивного поведения: взгляд суицидолога // Суицидология. 2021. № 4 (45). С. 3–16.
- Мохов С.В. История смерти, как мы боремся и принимаем. М., 2020.
- Паперно И.Б. Самоубийство, как культурный институт. М., 1999.
- Романова Е.В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб., 2012.
- Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

S.D. Gai

Izhevsk, Russia

Udmurt State University

CONCEPTION OF SICIDE IN RUSSIANS SOCIETY OF 11th – HALF PAST 17th CENTURY

Historiography has established the opinion that in Russian society, before the beginning of the Old Believer harems, suicide was regulated exclusively by church norms, especially the rules of Timothy of Alexandria. In this article, the author refutes this point of view. On the basis of written sources of the 11th–17th century, such as pilot books, breviaries, questionings, and The Bee, a complex multivariate concept of suicide is being created. The foundations of which were laid not only by church authors, but also by ancient thinkers and folk beliefs.

Keywords: historical suicidology, culture of Ancient Rus, The Kormchaia Kniga, “Pchela”.

И.Д. Бобылева

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова,

Ин-т российской истории РАН

РЮРИКОВИЧИ И ГАБСБУРГИ: ПРАВИТЕЛИ ДВУХ ДИНАСТИЙ В МИНИАТЮРАХ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

В статье рассматриваются образы русских государей и представителей династии Габсбургов в миниатюрах Лицевого летописного свода, посвященных событиям 1480–1560-х гг. Показано, что даже русские великие князья и цари не всегда изображаются по единому канону, а Габсбурги мало выделяются в массе иноземных правителей разного статуса. Делается вывод, что в Лицевом своде более существенным было противопоставление действующих лиц в пределах одной миниатюры, тогда как связь миниатюр на один сюжет между собой обеспечивал летописный текст.

Ключевые слова: Рюриковичи, Габсбурги, Лицевой летописный свод, миниатюры, образ правителя.

Лицевой летописный свод, создававшийся по заказу Ивана IV и ставший крупнейшим летописно-хронографическим сочинением допетровской Руси, был справедливо назван «главной книгой Ивана Грозного» [Амосов 1998, с. 11]. Вопрос о его составителях и редакторах, месте, точных датах и этапах работы до сих пор не получил окончательного разрешения в литературе¹, однако как историки, так и искусствоведы уже немало сделали для выяснения истории создания, характеристики содержания и художественных особенностей этого произведения русской книжности². Сравнительно недавно осуществленное факсимильное издание памятника сделало

¹ Обзор существующих точек зрения см.: [Морозов 2010].

² Среди крупнейших работ см.: [Арциховский 1944, с. 41–154; Подобедова 1965, с. 131–314; Клосс 1980, с. 206–265; Амосов 1998; Лицевой… 2003; Морозов 2005].

возможным широкое привлечение его материалов для решения самых разных исследовательских задач³.

Большинство известий Лицевого свода сопровождалось тесно связанными с текстом миниатюрами, которые можно условно объединить в отдельные тематические циклы. Один из таких циклов посвящен внешней политике русских государей, в которой с конца XV в. особое место занимали контакты с правителями Священной Римской империи из династии Габсбургов. Завязавшись при Иване III (1462–1505) и продолжившись при Василии III (1505–1533), эти связи были весьма оживленными в период царствования Ивана IV (1547–1584), когда интересы двух династий пересеклись на самых различных направлениях. Поэтому особого внимания заслуживают представления о Габсбургах, сложившиеся в среде московской правящей элиты и отразившиеся в Лицевом своде.

Образы Габсбургов и Австрии в миниатюрах Лицевого свода уже становились предметом специального рассмотрения [Мартынук 2019, с. 524–537], однако представляется перспективным расширить поле исследования, последовательно сопоставив изображения Габсбургов с изображениями других иноземных и московских правителей в сценах русско-западных дипломатических контактов с 1480-х по 1560-е гг. Непосредственно русско-имперским связям посвящено 25 миниатюр, охватывающим период с 1489 по 1564 г., и еще на трех миниатюрах (XVII: 103, 104, 107) показан римский король Максимилиан Габсбург в ходе неудавшейся попытки получить венгерскую корону. Всего было просмотрено более двухсот миниатюр, связанных с отношениями России и Литвы, Польши, Швеции, Дании, Ливонии и Тевтонского ордена, Венгрии, Валахии, итальянских государств. При необходимости привлекались миниатюры с изображениями восточных правителей в дипломатических и русских государей – во внутриполитических сюжетах.

Типичная миниатюра Лицевого свода, изображающая отправление или возвращение великокняжеского (позднее царского), приезд или отпуск иноземного посольства, состоит из нескольких сцен: дипломаты перед одним правителем, дипломаты в дороге, дипломаты перед другим правителем. При этом многочисленны вариации, где один из правителей (чаще всего иноземный) не изображается (XVII: 88, 89) или вводятся обусловленные лептисческим текстом дополнительные сцены, такие как составление договора (XVIII: 21), крестное целование (XVIII: 286), отправка войска (XVIII: 331) и др. От изображений Лицевого свода не приходится ожидать не только, что

³ Одно из последних изданий томов, относящихся к русской истории: [Лицевой... 2021–2022]. В дальнейшем все ссылки на него приводятся в тексте в формате (I: 1), где римская цифра указывает на книгу, арабская – на страницу.

естественно, портретного сходства, но и наделения неизменными чертами одного лица в рамках одного сюжета, если миниатюры не следуют подряд (ср., например, XVIII: 286 и 290, где показаны соответственно приезд к Ивану III и отпуск одного имперского посольства). В пределах каждой миниатюры идентифицировать персонажей помогает их упоминание в тексте, расположение в пространстве, головные уборы и одежда.

Именно головной убор становится главным средством, позволявшим миниатюристам выделить правителей среди подданных, а также обозначить сравнительный статус правителей различных государств. Русские великие князья до Ивана IV в Лицевом своде традиционно носят шапку с меховой опушкой, которая может быть золотого, красного, зеленого, синего цветов. Иногда такая золотая шапка оказывается украшена кружками и полосами (вероятно, передающими драгоценную отделку) (Иван III: XVII: 79, 171, 207, 338, 451 и др.; Василий III: XVIII: 243, 329, 352). Какие-либо закономерности в употреблении обеих форм не прослеживаются – так, Иван III на соседних миниатюрах показан в простой шапке при отпуске мазовецкого и приеме датского послов (XVII: 241, 242), а в шапке с украшениями – при отпуске датского и приеме литовских послов (XVII: 243, 244).

Примечательно, что за рассмотренный период из иноземных правителей в шапке с меховой опушкой изображался только «валашский воевода» (молдавский господарь) Стефан (XVII: 120, 143, 165). Возможно, так был передан его статус православного государя, хотя в дальнейшем на нем и его преемниках оказывалась либо простая шапка с отворотом, характерная скорее для подданных (XVII: 189, 193; XX: 193, 197), либо разного рода венцы (XVII: 133, 334; XXII: 131), о которых речь пойдет ниже. Простые шапки разных форм (с округлым или плоским верхом) появлялись также периодически на головах других правителей, и если в случае с тевтонским (XXIII: 342, 394) и ливонским магистрами (XVII: 145, 279; XXII: 392, 429) и шведским королем (XXII: 328; XXIII: 333, 384, 387) еще можно предположить художественное отражение сомнений в их полноценном статусе, то метаморфозы датского короля (XXIII: 294, 295) труднообъяснимы.

Первое летописное известие о контактах с Габсбургами в Лицевом своде относится к приезду посла «римского цесаря» Фридриха III в 1489 г. и отправке ответного посольства (XVII: 88, 89), однако император на соответствующих миниатюрах не изображен. Зато на миниатюрах, сопровождающих известия 1490 г. о борьбе за венгерскую корону после смерти Матвея Корвина, появился сын Фридриха, римский король Максимилиан, на голове которого надет золотой венец окружной формы с острым завершением (XVII: 103). Как видно из последующих изображений Максимилиана в королевском статусе, у такого венца могло быть несколько модификаций: первая и вторая одинаковой формы, но украшенные только полосами

(XVII: 118, 194, 254) или полосами с небольшим количеством кружочков (XVII: 103, 104, 121), а третья – богато украшенная, с высоким острым конусом, который завершается кругом (XVII: 186). Выбивается из общего ряда только венец в виде окружной золотой шапки, плотно сидящей на голове и украшенной двумя полосами (XVII: 170).

Первые три типа венцов и их комбинации мы видим на головах самых разных государей, с которыми Рюриковичи поддерживали контакты на западном направлении: великого князя литовского (XVII: 244, 424, 453 и др.), польского короля (XVII: 392, 452), великого князя мазовецкого (XVII: 238, 241), польского короля и великого князя литовского (XVIII: 20, 102; XIX: 149, 389; XX: 177, 197; XXII: 10, 15, 359; XXIII: 207, 242, 500 и др.), венгерского короля (XVII: 393, 451; XVIII: 19), датского короля (XVII: 242, 414; XXIII: 125, 143 и др.), шведского короля (XIX: 426; XXII: 330, 388; XXIII: 501, 503), папы римского (XVIII: 420, 492), английского короля (XXII: 243, 433), тевтонского (XVIII: 306) и ливонского (XVIII: 159; XXII: 483; XXIII: 25 и др.) магистров, «валашских воевод» (XVII: 133, 334; XIX: 155; XXII: 131), – а также на голове приезжавшего в Москву брата великой княгини Софии Андрея Палеолога (XVII: 110, 123). В результате Максимилиан Габсбург становится в ряд не только королей, но и правителей более низкого статуса⁴, не только «латинян», но и православных христиан.

Для правителей не из династии Габсбургов в Лицевом своде характерен еще один вариант головного убора – невысокий трапециевидный золотой венец, который мог украшаться кружочками. Его мы изредка видим на головах польских королей и великих князей литовских (XVIII: 318; XX: 365), шведского короля (XIX: 429) и, возможно, ливонского магистра (XXII: 47). Польско-литовский правитель, который, пожалуй, изображался чаще всех, на трех миниатюрах носит весьма своеобразные венцы, у одного из которых вдоль обода расположен как бы ряд маленьких лепестков, другой похож на комбинацию венца с короной, а третий поделен на три крупные части – «лепестка», округлые по бокам, заостренные в центре (XIX: 384; XX: 170; XXIII: 286).

Когда Максимилиан Габсбург стал направлять посольства к русскому великому князю уже в новом статусе императора Священной Римской империи («римского цесаря»), то на миниатюрах в большинстве случаев он наделен золотой пятилучевой короной (XVIII: 223, 224, 225, 286, 308, 309, 352). С одной стороны, так в Лицевом своде изображали древних «цесарей» (бibleйских царей, римских и византийских правителей) [Мартынюк 2019, с. 532], с другой – правителей мусульманских (татарских «царей» и «царе-

⁴ Андрей Палеолог в летописи и вовсе фигурирует не как правитель, а как «сын деспота Амморейского».

вичей», турецких султанов) (напр., XVII: 231, 403; XVIII: 228, 364; XIX: 182, 428 и др.). Корона с пятью лучами, которые могут быть разной формы и размера, с украшениями и без, появляется на голове Ивана IV уже с самого его вступления на престол (XIX: 384, 389, 426), однако до его венчания на царство перемежается с великокняжеской шапкой, как простой (XX: 171, 177, 198), так и украшенной (XIX: 429; XX: 170, 197, 221; XXII: 47, 48).

Можно было бы предположить, что таким образом миниатюристы стремились подчеркнуть особый статус императора среди других «латинских» государей, однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что с головными уборами правителей на ряде страниц Лицевого свода происходят плохо объяснимые метаморфозы. Во-первых, коронами ровно такого же типа, что императорские, оказываются увенчаны польские короли и великие князья литовские (XVIII: 329; XIX: 108; XX: 192, 356, 364) и датский король (XVIII: 226, 227, 291, 300). Во-вторых, если иноземный правитель носит корону, то на той же миниатюре Василий III за редкими исключениями (XVIII: 329, 352) получает своеобразный венец, схожий с «западными» второго и третьего типов, но более округлой формы, а иногда и дополнительно украшенный меховой опушкой (XVIII: 223, 224, 225, 226, 227, 286, 291, 300, 308, 309). На тех же немногих миниатюрах, где император Максимилиан показан не в короне, а в венце, великий князь снова предстает в обычной великокняжеской шапке (XVIII: 332, 353).

Представляется, что не стоит, как это встречается в историографии, сразу признавать неудовлетворительным предположение, что разные типы изображений являются результатом работы разных миниатюристов [Мартынюк 2019, с. 533]. Василий III начинает изображаться в венце на миниатюрах, сопровождающих летописный текст с сентября 7022 (1514) г. (XVIII: 221, 222) – причем такой же венец могут носить его братья (XVIII: 249, 252 и др.) – и продолжает появляться в нем до самой своей смерти (напр., относящаяся к 7041 (1533) г. XIX: 171, 178). О том, что контурный рисунок в таких случаях делал один мастер, могут свидетельствовать своеобразные шапки русских и иноземных подданных – высокие, округлые, с причудливой формой отворотами. При этом независимо от того, в каком виде изображались головные уборы государей, великий князь оказывается противопоставлен чужеземному «цесарю» или королю.

После смерти Максимилиана к Василию III приходило еще одно габсбургское посольство, зафиксированное в летописном тексте, однако отправившие его император Карл V и австрийский эрцгерцог Фердинанд на соответствующих миниатюрах изображены не были (XVIII: 491, 495). Не исключено, однако, что их можно увидеть на миниатюре, посвященной отправке русских послов в Империю и Рим – это два правителя в золотых венцах, один с бородой, а другой безбородый (XVIII: 497). Василий III здесь

показан в простой велиокняжеской шапке красного цвета. Наконец, в несколько отличающихся венцах появляется на соседних миниатюрах уже ставший императором Фердинанд, пославший гонца к Ивану IV в 1560 г. (XXIII: 214, 215). Т.е. корона не становится для «римского цесаря» в изобразительном пространстве Лицевого свода неизменным атрибутом, который свидетельствовал бы о его первенствующем положении в западном христианском мире.

Дополнительные штрихи к образам Рюриковичей и Габсбургов добавляла одежда, в которой те изображались. Как великие князья Иван III и Василий III, так и царь Иван IV чаще всего были представлены в накинутой на плече шубе с меховым воротником и золотыми манжетами, под которой было длинное платье с золотыми же оплечьем, подолом и манжетами (XVII: 88; XVIII: 102; XIX: 108; XX: 364; XXII: 429; XXIII: 214 и др.). Шуба могла быть красного (иногда ближе к коричневому) и зеленого, а платье также и синего цветов, которые в пределах одной миниатюры не совпадали. Однако там, где Василий III изображался не в велиокняжеской шапке, а в венце, поверх длинного одеяния обычно бывал накинут красный или зеленый плащ (XVIII: 223, 286, 306, 329 и др.; исключения – XVIII: 225, 291; XIX: 108). Иногда плащ – простой, с меховым воротником или даже с украшенным золотым оплечьем – виден на Иване IV (XIX: 384, 427; XX: 171, 356; XXII: 49, 358; XXIII: 26, 466 и др.), но с конкретным головным убором он уже не связан. Единственный раз на «дипломатической» миниатюре молодой царь показан без верхней одежды в сцене с оказанием «почести» (угождения) литовскому посланнику (XXII: 135).

Появившись в самый первый раз в Лицевом своде, римский король Максимилиан Габсбург оказывается изображен по типичному для «немцев» канону [Арциховский 1944, с. 100–101] – в коротком плаще с золотым воротником, как бы набранным из отдельных лепестков, и в коротких же штанах с каплевидным рисунком, в которые заправлена рубашка (XVII: 103). Из других западных правителей в коротких штанах с разным рисунком и коротким плаще могли также изображаться датский (XVIII: 226, 227) и шведский (XXIII: 466) короли, тевтонский (XXIII: 394) и ливонский (XIX: 436) магистры. Но уже буквально на следующей миниатюре под плащом, длину которого трудно определить, на Максимилиане надето длинное синее платье с золотыми оплечьем, поясом и отделкой по борту (XVII: 104). В таком же платье, но красного цвета, с дополнительной отделкой по подолу и без плаща, римский король показан на миниатюре, завершающей сюжет с борьбой за венгерское наследство (XVII: 107).

Именно в длинном платье красного или, реже, зеленого цвета с золотой отделкой миниатюристы, как правило, и рисовали «латинских» государей,

в том числе Габсбургов. Кроме того, на изображениях, где Максимилиан Габсбург представлен в качестве императора (не обязательно в короне), поверх такого красного платья накинут длинный зеленый плащ (XVIII: 223–225, 286, 308, 309, 332, 352). В целом же плащи, чаще длинные, реже короткие, с воротником и без, на протяжении всей рассмотренной части свода время от времени дополняли образ самых разных государей, причем четкой связи наличия или отсутствия плаща с типом головного убора не прослеживается (XVII: 266, 273; XVIII: 159, 318; XIX: 108, 384; XX: 192; XXII: 388; XXIII: 204, 333, 500 и др.). На одной из двух миниатюр в плаще, но с воротником из золотых «лепестков», изображен император Фердинанд Габсбург (XXIII:215).

Исключительно редки, но встречаются иноземные правители в шубе – папа римский (XVIII: 420), польский король и великий князь литовский (XX: 170; XXII: 547). Существовал, наконец, еще один тип одеяния правителя, для Габсбургов не характерный, когда поверх длинного платья рисовалось короткое (оба с золотой отделкой), а на плечи накидывался короткий плащ. Так в разное время изображались чешский король (XVII: 106), великий князь литовский (XVII: 425), король польский и великий князь литовский (XXIII: 148), ливонский магистр (XXII: 392; XXIII: 25), английский король (XXII: 433) и даже Андрей Палеолог (XVII: 123; на другой миниатюре он же показан в длинном платье и в длинном плаще: XVII: 110).

Таким образом, на рассмотренных миниатюрах Лицевого свода сравнительно последовательно изображаются только русские государи, атрибутами которых в большинстве случаев выступали великоокнажеская шапка (со времени Ивана IV – царская корона) и шуба. Лишь на ряде миниатюр, позволяющих предположить руку одного мастера, Василий III появляется в венце и плаще. Правители из династии Габсбургов, напротив, своим внешним видом практически не выделяются среди других европейских суверенов и претерпевают общие для всех метаморфозы, меняя венцы разных типов на короны и обратно, «надевая» и «снимая» плащи различной длины. Их статус «римских цесарей», особое значение которого на христианском Западе в России XVI в. было, несомненно, известно, упомянут в летописном тексте, но изобразительными средствами не подчеркнут. Можно предположить, что при таком отсутствии единства в Лицевом своде более существенным было противопоставление действующих лиц в пространстве одной миниатюры: русский правитель всегда отличим от иноземного, а они оба – от своих подданных, какие бы головные уборы и одежда на них ни изображались. Точной же идентификации персонажей помогает летописный текст, который как бы нанизывает на себя посвященные одному сюжету, но зачастую не располагающиеся подряд и стилистически отличающиеся миниатюры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 1–23. М., 2021–2022.

Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998.

Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

Лицевой летописный свод XVI в.: методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса. М., 2003.

Мартынюк А.В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века). М., 2019.

Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.

Морозов В.В. Лицевой свод // Большая российская энциклопедия. Т. 17. М., 2010. С. 687–688.

Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей: к истории русского лицевого летописания. М., 1965.

I.D. Bobyleva

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University,

Institute or Russian History of the Russian Academy of Sciences

THE RIURIKIDS AND THE HABSBURGS:
THE RULERS OF THE TWO DYNASTIES IN THE MINIATURES
OF THE GREAT ILLUSTRATED CHRONICLE

The article examines the images of Russian and Habsburg sovereigns in the miniatures of the Grand Illustrated Chronicle depicting the events of the 1480s–1560s. It shows that even Russian grand princes and tsars were not always portrayed in a similar way, and the Habsburgs hardly stood out among other foreign rulers of different status. The conclusion is that in the Illustrated Chronicle it was more important to contrast different characters within one miniature, whereas the text of the chronicle established connections between miniatures on the same subject.

Keywords: the Riurikids, the Habsburgs, the Great Illustrated Chronicle, miniatures, image of a ruler.

А.Е. Шишкива
г. Москва (Россия)
Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

**ГРАВЮРЫ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА
«ТОПОГРАФИИ ГЕРМАНИИ» МАТТЕУСА МЕРИАНА
(1593–1650)**

Статья исследует сочинение «Топография Германии» Маттеуса Мериана. Внимание уделяется одной составляющей сочинения – изображениям в форме гравюр. Анализируются особенности гравюр в «Топографии». Статья подробно исследует множество источников для изображений «Топографии» и пытается определить роль различных художников в создании «Топографии Германии».

Ключевые слова: «Топография Германии», Маттеус Мериан, картография, космография, гравюры.

На рубеже средневековья и Раннего нового времени картография менялась и переживала свой подъем: карты мира (*Mappae mundi*) и портуланы для мореходов уступали место новым типам сочинений [Horst 2014, s. 370]. Этому способствовали Великие географические открытия, развитие книгоиздания и вновь открытая «География» Птолемея [Würgler 2013, s. 118]. Новейшим видом картографических работ стали атласы: «Зрелище круга земного» Ортелия [*Ibid*, s. 26], «Атлас» Меркатора [Fuss 2000, s. 118], «Космография» Блау. Эти труды, опирающиеся на вычисления [*Ibid*, s. 118], не вытесняли прежнюю традицию хроник локального значения, однако видоизменяли ее – зародился жанр космографий и топографий, включающий в себя элементы искусства [Koller 2015, s. 129].

Ярким примером является «Топография Германии» Маттеуса Мериана Старшего (1593–1650), талантливого франкфуртского гравера и книгоиздателя. Серия выходила 46 лет (1642–1688) (после смерти Мериана серию продолжили его сыновья [Eckardt 1887, s. 34]), включала в себя немецкие земли, следуя логике имперских кругов и насчитывала 29 томов: Швейцария (1642), Швабия (1643), Эльзас (1644), Бавария (1644), Рейнланд-Пфальц (1645), Майнц, Трир, Кёльн (1646), Гессен (1646), Вестфалия (1647), Франкония (1648), Австрия, Штирия, Каринтия, Крайна, Тироль (1649), Верхняя

Саксония (1650), Богемия, Моравия, Силезия (1650), Бранденбург, Померания, Пруссия, Ливония (1652), Нижняя Саксония (1653), Брауншвейг, Люнебург (1654), Нидерланды и Бургундия (1655), Франция (13 частей) (1655–1656), описание города Рим (позднее объединено с «Топографией Италии», 1681), Италия (1688) [Ibid, s. 34].

В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть самую отличительную черту «Топографии» – ее изображения и процесс их создания. По своему содержанию «Топография» распадается на две составные части – текстовые описания и изображения. Тексты «Топографии» составил соавтор Мериана – Мартин Цайлер (1589–1661), историк-эрudit из Ульма. Он опирался на свою работу «Немецкий путеводитель по Верхней и Нижней Германии и по пограничным королевствам», изданную ранее [Wüthrich 2007, s. 347]. Тексты «Топографии» содержали перечни наиболее примечательных мест в тех или иных городах, обширные экскурсы в историю, географию и этимологию топонимов различных городов и мест.

Однако именно визуальная составляющая, выполненная на столь высоком уровне, являлась характерной чертой «Топографии» Мериана и выгодно отличала его работу от топографических сочинений предшественников и конкурентов [Fuss 2000, s. 137]. Мериану, как художнику и граверу, всю жизнь работавшему с изобразительным искусством, гораздо ближе были изображения, чем тексты, хотя и они играли важную роль в «Топографии» [Wüthrich 2007, s. 347]. Несмотря на то, что виды городов были очень популярны в прежние столетия и ими украшали различные хроники [Würgler 2013, s. 28], несомненно, что именно вклад Мериана в деле активного привлечения иллюстраций и его художественный талант способствовали невиданному успеху «Топографии» и ее изображений. Полная серия «Топографии» из 31 тома суммарно насчитывает 92 карты, 1486 гравюр с 2142 отдельными видами [Schuchard 1896, s. 194–195] (хотя в литературе наблюдаются расхождения в количестве гравюр «Топографии». Исследователь Л.Г. Вютрих говорит о 2272 гравюрах [Wüthrich 2007, s. 354]).

Изображения, использованные в «Топографии», были выполнены Мерианом и его сотрудниками в технике гравюры на меди. Гравюра на меди возникла ранее, в XV в. [Кислых 1987, с. 65], и была шагом вперед от прежней техники ксилографии, когда изображение наносилось сначала на пластину из дерева. Гравюра на меди относится к технике глубокой печати [Würgler 2013, s. 9] и представляет собой технологию, при которой изображение зеркально наносится на медную пластину, буквально процарапывается, из-за чего на пластине формируются штрихи [Турова 1986, с. 61], затем в царапины и углубления помещают краску, и под давлением печатного пресса на влажной бумаге остается оттиск с рисунком. Длительное время стои-

мость материалов для создания ксилографий была ниже, поэтому техника гравюры заменила собой устаревающую ксилографию полностью только ок. 1600 г. [Würgler 2013, s. 42]. Несмотря на более трудоемкую технологию и распространения нового типа гравюр – офпорта, в «Топографии Германии» применялись главным образом гравюры на меди с их четким размеренным рисунком.

Гравюры Мериана обладают своими яркими художественными особенностями. Мериана признавали непревзойденным мастером перспективы [Brunner 1990, s. 108], которую он активно использовал в «Топографии» для создания правдоподобных пейзажей и изображений. В его гравюрах виды городов окончательно отошли от средневековых иллюстраций, когда город изображался символически, и на одной картине могли смешиваться элементы разных городов [Würgler 2013, s. 28], и стали стремиться не только к эстетическому, но и полностью соответствующему реальности образу города, который в своей точности многое заимствовал у городских планов [Ibid, s. 120]. Впрочем, точность не всегда была безоговорочной. Например, многочисленные рисунки укрепленных городов изображают завершенные стены и высокие башни, надежно защищающие горожан от возможных бедствий войны, в то время как в реальности многие из этих строительных работ так и не были доведены до конца [Fuss 2000, s. 179]. Известно, что Мериан опирался на изображения из других источников, которые к моменту издания «Топографии» уже устарели и не отражали действительное состояние города [Wüthrich 2007, s. 339]. Мериан и его работники, намереваясь создать впечатление современных образов городов, добавляли на иллюстрации современные постройки и укрепления [Ibid]. Несмотря на стремление к реализму, ошибки и неточности были неизбежны.

Еще одним новшеством Мериана было использование крупного формата для печати изображений (прежние топографические сочинения имели относительно небольшие картинки) [Fuss 2000, s.137]. Тома «Топографии» печатались в крупном формате ин-фолио, изображения внутри различались по своим размерам. Стандартные виды городов имели формат ин-квадро (располагались на половине страницы), т.е. на одной странице с изображением находились два города с подписями и зачастую с собственными гербами. Существовали и иллюстрации больших размеров, например, ин-фолио (на целую страницу), или даже изображения, превышавшие по размеру один типографский лист. Т.е. один огромный лист, который мог состоять из нескольких типографских листов, складывался пополам или в несколько раз, а затем вкладывался в книгу. При просмотре такое изображение разворачивали в длину (такие иллюстрации-вкладыши могли приблизительно соответствовать 2–7 листам А4).

Первое изображение, встречающее читателя «Топографии» – это пышно украшенный титульный лист. Как правило, на нем могли присутствовать аллегории городов и рек, портреты правителей [Eckardt 1887, s. 40], фигуры исторических персонажей: так на титульном листе тома «Нижняя Саксония» можно сразу увидеть Карла Великого и Видукинда [Merian 1653, s. 1], о которых речь пойдет в тексте самого тома. На титульном листе обязательно изображали гербы описываемых в томе земель и крупно подписывали основную информацию о томе: о каких землях идет речь (на латыни и на немецком), автора, дату.

Остальные изображения «Топографии» по своему содержанию делятся на два основных типа: виды городов и карты. Карт в «Топографии» значительно меньше, чем изображений городов (соответственно 92 и 2142 [Schuchard 1896, s. 194–195]). Это уже современные карты: они ориентированы на север и отличаются подробностью и точностью. Карты Мериана часто связаны с текстовыми описаниями в томе [Wüthrich 2007, s. 347] и полностью соответствуют концепции карт раннего Нового времени, как новых гибридных медиа, в которых гармонично сочетаются изображения и текст [Würgler 2013, s. 118]. Например, самая первая карта в серии «Новое описание всей Германии» [Merian 1654, s. 10–11] («*Nova totius Germaniae description – Teutschland*») буквально пестрит подписями названий всех населенных пунктов – обилие текста бросается в глаза современному читателю. При этом в визуальных элементах карты акценты расставлены иначе: наряду с привычными очертаниями рек, озер, островов, береговой линии, эта карта демонстрирует визуальное изображение гор (в виде маленьких холмиков) и городов (миниатюрные скопления зданий с выделяющимися крестами церквей) [*Ibid*].

В изображениях городов Мериан придерживался канонов предшествующих топографических сочинений и изготавливал иллюстрации с перспективы пешехода, точки зрения всадника, с высоты птичьего полета или же полностью сверху (более схематичный план города) [Würgler 2013, s. 28]. По содержанию иллюстраций Мериан частично следовал традиции: он изображал городские достопримечательности, например, церкви, стены и укрепления, мосты [*Ibid*]. Большинство гравюр изображает город снаружи, населенный пункт с прилегающим ландшафтом, замки и их округу [Wüthrich 2007, s. 355]. При этом природные элементы играют важную роль в его гравюрах, поскольку Мериан много занимался пейзажными зарисовками, сценами охоты и т.д. [Kuretsky 2006, p. 221]. Часто городские постройки вписаны в живописный ландшафт, деревья или горы служат украшением гравюры, небо с облаками создает пространство внутри изображения, благодаря чему его работы выглядят такими реалистичными и живыми. Многие из городов зарисованы со стороны рек (Франкфурт, Росток и др.), где река вписана

в городской ландшафт. Некоторым городам посвящено сразу несколько гравюр, показывающих город с разных сторон [Eckardt 1887, с. 42]. Встречаются у Мериана и изображения отдельных, особенно примечательных построек [Wüthrich 2007, с. 355], хотя и в значительном меньшинстве, чем виды самих городов. В качестве самых интересных мест, достойных своей страницы в «Топографии», выбирались городские площади, княжеские дворцы, парки и резиденции, особо почитаемые древние церкви (например, церковь Св. Стефана в Вене), руины римского времени в городах юго-запада (например, результаты раскопок в Майнце), отдельные диковинные достопримечательности (статуя Роланда в Бремене, вписанная в ансамбль городских зданий, или фонтаны Аугсбурга).

Источниками для финальных гравюр становились все те изображения, которые Мериан различными путями уже успел накопить в своей библиотеке благодаря предыдущим работам. Как правило, вышеописанные изображения были актуальными и соответствовали действительности, поскольку были выполнены автором и его современниками. Такая роскошь была доступна граверам Раннего нового времени не всегда – вот и Мериану приходилось прибегать к изображениям других авторов, часто устаревших [Bachmann 1939, с. 28], и с помощью добавления украшений и новых деталей как-то обновлять их [Fuss 2000, с. 137].

Самыми важными источниками, которые он использовал для своих иллюстраций, были работы его предшественников в топографических и космографических сочинениях. В первую очередь это «Космография» Себастьяна Мюнстера (1544) и «Атлас городов земного мира» Брауна и Хогенберга (1572–1618) [Bachmann 1939, с. 138], хотя он также привлекал работы Петруса Бертиуса [Ibid, с. 28] (1565–1629) и Хартмана Шеделя [Wüthrich 2007, с. 351] (1440–1514). Этот список можно продолжать, поскольку в то время заимствования и копирования были нормой [Bachmann 1939, с. 28].

Кроме того, Мериан сотрудничал со многими своими художниками-современниками, которые были не столь известны в силу возраста или таланта. Некоторые из них, прежде чем начать работу с Мерианом, рисовали в своих родных краях, благодаря чему у них скапливались материалы, которые нужны были Мериану для его работ. Эти художники могли переезжать во Франкфурт или начинать совместную работу с Мерианом по переписке, в результате чего их рисунки добавлялись к фонду изображений франкфуртского гравера, которым он свободно распоряжался и в будущем, даже если сотрудничество прекратилось. При этом Мериан далеко не всегда указывал имена этих художников. Одним из самых известных сотрудников Мериана был Вацлав Холлар (1607–1677), который после своего отъезда из Праги из-за разорений Тридцатилетней войны работал у Мериана во Франкфур-

те в 1627 г. [Godfrey 1994, р. 4]. В том числе он зарисовал вид Праги, который Мериан потом использовал для изготовления огромной гравюры, украсившей том «Топография Богемии, Моравии, Силезии», хотя Холлар не работал у него уже начиная с 1628 г. [Godfrey 1994, р. 4]. Холлару повезло: его имя было названо Мерианом [Wüthrich 2007, с. 339] и дошло до нас. Известны также имена Йозефа Плеппа (1695–1642), по чьим зарисовкам были изготовлены гравюры для «Топографии Франции» [Bachmann 1939, с. 28], Конрада Буно (1613–1671), зарисовавшего почти все изображения в томе «Брауншвейг-Люнебург», Ганса Конрада Гигера (1599–1674) и Каспара Ланга (1571–1645) [Fuss 2000, с. 137–138]. Список можно продолжить, но все равно в предприятии Мериана было задействовано куда больше художников, чем сегодня известно.

Такими разными путями зарисовки земель и городов стекались во Франкфурт, где на их основе Мериан изготавливал гравюры. Было бы ошибкой считать, что весь этот колossalный труд Мериан выполнил самостоятельно [Bachmann 1939, с. 28]. Несомненно, у него были помощники, многие из которых остались безымянными в веках, поскольку их гравюры приписывались Маттеусу Мериану [Eckardt 1887, с. 36]. Стиль других слишком отличается от стиля Мериана, поэтому можно понять, какие из работ были выполнены не им. Например, один гравер, изготавливший 45 гравюр для «Топографии», подражал стилю Жака Калло, чем отличался от Мериана [Wüthrich 2007, с. 352]. Если взглянуть на цифры, которые приводят исследователи [Ibid, с. 354], ясно, что самое большое количество гравюр в серии «Топография Германии» выполнил не Маттеус Мериан Старший (644), а его сын Каспар (801). Хотя Каспару пришлось выпускать последние четыре тома «Топографии Германии» уже после смерти отца, нельзя недооценивать его вклад на протяжении издания всей серии. Роль других художников была куда менее значительной, хотя в некоторых томах на их долю приходилась существенная часть гравюр.

Таким образом, изображения играют важнейшую роль для «Топографии Германии». Именно благодаря своим изображениям и таланту их авторов «Топография» пользовалась таким успехом. «Топографию» отличали аллегорически украшенный титульный лист, виды городов, стремящиеся изобразить их достоверное состояние, и точные современные карты. Иллюстрации «Топографии» выполнены в технике гравюры на меди. Чтобы получить первоначальные зарисовки городов и изготовить максимально правдоподобные гравюры, Мериан использовал разные источники: свои собственные зарисовки и гравюры для других работ, привлекал своих подмастерьев и сыновей, которые могли бывать в местах, где не был Мериан, просил о помощи городские советы и частных лиц, сотрудничал с другими

местными художниками. Когда же это было невозможно, Мериан не стеснялся использовать иллюстрации из уже опубликованных топографических сочинений, даже если они устарели на несколько десятилетий – эта проблема решалась добавлением новых современных деталей, чтобы зритель получал от гравюр максимально правдоподобное впечатление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Merian M.d.Ä. Topographia Saxoniae Inferioris: Das ist Beschreibung der vornehmsten Stätte vnnd Plätz in dem hochl. NiderSachß. Crayß. Frankfurt am Mayn, 1653.

Merian M. d. Ä. Topographia Helvetiae, Rhaetiae, et Valesiae: das ist Beschreibung und eygentliche Abbildung der vornehmsten Stätte und Plätz in der Hochlöblichen Eydgnoßschafft Graubündten Wallis und etlicher zugewandten Orten. Frankfurt am Mayn, 1654.

Кислых Г.С. Немецкая гравюра 15–16 веков // Очерки по истории и технике гравюры. М., 1987. С. 61–96.

Турова В.В. Что такое гравюра. М., 1986.

Bachmann F. Die alten Städtebilder. Ein Verzeichnis der graphischen Ortansichten von Schedel bis Merian. Leipzig, 1939.

Brunner W. Martin Zeiller. 1589–1661. Ein Gelehrteleben. Graz, 1990.

Eckardt H. Matthaeus Merian. Skizze seines Lebens und ausführliche Beschreibung seiner Topographia Germaniae nebst Verzeichnis der darin enthaltenen Kupferstiche. Basel, 1887.

Fuss U.V. Matthaeus Merian der Ältere. Von der lieblichen Landschaft zum Kriegsschauplatz – Landschaft als Kulisse des 30jährigen Krieges. Frankfurt am Main, 2000.

Godfrey R.T. Wenceslaus Hollar: A Bohemian Artist in England. L., 1994.

Horst T. Kartographie und Grundstückseigentum in der Frühen Neuzeit // Zeitschrift für Geodäsie, Geoinformation und Landmanagement. 2014. No. 139. Heft 6. S. 369–376.

Koller A. Allegorie und Wissenschaft. Zwei Weltkarten der Offizin Blaeu // Kartographie der Frühen Neuzeit – Weltbilder und Wirkungen. Marburg, 2015. S. 129–141.

Kuretsky S.D. The Face in the Landscape: A Puzzling Print by Matthäus Merian the Elder // In His Milieu: Essays on Netherlandish Art in Memory of John Michael Montias. Amsterdam, 2006. P. 219–231.

Schuchard C. Die Zeiller-Merianischen Topographieen // Centralblatt für Bibliothekswesen. Jahrgang 13, Heft 5 und 6. Leipzig, 1896. S. 193–232.

Würgler A. Medien in der Frühen Neuzeit. München, 2013.

Wüthrich L.H. Matthaeus Merian d. Ä. Eine Biographie. Hamburg, 2007.

A.E. Shishkova

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

ENGRAVINGS AS A SPECIAL FEATURE
OF THE “TOPOGRAPHIA GERMANIAE” BY MATTHAEUS MERIAN
(1593–1650)

The article examines the work “The Topographia Germaniae” by Matthaeus Merian. Attention is paid to one component of the work – the images in the form of engravings. The special features of engravings in “The Topographia” are analysed. The article examines in detail the variety of sources of the images of “The Topographia” and tries to determine the role of different artist in creating of “The Topographia Germaniae”.

Keywords: “The Topographia Germaniae”, Matthaeus Merian, cartography, cosmographia, engravings.

Д.И. Козлова

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ КНЯЗЕЙ ИЗ АНГАЛЬТА В ЭПОХУ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1618–1648)

В статье рассматривается меценатская деятельность, как часть стратегии по укреплению государства, на примере князей из Ангальта – Людвига Ангальт-Кёттенского и Кристиана II Ангальт-Бернбургского – которые оказывали поддержку немецким поэтам, педагогам, ученым-лингвистам и художникам. Статья основана на переписке ангальтских князей с современниками, дневнике князя Кристиана II Ангальт-Бернбургского, посвящениях немецких литераторов к ангальтским правителям, официально-деловых документах и отчетах, научных и художественных текстах.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, Священная Римская империя немецкой нации, «малые государства», культурная политика, меценатство.

Священная Римская империя немецкой нации представляла собой объединение административных единиц разного размера и могущества. В Раннее новое время ввиду отсутствия права первородства при наследовании земель немецкие правители разделяли свои владения между всеми сыновьями [Brademann, Hecht 2005, с. 556; Веджвуд 2012, с. 146]. В результате к XVII в. образовалось множество мелких административных единиц. Например, центрально-германское княжество Ангальт в этот период было разделено на пять частей: Ангальт-Кёттен, Ангальт-Цербст, Ангальт-Бернбург, Ангальт-Дессау и Ангальт-Плёнцкау. Стоит отметить, что даже до разделов Ангальт был одним из самых малых государств империи, имея площадь всего 2300 кв. км [Прокопьев 2002, с. 166; Chisholm].

Подобные Ангальту земли в немецкой историографии относят к категории «малых государств», которые отличают небольшая площадь, не-многочисленное население, низкий экономический и политический вес, значительная уязвимость и зависимость от соседних крупных государств [Langewiesche 2007, с. 37–40]. Примечательно, что, несмотря на крошечные

размеры владений, ангальтские правители пытались играть независимую роль в имперской политике, были заинтересованы в укреплении и расширении своей власти. Ввиду небольших размеров и ограниченности ресурсов, которые не позволяли обладать большим экономическим и политическим могуществом, князья Ангальта не могли оказывать большого влияния на имперские отношения [Heine 1866, с. 163; Wäschke 1913, с. 3]. Поэтому они прикладывали все усилия, чтобы иметь другие возможности утвердить свое положение среди своих соседей и защитить свои интересы.

В этих условиях очень важное место в общеполитической стратегии ангальтских князей занимала культурная политика – поддержка и заказы деятелям культуры и науки, создание и развитие научных и образовательных учреждений, организация различных культурных «проектов». Во-первых, князья Ангальта, в первую очередь, Людвиг Ангальт-Кёттенский (1579–1650) и Кристиан II Ангальт-Бернбургский (1599–1656), развивали книгоиздание и помогали литераторам и ученым на льготных условиях издавать свои труды [BFGB. Bd. 4, с. 420]. Во-вторых, они спонсировали издательство Матэуса Мериана (известнейшего гравера эпохи барокко), который по заказу князей Ангальта подготовил несколько сотен экземпляров «Книг эмблем» с многочисленными гравюрами [BFGB. Bd. 2, с. 181–182, 411–412; Bd. 7, с. 185]. В-третьих, они пытались провести реформу школьного образования по проекту известного педагога и теоретика «дидактического метода» преподавания Вольфганга Ратке, который выступал за единую систему образования в германских государствах и обучение на немецком языке, а не на латинском, как прежде [Krause 1877, с. 171–173; BFGB. Bd. 1, с. 102]. Для реализации всех проектов ангальтские князья стремились приглашать лучших и самых профессиональных исполнителей, не скучились на гонорары, даже несмотря на нехватку средств [BFGB. Bd. 1, с. 105; Bd. 7, с. 438; Heine 1866, с. 140].

Символическим образом годы самой активной культурной деятельности князей Ангальта совпали со временем Тридцатилетней войны. На фоне всеобщего экономического упадка и разрушений образованное немецкое общество переживало сильнейший подъем патриотизма, происходил расцвет литературы, особенно драматургии и поэзии [Лазарева 2017, с. 5; Meid 2017, с. 10]. В этот процесс принципиальный вклад внесли ангальтские князья, которые в 1617 г. основали первое и наиболее влиятельное в немецких землях научно-просветительское Плодоносящее общество [Langer 1980, р. 55; Лазарева 2008, с. 15;] – академию, открытую «для всех мужчин, любящих честь и добродетель и желающихнести свой вклад, прежде всего, в продвижение немецкого языка» [BFGB. Bd. 8, с. 489]. Плодоносящее общество служило основой для взаимодействия большого числа единомышленников (к 1648 г. – более 400 чел.)

[BFGB. Bd. 7, s. 185] из разных земель Германии и подспорьем для реализации различных проектов.

В центре внимания меценатской деятельности ангальтских правителей находились ученые-лингвисты и литераторы, с которыми князья в рамках Плодоносящего общества работали не только над культивированием норм литературного немецкого языка «на пути к лучшему и самому чистому немецкому искусству», но и общенемецкого патриотизма, «любви, добродетельности и учтивости, в первую очередь, по отношению к Отечеству» [Anhalt-Köthen, Ludwig von 1628; BFGB. Bd. 3, s. 390; Bd. 4, s. 527; Bd. 6, s. 771; Bauer 1993, s. 7]. Исследователи отводят литераторам и ученым эпохи Тридцатилетней войны, которые работали под руководством ангальтских князей (в первую очередь, это лингвисты и педагоги К. Гайнц, Ю.Г. Шоттель, В. Ратке, литераторы М. Опиц, Ф. фон Цезен), очень важную роль в «нормализации» правил немецкой грамматики и обогащения словарного состава, в очищении немецкого литературного языка от многочисленных в эпоху иностранных заимствований (французских, испанских, латинских и т.д.) [Филичева 2003, с. 147; Бах 2008, с. 208]. Объединяя усилия самых талантливых современников, единомышленников в любви к немецкому языку, ангальтские князья-меценаты смогли добиться заметных результатов на пути к возвращению в Германию «чистой речи» [Sachse 1651, s. 52].

Но следует подчеркнуть, что князья особенно поддерживали выходцев из Ангальта, таких как Дидерих фон дем Вердер, Тобиас Хюбнер и Ганс Филипп фон Гейдер [Tagebücher, 11. Januar., 29. Juli, 1. August 1636; BFGB. Bd. 2, s. 212; Bd. 4, s. 385–386, 413; Bd. 5, s. 122]. В годы становления суверенной власти немецких правителей возросло влияние придворной культуры [Hillay 2001; Элиас 2002; Власть, общество... 2008]. Поэтому князья Людвиг и Кристиан, в первую очередь, поддерживали свою личную «социальную базу» – аристократов и придворных Ангальта, которые занимались литературным творчеством. При этом по данным источников заметно, что литераторов из других немецких земель, даже таких известных поэтов эпохи барокко, как Мартин Опиц и Филипп фон Цезен, князья принимали в Плодоносящее общество не так быстро и охотно, как ангальтских придворных, и уделяли им меньшее внимание. Например, Мартин Опиц, которого и сегодня признают «отцом немецкой поэзии», добивался внимания со стороны князя Людвига целых 3 года [BFGB. Bd. 2, s. 159–161, 455–457, 461–462].

В связи с этим, культурная политика ангальтских князей имела, в первую очередь, прагматический характер. Более того, некоторые исследователи считают активную культурную политику подобных «малых государств» своеобразной альтернативой военной политике крупных административных

единиц [Langewiesche 2007, s. 40, 59–64]. В Раннее новое время меценатство было теснейшим образом взаимосвязано с политикой по укреплению власти. Покровительство деятелям культуры было характерно для большинства немецких правителей этого периода, которых историки относят к типу «ранне-абсолютистских государей». Несмотря на значительные региональные отличия, накануне и в годы Тридцатилетней войны все они имели единые ценностные установки: стремились к расширению собственного влияния и укреплению властных институтов, заботились о повышении престижа своего двора [Kaiser... 1991, s. 15; Burkhardt 1992, s. 99–102, 195; Press 1997, s. 435–479; Прокопьев 2002, с. 153–155]. Таким образом, через активную культурную деятельность «ранне-абсолютистские правители» укрепляли и свое политическое положение. В этих условиях, привлекая к себе деятелей искусств, князья Ангальта могли упрочить свое положение среди других государств империи. Статус «покровителей немецкого языка и защитников муз» [BFGB. Bd. 2, s. 446] позволял им заявить о себе, как о правителях культурного центра, что давало возможность поддерживать связи со многими монархами Германии и заручаться их поддержкой [BFGB. Bd. 5, s. 298, 370, 537, 643; Bd. 6, s. 503].

Разумеется, важное значение для активной культурной политики имел и личный интерес ангальтских князей – Людвига и Кристиана II. Они оба были не только очень деятельными правителями [Heine 1866, s. 130], заботившимися о своих подданных «днем и ночью» даже в тяжелые годы Тридцатилетней войны [Sachse 1651, s. 50, 56], но и высокообразованными людьми. Они были искренне увлечены искусством и сами занимались литературным творчеством [Opitz 1625, s. 5–7; Tagebücher. 27–31. Mai 1626; 22. April. 1628; BFGB. Bd. 4, s. 723–724; Bd. 6, s. 524, 540; Rist 1649, s. 14], а также лично руководили работой своих подопечных и редактировали литературные и научные труды [BFGB. Bd. 4, s. 413; Bd. 8, s. 489].

Деятельность князей Ангальта стала своеобразным культурным символом эпохи барокко в Германии. Несмотря на политическую и экономическую слабость, «малое государство» Ангальт оказывало значительное влияние на культурную жизнь Германии, способствовало ее разнообразию и обогащению. Немецкий литератор Георг Филипп Гарсдёрффер, один из тех, кому покровительствовали ангальтские князья, образно назвал их меценатство «противодействием варварству Тридцатилетней войны» [BFGB. Bd. 6, s. 189–190]. Хотя, в первую очередь, князья Людвиг и Кристиан II заботились об укреплении политических позиций княжества, поддержке личной «социальной базы» и защите своих интересов, благодаря их меценатской деятельности в рамках Плодоносящего общества происходило активное складывание единого культурного пространства и по всей Германии [Kühlmann 1989, s. 170; Лазарева 2012, с. 265–267].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Anhalt-Köthen, Ludwig von. Kurtzer Bericht Von der Fruchtbringenden Gesellschaft Vorhaben. Köthen, 1628.

Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen [**BFGB**]. Die Zeit Fürst Ludwigs von Anhalt-Köthen 1617–1650. Die deutsche Akademie des 17. Jahrhunderts Fruchtbringende Gesellschaft. Kritische Ausgabe. Reihe I, Abt. A: Köthen: 9 Bd. / Mitarb. v. D. Merzbacher, hrsg. v. K. Conermann. Wolfenbüttel, Tübingen, 1992–2019.

Christian II. von Anhalt-Bernburg. Tagebücher [**Tagebücher**] // Digitale Edition und Kommentierung der Tagebücher des Fürsten Christian II. von Anhalt-Bernburg (1599–1656). Bearbeitet von R.G. Asch, P. Burschel, A. Schreiber, A. Zirr, A. Herz, A. Odier. Wolfenbüttel, 2013. URL: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000228/start.htm>

Opitz M. Acht Bücher Deutscher Poematum. Breslau, 1625.

Rist I. Das friedewünschende Teutschland. Hamburg, 1649.

Sachse D. Glaubens-Grund / Als Der ... Wilhelm-Ludwig / Fürst zu Anhalt ... Des ... Herren Ludwigen Des Eltern / Fürsten zu Anhalt. Köthen, 1651.

Бах А. История немецкого языка. М., 2008.

Веджсюд С.В. Тридцатилетняя война / пер. с англ. И.В. Лобанова. М., 2012.

Власть, общество, индивид в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008.

Лазарева А.В. Национальная мысль в Германии в эпоху Тридцатилетней войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Лазарева А.В. Немецкая литература Тридцатилетней войны как исторический источник // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований. Вып. 9. Воронеж, 2012. С. 263–280

Лазарева А.В. «Союз меча и языка»: развитие немецкой национальной идеи в первой половине XVII // Средние века. 2017. Вып. 78 (4). С. 101–120.

Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2002.

Филичева Н.И. История немецкого языка: Учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. вузов. М., 2003.

Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: социология и история / пер. с нем. А.П. Кухтенкова. М., 2002.

Bauer V. Die höfische Gesellschaft in Deutschland von der Mitte des 17. bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. Versuch einer Typologie. Tübingen, 1993.

Burkhardt J. Der Dreißigjährige Krieg. Frankfurt a. М., 1992.

Brademann J., Hecht M. Anhalt vom Mittelalter bis 1918 – Eine integrative Dynastie- und Herrschaftsgeschichte // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 2005/06. No. 141/142. S. 531–575.

Chisholm H. Anhalt // Encyclopædia Britannica: 11th ed. Cambridge University Press. URL: https://en.wikisource.org/wiki/1911_Eencyclo%C3%A6dia_Britannica/Anhalt

-
- Heine G.* Geschichte des Landes Anhalt und seiner Fürsten. Köthen, 1866.
- Hillay Z.* Monarchy, Aristocracy, and the State in Europe 1300–1800. L.; N.Y., 2001.
- Kaiser, Konig, Kardinal. Deutsche Fürsten 1500–1800 / hrsg. von R. Straubel, U. Weiss. Leipzig; Jena; Berlin, 1991.
- Krause G.* Ludwig, Fürst zu Anhalt-Cöthen, und sein Land vor und während des dreissigjährigen Krieges. Cöthen, 1877.
- Kühlmann W.* Nationalliteratur und Latinität: zum Problem der Zweisprachigkeit in der frühneuzeitlichen Literaturbewegung Deutschlands // Nation und Literatur in Europa der frühen Neuzeit / Hg. von K. Garbe. Tübingen, 1989. S. 164–206.
- Langer H.* The Thirty Years' War. N.Y., 1980.
- Langewiesche D.* Kleinstaaten in Europa. Bd. 42. Vaduz, 2007.
- Meid V.* Der Dreißigjährige Krieg in der deutschen Barockliteratur. Ditzingen, 2017.
- Press V.* Das Alte Reich: Ausgewählte Aufsätze / hrsg. von J. Kunisch. Berlin, 1997.
- Wäschke H.* Geschichte Anhalts von der Teilung bis zur Wiedervereinigung. Köthen, 1913.

D.K. Koslova
Moscow (Russia)
Lomonosov Moscow State University

CULTURAL POLITICS OF THE GERMAN PRINCES
FROM ANHALT DURING THE THIRTY YEARS' WAR (1618–1648)

The article examines patronage activities as part of a strategy to strengthen the state: using the example of the princes of Anhalt – Ludwig of Anhalt-Kötten and Christian II of Anhalt-Bernburg – who supported German poets, teachers, linguists and artists. The article is based on the correspondence of the Anhalt princes with their contemporaries, the diary of Prince Christian II of Anhalt-Bernburg, dedications of German writers addressed to princes, official documents and reports, scientific and artistic texts.

Keywords: Thirty Years' War, Holy Roman Empire of the German Nation, “small states”, cultural politics, patronage.

Ю.А. Лобанова

г. Гомель (Республика Беларусь)

Гомельский гос. ун-т им. Франциска Скорины

РАЗВИТИЕ ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ (Х – 1-Я ПОЛОВИНА XVII В.)

В статье показан процесс развития ювелирного искусства в городах Беларуси на протяжении длительного периода – с X до 1-й пол. XVII в. На основании данных археологических обследований городов автор описывает разнообразие предметов, создававшихся ювелирами, анализирует технологию их изготовления. В тексте приводятся интересные примеры, связанные с ювелирным искусством, типичные для разных исторических эпох и найденные во многих городах Беларуси (Витебск, Гомель, Гродно, Минск, Полоцк и др.). Исследование охватывает изделия для богослужения в христианских храмах, а также предметы для повседневного использования (посуда, украшения костюма и др.).

Ключевые слова: ювелирное дело, ремесло, искусство, Беларусь, города.

Актуальность обращения к исследованию развития ювелирного искусства Беларуси объясняется важностью понимания городской культуры в разные исторические эпохи, постоянным пополнением коллекций музеев новыми предметами, которые находят археологи. Это дает возможность углубить научные представления о совершенствовании ювелирного дела, как одного из ремесел и выявить пути эволюции ювелирного искусства, как вида творческой деятельности горожан.

Хронологические границы с X до 1-й пол. XVII в. обусловлены широким спектром форм ювелирного мастерства, которые были представлены в этот период, и появлением новых технологических приемов, улучшивших качество изделий. Подобный подход содействует раскрытию темы в исторической динамике.

Цель исследования – проследить процесс совершенствования ювелирного искусства в городах Беларуси с X в. до 1-й пол. XVII в. включительно.

Понятие ювелирное искусство (на белорусском языке «злотніцтва») включает и сами предметы, и способы их обработки. Шедевром времен средневековья является крест Ефросиньи Полоцкой работы Лазаря Богши [Сахута 2013. Т. 4, с. 118].

Историография темы обширна, что связано с проведением археологических раскопок в городах Беларуси на протяжении многих десятилетий и, соответственно, наличием многочисленных источниковых материалов по теме. Итоги проведения археологического изучения древних городов Беларуси постоянно дополняются и публикуются учеными, что придает новизну исследованию ювелирного мастерства. Музейные коллекции Беларуси содержат значительное число экспонатов, отражающих историю ювелирного дела.

В советский период и в последние десятилетия осуществлялись плановые археологические обследования древних городов Беларуси, результатом которых стала публикация монографий известных археологов по итогам изучения Минска, Полоцка, Витебска и др. [Штыхов 1975; Загорульский 1982; Гуревич 1991; Лысенко 2007; Дук 2014 и др.]. В этих изданиях достаточно подробно описано ювелирное мастерство, свойственное городской культуре изучаемого времени. Особо отметим разработки по древней истории Гомеля О.А. Макушникова, где также затрагивается вопрос о ювелирных изделиях, способах их производства и декорирования [Макушников 2002]. Обобщение наиболее важных данных нашло отражение в энциклопедической литературе [Археологія... 1993] и в обобщающих изданиях Института истории НАН Беларуси [Археологія Беларусі... 2000. Т. 3; Археология Беларусь... 2001. Т. 4], в которых показаны отдельные стороны развития белорусского ювелирного искусства. В монографии К.А. Лавыш глубоко и всесторонне проанализировано влияние художественных традиций восточной и византийской культуры на искусство, в том числе ювелирное искусство, средневековых городов Беларуси [Лавыш... 2008]. Значимые выводы были получены искусствоведами при изучении ювелирных изделий [Кацер... 1972; Лазука... 2007. Т. 1]. К числу специальных исследований можно отнести книгу по истории ювелирного дела А. Титова [Цітоў... 2020]. Можно констатировать, что в историографии были освещены многие аспекты истории ювелирного дела в городах Беларуси, что помогает раскрытию темы.

Овладение техникой плавки и ковки железа в Беларуси открыло более широкие горизонты для создания предметов искусства. Цветные металлы на территории Беларуси появились раньше железа, но они не производились на месте, а завозились из других стран. По этой причине они не получили такого распространения, как железо. Для создания предметов различного предназначения, например, украшений, использовалось не только железо, но и другие металлы: бронза, медь, серебро и частично золото [Кацер 1972, с. 30].

Приведем ряд примеров. С превращением в Новогрудке посада в окольный город (X–XI вв.), обработка цветных и благородных металлов становится ведущей отраслью ремесла. Местную выплавку цветных металлов характеризуют отходы бронзолитейного дела в виде сплавов и капель брон-

зы, а с XII в. – золота. Найдено более 350 изделий из цветных и благородных металлов. Благородные металлы служили материалами для изготовления предметов убора и украшений. Число ювелирных изделий, найденных в Новогрудке, по сравнению с X–XI вв., в XII–XIII вв. возрастает более чем в 3 раза [Гуревич 1991, с. 127–129].

Высокого уровня техники обработки металлов достигла к XI–XIII вв. В западнорусских городах были распространены почти все известные в Европе технические приемы обработки металлов: плавка, литье, ковка, волочение проволок, гравирование, украшение металлических изделий эмалью, сканью, чернью. Анализы готовых изделий, полуфабрикатов, слитков, на-теков на тиглях, произведенные Д.В. Наумовым, свидетельствуют о том, что исходными литейными материалами для полоцких ремесленников служили медь, олово, свинец и их сплавы – бронза, томпак (разновидность латуни). Из свинца отливались предметы, напоминающие веретенные прядлица. Полоцкие ювелиры употребляли биллон – неполноценный сплав серебра и меди [Штыхов 1975, с. 63]. Полоцк был одним из важных центров ювелирного дела, где изготавливались как дешевые украшения, предназначенные для широкого сбыта, так и высокохудожественные изделия из золота и серебра, произведения мелкой пластики для феодальной знати [Там же, с. 72].

Существовало литье по восковым моделям. Часто техника литья соединялась с техникой проковки. Так, для создания изделия полусферической формы, например, чаши, прежде всего, отливалась из металла болванка, отдаленно напоминающая будущее изделие. Затем мастер при помощи ковки придавал болванке определенную форму, т.е. выковывал из нее необходимые изделия. Принадлежности для литья металлов обнаружены в различных городах Беларуси. Например, на Минском городище найдено два тигля, предназначавшихся для плавки цветных металлов [Кацер 1972, с. 32–33]. Значительный интерес представляют формы для литья изделий из металлов, обнаруженные во время археологических раскопок в Гродно. Одна из этих форм предназначалась для отливки звездчатой семи лучевой подвески, усыпанной бугорками, очевидно, имитирующими зернь. Половинки формы тщательно обработаны и хорошо подогнаны. Вторая форма предназначена для литья миниатюрной лунницы, украшенной циркульным орнаментом, точечками и глазками. Не менее тщательно сделана форма для литья бус, покрытых ложной зернью. Форма эта состоит из нескольких частей. Все они искусно обработаны, их плоскости отшлифованы и подогнаны одна к другой. Несколько форм найдено в Полоцке [Штыхов 1975, с. 64]. Эти находки убедительно свидетельствуют о том, что большинство изделий прикладного искусства из металлов производилось в городах Беларуси, эти изделия по красоте и тщательности отделки не уступали многим привозным [Воронин 1954, с. 67–72].

Во время раскопок городищ в Турове белорусскими учеными обнаружено несколько литых из свинца иконок. Особый интерес вызывает иконка покровительницы ткачества Параскевы-Пятницы и иконки неизвестной святой. В этой же технике выполнен водолей, обнаруженный в XIX в. в церкви Бориса и Глеба на Коложе в Гродно.

Штамповка, как правило, употреблялась в тех случаях, когда требовалось повторить изделие несколько раз, чаще всего при изготовлении принадлежностей одежды, конской сбруи, а иногда и церковной утвари. Техника штамповки близка к технике чеканки. В обоих случаях металл обрабатывался при помощи специальных инструментов [Кацер 1972, с. 37–39].

Широкое распространение в ремесленном производстве получила техника гравировки. При помощи гравировки изображались на той или иной плоскости фигуры людей и животных, создавались орнаментальные мотивы и, наконец, писались буквенные тексты, например, на пряслицах, костяных и металлических предметах. Во время археологических раскопок предметы, украшенные гравировкой, встречаются в изобилии. Объясняется это простотой техники гравировки.

Была распространена техника инкрустации золотыми и серебряными пластинками по железу и меди. Инкрустированная пластинка иногда покрывалась чернью, что создавало интересную игру золотого орнамента на черном фоне. Образцом подобной техники является найденный в Минском Замчище наконечник копья XII в., инкрустированный серебром.

Техника скани является одной из наиболее сложных в ювелирном искусстве. Заключается она в создании из проволоки различных узоров. Более сложным видом является ажурная скань. Несмотря на сложность, зернь и скань были широко распространены в ювелирном искусстве Древней Руси. Из предметов, обработанных техникой зерни, обращают на себя внимание бронзовые бусы, украшенные зернью, обнаруженные на городище в Гродно [Воронин 1954, с. 66–72]. Для того чтобы придать металлическому изделию красивый черный отлив, подчеркнуть более выпукло рисунок и предохранить изделие от коррозии, многие предметы быта и оружие покрывались чернью.

Памятники прикладного искусства, выполненные в технике перегородчатой эмали, немногочисленны: они сложны в изготовлении. Но об освоении этой техники можно судить по отдельным предметам (знаменитый крест Евфросинии Полоцкой). Сделан крест из золота, серебра, бронзы и драгоценных камней. С лицевой и тыльной стороны он богато украшен орнаментом и миниатюрными изображениями святых, выполненными в технике перегородчатой эмали.

Еще более широкое распространение ремесло обработки металлов в городах Беларуси получило в XIV–XVI вв. Златокузнецы и ювелиры были наиболее квалифицированными мастерами. Многие из них владели

одновременно несколькими видами обработки металлов. Вместе с тем уже в XVI в. в связи с интенсивным развитием ремесленного производства возникают узкие специальности. Цехи ювелиров были известны в Могилеве, Минске, Гродно, о чем свидетельствуют не только результаты археологических раскопок, но и письменные документы. Так, в крупных городах появляются мастера-ювелиры, которые занимаются специально созданием женских украшений, оружия, предметов богослужения.

Одним из величайших достижений белорусской культуры являются книги (например, оклад Евангелия 1598 г. из Витебска). Вся его центральная часть оформлена серебряными гравированными пластинками, эмалью и зернью. В монастырях и библиотеках магнатов книги находились и для них заезжались. Так, например, в Супрасльском монастыре хранилось много книг с обложками, окованными серебряными пластинками. «Евангелие пергаменное старое, новокованное сребром с позолотою со всех сторон» и «Евангелие напрестольное у великой церкви, новое с оковы сребряными, с позолотою». В Супрасльском монастыре в сер. XVI в., помимо книг, хранилось много серебряных позолоченных крестов, венцов, риз для икон [Кацер 1972, с. 54–56].

Посуда создавалась ювелирами для богослужебных целей и использования в семье. Изяществом и легкостью отличается чаша 1580 г., принадлежавшая слуцкому князю Юрию Юрьевичу Олелько, это типичный экземпляр для своего времени. Интересна также серебряная чаша XVI в. из церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. Типичным для своего времени является серебряный крест с распятием, созданный также новогрудскими мастерами-ювелирами в XIV–XVI вв. Интересна также серебряная чаша XVI в. из церкви Бориса и Глеба в Новогрудке [Там же, с. 54–56].

Разнообразные поделки из металлов обнаружены во время раскопок на Гродненском городище Н.Н. Ворониным. Среди них – золотые бусы, бронзовыеперстни-печати, золотой перстень, золотая серьга. Все эти изделия свидетельствуют о высоком мастерстве их исполнителей. Выполнены они мастерами-ювелирами Гродно при помощи самых различных видов обработки металлов: ковки, литья, гравировки, скани, зерни [Воронин 1954, с. 66–72].

При помощи ковки создавались многие предметы домашнего обихода, орудия труда, оружие. Об этом свидетельствуют металлические изделия, обнаруженные археологами при раскопках городищ в Минске, Гродно, Полоцке, Волковыске и других городах.

Высокого уровня развития в XVII в. достигло в Беларуси ремесло обработки металлов. Получило дальнейшее развитие мастерство штамповки и тиснения. Многие из изделий выполнялись квалифицированными мастерами-ювелирами и украшались тонкими орнаментальными узорами, выполненными в технике литья, ковки и т. п. Типичен в этом отношении потир (чаша) Прокопа Дорофеевича, украшенный металлическим орнаментом

и драгоценными камнями. Интересна также оловянная дарохранительница из Богоявленского монастыря в Орше, выполненная в технике ковки и литья оршанским мастером.

В создании многих окладов для икон и книг, других предметов ювелирного искусства принимали участие мастера различных специальностей. Фактически, самые сложные изделия были продуктом работы целого коллектива ювелиров. Наиболее ценные предметы, уникальные по своему художественному оформлению, часто выполнялись на заказ по персональным заявкам богатых и родовитых городских семей и предназначались для дарения в связи с важными событиями (вступлением в брак и т. п.).

Впоследствии во 2-й пол. XVII в. более 50 мастеров из Витебска, Полоцка, Могилева работали в Оружейной, Серебряной и Золотой палатах Московского Кремля в Москве, где изготавливали посуду, ювелирные украшения, оклады книг, оформляли оружие и др. [Сахута 2013, с. 118]. Эти предметы относились как к сфере культа (церковная утварь, оклады икон, кубки для богослужения), так и к бытовой жизни бояр (чаши, блюда, ковши, украшения для одежды, кольца и др.). Во 2-й пол. XVII–XVIII в. декоративно-прикладное искусство Беларуси пережило значительные изменения, в том числе можно отметить ряд новых подходов в создании ювелирных изделий при сохранении и расширении применения уже использовавшихся ранее (ковка, литье). Принятая в обществе демонстрация роскоши формировала социальный запрос элиты на заказ ювелирных изделий. Продолжалось украшение крестов и других богослужебных предметов, изделий для декора костюма горожан драгоценными камнями. Известный белорусский искусствовед М.С. Кацер отмечает, что в ряде случаев очевидно влияние художественных стилей на произведения ювелирного искусства, особенно на облике предметов отразился стиль барокко [Кацер 1972, с. 83].

Таким образом, развитие ювелирного искусства в Беларуси в X–XVII вв. претерпело заметные изменения. Они были продиктованы, в первую очередь, повышением уровня экономического развития городов и социальных запросов их жителей, совершенствованием технологий обработки металлов, а также представлениями об эстетике изделий, которые находили применение в сфере культа, оформления интерьеров, были характерны для предметной среды города в целом и непосредственно костюма горожан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 3. Помнікі IX–XIII стст. / пад рэд. П.Ф. Лысенка. Mn., 2000.

Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / пад рэд. В.М. Ляўко. Mn., 2001.

Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя / пад рэд. В.В. Гетава. Мн., 1993.

Воронин Н.Н. Древнее Гродно (По материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). М., 1954.

Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок (посад – окольный город). Л., 1991.

Дук Д.У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.). Наваполацк, 2014.

Загорульский Э.М. Возникновение Минска. Мн., 1982.

Кацер М.С. Народно-прикладное искусство Белоруссии (от первобытного общества до 1917 г.). Мн., 1972.

Лавыши К.А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (Х–XIV вв.). Мн., 2008.

Лазука Б.А. Гісторыя беларускага мастацтва: у 2 т. Т. 1. Першабытны лад – XVII ст. Мн., 2007.

Лысенко П.Ф. Древний Пинск: XI–XIII вв.: 1097–2007. Пинск, 2007.

Макушников О.А. Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. Гомель, 2002.

Сахута Я.М. Злотніцтва // Культура Беларусі. Энцыклапедыя / пад рэд. У.Ю. Александрава. Т. 4. З–Л. Мн., 2013. С. 118.

Цітоў А.К. Злотніцтва Беларусі. XII – пачатак XX ст. Мн., 2020.

Штыхов Г.В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Мн., 1975.

Yu.A. Lobanova

Gomel (Belarus)

Francisk Skorina Gomel State University

DEVELOPMENT OF JEWELLERY ART IN THE CITIES OF BELARUS (10th–1st HALF OF THE 17th CENTURY)

The article shows the process of development of jewellery art in the cities of Belarus over a long period – from the 10th to the first half of the 17th century. Based on the data of archaeological surveys of the cities, the author describes the variety of objects created by jewellers and analyses the technology of their production. The text contains interesting examples related to jewellery art, typical for different historical epochs and found in many Belarusian cities (Vitebsk, Gomel, Grodno, Minsk, Polotsk, etc.). The study covers items for worship in Christian churches, as well as items for everyday use (dishes, costume jewellery, etc.).

Keywords: jewellery, craft, art, Belarus, cities.

Лю Цзин

г. Минск (Беларусь)

Белорусский гос. ун-т культуры и искусств

ЭЛЕМЕНТЫ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПАРКОВЫХ КОМПОЗИЦИЯХ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ ЛОШИЦКОГО ПАРКА В Г. МИНСК)

Статья исследует элементы китайской культуры, присутствующие в парковых композициях Беларуси, на примере Лошицкого парка в г. Минске. В статье также рассказывается об элементах китайской культуры, обнаруженных в парках Беларуси, Франции, Германии и других европейских стран. Цель исследования – выявить и проанализировать влияние китайских элементов на эстетику и атмосферу парковых композиций в Беларуси, а также понять их роль в создании уникальности и привлекательности данных парков.

Ключевые слова: элементы китайской культуры, парковые композиции, Лошицкий парк, Беларусь, культурный обмен, эстетика.

Культурный обмен между различными народами и странами всегда приводит к взаимному обогащению и влиянию. Китайская культура, с ее богатыми историческими и культурными традициями, оказала значительное влияние на европейскую культуру. Одной из ключевых особенностей китайской культуры является понятие шинуазри, которое объединяет время и место. В этой статье мы исследуем присутствие шинуазри и других элементов китайской культуры в парковых композициях Европы и Беларуси.

Шинуазри – это явление культурного взаимодействия, в котором элементы и традиции китайской культуры влияют на другие культуры, особенно европейскую. Этот термин был впервые предложен английским писателем и культурологом Артуром Уэйли в XVIII в. [Власов 2010, с. 564; Лю Цзин 2021, с. 108]. Он представляет собой понятие «живой культурной трансляции», которое описывает влияние китайской культуры на образ жизни, обычай, искусство, архитектуру и философию других народов.

Китайская культура оказывала значительное влияние на европейскую архитектуру, искусство и дизайн на протяжении многих веков. Некоторые из наиболее заметных проявлений этого влияния включают:

1. Китайские мотивы в архитектуре: китайские элементы архитектуры, такие как пагоды, изогнутые крыши и драконы, стали популярными в европейской архитектуре. Примерами могут послужить пагода Лондонского зоопарка или китайский павильон в парке Монсо в VIII округе Парижа.

2. Китайская живопись и графика: Китайская традиция живописи, такая как каллиграфия, стала вдохновением для европейских художников, таких как Винсент Ван Гог или Клод Моне. Имитация стиля китайской живописи стала популярной в европейском искусстве эпохи импрессионизма [Арапова 1988, с. 7].

3. Китайские элементы в дизайне интерьеров: Китайские узоры, мотивы и цветовые комбинации часто использовались в интерьерах европейских дворцов и знатных резиденций в XVIII и XIX вв. Китайские элементы также вдохновляли дизайн мебели и декоративных предметов, таких как вазы, фарфор и шпалеры.

Китайские элементы культуры можно встретить в различных европейских странах, их наличие указывает на влияние китайской культуры в этих регионах [Ян Цзе 2018, с. 67]. Некоторые примеры включают:

1. Китайский дворец в Потсдаме, Германия: в Потсдамском парке расположен Сан-Суси, китайский дворец, построенный в XVIII в. Он представляет собой пример проникновения китайской архитектуры и дизайна в европейскую культуру [Маркина 2006, с. 161].

2. Китайский павильон в парке Монсо, Монако возвышается над водой и служит прекрасным примером китайских элементов, внедренных в европейскую парковую композицию.

3. Китайская пагода в Красной горке, Прага, Чехия, является еще одним примером китайского влияния в европейской архитектуре.

4. Китайский сад в Хайд-Парке в Лондоне представляет собой типичный пример китайского садового искусства и является привлекательным местом для посещения и изучения китайской культуры.

Элементы китайской культуры имеют значительное влияние на европейскую культуру, и это отражается в архитектуре, искусстве и дизайне. Китайские элементы, такие как шинуазри, пагоды, узоры и символы, проходят в различные аспекты европейской культуры, создавая уникальные и интересные композиции. Примеры китайских элементов, которые можно найти в различных европейских странах, подтверждают глубокое влияние китайской культуры на межкультурный обмен и обогащение европейского наследия [Баженова 2020, с. 249].

В рамках исследования будет проанализировано использование китайских павильонов, садов и архитектурных деталей в парковых композициях. Это может включать пагоды, китайские сады, мосты и другие элементы, которые отражают китайскую архитектуру и стиль. Будут исследованы

особенности и детали использования этих элементов в контексте европейских парков, и как они вписываются в общую композицию и атмосферу парка.

Одной из ключевых целей исследования будет выявление влияния китайской культуры на общую эстетику и атмосферу парковых композиций. Изучение китайских элементов в европейских парках позволяет лучше понять, как эти элементы влияют на восприятие и впечатление посетителей. Будет проанализировано, как китайские элементы добавляют экзотический и мистический аспекты в парки, создают уникальную атмосферу и взаимодействуют с другими элементами парковой композиции.

Исследование элементов китайской культуры в парковых композициях Европы, на примере парка Лошицкого в г. Минск, позволит лучше понять влияние китайской культуры на европейскую архитектуру, искусство и дизайн парков. Результаты исследования могут пролить свет на культурные связи между Китаем и Европой, а также на значение и применение китайских элементов в парковых композициях [Чернецкая 2020, с. 50].

Лошицкий парк – это один из известных исторических парков в городе Минск, Беларусь. Он расположен на территории ок. 160 га и был основан в конце XVIII в. Парк имеет богатую историю и был связан с различными владельцами в разные времена. В XIX в. парк был приобретен князем Михаилом Черняховским, который провел реконструкцию и расширение территории. С тех пор Лошицкий парк стал популярным местом для прогулок и отдыха горожан.

В Лошицком парке можно обнаружить несколько китайских элементов культуры, которые добавляют особый колорит и уникальность в парковую композицию. Одним из примеров являются китайские павильоны, которые представляют собой архитектурные сооружения в стиле традиционной китайской архитектуры. Эти павильоны могут служить местами для отдыха и наслаждения красотой парка [Струк 2011, с. 174].

Китайские павильоны в Лошицком парке могут быть украшены красочными китайскими узорами и символами, что придает им аутентичный вид. Кроме того, в парке также могут быть созданы китайские сады с традиционными растениями, камнями и водными элементами, чтобы воссоздать атмосферу классических китайских садов. Декоративные элементы, такие как китайские статуи, лестницы, мосты и перголы, могут также присутствовать в парковой композиции, чтобы подчеркнуть китайскую тематику и создать уникальные уголки и виды в парке.

Присутствие китайских элементов в Лошицком парке оказывает влияние на общую атмосферу и восприятие парка посетителями. Эти элементы создают экзотическую и мистическую атмосферу, которая может вызывать

интерес и любопытство у посетителей. Китайская архитектура, садовые композиции и декоративные элементы создают уникальные виды и сцены, которые могут вдохновлять и умиротворять людей.

Элементы китайской культуры, присутствующие в Лошицком парке в Минске, являются важным аспектом его архитектурной и культурной ценности. Они добавляют особый шарм и привлекательность парковой композиции, создавая уникальную атмосферу и предоставляя посетителям возможность погрузиться в атмосферу традиционной китайской культуры. Это исследование позволяет лучше понять влияние китайской культуры на парковое искусство в Беларуси и продолжает историческую и культурную связь между различными культурами через парковые пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арапова Т.Б. Китайские расписные эмали. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1988.

Баженова О.Д. Шинуазри в замках Радзивиллов XVIII века. Роскошь в восточном стиле. Мн., 2020. (芭热诺娃*奥利加*迪米特利耶夫纳. 18世纪拉齐维乌家族城堡内的中国风*东方风格的奢华 – 佛鲁姆出版社 2020年).

Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. Т. 10. Ф – Я. СПб., 2010.

Лю Цзин. Стилистика шинуазри в европейском садово-парковом искусстве // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт. Витебск, 2021. С. 108–110.

Маркина Л.Г. Китайский чайный домик в парке сансуси // Культура Германии: лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Н.В. Муравлёвой. М., 2006.

Струк М.И., Живнач С.Г. Экологическое состояние ландшафтов пригородной территории Минска // Природопользование. 2011. Вып. 19. С. 174–182.

Чернецкая А.Г. Состояние дендрофлоры Лошицкого усадебно-паркового комплекса г. Минска // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. 2020. № 1 (55). С. 50–56.

Ян Цзе. Понимание и обсуждение европейской архитектурной культуры // Журнал колледжа Чифэн – Естественнонаучное издание. 2018 г. № 34. С. 67–71 (杨杰 《对欧洲建筑文化的认识与探讨》 赤峰学院学报–自然科学版/ 2018年第34期–第67–71页).

Liu Jing

Minsk (Belarus)

Belarusian State University of Culture and Arts

ELEMENTS OF CHINESE CULTURE
IN PARK COMPOSITIONS IN BELARUS
(ON THE EXAMPLE OF LOSHITSKY PARK IN MINSK)

This article explores the elements of Chinese culture present in park compositions in Belarus, using Loshitsky Park in Minsk as an example. The article also describes the elements of Chinese culture found in parks in Belarus, France, Germany and other European countries. The aim of the study is to identify and analyse the influence of Chinese elements on the aesthetics and atmosphere of park compositions in Belarus, as well as to understand their role in creating the uniqueness and attractiveness of these parks.

Keywords: elements of Chinese culture, park compositions, Loshitsa Park, Belarus, cultural exchange, aesthetics.

B.E. Рыбаков

г. Витебск (Беларусь)

Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАМКОВ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ УКРЕПЛЕНИЙ ГОРОДОКСКОГО РАЙОНА

Замок – это сооружение, основным и первоначальным предназначением которого является выполнение оборонительно-фортификационных функций. Замки возникали как жилище феодала, оборонительные пункты на границе, административные центры городов, и при всем этом они имеют общие черты – это наличие стен, оборонительно-фортификационного комплекса и, в большинстве случаев, удобный для обороны рельеф. На территории современного Городокского района на сегодняшний день известно только два замка, которые возникли и существовали во времена Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и Речи Посполитой. Это Езерищанский замок и городокские укрепления. Про эти объекты известно крайне мало, углубленных исследований практически не проводилось. Наиболее известным является Езерищанский замок, который чаще встречается в письменных источниках и более исследованный археологами, нежели городокские укрепления. Целью данного исследования является обобщение известных данных об интересующих объектах, выявление их историко-культурной значимости и ряда открытых вопросов для дальнейшего изучения замков. Обобщенные в статье данные можно использовать в сферах образования и туризма.

Ключевые слова: замок, зодчество, археология, Езерищанский замок, городокские укрепления.

На территории современного Городокского района, Витебской области, Республики Беларусь, известно два замка, которые возникли и существовали в период с XIV по XVIII вв., это Езерищанский замок и городокские укрепления.

Наиболее известным и исследованным археологами замком района является Езерищанский. Он располагался на полуострове озера Езерища в 3 км на восток от современного населенного пункта Езерище. Сегодня

от замка сохранились только остатки земляного вала. Объект упоминается в летописях и хрониках, опубликованных в труде А.П. Сапунова «Витебская старина».

Езерищанский замок неоднократно исследовался археологами. В 1950 г. проведены внешние исследования остатков замка Л.В. Алексеевым. В 1971 г. Г.В. Штыховым был сделан план замчища, а также проведена шурфовка (2 x 2 м). Раскопки замчища проводились в 1979 г. О.Н. Левко. Во время раскопок была совершена прорезка вала и южной башни. Форма замковой площадки была четырехугольная 100 x 120 м. Замок располагался на очень удобном для обороны рельфе – полуострове, который почти со всех сторон окружен озером. Строительный материал замка – дерево. До наших дней сохранились хорошо выраженные участки, на которых располагались три башни. Результаты археологических исследований О.Н. Левко показали, что укрепление появилось здесь примерно в XIV в. Об этом свидетельствуют остатки керамики, четырехугольная планировка крепости, элементы фортификации, характерные для XIV–XVI вв. [Археологія Беларусі 2009, с. 331]. Также существует упоминание населенного пункта Езерище в «Укладной грамоте княгини Ульяны» 1377 г., что подтверждает возможность существования замка в этот период на данной территории.

Причиной возникновения Езерищанского замка в XIV в. можно назвать вхождение Витебского княжества в состав ВКЛ в 1320 г., и необходимость укрепления границ с Московским государством. Именно с целью обороны границы и возник Езерищанский замок. Позже населенный пункт Езерище (а вместе с ним и замок) упоминается в документах «Грамата караля Жыгімента падняпроўскім і задзвінскім валасцям аб змене парадку ўнясення пабораў у казну» 1551 г., «Скарга жыхароў Усвяцкай і Езярышчанской валасцей» 1530 г., «Устава валасцям» 1535 г. Непосредственно сам замок упоминается в сведениях из летописей о временах царя Ивана Грозного, хроник Матея Стриковского и Александра Гваньини, «Записках об Московской войне» Ганденштайна. Большая часть упомянутых источников размещена в четвертом томе «Витебской истории» А.П. Сапунова. В них мы можем увидеть некоторые особенности осады Езерищанского замка российским войском, под предводительством воеводы князя Юрия Токмакова в 1564 г. во время Ливонской войны. Из-за удобного для замка рельфа московское войско испытывало трудности. Осада продолжалась четыре дня, после чего из Витебска прибыло подкрепление. Московское войско было разбито, замок освобожден от осады, но позже, после повторной тяжелой осады, он оказался захвачен. Освобожден Езерищанский замок только в 1579 г. Стефаном Баторием. В результате штурма строение было разрушено, однако потом вновь возведено.

В нач. XVII в. замок уничтожен пожаром, после чего по приказу короля Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы в 1616 г. восстановлен езерищанским старостой Криштофом Михаилом. Возобновленный Езерищанский замок просуществовал недолго и пришел в запустение из-за ряда войн. В 1654 г. захвачен русскими войсками под предводительством воеводы Стрешнева и разрушен на этот раз навсегда. Из-за появления и развития артиллерии, а также новых методик ведения боя, в возобновлении былого деревянного замка не было необходимости. Центр округи из Езерища оказался перенесен в Городок.

Другими, менее известными и почти не исследованными строениями, являются ряд укреплений в современном городе Городок. Сведений о них крайне мало, из-за чего на многие вопросы нет ответа. На территории современного г. Городка известно два укрепления на правом и левом берегах реки Горожанка. Известно, что на правом берегу реки существовало земляное укрепление, а на левом, возможно, каменное.

Археологические исследования укреплений проводили М.Н. Ткачёв и О.Н. Левко. Также, сведения об этих укреплениях есть в работе Б.Р. Брежго «Замки Витебщины» [Брежго 1933, с. 37]. Также, и в исследованиях А.М. Сементовского. Б.Р. Брежго считает, что укрепления на правом берегу р. Горожанки имели четырехугольную форму, М.Н. Ткачёв же считает, что это был бастионный замок, который имел пятиугольную форму. Время его появления до сих пор неизвестно. На левом же берегу реки, на возвышении, что называется Взгорье, вероятно, существовал каменный замок, который, по мнению О.Н. Левко, появился в конце XVI в. После запустения Езерищанского замка и переноса центра округи в Городок, именно от этого каменного укрепления происходило формирование улиц будущего города. Сведения об остатках былого каменного строения содержатся в исследованиях А.М. Сементовского. В 1986–1988 гг. О.Н. Левко проводила исследования и шурфовку Взгорья, а в самом 1988 г. – раскопки в центральной его части, в результате которых был найден материал разных периодов [Археология Беларусі 2009, с. 226]. Это свидетельствует о том, что люди на данной территории основали населенный пункт давно, и существование в этом месте укреплений XVI–XVIII вв. вполне возможно. Сведения о городокских укреплениях в письменных источниках практически отсутствуют. После археологических исследований также остался ряд нерешенных вопросов. Это говорит о необходимости дальнейших и более углубленных исследований данных объектов.

Таким образом, стоит выделить, что оба объекта требуют дополнительных археологических исследований. Особенно малоизученными являются укрепления в г. Городке. Однако, несмотря на то, что остается ряд открытых вопросов в исследовании этих объектов, можно с уверенностью сказать, что

замковая культура в Городокском районе все же присутствует и имеет яркую историю (и пример тому, Езерищанский замок). Исследование также показало, что события, связанные с данными укреплениями, имеют влияние не только на историю региона, но и на историю Беларуси и России в целом. Результаты данных и последующих исследований вполне могут использоваться в развитии сферы туризма региона, а также в сфере образования и гражданско-патриотического воспитания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. / гал. рэд. Т.У. Бялова. Т. 1. А–К. Мн., 2009.

Брэжэго Б. Замкі Віцебшчыны. Вільня, 1933.

*V.E. Rybakov
Vitebsk (Belarus)
Vitebsk State University
named after P.M. Masherov*

HISTORICAL AND CULTURAL POTENTIAL OF CASTLES AND DEFENSIVE FORTIFICATION OF GORODOK DISTRICT

This article discusses castles and fortifications located in Gorodok district, their archaeology and history.

Keywords: castle, architecture, archeology, Yezerishchansky castle, Gorodok fortifications.

P.M. Ходжамедов
г. Смоленск (Россия)
Смоленский гос. ун-т

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ МЕДИЧИ ПЕРВОГО МЕСЯЦА ПОСЛЕ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ НОЧИ

В статье исследуются внешнеполитические решения королевы-матери Франции Екатерины Медичи в августе-сентябре 1572 г. Анализируя личные письма королевы, а также дипломатические депеши, автор приходит к умозаключению о том, что они были направлены на сохранение статус-кво и невмешательство иностранных держав в дела Франции после Варфоломеевской ночи.

Ключевые слова: гугеноты, Варфоломеевская ночь, религиозные войны, Екатерина Медичи, реформация.

Реформация, активно проходившая в XVI–XVII вв., радикально изменила историческое развитие всего мира. Вместо старого гегемона в виде единой католической церкви, в Европе возникла целая россыпь христианских религиозных течений, которые неустанно боролись между собой и против католицизма. Разумеется, столь значительные перемены в европейском обществе не остались незамеченными аристократической элитой, вставшей перед нелегким выбором: остаться в лоне Рима и бороться за католицизм, либо примкнуть к Реформации и обратиться в одну из протестантских конфессий.

Французская королева Екатерина Медичи, как один из лидеров католической партии при французском дворе, эффективно способствовала тому, чтобы Париж остался католическим. Ее личность интересна в целом и неоднократно изучалась. Среди новейших отечественных исследований можно выделить биографию королевы, написанную В.Д. Балакиным [Балакин 2012]. Апофеозом действий католической партии явилась ночь 24 августа 1572 г., получившая широкое отражение в историографии. Среди наиболее качественных работ, посвященных этому событию, следует назвать книгу французского историка Ф. Эрланже «Резня на ночь Святого Варфоломея», содержащую исследование причин, предпосылок и последствий этого события с разных сторон [Эрланже 2002].

В 2001 г. издательство РГГУ выпустило сборник, посвященный Варфоломеевской ночи. Авторами статей этого альманаха являются как отечественные, так и зарубежные историки-медиевисты. Взгляд О.В. Дмитриевой сконцентрирован на роли, которую сыграла Варфоломеевская ночь в прерывании переговоров о франко-английском альянсе [Дмитриева 2001]. Работа франко-британского историка Р. Кнехта посвящена исследованию феномена Варфоломеевской ночи с привязкой к личности королевы-матери Екатерины Медичи [Кнехт 2001]. Статьи Б. Дифендорфа и Д. Крузе посвящены изучению реакции различных слоев французского общества на случившееся 24 августа 1572 г. [Дифендорф 2001; Крузе 2001]. Французский историк Р. Дессимон отмечает особенный символический характер реформации для французского общества XVI в. [Дессимон 2001].

Вместе с тем, на наш взгляд, до сих пор недостаточно раскрыта тема политических решений, предпринятых королевой-матерью в первые недели после Варфоломеевской ночи. Произошедшее всколыхнуло всю Европу и настроило протестантские государства против Франции, поэтому представляется важным изучить действия Екатерины Медичи, которые позволили сохранить хрупкий мир между протестантами и католиками. Новизну исследования определяет привлечение новых источников (письма Екатерины Медичи и короля Карла IX) для изучения обозначенной проблемы.

В первую очередь обратим внимание на письма королевы к папе римскому. Григорий XIII стал папой римским незадолго до упомянутых нами событий – 13 мая 1572 г. В письме, датированном 3 июля 1572 г., королева-мать приветствует избрание нового понтифика, говоря, что и она, и ее сын король Карл IX «ощутили покой и довольство, какие овладели всеми христианами запада» [Lettres de Catherine de Médicis... 1880, p. 106]. Далее Екатерина Медичи уверяет папу римского в том, что слухи о готовящейся войне Франции против Испании не имеют никакого отношения к реальности. Это подтверждает желание Екатерины сблизить французскую и испанскую монархии, которому противостояло стремление адмирала де Колиньи начать с ней войну [Кнехт 2001, с. 24].

В рождении этих слухов она винит некую партию в Риме: «...Епископ [Сальвиати] сказал нам, что есть те, кто хочет заставить Ваше Святейшество поверить, что король, мой сын, имеет волю начать и вести войну с королем Испании, что он [епископ] замечает людей, которым это нравится; но как я уже сказала ему, зная о желаниях короля, я могу уверить, что он никогда не сделает этого, если ему не будет противопоставлена сила, и если не будет завершено внутреннее обустройство его королевства» [Lettres de Catherine de Médicis... 1880, p. 106–107]. Вероятно, таким образом она пыталась скрыть от папы влияние вождей гугенотов на политические решения Франции,

обличая вполне реальные стремления конкретных людей в заговор некого безликого политического союза.

Большой интерес для нас представляет письмо от 19 августа 1572 г., в котором королева-мать сообщает папе о прошедшей накануне свадьбе. Желая как бы оправдать в глазах понтифика свадьбу своей дочери с протестантом, она пишет письмо в форме прошения о благословении. Она говорит: «...Если Вашему Святейшеству будет угодно собрать воедино все причины этого брака, соображения о нем и состояние этого королевства, то оно сочтет этот брак необходимым для спасения королевства и покоя, зная, оно будет больше опираться на наш здравый смысл и будет более почтительным к нашей нужде, и к трудностям, вызванным некоторой уловкой, чтобы предотвратить последствия нашей доброй воли» [Ibid, p. 111]. Здесь мы встречаем упоминания неких «последствий доброй воли». Вероятно, речь идет о готовящемся устраниении лидеров протестантской партии.

Отдельно остановимся на судьбе адмирала Колиньи. По-прежнему открытым остается вопрос об участии королевы-матери Екатерины в устраниении одного из видных гугенотов и собственного политического противника [Кнхет 2001, с. 26]. Не совсем ясно и то, действительно ли она приказала отправить голову адмирала папе Григорию XIII, хотя сам факт отправки неоспорим и подтверждается письмом управлявшего в то время Лионом Франсуа де Манделота к королю Карлу IX [Correspondance du roi Charles IX... 1830, p. 57]. Следующее письмо папе Екатерина Медичи написала папе 3 сентября 1572 г., но для нашего исследования оно не представляет интереса, поскольку содержит лишь пространную просьбу назначить Клода Субле аббатом монастыря Сен-Бенуа-сюр-Луар [Lettres de Catherine de Médicis... 1880, p. 116].

Что касается Испании, то писем в Мадрид сразу после событий Варфоломеевской ночи королева-мать не писала.

Далее рассмотрим политические решения относительно Англии. В 1572 г. с этой страной отношения были особенно запутанными: с одной стороны, английская корона поддерживала гугенотов, фактически расшатывая ситуацию внутри Франции, но, с другой, шли переговоры относительно брака Елизаветы I с французским принцем и заключения военного союза [Дмитриева 2001, с. 49–50]. Во многом это объясняется потребностью обеих держав в сдерживании Испании.

События 24 августа 1572 г. изменили благоприятное течение переговоров. Французский посол был даже помещен под домашний арест и испытал на себе презрение английского двора [Там же, с. 52–53]. В письме от 8 сентября 1572 г. Екатерина Медичи предписывает послу Франции в Англии Фенелону Ла Моту сделать Елизавете I следующее предложение: «...Мы с радостью дадим свидание, если она его желает, как и я, чтобы

иметь возможность увидеть ее, как этого хотели всегда я и мой сын герцог Алансонский, желавший этого даже больше, чем она или я, настолько он ее слуга» [Lettres de Catherine de Médicis... 1880, p. 117].

Екатерина предлагает личную встречу на море. По ее предложению Елизавета I должна была прибыть в Дувр, а она с герцогом Алансонским в Кале или Булонь и встретиться на воде [Ibid, p. 118]. Опасаясь, что королева Англии назначит в Париж нового посла, королева-мать предписывает своему послу сообщить Елизавете I, что сэр Уолсингем не пострадал, ничего не знал о произошедшем и верно служит своей королеве [Ibid]. Не случайно упоминается и герцог Алансонский – Екатерина понимала, что теперь возможность брака между ним и королевой Англии практически призрачна. Необходимо было «доказать» успешность этой партии.

Оправдывая себя в глазах английского монарха, во втором письме, написанном в тот же день 8 сентября, она сообщает следующее: «...Среди бумаг покойного адмирала [Колинни] найдено длинное письмо, <...> с ним было еще одно письмо, которое он написал Теллинни, <...> котором он рассуждает о разных вещах, увершевает его и, между прочим, хочет убедить его, что злейшими врагами были и всегда будут король Испании и королева Англии, какие бы доказательства они ни приводили» [Ibid].

Развивая мысль, она говорит, что задача посла Франции теперь убедить королеву Англии в том, что Карл IX имеет совершенно иные взгляды на отношения между Парижем и Лондоном: «Вы должны быть достаточно любезны, чтобы сообщить ей то, что выше, кроме того уместным будет заставить упомянутую королеву Англии понять то, что мы всегда делали противоположное по отношению к ней, нежели упомянутый адмирал; ибо мы полны решимости продолжать, пока это будет возможным для нас, вечную, истинную и совершенную дружбу между ней и нами» [Ibid, p. 118–119].

Подложность этих «доказательств» можно подтвердить этим же письмом. Собственной рукой Екатерина Медичи пишет ниже: «Кроме того, просим Вас написать нам, на каком моменте английская королева поверила в то, что ей было рассказано о заговоре упомянутого адмирала и его сторонников, поскольку необходимо, чтобы Вы всегда понимали ее хорошо, чтобы мы могли оставаться с ней в добром мире» [Ibid, p. 119]. Однако, как известно, Елизавета I не поверила в существование заговора, и задала вопрос, что, если даже допустить такую возможность, почему погибли тысячи невинных людей, а не только заговорщики [Дмитриева 2001, с. 53].

В связи с этим 13 сентября того же года Екатерина написала многостраничное письмо послу де Ла Моту, в котором подробно изложила суть. Письмо представляет собой пересказ случившейся накануне беседы с послом Англии Уолсингемом и начинается с укора английской королеве. Королева-матерь Франции пишет, что она и ее сыновья по-прежнему твердо стоят на

позициях сохранения дружественных отношений с Англией, напоминает о заключенном в апреле договоре и сетует на то, что королева не замечает великой любви к ней [Lettres de Catherine de Médicis... 1880, p. 122–123]. Далее она говорит, что в заговоре участвовали не только военные деятели, но и множество простых гугенотов, которые даже «провозгласили в стране второго короля и готовили много злодеяний» [Ibid, p. 124–125]. Кроме того, она сообщает о том, что ее сын Карл IX намерен следовать уже принятым указам о веротерпимости.

Завершается письмо предписаниями относительно будущих действий. Королева-мать сообщает своему послу, что необходимо просить королеву Елизавету о выдаче нашедшего убежище в Англии графа Монтгомери [Ibid, p. 126–127]. Она говорит, что взволнована его пребыванием в Ла-Рошели, и настаивает на том, чтобы посол ее «очень четко проинформировал» о том, как проходил его визит, какие цели он преследовал, когда отбыл обратно в Англию. Кроме того, она упоминает о том, что удовлетворена его желанием больше не возвращаться во Францию.

Выделим также решения относительно итальянских государств. Письмо от 31 августа 1572 г. не содержит каких-либо отсылок к Варфоломеевской ночи – Екатерина стремится продвинуть на высокую должность удобную ей фигуру некоего Жюля Сентуриона [Ibid, p. 115–116]. Гораздо больший интерес представляют собой два письма к великому герцогу Тосканы Козимо I и его сыну Фердинанду от 15 сентября.

В первом королева-мать Франции восторженно отзыается о предшествовавшем письме своего кузена от 1 сентября. Она пишет: «Мой кузен, я всегда знала, что Вы так преданы служению Богу, и в особенности к благу этого [французского] венца, что я всегда уверяла себя в том, что Вы испытываете исключительное удовольствие, услышав о счастливом успехе казни адмирала и его сторонников, о чем достаточно свидетельствуют Ваши письма от первого числа этого месяца; король, господин мой сын, был очень удовлетворен, поблагодарив за похвалу и утешение добрых и добродетельных людей в таком святом и похвальном деянии» [Ibid, p. 128].

Письмо к сыну великого герцога схоже по содержанию. Королева благодарит за «поздравление с успехом казни адмирала и сторонников» и говорит: «Кроме того, можете быть уверены, что та же самая дружба и благосклонность, которые король, мой упомянутый господин и сын, всегда оказывал ему [великому герцогу], касаются и Вас, что может быть использовано для Вашего блага и удовлетворения, благодаря связи, которую природа установила между нами, Пожалуйста, поверьте, я никогда не забуду ни одного письма» [Ibid].

Это отличается о того, что было велено ей же сообщить Елизавете I. Если в письмах к английской королеве произошедшее выставляется как вы-

нужденная мера по раскрытию некоего заговора, то в этих строках читается откровенное ликование относительно гибели адмирала де Колиньи.

Наконец, обратим внимание на германскую политику королевы. Отправленного в княжества Священной Римской империи Гаспара де Шомберга Екатерина Медичи в письме 13 сентября благодарит за то, что тот сделал все, чтобы «дать понять князьям, что убийство адмирала было сделано не из-за религии и не ради ее искоренения, а только ради уничтожения заговора» [Ibid, p. 120–122]. Также Екатерина благодарит его за депешу о польском вопросе, поскольку другой ее сын, Генрих, в это время был главным претендентом на трон, и ей было попросту необходимо четко понимать особенности происходящего в Варшаве.

Анализируя приведенные письма, мы можем сделать следующие выводы. В первый месяц все принятые Екатериной Медичи внешнеполитические решения были направлены на сохранение статус-кво. Она стремилась не к изменению политической обстановки в Европе, а наоборот к ее сохранению в том виде, каком она существовала до событий Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г. Наибольшие опасения вызывал ход переговоров с Англией, а потому всеми силами королева-мать старалась убедить Елизавету Тюдор в необходимости продолжения переговоров. В конечном итоге ей это удалось [Кнехт 2001, с. 28].

В заключение скажем, что в целом ее политика в это время направлена в том числе, и на то, чтобы не допустить вмешательства иностранных держав в дела Франции. На это указывают и беспокойство относительно визита беглого графа Монтгомери в Ла-Рошель, и попытки умиротворения Англии, и попытки отведения Австрии от мысли о религиозном характере причин Варфоломеевской ночи. В результате можно сказать, что Екатерина Медичи сыграла во всем этом двойственную роль: с одной стороны, все случилось с ее одобрения, с другой – она не допустила внешней войны, что позволило Франции выстоять в условиях тяжелого социально-политического кризиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Correspondance du roi Charles IX et du sieur de Mandelot, gouverneur de Lyon, pendant l'année 1572, époque du massacre de la Saint-Barthélemy: Lettre des seize au roi d'Espagne Philippe II, année 1591. P., 1830. URL: <https://books.google.ru/books?id=dGxAAAAAcAAJ>

Lettres de Catherine de Médicis, publiées par m. le comte Hector de La Ferrière // Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Vol. 4. P., 1880. URL: <https://archive.org/details/lettresdecather01mdggoog>

Балакин В.Д. Екатерина Медичи. М., 2012.

Десимон Р. Варфоломеевская ночь и парижская «ритуальная революция» // Варфоломеевская ночь: событие и споры. М., 2001. С. 138–190.

Лифендорф Б. Варфоломеевская ночь и парижская буржуазия // Варфоломеевская ночь: событие и споры. М., 2001. С. 86–101.

Дмитриева О.В. Варфоломеевская ночь и перспективы англо-французского союза // Варфоломеевская ночь: событие и споры. М., 2001. С. 49–71.

Кнехт Р. Екатерина Медичи: святая или грешница? // Варфоломеевская ночь: событие и споры. М., 2001. С. 19–30.

Крузе Д. Монархическая власть и таинство смысла: сообщение о Варфоломеевской резне // Варфоломеевская ночь: событие и споры. М., 2001. С. 102–137.

Эрланже Ф. Резня на ночь Святого Варфоломея / под ред. В.В. Шишкина. СПб., 2002.

R.M. Khodzhamedov

Smolensk (Russia)

Smolensk State University

DIPLOMATIC DECISIONS OF CATHERINE DE MEDICI
IN THE FIRST MONTH AFTER THE ST. BARTHOLOMEW'S DAY
MASSACRE

The article examines the foreign actions of the Queen Mother of France Catherine de Medici from August to September of 1572. Analyzing the Queen's personal letters the author comes to the conclusion that they were aimed at maintaining the status quo and non-interference of foreign powers in the affairs of France after the St. Bartholomew's Night.

Keywords: Huguenots, St. Bartholomew's Night, religious wars, Catherine de Medici, reformation.

И.А. Калугин
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

**Н.Н. ЛАТЫШЕВ: ВНЕДРЕНИЕ ФОРМУЛЫ
«НАИМЕНЬШЕЕ ЗЛО» В ВОПРОС ПРИСОЕДИНЕНИЯ
УДМУРТОВ К РОССИИ^{*1}**

Во 2-й пол. 30-х гг. XX в. в отечественной исторической науке происходят перемены. На смену концепции «абсолютного зла», ранее применявшейся к проблеме вхождения народов в состав России, приходит концепция «наименьшего зла». В статье рассматривается внедрение этой концепции в вопрос присоединения удмуртского народа к России, что связано с научной деятельностью Николая Николаевича Латышева. Автор анализирует, что повлияло на смену концептуальной схемы оценки прошлого. Также в ходе исследования было обращено внимание на то, в чем Н.Н. Латышев видит причины присоединения удмуртов, как характеризует тип присоединительного процесса, какие выделяет последствия в жизни удмуртского народа от вхождения в состав России.

Ключевые слова: Н.Н. Латышев, удмурты, советская историография, региональная историография, присоединение удмуртов к России, концепция «наименьшего зла».

В 1489 г. войсками Ивана III была захвачена Вятская земля, часть населения которой составляли северные удмурты. Именно с этим событием традиционно связывается вхождение северных удмуртов в состав России. Ближайшие потомки Ивана III, не уступая своему отцу и деду в деле строительства царства, также вели активную политику по укрупнению владений. В 1552 г. помимо Казани Иваном IV был захвачен и Арск – один из крупнейших «черемисских» городов ханства. Однако удмурты, марийцы и чуваши не сложили оружие перед царскими войсками, что привело к продолжению обоюдного кровопролития до 1557 г. Данный процесс в отечественной исто-

^{*1} Исследование выполнено при финансовой поддержке Конкурса научно-исследовательских работ (грантов) молодых ученых, магистрантов и аспирантов УдГУ «Научный потенциал – Новая волна».

риографии именуется Первой черемисской войной. Итогом этой войны для южных удмуртов, как и других народов Среднего Поволжья, стало их присоединение к Русскому царству. Таким образом, в сер. XVI в. весь удмуртский народ оказался в составе России.

На протяжении XX в. в отечественной науке неоднократно менялись оценки становления многонационального Российского государства, что является результатом развития исторической мысли и государственной деятельности по формированию общесоюзной гражданской идентичности. Разумеется, не оставались в стороне и историки, труды которых прямо или косвенно касаются вхождения удмуртов в состав Московского царства. К таким ученым относится Н.Н. Латышев – первый из исследователей Удмуртии, применивший к региональной истории концепцию «наименьшего зла». Таким образом, целью работы является анализ внедрения концепции «наименьшего зла» в вопрос присоединения удмуртов к Русскому государству.

Ввиду своей специфики тема взаимоотношений России и народов, которые в ходе исторического развития оказывались в ее составе, не могла и не может остаться на периферии исторической науки. Качественную разработку региональной историографии произвел коллектив сотрудников Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР (сейчас Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН). В 1977 г. вышел сборник под редакцией В.Г. Гусева «Историография истории Удмуртии», в котором А.Н. Вахрушев, М.А. Садаков, В.Г. Гусев, А.И. Суханов провели подробный историографический анализ, захватывающий многие аспекты истории Удмуртии с древнейших времен до 1970-х гг. XX в. [Историография истории Удмуртии 1977].

В дальнейшем историографией вопроса присоединения Удмуртии к России занималась М.В. Гришкина [Гришкина 2001, с. 80–94]. Ее же перу принадлежит историографический анализ проблемы во введении, составленном совместно с Н.П. Лигенко, к коллективной монографии «История Удмуртии: конец XV – начало XX вв.» [История Удмуртии… 2004, с. 5–16]. Однако исследованию позиции Н.Н. Латышева по изучаемой теме не уделялось должного внимания.

С 1920-х по сер. 1930-х гг. в исторической науке относительно рассматриваемой проблемы доминировала концепция «абсолютного зла», выработанная в «школе Покровского». «Непримиримый к дореволюционным историкам, он совершенно отрицал положительный характер присоединения народов Поволжья к России» [Котляров 2017, с. 37]. «Школа М.Н. Покровского» сформировала «нигилистическую» концепцию истории России,

согласно которой Россия являлась “тюрьмой народов”, со всеми вытекающими последствиями в оценке процесса формирования многонационального государства и его исторического значения» [Пузанов и др. 2006, с. 125]. В теоретических рамках этой же «школы» исследователями из Удмуртии, П.В. Кильдебековым и Ф.П. Макаровым, было проанализировано завоевание Удмуртии Российской государством [Калугин 2003, с 151–157].

Однако во 2-й пол. 1930-х гг. в изучении проблемы присоединения народов произошли перемены. И.В. Сталин стремился создать новую «империю», и для ее внутренней стабильности возникла необходимость в конструировании новой, «имперской» общесоюзной гражданской идентичности, которую невозможно было сформировать на базе тотальной критики истории становления Российской империи, на базе исключительно негативного отношения к предшественникам, которые представлялись лишь угнетателями и крепостниками. Более того, после прихода А. Гитлера к власти в Германии вероятность большой войны многократно возросла. «Естественно, что к войне надо было готовиться не только “материально”, но и идеологически. Прежде всего, следовало возводить преемственность в патриотическом воспитании, для чего обратиться к славному прошлому народов нашей страны и, прежде всего, к прошлому “великого русского народа”» [Пузанов и др. 2006, с. 125–126]. В связи с этим в исторической науке «догмы марксизма-ленинизма стали обогащаться элементами русского патриотизма» [Свечников 2014, с. 26]. Историческое образование оказывалось под все большим вниманием и влиянием центральной власти. Спустя некоторое время «в ходе целенаправленных политических акций ... произошла “сталинизация” советской историографии» [Артизов]. Исследователей, которые не успели перестроиться, ждала незавидная участь.

Этот новый этап в изучении проблемы начался с постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», которое «повысило общественный интерес к отечественной истории» [Котляров 2017, с. 44], возводило преподавание истории в учебных заведениях и, следовательно, деятельность по созданию учебников.

В июне того же года вышло постановление Областного комитета ВКП(б) «О положении на фронте исторической науки в Удмуртии», в котором была раскритикована научная деятельность «ряда историков УДНИИ и УГПИ» [Пузанов и др. 2006, с. 126], в трудах которых не была отражена «великая роль русского пролетариата и его партии в лице рабочего класса Удмуртии и его парторганизации в руководстве национально-революционной борьбой удмуртского народа и его борьбой за советскую власть» [Латышев 1937а, с. 11–12]. Хочется отметить, что среди порицаемых исследователей оказались также Ф.П. Макаров и П.В. Кильдебеков, труд которых «История клас-

совой борьбы в Удмуртии: доклассовое общество, феодализм, колонизация Удмуртии. Феодально-крепостнические отношения в XVI–XVIII вв. и крестьянские войны» [Кильдебеков, Макаров 1933], о чём говорилось выше, содержал резко отрицательную оценку вхождения удмуртов в состав России. Разумеется, распространение подобной оценки прошлого через учебные заведения препятствовало формированию у жителей Удмуртии общесоюзной гражданской идентичности. Однако исследование, которое по-новому бы взглянуло на изучаемую проблему, которое заменило бы собой раскритикованый труд, тогда еще не было создано.

Спустя 3 года, 22 августа 1937 г., было опубликовано Постановление жюри Правительственной Комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР, в котором содержался размытый, декларативный, но все же ориентир для историков, изучавших процесс присоединения Русского государства территориями. Новый взгляд на последствия присоединения того или иного народа был проиллюстрирован на примере Украины и Грузии, переход которых под власть России объявлялся для них «всё же наименьшим злом», по сравнению с перспективой поглощения первой «панской Польшей и султанской Турцией», а второй – «шахской Персией и султанской Турцией» [План преподавания… 1937, с. 7].

В том же 1937 г., 11 сентября, А.В. Шестаков, под редакцией которого и был создан учебник, премированный жюри Правительственной комиссии, в своем докладе, озвученном в Институте истории Академии наук СССР, указал на сложности, связанные с неразработанностью истории отдельных народов СССР. В связи с этим он призвал историков страны «написать хотя бы небольшие, хотя бы очень краткие (может быть, только по определенным разделам) очерки по истории отдельных народов СССР» [Шестаков 1937, с. 96].

Призыв профессора был услышан. В 1937 г. на страницах седьмого выпуска сборника «Записки УдНИИСК» удалено внимание истории присоединения удмуртского народа к Московскому царству. В статье «К постановке вопросов истории Удмуртии в свете основных проблем истории СССР» Н.Н. Латышев утверждает, что разгром Казанского ханства 1552 г., произошедший в результате ответной борьбы Московского великого княжества против татар, освободил народы Волго-Камья, к числу которых относятся и удмурты, «от кроваво-разорительного татарского ига» [Латышев 1937, с. 172]. Исследователь также заявляет о необходимости (но еще не предлагает) иной трактовки покорения Иваном III Вятской земли в 1489 г., с чем связано вхождение северных удмуртов в состав России. Николай Николаевич подчеркивает, что период до присоединения к России для удмуртов был эпохой «кровавой мухи монгольского рабства» [Там же, с. 172], тогда как освобождение от монгольской власти принесло конец «мраку невежественного дикого язычества» [Там же, с. 172]: с христианизацией распространялись

письменность и грамотность, со временем появились удмуртская грамматика и школы. Вместе с тем автор признает факт насилиственного крещения народа.

Однако трактовать присоединение удмуртов к России в качестве акта освобождения было еще слишком рано. Это утверждение опережало свое время. Применение формулы «наименьшего зла» в вопросе формирования многонационального Российского государства все еще предполагало признание зла в факте присоединения народов, но наименьшего по сравнению с перспективой их дальнейшего существования вне российской юрисдикции.

Разумеется, Н.Н. Латышев не в одночасье стал приверженцем новой концепции, его теоретические воззрения, развиваясь, прошли определенный путь. Кроме уже упомянутой статьи можно отметить, что в 1939 г. была опубликована его монография «Удмурты накануне реформ. Первая половина и 60-е гг. XIX в. (Возникновение товарно-капиталистических отношений и процессы расслоения среди удмуртского крестьянства)» под редакцией А.В. Шестакова, в которой Николай Николаевич по-прежнему оценивает вхождение Удмуртии в состав России с точки зрения «абсолютного зла» [Латышев 1939, с. 44–48]. Публикацию, в которой применена уже нежелательная для исследователей формула, можно объяснить тем, что с 1933 по 1936 гг. (еще до Постановления жюри Правительственной Комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР от 22 августа 1937 г.) Николай Николаевич обучался в аспирантуре Научно-исследовательского института национальностей ЦИК СССР в Москве, где им была написана выпускная работа «Удмурты накануне реформы 1861 г.» [Субботина 2022, с. 48], послужившая основой для будущей монографии [Субботина 2022а, с. 128–129].

В 1940 г. в свет выходит сборник, посвященный 20-летию Удмуртской Автономии, в котором Н.Н. Латышев уже корректирует свое видение проблемы. [Латышев 1940, с. 22–47]. В статье «Из исторического прошлого Удмуртии» им проанализировано вхождение удмуртского народа в состав России, которое Николай Николаевич делит на два этапа: присоединение северных в 1489 г., а затем и южных удмуртов в 1552 г.

Рассмотрению процесса присоединения предшествует описание установления иноземного владычества над удмуртами, их сопротивления и стремления вырваться из-под гнета. Так, по словам исследователя, в Казанском ханстве «народные массы – “черные люди” – из татар и зависимых племён терпели жестокую крепостническую эксплуатацию со стороны татарских феодалов» [Там же, с. 24], среди которых были представители родоплеменной «полуфеодальной» удмуртской, чувашской и мордовской знати. «Тяжелый феодальный гнёт ... вызывал взрывы возмущения», люди устраивали восстания против угнетателей [Там же, с. 25].

Северные удмурты также находились в постоянном противостоянии с «лучше вооруженным и организованным противником», вели отчаянную борьбу с захватчиками – выходцами из Великого Новгорода, Северо-Двинской земли, Ростово-Сузdalского княжества [Там же, с. 24]. В анализе истории Вятской земли исследователь опирается на «Повесть о стране Вятской», хоть и с некоторыми оговорками в вопросе о времени появления первых русских людей на р. Вятке: «по одним источникам в XII веке, по другим – в XIV» [Там же, с. 24]. Н.Н. Латышев утверждает, что с самого начала и по XV в. («особенно в XV веке») между удмуртами и мари с одной стороны и русскими с другой происходили вооруженные столкновения, вызванные стремлением автохтонов «выжить новых насильников с освоенными предками земель» [Там же, с. 25]. Сверх этого, по мнению историка, в 90-х гг. XIV в. в районе р. Чепцы закрепились татарские феодалы, что привело к установлению феодального гнета над северной частью удмуртов.

Несмотря на то, что в статье «Из исторического прошлого Удмуртии» Николай Николаевич совершенно обходит стороной описание военных действий, имевших место в ходе присоединения удмуртов, исследователь признает насильственное включение территорий и народов Вятской земли и Казанского ханства в состав России, о чем говорит используемая автором терминология: «...в завоеванном krae...», «...с покоренных народов», «после покорения поволжских народов...», «с завоеванием огромной территории Поволжья...» и др. [Латышев 1940, с. 25]. К тому же, присоединение Вятской земли, а следовательно и северных удмуртов к Великому княжеству Московскому Николай Николаевич именует покорением. Среднее Поволжье, населенное в числе прочих южными удмуртами, оказалось в составе России, по словам историка, в результате взятия Казани и разгрома Казанского ханства в 1552 г. Все это соответствует военному типу присоединительного процесса [Агаджанов 1995, с. 10–11].

Если причиной покорения Вятской земли Великим княжеством Московским в конце XV в. историк считает ликвидацию «феодальной раздробленности русской земли» [Латышев 1940, с. 25], то причинами захвата Казанского ханства Николай Николаевич называет стремление Москвы, во-первых, овладеть Волжским и Камским путями, первый из которых вел в страны Востока, а второй – на Урал и в Сибирь, а во-вторых, завершить процесс «создания русского централизованного феодального государства» [Там же, с. 25].

Стоит отметить, что в своей статье 1940 г. Н.Н. Латышев не выделяет положительных итогов присоединения удмуртов к России. Вятская земля, по его словам, «стала управляемся воеводами-кормленщиками, действовавшими в течение столетия методами произвола и насилия над подвластным населением» [Там же, с. 25]. А после захвата Казанского ханства «русские

военные и церковные правящие феодальные круги устремились на плодородные земли, на богатые охотничьи и рыболовные угодья» [Там же, с. 25]. С покоренных народов начался сбор дани, а во избежание восстаний стали применяться запретительные меры по отношению к местному кузнечному делу и продаже железных изделий, которые в случае необходимости могли использоваться в качестве оружия. Исследователь также отмечает, что введение крепостного права, насилие и поборы царской администрации, колониальная эксплуатация и национальное притеснение усугублялись угнетением удмуртских крестьян со стороны их «национальной зажиточно-влиятельной верхушки» [Там же, с. 29]. Однако, несмотря на негативные итоги, Николай Николаевич считает, что влияние многонационального Российского государства на удмуртов стало «прогрессивным явлением в сравнении с кровавым монгольским рабством» [Там же, с. 25].

Интересно, что, описывая протестные движения, происходившие в Поволжье и на Урале, в которых принимали участие удмурты, исследователь абсолютно игнорирует события Первой Черемисской войны 1552–1557 гг. Вне всякого сомнения, Николай Николаевич знал о ней, чему свидетельствует его монография 1939 г. [Латышев 1939, с. 47], однако в условиях «сталинизации» исторической науки, в условиях, когда государство вело поиск идеологической основы для формирования новой, «имперской» общесоюзной гражданской идентичности, он был вынужден придерживаться нового курса, а потому минимизировал упоминания о кровопролитных столкновениях между удмуртами и русскими периода присоединения Среднего Поволжья к России. Последующие восстания XVII–XVIII вв. Н.Н. Латышев определяет как антифеодальные движения, в которых со стороны удмуртов и других народов Поволжья просматривался и национально-освободительный мотив [Латышев 1940, с. 26–28].

Нельзя обойти вниманием тот факт, что эти утверждения в целом согласуются с положениями, представленными в учебниках по истории СССР для средней и высшей школы, изданных в 1939–1940 гг. [Базилевич и др. 1940 с. 116, 130–132; История СССР... 1939, с. 259–262, 317–322]. В них содержалась единная точка зрения «на проблему вхождения народов Поволжья в состав России [Котляров 2017, с. 44].

К примеру, присоединительный процесс в учебнике по истории СССР для VIII класса средней школы аналогично может быть отнесен к военному типу, учитывая, что вхождение территории и народов Казанского ханства в состав России оценивается как «покорение соседних народов и завоевание их земель...» [Базилевич и др. 1940, с. 130]. А причинами завоевания названы: необходимость обеспечить дворян землей и крепостными, стремление контролировать Волжский путь и пути за Урал, а также устранение опасности татарских набегов на пограничные русские земли [Там же, с. 130].

Итак, было проанализировано внедрение концепции «наименьшего зла» в вопрос присоединения удмуртов к Русскому государству. Стремление И.В. Сталина построить новую «империю» и подготовить ее к противостоянию с внешней угрозой, нацистской Германией, вынуждало начать работу по формированию новой, «имперской» общесоюзной гражданской идентичности и повышению уровня патриотизма в стране, из-за чего государство стало уделять особое внимание исторической науке. Таким образом, в результате воздействия на нее политической конъюнктуры сменилась схема оценки прошлого. Среди исследователей формируется и начинает распространяться концепция «наименьшего зла».

Николай Николаевич Латышев был первым среди исследователей Уdmуртии, кто в 1940 г. применил к региональной истории эту концепцию. Так, вхождение северных удмуртов он связывает с покорением Вятской земли в 1489 г. в процессе централизации государства вокруг Москвы, а южных удмуртов – с взятием Казани и разгромом Казанского ханства 1552 г., что было обусловлено, по мнению исследователя, во-первых, потребностью овладения Волжским и Камским путями, а во-вторых, стремлением Ивана Грозного завершить создание русского централизованного феодального государства. Присоединительный процесс относится к военному типу.

Н.Н. Латышев полностью выводит за рамки исследования Первую чечемскую войну 1552–1557 гг., заметными участниками которой были удмурты. Также он не описывает военные события периода покорения и не выделяет положительные последствия присоединения к России в дореволюционном периоде истории удмуртов, однако заявляет о прогрессивности вхождения народов Среднего и Северо-Восточного Поволжья в Русское государство. Несмотря на декларативный характер этого утверждения, важно отметить: хотя присоединение удмуртов к России по-прежнему и трактуется как «зло», но уже «наименьшее».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агаджанов С.Г. Основные проблемы истории образования и развития многонационального Российского государства // История и историки / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1995. С. 6–15.

Артизов А.Н. Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука, конец 1920-х – 1930-е гг.: дис. ... док. ист. наук. 1998. URL: <https://www.dissertcat.com/content/shkola-m-n-pokrovskogo-i-sovetskaya-istoricheskaya-nauka-konets-1920-kh-1930-e-gg>

Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР: учебник для VIII класса средней школы. Ч. 1 / под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940.

Гришкина М.В. Историография истории Удмуртии конца XV – первой половины XIX в. // Институт: история и современность: К 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук / под общ. ред. К.И. Куликова; отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск, 2001. С. 80–94.

Историография истории Удмуртии / под ред. В.Г. Гусева. Ижевск, 1977.

История СССР: учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В.И. Лебедева. М., 1939.

История Удмуртии: конец XV – начало XX вв. / под ред. К.И. Куликова. Ижевск, 2004. С. 5–16.

Калугин И.А. Вхождение удмуртского народа в состав России в трактовке П.В. Кильдебекова и Ф.П. Макарова // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Десятой Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 6–7 декабря 2022 г.) / сост., отв. ред. Д.В. Пузанов. Ижевск, 2023. С. 151–157.

Кильдебеков П.В., Макаров Ф.П. История классовой борьбы в Удмуртии: до-классовое общество, феодализм, колонизация Удмуртии. Феодально-крепостнические отношения в XVI–XVII вв. и крестьянские войны. Ч. 1. Ижевск, 1933.

Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб, 2017.

Латышев Н.Н. Из исторического прошлого Удмуртии // Советская Удмуртия: сборник посвящен 20-летию Удмуртской Автономии (1920–1940) / отв. ред. И.Ф. Кутявин. Ижевск, 1940. С. 22–47.

Латышев Н.Н. К постановке вопросов истории Удмуртии в свете основных проблем истории СССР // Записки УДНИИСК. Вып. 7 / отв. ред. Н.Н. Латышев. Ижевск, 1937. С. 168–176.

Латышев Н.Н. Состояние и задачи научно-исследовательского института // Записки УДНИИСК. Вып. 7 / отв. ред. Н.Н. Латышев. Ижевск, 1937а. С. 10–19.

Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформ. Первая половина и 60-е годы XIX в (возникновение товарно-капиталистических отношений и процессы рас-слоения среди удмуртского крестьянства). Ижевск, 1939.

План преподавания истории СССР в пятых, шестых и седьмых классах не-полных средних и средних школ / отв. ред. В.Н. Попов. М., 1937.

Пузанов В.В., Верижникова И.В., Кутявин А.Н., Халявин Н.В. Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931–2005 / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск, 2006.

Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань, 2014.

Субботина А.М. Николай Николаевич Латышев (1892–1953) – историк и герой своего времени // Актуальные проблемы региональной истории. Памя-

ти учителей: Мария Михайловна Мартынова (1922–2003), Борис Григорьевич Плющевский (1912–1998), Николай Nikolaевич Латышев (1892–1953), Никифор Павлович Павлов (1922–2008): материалы III Всерос. науч. конф. (Ижевск, 14–15 апреля 2022 г.) / отв. ред. и сост. Л.Н. Бехтерева, В.В. Пузанов, Д.В. Репников. Ижевск, 2022. С. 46–52.

Субботина А.М. Первый советский историк реформ 1860–1870-х гг. на территории Удмуртии // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2022а. № 4. С. 126–136.

Шестаков А.В. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 85–98.

I.A. Kalugin
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

**N.N. LATYSHEV: INTRODUCTION OF THE FORMULA
“THE LEAST EVIL” IN THE QUESTION OF THE ANNEXATION
OF THE UDMURTS TO RUSSIA**

In the second half of the 1930s, changes occurred in Russian historical science. The concept of “absolute evil”, previously applied to the problem of the incorporation of peoples into Russia, was replaced by the concept of “least evil”. The article examines the implementation of this concept in the issue of the Udmurt people joining Russia, which is associated with the scientific work of Nikolai Nikolaevich Latyshev. The author analyzes what influenced the change in the conceptual scheme for assessing the past. Also, during the study, attention was paid to what N.N. Latyshev sees as the reasons for the Udmurts’ joining, how he characterizes the type of the joining process, and what consequences he highlights in the life of the Udmurt people from joining Russia.

Keywords: N.N. Latyshev, Udmurts, Soviet historiography, regional historiography, accession of Udmurts to Russia, concept of “lesser evil”.

A.C. Селькова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

**ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ КОНЦА XV–XVII в. НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА «ИСТОРИЯ СССР»**

В статье проанализированы публикации журнала «История СССР», которые в качестве предмета своего исследования ставили вопросы финансово-налоговой политики Московской Руси периода становления крепостного права. Охарактеризованы оценки советских историков степени информативности и достоверности писцовых и переписных книг как исторических источников. Представлены мнения исследователей о взаимовлиянии внутренней и внешней политики на введение различных налоговых преобразований. Позиции историков представлены в проблемно-хронологическом порядке.

Ключевые слова: аграрная политика, Россия, история крестьянства, журнал «История СССР», налоговая политика, историческая наука СССР.

Советскими историками был накоплен богатый опыт по изучению социально-экономических и политических процессов России в период становления крепостного права. Исследователи на основе принципов историзма, диалектики, экономической обусловленности тех или иных исторических фактов представляли вниманию аудитории свои работы как в формате объемных монографических изданий или коллективных монографий, так и в виде научный статей, публиковавшихся в периодических изданиях СССР.

Важной вехой в развитии советской исторической науки стало издание журнала «История СССР», печатного органа Института истории АН СССР (с 1968 г. Института истории СССР АН СССР). Этот журнал с 1957 по 1992 гг. выходил с периодичностью два раза в месяц и стал широко используемым средством обмена накопленными наработками по изучению различной проблематики, а также выявления и постановки новых вопросов истории СССР. Также, наряду с другими, важной задачей издания журнала служило «разоблачение фальсификаторов истории СССР» [От редакции 1957, с. 5–6].

Вопросам аграрной политики России историки отводили второстепенное значение. Обсуждение правительственной политики по отношению к сельскому населению проводилось в контексте других, более обширных вопросов. Так, аграрная политика становилась частью разработок проблем:

- а) становления крепостного права как формы внеэкономического принуждения;
- б) фискальной политики и земельных описаний правительства;
- в) развития классовой борьбы и феномена крестьянских войн;
- г) изучения истории крестьянства как класса и сословия, изменение его роли и места в историческом процессе.

Это связано с господством экономического детерминизма в советской исторической науке. Изучение ее достижений позволяет взглянуть на переплетение социально-экономического и политического компонентов аграрной политики.

Исследуемый исторический период аграрной политики, конец XV–XVII в. хронологически распадается в исследованиях на два этапа: конец XV–XVI в. – это период развитого феодализма; XVII в. – начало позднего феодализма, особый исторический период [Ленин 1967, с. 153].

Важно отметить, что подготовка и выход в свет фундаментальных изданий по истории сельского населения, крестьянства в частности, сопровождались соответствующими публикациями в «Истории СССР». В этих статьях авторы рассказывали о ключевых, концептуальных проблемах, которые анализируются в академических изданиях.

Например, о запланированной публикации многотомника «История крестьянства СССР: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (1987–1993) сообщали авторы статьи «Некоторые проблемы истории крестьянства СССР дооктябрьского периода» (1979) [Александров и др. 1979, с. 49–70]. Напротив, после выпуска трех томов «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма» (1985–1986) Анатолий Петрович Новосельцев и Елена Николаевна Швейковская опубликовали статью «Крестьянство России в контексте истории крестьянства Европы» [Новосельцев, Швейковская 1987, с. 156–168].

В рамках данной статьи проводится анализ того, как вопросы финансовой политики российского правительства в отношении сельского населения освещались историками на страницах журнала «История СССР». Главным образом рассмотрена проблематика того, как оценивалось описание единиц налогообложения, результаты которого были представлены в писцовых и переписных книгах.

Применяя индуктивный метод в статье «Писцовые книги Бежецкой пятины как исторический источник» (1964), Глеб Владимирович Абрамович отметил следующие характерные черты писцовых описаний. Процедура

проведения описаний выявляет конфликт между государственными интересами и интересами помещиков. Главным инициатором и контролером проведения переписей являлось правительство. Напротив, помещики желали скрыть количество принадлежавших им земель. В XV–XVI вв. мероприятия по составлению переписей проходились нерегулярно (не была установлена периодичность их проведения).

В то же время Г.В. Абрамович усматривал прямую взаимосвязь между проведением переписей и переменами во внутренней политике страны. Перепись служила инструментом для достижения конкретных целей. Свои утверждения автор подкрепляет данными из писцовых книг Бежецкой пятини. «Старое письмо» 1478–1482 гг. составлялось в условиях присоединения Новгорода к Москве и, как следствие, отвечало необходимости описать новый земельный фонд для испомещения на нем московских служилых людей. Эта перепись проводилась спешно, что привело к ее корректировке писцовой книгой 1501 г. Кроме исправления ошибок и уточнения размеров земель эта перепись должна была усреднить размер обжи, основной окладной единицы. Перепись 1536–1545 гг. проводилась для того, чтобы как можно точнее учесть количество обеж и обложить их дополнительной данью. В дополнение к этой переписи была подготовлена писцовая книга 1551 г. Для того, чтобы упорядочить верстание служилых людей правительство Ивана IV подчеркивало, что переписчикам следовало четче учесть размер помещичьего дохода. При разделении земель на опричнину и земщину необходимо было иметь на руках актуальные данные о земельном фонде, что и было отражено писцовой книгой 1564–1566 гг. [Абрамович 1964, с. 73–80].

Проблематике проведения писцовых описаний посвящена также статья Владимира Святославовича Кусова «К вопросу о достоверности писцовых книг. Точность измерений земель при межевании в XVII веке» (1990). В центре внимания автора находится вопрос о картографической точности проводимых земельных описаний. В писцовом наказе 1684 г. мы не встречаем четких требований к проводимым писцами измерениям и расчетам. Тем не менее, правительство обязывало переписчиков «на межах описывать реки, и ручьи, и овраги и всякие угодья подлинно с мерою, сколько сажень меж ними». Проведя оценку сведениям писцовых книг, автор установил, что результаты работы писцов близки к действительным. Т.е. писцы в целом качественно справлялись со своими задачами. Для того чтобы повысить надежность исследований, написанных на основе писцовых данных, В.С. Кусов предлагает увеличить показатели писцовых книг на 10 % [Кусов 1990, с. 123–128].

Помимо писцовых книг инструментом по сбору данных о сельском населении служили и переписные книги XVII в. На страницах «Истории

СССР» дважды был поднят вопрос о том, в какой степени можно доверять переписчикам при использовании данных из подворных описаний.

В статье «К вопросу об итогах подворной переписи 1678–1679 гг. в Российском государстве» (1960) Нина Михайловна Шепукова проанализировала итоговые данные по переписи, составленной В.О. Ключевским и сравнила их с итогами последовавшей за ней первой ревизии в 1718–1727 гг. Автор усомнилась в достоверности данных В.О. Ключевского, поскольку, согласно его выводам, в России за 40 лет наблюдался процесс сокращения количества частновладельческих крестьян. Такой вывод маловероятен в условиях становления абсолютистской монархии, чьей опорой являлось дворянство. При проведении перепроверки результатов, полученных В.О. Ключевским, автор обратилась к архивным данным. На основе анализа перечневой ведомости и восьми ведомостей по петровским губерниям, т.е. базируясь на более поздней информации, Н.М. Шепукова пришла к следующим выводам. В положения дореволюционного историка вкраилась ошибка из-за того, что им не было учтено ясачное население Казани и Нижнего Новгорода. Вместо заявленных 67 % боярам и помещикам принадлежало 49,9 % дворов. Поскольку переписные книги не отражали действительное количество дворов, в наибольшей степени неучтеными оказывались дворы светских феодалов [Шепукова 1960, с. 143–145].

Спустя девять лет Ярослав Евгеньевич Водарский вновь поставил вопрос о том, в какой степени можно доверять итогам переписных книг XVII в. В статье «К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII века» (1969) автор обращал внимание, что непосредственно из самих переписных книг получить полное представление о количестве дворов невозможно. Этому пониманию препятствуют как круг проблем, связанных с сохранностью документов (для изучения доступны книги лишь по некоторым уездам, часть книг имеет дефекты и не имеет итогов); также с качеством переписей (наличие арифметических ошибок и неучтенных дворов). В то же время во вторичных документах, законодательных актах, делопроизводстве приказов, коллегий и Сената обобщенные итоги имеются [Водарский 1969, с. 133–134].

Я.Е. Водарский фактически призывал к применению дифференциированного подхода при использовании данных переписных книг. Исследователь считал, что использование тех или иных источников зависит от масштаба исследуемых территорий. Если исследование базируется на источниках одного уезда или более мелких земель, то тогда стоит работать непосредственно с данными переписных книг. Для исследования истории нескольких уездов подойдут данные из вторичных источников, с их последующей проверкой переписными книгами.

В данной статье Я.Е. Водарский также остановился на процедурных аспектах составления переписных книг. Писцы должны были прово-

дить перепись в соответствии и на основании наказов, собираять «сказки» от представителей дворов и затем перепроверять эти данные с выездом в конкретные дворовладения. Слабым звеном в данной процедуре являлась перепроверка сведений. В Московском уезде, по подсчетам автора, она проводилась в менее 50 % случаев [Там же, с. 136–139].

При переписи учитывалось тяглое население и нетяглое население, которое при этом проживало в крестьянских и бобыльских дворах. Выяснению подлежали также основание, по которому человек был закреплен за тяглом: крепость или старина. Кроме того, указывался не только дворовладелец, но и его возможные приемники: дети, братья, племянники, соседи, захребетники. Общее правило гласило, что учету подлежало население мужского пола. Однако главным при переписи являлась фиксация дворовладельца. Так в переписных книгах можно было встретить вдов и просвирниц, являвшихся дворовладелицами [Там же, с. 137].

Я.Е. Водарский отмечал, что переписные книги должны были стать основанием для закрепления тяглых дворов с населением за землевладельцами и за дворами. Однако подворные переписи отразили ситуацию для 75 % тяглых дворов. Если при подсчетах в отдельных селениях, малых территориях достаточно часто встречались существенные ошибки, то в итоговых подсчетах неточность была чуть больше 10 %. Поэтому итоги переписей следует рассматривать как «реальный минимум населения». Если сводным данным следует доверять, то итоги для малых населенных пунктов требуют обязательной перепроверки [Там же, с. 143].

Помимо разработки вопросов назначения и достоверности писцовых и переписных книг в журнале «История СССР» были опубликованы статьи, касавшиеся более глобальных вопросов: динамики государственных повинностей в отношении крестьянства и финансово-налоговой системы XVI–XVII вв.

Исследуя широкий круг источников, Глеб Владимирович Абрамович в другой статье «Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI – первой четверти XVII века» (1972), обратил внимание на особенности окладной единицы в Новгородской земле. Если основной по стране признавалась большая московская соха в 800 четвертей, то для Новгородской области и Севера она равнялась 300 четвертям. Новгородская земля представляла собой особый налоговый округ из-за того, что к сер. XVI в. на ее территории не стало крупных землевладений, позволявших применять московскую большую соху [Абрамович 1972, с. 68].

Отдельно Г.В. Абрамович останавливается на «податной реформе» 1551 г., когда: а) почти все натуральные повинности были заменены на денежный эквивалент; б) резко были увеличены размеры повинностей; в) введена новая окладная единица – большая соха. Вызвана эта реформа

необходимостью обеспечивать проведение Казанских походов. В 1-ю пол. XVI в. фиксировался низкий размер податей. Это было связано с тем, что большинство податей собиралось в натуральном виде. Также в числе неденежных повинностей автор называет ямскую гоньбу, посоху, городовое дело и ямчугу. Их перевод в денежное выражение привел к возрастанию за полвека податей в 16 раз.

Точечный скачок в размере государственных повинностей в 1570–1580-х гг., когда за 10 лет подати возросли на 78 %, Г.В. Абрамович связывал с унификацией обжи, установленной указом правительства. Если раньше размер обжи варьировался в различных пятинках, то теперь была введена единая норма – 10 четвертей пашни (ранее, в среднем по пятинам норма равнялась 6 четвертей) [Там же, с. 74–76].

Все вышеуказанные мероприятия вместе с увеличением налогового давления приводили к закономерному появлению недоимок во 2-й пол. XVI в. За полвека наблюдалось возрастание крестьянских повинностей на 70 % [Там же, с. 78].

Наиболее высокими для крестьянского двора стали налоги 1560-х гг., когда уже наблюдался рост податей, а цены на хлеб были низкими. Поэтому массовый характер приобрел побег крестьян с земель, а его причину писцы видели в том, что «земля худа и описью дорога». В следующем десятилетии побеги были спровоцированы голодом и мором. Крестьяне искали выход из сложившейся ситуации в увеличении числа дворов на обжу и сокращении тягой запашки. Автор приводит яркий пример того, как в Бежецкой пятине, а именно в дворцовой волости в 1613 г. на одну обжу приходилось почти 44,5 двора (33 крестьянских и 11,5 бобыльских) [Там же, с. 79–80].

Данные негативные явления (недоимки, бегство крестьян, уплотнение обеж) и подтолкнули правительство к реформе податной системы в конце 1620-х гг., когда в основу налогообложения вместо обеж легли живущие четверти. Правительство ставило перед писцами задачу качественного учета дворов и обрабатываемой пашни. Хотя писцам и руководителям приказов было известно фактическое положение дел, различные предписания (наказы и указы) не помогали решить проблемы. В условиях обложения дворов крестьяне укрупняли их, т.к. налог не зависел от количества проживавших в одном дворе людей [Там же, с. 82].

Таким образом, Г.В. Абрамович проследил причинно-следственную связь между правительственные интересами и мероприятиями, с одной стороны, и результативностью получения налогов, ответными мерами сельского населения, с другой стороны.

Вопросу информативности приходных и расходных книг посвящена статья Елены Николаевны Швейковской «Из истории финансово-налого-

вой системы в России XVII века» (1988). На примере финансовой системы Устюжской четверти и доходов, поступавших за счет черносошных крестьян Севера автор анализирует связь писцовых и приходных книг. На основе писцового описания составлялись приходные (доходные) книги. И из содержания приходных книг возможно реконструировать утраченное содержание писцовых книг: сошного оклада, номенклатуры налогов, размеры и видовое разнообразие податей, а также общая сумма налогов.

Подконтрольные Устюжской четверти земли подразделялись на черносошные уезды центрального Поморья и частновладельческие уезды запада и северо-запада Замосковья. По подсчетам Е.Н. Швейковской черносошные земли приносили 80 % всего дохода. А доход Устюжской четверти составлял 3,5–5 % дохода общероссийской казны [Швейковская 1988, с. 57, 60–61].

Хотя в приходных книгах не было нужды фиксировать конкретные детали того, за кем числилась земля, месторасположение и размер земельного участка, важно было фиксировать исправное поступление доходов. Составители книг передали микротопонимику (виловатые березы, сломанные ели, зарубки и др.) земель. Е.Н. Швейковская отмечала, что рост поступавших налогов проводился не только за счет увеличения налоговых ставок, но и за счет вовлечения новых земель в сельскохозяйственный оборот и вызванный этим рост неокладных доходов. Ввиду отсутствия единого бюджета, поступавшие в Устюжскую четверть средства, шли на жалование феодалов различных приказов: Стрелецкого, Казачьего, Иноземного и др. [Там же, с. 61, 65–66]. Так автор проследила непосредственную взаимосвязь между отчислениями черносошных крестьян и обеспечением служилых людей, связь, образно говоря, «тружеников фронта и тыла».

Проанализировав представленные работы по социально-экономической истории, мы можем отметить следующие характеристики советских исторических работ «Истории СССР». Авторы часто применяют индуктивный подход: на основе частного материала историки делали обобщающие выводы. Кроме того, прослеживается тесная взаимосвязь между правительственные решениями и откликами сельского населения. Историки рассматривали события политического и социально-экономического развития в диалектической взаимосвязи, когда необходимо было дать объяснение переменам в аграрной политике.

Сама аграрная политика исследуемого периода характеризуется как не-последовательная, находящейся в постоянной взаимосвязи с текущими политическими задачами. Хотя правительство предъявляло к переписчикам требования тщательного и скрупулезного проведения налогообложения, халатность переписчиков в перепроверке данных и противодействие кре-

стьян приводило к тому, что поставленные цели не достигались. Вместе с тем в части составления писцовых книг, переписных книг, приходных и расходных книг писцы и дьяки относились к своему делу ответственно. Для таких выводов историки проводили математические подсчеты и проверку первичных и сводных данных. В силу чего историки, делая некоторую корректировку, признают информацию этих книг достоверной, позволяющей реконструировать историческую действительность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамович Г.В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI – первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 65–84.

Абрамович Г.В. Писцовые книги Бежецкой пятини как исторический источник // История СССР. 1964. № 1. С. 73–80.

Александров В.А., Анфимов А.М., Буганов В.И., Булыгин И.А., Данилова Л.В., Индова Е.И., Краснов Ю.А., Осипова Т.В., Преображенский А.А. Некоторые проблемы истории крестьянства СССР дооктябрьского периода // История СССР. 1979. №. 3. С. 49–70.

Водарский Я.Е. К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII в. // История СССР. 1969. № 2. С. 133–143.

Кусов В.Г. К вопросу о достоверности писцовых книг. Точность измерения земель при межевании в XVII веке // История СССР. 1990. № 4. С. 123–128.

Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полное собрание сочинений: 5-е изд. М., 1967. С. 125–346.

Новосельцев А.П., Швейковская Е.Н. Крестьянство России в контексте истории крестьянства Европы // История СССР. 1987. № 6. С. 156–168.

От редакции [О задачах журнала. Передовая статья] // История СССР. 1957. № 1. С. 3–6.

Швейковская Е.Н. Из истории финансово-налоговой системы в России XVII века // История СССР. 1988. № 5. С. 54–66.

Шепукова Н.М. К вопросу об итогах подворной переписи 1678–1679 гг. в Российском государстве // История СССР. 1960. № 3. С. 143–145.

A.S. Selkova

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

THE ISSUES OF AGRARIAN POLICY
IN RUSSIA DURING THE LATE 15th–17th CENTURY
ON THE PAGES OF THE JOURNAL “HISTORY OF THE USSR”

The article analyses the publications of the magazine “History of the USSR”, which, as the subject of their research, raised issues of the financial and tax policies of Moscow Rus during the formation of serfdom. It also characterizes the assessments of Soviet historians regarding the degree of information content and reliability of scribal and census books as historical sources. The article presents the opinions of researchers on the mutual influence of domestic and foreign policies on the introduction of various tax reforms. The positions of historians are presented in a subject-chronological order.

Keywords: agrarian policy, Russia, history of the peasantry, the journal “History of the USSR”, tax policy, historical science of the USSR.

Е.А. Горбачевский

г. Москва (Россия)

Ин-т российской истории РАН,

Гос. исторический музей

**СПОРЫ ЗА ЗЕМЛЮ И КРЕСТЬЯН
В ЯРОСЛАВСКОМ И ГАЛИЦКОМ УЕЗДАХ
ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1678 г.**

В статье рассматриваются выявленные при изучении переписных книг 1678 г. четыре случая споров за землю и крестьян в Ярославском и Галицком уездах между служилыми людьми по отечеству.

Ключевые слова: Ярославский уезд, Галицкий уезд, переписные книги, служилые люди по отечеству, споры за землю, крепостное право, землевладение.

В изучении истории Российского государства 2-й пол. XVII в. споры за землю и крестьян между служилыми людьми по отечеству относительно не-часто становятся объектом изучения. В советское время А.В. Эммаусский изучил процесс борьбы за землю в Арзамасском уезде в XVI–XVII вв. между отдельными русскими помещиками, а также между русскими служилыми людьми, с одной стороны, татарами и мордвой – с другой [Эммаусский 1934]. Относительно недавно споры за землю рассматривались В. Кивельсон, правда, в большей степени в связи с изучением картографического материала XVII в., значительная часть которого являлась следствием споров помещиков между собой, а также между ними и монастырями [Кивельсон 2012, с. 59–73]. Кроме этого, работа А.И. Натарова посвящена спорам за землю и крестьян между помещиками Симбирского уезда 2-й пол. XVII в. [Натаров, 2016]. В качестве отдельных сюжетов подобные конфликты рассматривались В.А. Аракчеевым при изучении истории Пскова в XV–XVII вв. [Аракчеев 2003, с. 211; 2004, с. 279, 286] и Т.А. Опариной в исследовании, посвященном иноземцам в Российском государстве XVI–XVII вв. [Опарина, 2007, с. 152–154].

В данной работе основной целью является введение в научный оборот и сравнительный анализ четырех споров за землю и крестьян, которые были выявлены автором при работе с переписными книгами 1678 г. по Ярославскому и Галицкому уездам.

Первый спор относится к Ярославскому уезду. Перед записью о конфликте указано, что за стольником Сергеем Савиным сыном Языковым в поместье треть деревни Беляково¹ [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 7791, л. 254 об]. После записи о споре, приводятся владения Евдокима Савина сына Языкова. У него также в поместье деревня Беляково, только уже не треть, а полностью² [Там же, л. 255–255 об.]. Приводимые в переписной книге имена крестьян из владений обоих помещиков полностью совпадают.

Исходя из содержания записи о споре [Там же, л. 255], ситуация может быть реконструирована следующим образом: при проведении переписи в 1678 г., крестьянин Максим Фадеев подал переписчикам сказку, вследствие которой он с тремя сыновьями был записан не за своим помещиком Евдокимом Савиным сыном Языковым, а за братом помещика Сергеем. После чего, в относительно короткие сроки приказчик Евдокима Григорий Трофимов подал челобитную на имя государя, по указу которого от 20 марта 186 г. крестьяне были возвращены исконному владельцу.

Во втором случае, в Ярославском уезде при проведении переписи в 1678 г. приказной человек стольника Семена Федорова сына Толочанова Иван Антонов подал переписчикам сказку, в которой указал, что крестьянин из деревни Туфаново³ Иван Яковлев с детьми принадлежит его помещику (т.е. Семену Толочанову). В итоге крестьянин с детьми был внесен в переписную книгу за С. Толочановым⁴ в вотчинной деревне Савнино.

Однако сын боярский Иван Никитин сын Непоставов⁵, который, по всей видимости, являлся первоначальным владельцем переписанного с детьми крестьянина, подал челобитную, и по государеву указу его челобитная была вклеена к сказке С. Толочанова [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 257, л. 153].

¹ В Беляково: 1 двор крестьянский и 1 двор бобыльский, всего 5 крестьян и 2 бобыля. Отмечено, что еще 1 двор бобыльский пуст, т.к. данный человек переведен в подмосковную вотчину.

² В данном случае в Беляково указаны: 1 двор крестьянский, 1 место, в которых проживало 7 крестьян. Еще 1 двор отмечен пустым, т.к. 2 крестьянина находились в бегах.

³ В другой редакции Труфимово.

⁴ Владения стольника С. Толочанова – вотчина деревня Давыдово (?): 77 крестьян и 21 двор. Всего: 20 дворов крестьянских [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 257, л. 430 об.–431 об.].

⁵ Владения И. Непоставова в поместье деревня Бородинское: 41 крестьянин и 13 дворов, 10 бобылей и 4 двора. Еще 2 крестьянина бежали в прошлых годах. Всего: 13 дворов крестьянских, 4 двора бобыльских [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 257, л. 256–256 об.].

В конце переписной книги при перечислении исправлений крестьянин Иван Яковлев с детьми указан как находящийся в деревне Туфаново, что говорит о том, что членичество Ивана Непоставова было удовлетворено [Там же, л. 606].

Третье дело относится к Галицкому уезду и также сопровождается описанием владений спорщиков. У жильца Ивана Владимира сына Перелешина в поместье находилось усадище Ивашково⁶ и половина деревни Дорселеевино (Петровская тож)⁷ [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 7252, л. 647 об.–648]. У другого жильца – Якова Артемьева сына Жадовского в поместье находилось усадище Корманово⁸, деревня Обакумово⁹, деревня Чернецово¹⁰ [Там же, л. 648–649]. Между этими двумя служилыми людьми по отечеству в споре находился жеребий деревни Чернецово¹¹ и деревня, бывшая сельцом Ильинским на реке Кореге¹². Согласно завершающей части фрагмента, староста Якова Жадовского Митрофан Дорофеев в сказке указал, что, Иван Перелешин владеет спорными крестьянами «насильством со 185 года» [Там же, л. 649–650]. Чем завершилось дело, неизвестно. Однако «незавершенность» таких дел не редкость – довольно часто в источниках завершающая часть спора отсутствует.

Четвертое дело, является наиболее объемным и содержит три записи из переписной книги 1678 г. по Галицкому уезду, правда, сами записи не одновременны переписи, а вписаны в 1681–1682 гг. Суть их сводится к следующему. При проведении переписи 1678 г., поместье и вотчина стольника Григория Андреева сына Племянникова оказались «прописаны», т.е. пропущены. Как следствие, описание этих владений не вошло в окончательный

⁶ В Ивашково: помещичий двор, 4 дворовых человека, 6 людских дворов и 19 задворных людей.

⁷ В Дорселеевино: 2 двора крестьянских и 9 крестьян, 3 двора бобыльских и 11 бобылей.

⁸ В Корманово: помещичий двор, 8 дворовых людей, 1 людской двор, 3 задворных людей.

⁹ В Обакумово: 5 крестьянских дворов и 13 крестьян, 4 бобыльских двора и 11 бобылей. Еще 1 двор пуст, т.к. 5 чел. сбежали в 170 г., еще 1 двор пуст, т.к. 4 чел. бежали в 171 г.

¹⁰ В Чернецово: 3 крестьянских двора и 10 крестьян, 3 бобыльских двора и 8 бобылей. Еще 1 двор пуст, т.к. 3 чел. сбежали в 179 г.

¹¹ На спорном участке находились 2 крестьянских двора и 6 крестьян. Еще 1 двор пуст, т.к. 4 чел. бежали в 173 и 178 гг. Еще 6 чел. сбежали в 179 г.

¹² В спорной деревне находились 3 двора крестьянских и 13 крестьян. В Ильинском находился также 1 крестьянский двор и 4 крестьянина, принадлежавшие Ивану Перелешину и не являвшиеся предметом спора.

вариант переписной книги стольника и воеводы Ивана Ендогурова, составленной к 1681 г. [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 7251, л. 226–228 об.].

В результате, стольником Григорием Племянниковым была подана челобитная на имя государя Федора Алексеевича, согласно указу которого от 25 июня 189 г. воевода и стольник Иван Ендогуров был вынужден выехать во владения Гр. Племянникова и переписать их, а именно: в вотчине сельцо Новое, деревня Козино (здесь и далее статус владений не обозначен), деревня Поповское, деревня Сколепово, деревня Змеево, треть деревни Жуково, деревня Горново, деревня Костарево, в поместье деревня Доровинка¹³ [Там же, л. 255–256 об.].

После проведения «ревизии», по государеву указу от 23 марта 190 г. в переписной книге было записано то, что стольник и воевода Иван Ендогуров проводил описание владений стольника Григория Племянникова [Там же, л. 265 об. – 266 об.].

И, наконец, согласно записи от 8 апреля 190 г., по указу государя Федора Алексеевича было велено владения Гр. Племянникова записать в переписные книги 186 г. [Там же, л. 255].

Несмотря на относительно внушительный объем записей, непонятно, кто являлся ответчиком Григория Племянникова. Крайне трудно предполагать то, что ответчика могло и не быть, а пропуск владений всего лишь невнимательность переписчиков, т.к. пропущены 9 (!) населенных пунктов, рассредоточенных в разных волостях и станах уезда, из которых одним (треть деревни Жуково) Гр. Племянников, по всей видимости, владел совместно с кем-то.

Обобщая эти конфликты за землю и крестьян, стоит обратить внимание на следующее.

В первом случае интерес представляет относительно редкий факт близкого родства между спорщиками (родные братья), а также то, что спор не был урегулирован на месте, а потребовал челобитья приказчика и государева указа о возврате крестьянина.

¹³ Сельцо Новое: двор вотчинный, на нем 1 приказчик, 1 конюх, 6 дворовых людей. В бегах: 1 скотник и 3 дворовых. Деревня Козино: 11 дворов и 36 крестьян, еще 1 крестьянин в бегах. Деревня Поповское: 2 двора и 9 крестьян. Деревня Сколепово: 2 двора и 9 крестьян. Деревня Змеево: 7 дворов и 29 крестьян, еще 6 крестьян в бегах. Треть деревни Жуково: 2 двора и 10 крестьян. Деревня Горново: 9 дворов и 31 крестьянин. Деревня Костарево: 3 двора и 10 крестьян. Деревня Доровинка: в ней 3 двора и 13 крестьян. Всего, у стольника Григория Андреева сына Племянникова в вотчине и поместьях: 1 сельцо, 7 деревень, треть деревни, в которых находилось 1 двор вотчинный (8 чел.) и 39 дворов крестьянских (147 чел.).

В первых двух спорах попытка присвоения земли и крестьян осуществлялась путем подачи переписчикам ложных сведений (от крестьянина в первом случае и от приказного человека во втором).

В третьем конфликте, попытка присвоения осуществлялась насильственным путем: Иван Перелешин, владея совместно с Яковом Жадовским сельцом Ильинским, притом меньшей его частью, осуществил насильственный захват всего населенного пункта, и, не владея деревней Чернецовом, он же предпринял захват жеребия деревни, т.е. части.

В первых двух случаях попытка присвоения исходила от лиц более высокого статуса, чем предполагаемые потерпевшие (стольники и дети боярские соответственно). Статус сторон в третьем конфликте одинаков – жильцы. Но здесь, как и в предыдущих инцидентах, условный потерпевший владел меньшим числом населенных пунктов и крепостных, чем указанный ответчик. Хотя в целом, приводимое на страницах источника количество владений для обеих сторон конфликта колеблется от одного до трех, а численность крепостных не превышает нескольких десятков человек.

Наоборот, в четвертой истории стольник уже потерпевший, а не ответчик, хотя последний и не указан вовсе. Пропущенные при переписи владения были возвращены в относительно короткий срок: между государевым указом о повторном описании и возвратом владений прошло менее года. Однако факт самого пропуска значительного числа владений заставляет сомневаться в том, что это произошло только по невнимательности переписчиков.

Таким образом, в работе были рассмотрены четыре случая споров за землю и крестьян, извлеченных из переписных книг 1678 г. по Ярославскому и Галицкому уездам. Эти данные дополняют наши знания о разнообразии подобных конфликтов и способов присвоения собственности во 2-й пол. XVII в. Несмотря на то, что переписные книги крайне редко содержат описания подобных инцидентов, они могут привлекаться как дополнительный источник.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Российский государственный архив древних актов [РГАДА]. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 7251. Переписная книга г. Галича и Галичского уезда, переписи О.И. Писарева. 1677–1678 гг. Подлинник. Л. 1–306.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 7252. Переписная книга г. Галича и Галичского уезда, переписи А.А. Козловского. Подлинник. Печ. оп. № 423. 1678 г. Л. 1–869.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 7791. Переписная книга Городского, Служня и Верховского станов, Карской, Кастрской, Вокшерской и Ухорской

волостей Ярославского уезда (Заволжской половины), переписи Дм. Киреевского. 1678 г. Л. 1–448.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 257. Переписная книга поместных и вотчинных земель в станах Городском и Служне Ярославского уезда переписи Дмитрия Киреевского и подьячего [Гаврилы Кашкина]. 1678 г. Копия середины XVIII века. Скрепа ландратов Леонтия Рудина и Петра Свешникова. Л. 1–612.

Аракчеев В.А. Псковский край в XV–XVII веках. Общество и государство. СПб., 2003.

Аракчеев В.А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004.

Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.

Натаров А.И. Борьба за земельные угодья и крепостных крестьян симбирских помещиков во второй половине XVII в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. № 3–1. С. 17–21.

Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.

Эммаусский А.В. Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI–XVII вв. Киров, 1934.

E.A. Gorbacheffskiy
Institute or Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
State Historical Museum

CONFLICTS OVER LAND AND PEASANTS IN YAROSLAVL AND GALICIAN DISTRICTS ACCORDIN TO CENSUS BOOKS OF 1678

The article presents four cases of disputes over land and peasants in Yaroslavl and Galician districts between serving people in the fatherland, identified during the study of census books in 1678.

Keywords: Yaroslavl district, Galician district, census books, serving people in the fatherland, conflicts over land, serfdom, land ownership.

Д.А. Шабатько
г. Тюмень (Россия)

Тюменское музейно-просветительское объединение

«ИЗ ПОДЬЯЧЕСКИХ ДЕТЕЙ»: О ДИНАСТИЯХ ПРИКАЗНЫХ ЛЮДЕЙ 2-Й ПОЛОВИНЫ XVIII в. НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОГО УЕЗДА

В данной статье выявлены представители династий приказных служителей Тюменского уезда. Охарактеризованы причины их появления. Проанализировано влияние семей потомственных приказных на формирование штатов местных учреждений и их функционирование. Сделаны выводы о положительных и отрицательных сторонах этого явления.

Ключевые слова: чиновничество, приказные люди, XVIII в., Тюменская воеводская канцелярия, профессиональные династии.

Во 2-й пол. XVIII в. государство уделяло довольно много внимания бюрократическому аппарату, в том числе и на местном уровне. За этот период несколько раз подверглись изменениям как состав государственных учреждений, так и их штаты. В первом случае это была «настоящая маленькая реформа», проведенная на втором году своего правления Екатериной II [Писарькова 2007, с. 350]. Утверждение новых штатов 15 декабря 1763 г., которое должно были улучшить сложившуюся к тому времени систему государственного управления, но, по сути, подвело итог законотворческой деятельности предыдущего периода [Там же, с. 352]. А во втором – знаменитая реформа местного управления 1775 г., которая прошла в Сибири в 1782 г.

Однако и до, и после этих преобразований низший слой государственных служащих уезда был представлен канцеляристами, подканцеляристами и копиистами. Именно они обеспечивали ведение делопроизводства местных учреждений. Очень часто им поручали многие важные дела, которые они выполняли от имени верховной власти: сбор налогов, сыск беглых, отказ имений помешникам, набор рекрутов и т.д. [Троицкий 1974, с. 38]. Кроме того, иногда представители именно этого звена чиновников выступали в качестве специалистов по определенному кругу вопросов [Там же].

Политика законодателей в отношении этой категории служащих была довольно противоречива. Они стремились, при недостатке канцелярских служителей, превратить их в замкнутую сословную группу населения, а саму канцелярскую работу – в наследственную [Троицкий 1974, с. 181; Писарькова 2007, с. 374]. Хотя достичь этого в полной мере не удалось, подобные стремления стали, с одной стороны, причиной появления в среде низшего звена чиновников настоящих династий, а с другой – только усугубляли кадровый дефицит этой категории чиновничества.

На 1756 г. в Тюменской воеводской канцелярии «из подъяческих детей» числились канцеляристы Петр Ржанников, Михаил Нестеров, подканцеляристы Иван и Петр Нестеровы, Иван Чурилов, копиисты Афанасий Дружинин, Александр Чурилов, Федор Мосягин, Федор Окулов, Осип Нестеров [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 459, л. 47 об.]. Из Чуриловых, помимо выше названных представителей, в документах можно найти «из подъяческих детей» подканцеляриста Василия [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 691, л. 1]. А фамилию Нестеров носил прослуживший почти 20 лет секретарем воеводской канцелярии провинциальный секретарь Яков Петрович [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4844, л. 1].

Все эти люди являлись приказными служителями как минимум во втором поколении. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что история подъяческой службы семей Чуриловых, Милкеевых, и Ржанниковых намного старше.

В Тюменском уезде появление династий в среде подъячих прослеживается уже в нач. XVIII в.: «Будучи пожалованы в чин подъячего, тюменцы любого происхождения стремились ввести в этот круг своих родственников, демонстрируя, таким образом, тенденцию к формированию семейной подъяческой династии, общую для самых различных регионов России. В начале XVIII века в местной приказной избе отчетливо заметны несколько таких семейных групп» [Редин 2010, с. 281]. Среди них упоминаются, в том числе, Ржанниковы и Чуриловы [Там же].

В нач. XVIII в. встречается упоминание и о Милкеевых. Григорий Милкеев, выходец из многочисленной семьи детей боярских, служил подъячим [Там же]. Поэтому не удивительно, что в 60–70-е гг. эту фамилию можно встретить в числе канцеляристов и копиистов Тюменской воеводской канцелярии, а в 80–90-е – в штате Тюменского нижнего земского суда [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3319, л. 16; Голованова, Трофимова 2008, с. 22–23].

Не все династии появились в начале века. Для семей Загорских, Нестеровых и Поповых такой длинной истории службы найти не удалось. Тем не менее три поколения этих фамилий занимались приказным трудом. Григорий Загорский в 1784 г. занимал должность копииста канцелярии Тюменского нижнего земского суда [Голованова, Трофимова 2008, с. 22]. Он был

сыном Степана Загорского, который служил в том же ведомстве секретарем, а отец самого Степана Василий Загорский был канцеляристом Тюменской воеводской канцелярии приблизительно до 1763 г. [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 691, л. 1; Д. 2055, л. 122]. Яков Нестеров, секретарь той же воеводской канцелярии, сам из подьяческих детей, был отцом Алексея Нестерова, канцеляриста нижней расправы. А род Поповых был массово представлен среди приказных нижнего земского суда.

Канцелярская работа становилась семейным делом, профессиональные навыки, секреты службы, а также личные связи передавались от отца к сыну. Поэтому нет ничего удивительного в том, что большую часть рассматриваемого периода высшие должности воеводской канцелярии принадлежали именно этим четырем семьям. На момент упразднения этого органа местного управления в 1782 г. канцеляристами там служили Степан Загорский, Василий Чурилов и Осип Нестеров, а секретарем был уже упоминавшийся Яков Нестеров.

Здесь необходимо уточнить: далеко не всегда принадлежность к семье потомственных приказных гарантировала соответствующие навыки на достаточно высоком уровне. Если вернуться к списку приказных служителей воеводской канцелярии от 1756 г., то окажется, что Петр Нестеров, Иван и Александр Чуриловы «к приказным делам искусства не имеют и в письме неисправны ... а у приказных дел находятся по самой необходимости за крайнем приказных служителей недостатком» [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 459, л. 48]. Интересно, что Тюменская воеводская канцелярия посчитала годными к службе из более чем десяти канцелярских служителей только четырех: двух «из подьяческих» и еще двух «из солдатских детей» [Там же]. Остальные по тем или иным причинам ее не устраивали, вследствие чего она прошила «герольдию» прислать «приказных служителей ... к приказным делам годных» [Там же, л. 49 об.].

Можно сделать вывод: несмотря на наличие в уезде семей профессиональных подьячих, в определенные периоды времени штат воеводской канцелярии не был укомплектован годными к службе людьми даже на половину, ведь принадлежность к семье еще не гарантирует наличие способностей к тому или иному занятию. Поэтому местные власти предпочитали в первую очередь иметь на местах профессионалов, а уже затем стараться выполнять соответствующие указы и поддерживать государство в его попытках ограничить проникновение представителей податных и служилых сословий в канцелярские должности.

Именно из-за крайнего дефицита кадров воеводам и комендантам приходилось держать в канцелярии и даже продвигать по службе людей, навыки которых оставляли желать лучшего. Единственным их преимуществом было как раз воспитание в семье приказных людей, благодаря которому

они были грамотными. В 1768 г. на почве такого продвижения вышел спор между главой уезда князем Матвеем Чхеидзе и его товарищем Степаном Аксютиным по вопросу о включении в штат копииста Александра Чурилова [Трофимова 2001, с. 494]. Правда речь шла не о профессиональных навыках, которые, как мы только что выяснили, были на низком уровне, а о пристрастии последнего к алкоголю. Надо сказать, что в штат Александр был включен, но скончался в возрасте 42 лет все в той же должности копииста [Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 924, л. 13 об.]. Подобный итог подтверждает отсутствие у Александра каких-либо способностей, так как в своем уже серьезном возрасте он все еще был в самом начале карьерной лестницы.

Главы канцелярий предпочитали, несмотря на все запреты, принимать на службу людей способных, даже если они были выходцами из податных или служилых сословий. Ярким примером здесь будет история службы канцеляриста Якова Кожевникова. Начал Яков свою карьеру в 13 лет солдатом гарнизона города, но в 1785 г. в чине капитенармуса был переведен в штатскую службу комендантской канцелярии сразу подканцеляристом. В 1789 г. был повышен до канцеляриста, а в 1794 г. в возрасте 34 лет получил чин губернского регистратора [ГАТО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 171, л. 1].

Старший сын Якова Даниила Кожевников в 15 лет столкнулся с интересной проблемой: он «имел желание быть» в штатской службе, т.е. продолжить семейное дело, но «отцом рожден, будучи в бытность его в воинской службе офицерских чинах» [ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 774, л. 4]. В связи с чем на просьбу Данилы принять его, как и отца, в штатскую службу, получил из Тобольского наместнического правления отказ [Там же, л. 4 об.]. Поэтому Данила просил, «чтоб выбрать не мог праздное житя», определить его в воинскую службу в городе Тюмени [Там же, л. 4 об.]. А далее к ситуации подключилась комендантская канцелярия в лице самого коменданта, который, на фоне уже упомянутого дефицита квалифицированных канцелярских кадров, не мог потерять столь ценного кандидата в писари. В своем рапорте тобольскому обер-коменданту он всячески расписывает достоинства Данилы: «наук народного училища 1 и 2 классы кончил с успехом», «достаточно обучен читать и писать российской грамоте к тому и часть арифметики знает, которой по выходе из наук обращаться уже в моей канцелярии для письма рачительно» [Там же, л. 7].

Подобная характеристика действительно убедила начальство и это не уникальный случай. Даже в рамках всего государства правительство понимало невозможность преодоления дефицита канцелярских служащих одновременно со стремлением замкнуть эту категорию в себе. Поэтому периодически закрывало глаза и даже одобряло поступление на штатскую службу детей служилых людей. Например, в 1756 г. Тюменская воеводская канцеля-

рия получила указания: при недостатке служащих канцелярии из подьяческих детей позволялось принять на службу «солдатских и прочих служилых чинов детей ... годных к воинской службе» [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 459, л. 47]. Это позволяло канцеляриям принимать на службу не по происхождению, а по способностям.

Конечно, и в династиях тоже время от времени появлялись способные канцеляристы: Яков Петрович Нестеров, Степан Загорский, Василий Чурилов. Но примером самой успешной карьеры чиновника низшего звена был Лука из семьи Милкеевых. В 1782 г. он в возрасте 13 лет поступил на службу в Тюменский нижний земский суд копиистом, а в 1795 (или 1792) г. в чине городового секретаря уже занимал секретарскую должность [Голованова, Трофимова 2008, с. 22–23]. Т.е. на всю доступную для своего происхождения карьерную лестницу у Луки ушло максимум 13 лет. С одной стороны, это может значить, что дефицит кадров, который только усилился после реализации в Сибири реформы 1775 г., не давал возможности выбирать из большого числа вариантов квалифицированных служащих, а с другой – говорит о большой текучке кадров в этот период среди сотрудников канцелярий, ведь иначе нельзя объяснить, почему никто из старших товарищей по службе Луки Милкеева не занял должность секретаря до него. Конечно, можно сделать предположение, что это как-то связано с самой личностью человека, но нам об этом ничего не известно. Известно другое: столь молодой секретарь с обязанностями абсолютно не справился. Ряд документов архива Тюменского нижнего земского суда свидетельствует об исчезновении не только секретаря Луки Милкеева: «сыскать Милкеева и призвать в присутствие», но и части документов [Голованова, Трофимова 2008, с. 21].

Как уже было сказано выше, обучение будущие канцеляристы проходили или в семье, или на практике в учреждениях за штатом. Так было до 1789 г., когда в Тюмени было открыто малое народное училище «для изучения грамоте грекороссийского исповедания катехизис... также рисовать, писать и арифметике» [Трофимова 2001, с. 236–237]. Именно туда отдали своих детей «бывший расправной судья» Яков Нестеров, отставной подканцелярист Павел Попов, канцелярист Алексей Нестеров, «правящий должность казначея Иван Башкуров» и «расправной судья Петр Сухарев» [Там же, с. 237–239]. Однако если открытие училища каким-то образом и повлияло на уровень подготовки, будущих канцеляристов, то случилось это уже в следующем веке.

Но представителей каждой из приказных династий связывала не только работа и учеба. Являясь членами одной фамилии, дома их были расположены относительно рядом. Например, Степан Васильевич Загорский после масштабного пожара 1766 г. получил участок в Знаменском приходе, а позже, спустя десять лет, непосредственно рядом с ним был выделен участок и

его сыну семнадцатилетнему Никифору, который на тот момент был в должности заштатного копииста [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3686, л. 51 об.].

При этом местные власти, если была возможность, старались селить служителей канцелярии даже из разных семей ближе друг другу. Подканцелярист Василий Чурилов, копиисты Федор Окулов и Павел Попов стали соседями после выделения им участков под постройку домов после все того же страшного пожара 1766 г. [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3684, л. 88].

Постоянные встречи на службе, возможность ежедневных соседских контактов в повседневной жизни обусловили довольно близкое общение между семьями приказных людей. Канцелярист Егор Милкеев был крестным сына подканцеляриста Ивана Милкеева (того самого Луки, будущего секретаря Тюменского нижнего земского суда) и затем крестил его же дочь вместе с женой канцеляриста Степана Загорского Настасьей, канцелярист Василий Чурилов вместе с «подъяческой женою» Марфой Резановой были крестными дочери копииста Якова Шероглазова, канцелярист Андрей Воронов сначала вместе с «подъяческой дочерью» Марьей Чуриловой, а затем с Настасьей Загорской крестили дочерей копииста Федора Окулова [Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 924, л. 8; Д. 925, л. 1 об., 7].

Крестными становились не только друзья или родственники, подобный повод можно было использовать и для расширения своих социальных связей: у того же Якова Нестерова одну из его многочисленных дочерей крестили жена бывшего воеводы Тюмени Акилина Яковлевна Угримова и сын губернатора Александр Чичерин [Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 925, л. 9 об.]. Дослужившись до должности секретаря, Яков Петрович смотрел в будущее. И если уже не себя, то своих детей, благодаря подобным связям, он хотел видеть в должностях и чинах не хуже своих.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что распространение династии в среде низшего звена чиновничества было следствием как политики самого государства, которое в определенные периоды старалось превратить канцелярских служащих в замкнутые сословные группы, так и отсутствия развитой системы образования и подготовки кадров на уровне уезда. Последнее приводило к тому, что будущие канцеляристы большинство нужных для службы знаний приобретали через обучение в своей семье или уже на практике. При этом сам факт такого обучения не гарантировал появления способных служащих. А при постоянном дефиците кадров, местным органам власти выбирать не приходилось, поэтому штаты учреждений пополнялись всеми без исключения людьми «ис подъяческих детей». Подобное, несомненно, негативно сказывалось на работе всего учреждения, которое при такой кадровой политике, хоть и не могло остаться абсолютно без служащих канцелярии, но и исполнять свои обязанности максимально эффективно тоже

возможности не имело. Реализация реформы 1775 г. только усилила негативные тенденции: усугубила дефицит кадров, что ускорило продвижение по службе людей, которые использовали для этого личные связи, а не способности. Именно в таком виде канцелярии уездного города подошли к нач. XIX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 924, 925.
- Государственный архив Тюменской области [ГАТО]. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 774. ГАТО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 171.
- ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 459, 691, 2055, 3319, 3684, 3686, 4844.
- Голованова О.И., Трофимова О.В. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782–1796). Тюмень, 2008.*
- Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007.*
- Редин Д.А. Интеграция чиновничества в провинциальные городские элиты // Cahiers du monde russe. 2010. Т. 51, № 2–3. С. 281–301.*
- Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.*
- Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг. Кн. 1. Аннотированный хронологический указатель рукописных материалов царствования Екатерины Второй из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень., 2001.*

*D.A. Shabatko
Tyumen (Russia)
Tyumen Museum and Educational Association*

“FROM GENERATION OF CLERKS”: ABOUT THE DYNASTIES OF CLERKS OF THE 2nd HALF OF THE 18th CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE TYUMEN DISTRICT

This article identifies representatives of the dynasties of clerical servants of the Tyumen district. The reasons for their appearance are characterized. The influence of families of hereditary clerks on the formation of the staff of local institutions and their functioning is analyzed. Conclusions are drawn about the positive and negative sides of this phenomenon.

Keywords: bureaucracy, clerks, 18th century, Tyumen Voivodeship Office, professional dynasties.

Т.Б. Хоммыев

г. Ахшабад (Туркменистан)

Туркменский гос. ун-т им. Махтумкули

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ ТУРКМЕН МАНГЫШЛАКА В РЯДЕ ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В данной статье анализируются некоторые источники и историко-научная литература, описывающие историю Мангышлакских туркмен. Мангышлак – один из важнейших регионов туркменского этногенеза. В XVIII и XIX вв. Мангышлак находился в центре политических, экономических и международных отношений региональной политики, так как в то время именно Мангышлак считался единственными своеобразными Северными воротами, посредством которых не только туркменские земли, но и вся Средняя Азия в экономическом и политическом отношении имели контакты с Европой по морю. В определенные исторические периоды Мангышлак был центром исторических и этно-культурных связей между туркменами, ногайцами, калмыками, казахами, узбеками и русскими. Туркмены жили на Мангышлаке издавна, а в 1918–1920 гг. в силу политических и природных условий были вынуждены переселиться в другие регионы Туркменистана. В данной статье проанализирован ряд исторических источников, описывающих жизнь мангышлакских туркмен, а также ряд литературы, описывающих и анализирующих историю этой группы туркмен с присущим им национальным менталитетом. Были раскрыты их позитивные стороны.

Ключевые слова: Мангышлак, туркмены, экспедиции, отдельные лица, источники, историческая литература.

Об истории мангышлакских туркмен в своих произведениях писали многие авторы, жившие в Средние века и в Новое время и поэтому невозможно проанализировать их всех в рамках одной статьи. Здесь мы выбрали наиболее популярные доступные источники и литературу.

Так в прослеживании истории туркмен Мангышлака большое значение имеет труд Самуила Готлиба Гмелина «Путешествие к восточным берегам Каспийского моря в 1773 году». Именно поэтому ученые и исследователи разных периодов часто обращались к этому труду. В нем приводятся бо-

гатые материалы о жизни туркмен Мангышлака, а также много сведений о флоре и фауне этого полуострова, отражены особенности Каспийского моря. Однако по каким-то причинам туркменские ученые недостаточно использовали эту работу С.Г. Гмелина в своих исследованиях. Автор не ограничивается в своем творчестве описанием только северо-восточного побережья Каспийского моря.

При изучении содержания труда С.Г. Гмелина встречаешь редкие сведения о событиях XVIII в. Они повторяются отдельными авторами более поздних периодов, но почему-то без ссылки на это произведение. В своей работе С.Г. Гмелин пишет: «Порт на Мангышлаке – один из лучших портов на Каспии». На самом деле о преимуществах Мангышлака писали многие люди, но сказать это утвердительно мог только тот человек, который сам до-скончально изучил все берега Каспийского моря [Гмелин 1958, с. 200].

В этом произведении впервые правильно использовано и с пониманием исправлено слово «Дюйп Гараган». Но до того и после это слово было использовано как «Тийюк Гараган». Однако интерпретацию С.Г. Гмелина значения этого слова нельзя считать удачной. Тогда Гмелин сказал: «Мне принесли сернистый свинец из ближайших гор. Туркмены рады говорить о богатствах своей страны, но не могут ими воспользоваться...». С.Г. Гмелин один из свидетелей воочию увидевший, что в районах, простирающихся от Эмбинского залива до Гарабогаза живут пять туркменских племен (човдуры, абдалы, игдыры, бозайцы и борнысы). Поэтому он считал полуостров Мангышлак центром земель их проживания и пишет «место, где они все собираются» [Там же, с. 205].

В работе С.Г. Гмелина мы находим весьма важные сведения о торговых отношениях, происходивших на Мангышлаке. По предоставленным им сведениям, сюда приезжали торговать не только русские купцы, так Мангышлак был центром торговли местных жителей с соседями-казахами, хивинцами и даже астррабатами. Автор этого важного труда приводит также важные этнографические сведения, описывает одежду, обычаи и даже управление у мангышлакских туркмен. Я не согласен с мнением С.Г. Гмелина о том, что русские балалайка и лютня были музыкальными инструментами туркмен. Конечно, он мог допустить некоторые неточности, поскольку не знал обычаяев и языка этого народа. Но, несмотря на некоторые недостатки, труд С.Г. Гмелина остается одним из ценных источников о жизни мангышлакских туркмен в XVIII в. Сам С.Г. Гмелин приезжает на Мангышлак в 1773 г. В то время здесь остались четверо бывших дворянских предводителей. Однако, когда Гмелин посещает Мангышлак, он обнаруживает, что все трое скончались. Позже, говоря об оставшихся в живых и погибших, он напишет: «В этих семьях такая обязанность, похоже, передается из поколения в поколение» [Там же, с. 208].

Достаточно ясно С.Г. Гмелин описывает степень религиозности мангышлакских туркмен. Так он пишет: «Туркмены придерживаются суннитской секты религии Мухаммеда и соблюдают все ее традиции. Однако из-за изображений скотоводческой жизни они не смогли иметь постоянную мечеть. Свои ритуалы поклонения они совершают в черных домах, где они живут. Поэтому они и их муллы всегда переезжают... Надо отметить что, туркмены не очень религиозные люди, но среди них нет ни магов, ни хранителей» [Там же, с. 208].

Социальная значимость местных племенных вождей показывает, что их власть здесь была незначительна и поэтому мнение С.Г. Гмелина о том, что «...лидеры остаются обладателями небольшой доли власти» очень близко к истине. Недалеко от истины и мнение С.Г. Гмелина о том, что «несколько человек от каждого племени исполняют роль лидера или вождя. На языке местного народа они называются старейшинами (аксакалы). Большинство вождей выбираются из старейших людей». Затем он говорит о сроке пребывания на этих должностях [Там же, с. 208–209].

С.Г. Гмелин приводит и другие интересные сведения, как например: «Имеются случаи, когда некоторые люди, не имеющие достаточного богатства и поддержки, состоящие из многих семей, идут наперекор общественному мнению и становятся вождями народа...» [Там же, с. 209]. Также С.Г. Гмелин пишет о том, что люди могут не согласиться со своим вождем.

В XIX в. внешняя политика России была сосредоточена главным образом на Центральной Азии. В субстратегических целях Россия была вынуждена размещать свои вооруженные силы на восточном берегу Каспийского моря. К этим берегам была направлена экспедиция под руководством Н.Н. Муравьева. Он переплыл Каспийское море и вступил на туркменскую землю в Акпатлавуке, что к югу от Эсенгулы. Позднее результаты этой экспедиции нашли свое отражение в работе Н.Н. Муравьева «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1818 и 1820 годах», вышедшей в 1822 г.

Эти сочинения Н.Н. Муравьева состоят из двух частей и восьми глав. Благодаря своему богатому материалу они представляют большой интерес для тех, кто изучает историю туркмен XVIII–XIX вв. Помимо внешней политики России, в ней нашли отражение и важные материалы, связанные с этнографией и особенностями размещения туркменских племен, проживавших на Мангышлаке в нач. XIX в.

Н.Н. Муравьев проделывает долгий путь с караванами верблюдов через Челекен, Красноводск, Тувери (Дукер), Узбой и Сарыгамыш в Хиву. Здесь он является очевидцем увиденного и услышанного, беря все под свое пристальное внимание. Он записывал рассказы проводников, сопровождавших их караваны, он также оставил множество материалов, связанных с историей мест, которые он посещал. Так он сообщает, что между Гургеном

и Астрabadом есть небольшая речка под названием Ходжа Нефес. Но затем он дает неправильное объяснение: «Тот, кто поклоняется Ходжа-Мекгу, Нефес-дэм» (дыхание). Вместе с этим он приводит и важные сведения о знаменитом Арсары Бабе [Муравьев 1822, с. 49].

Особое внимание автор работы уделяет торговым отношениям Центральной Азии и России. В одном месте на мысе Мангышлак, на северо-восточной стороне Каспийского моря, проживало племя чаудур провинции Эсен, состоящее из восьми тысяч семей. Этот мыс привлекал особое внимание хивинского хана, потому что здесь ежегодно проводился большой базар, где астраханские купцы торговали с сартанами (имеются в виду узбеки) [Там же, с. 51].

Эта работа Н.Н. Муравьева привлекла внимание многих ученых. Они узнали много нового о географии и внешней политике России в Средней Азии.

В 1819 г., когда русский капитан Н.Н. Муравьев встретился с Мухаммед-Рахим-ханом в Хиве, тот предложил ему отказаться от Мангышлакского маршрута и совершить путь через Красноводск. Тогда он ответил: «Если даже Мангышлакская дорога далеко от Красноводской дороги, то ее люди верны мне даже в моем попечении, а йомуды, живущие в Астрабаде, служат Гаджарам» [Там же, с. 134].

За годы советской власти в Туркменистане изданные сборники архивных документов «Россия и Туркменистан в XIX веке» и «Присоединение Туркмении к России» (Сборник архивных документов) были важными источниками в изучении истории мангышлакских туркмен [Россия... 1946, с. 327]. Но они в основном содержали документы, показывающие прогрессивное значение взаимоотношений между двумя народами [Присоединение... 1960, с. 823].

Часть труда туркменского историка академика М. Аннанепесова «Хозяйство туркмен в XVIII–XIX вв.» была целиком посвящена хозяйству и экономике мангышлакских туркмен [Аннанепесов 1972, с. 283]. В его монографии «Укрепление русско–туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв.» отражены политические и экономические проблемы туркмен, живших на севере и западе Туркменистана. Обладая точной информацией и материалами, оригинальными идеями и обоснованными выводами, эта работа и сегодня является незаменимой книгой для тех, кто интересуется историей Северо-Западного Туркменистана. Автор правильно подходит к отношениям Российской империи со Средней Азией в XVIII–XIX вв. В то же время в данной монографии М. Аннанепесов, говоря о том, что сложившиеся в то время российско-туркменские отношения имели большое значение для туркмен, мало говорит о преобладании стремления существенно снизить агрессивную политику Российской империи [Аннанепесов 1981, с. 268].

Такая интерпретация этих событий являются не недостатками исторических трудов, написанных в советское время, а результатом господствовавшей в те годы государственной политики. Но при этом данная монография М. Аннанепесова остается историко-научной литературой, где была сделана попытка более полно раскрыть историческую ситуацию в Северо-Западном Туркменистане в XVIII–XIX вв. М. Аннанепесов в своей работе отмечает, что туркмены никогда не встречали корабли с оружием, а если и встречали, то только если прибывающий корабль был вооружен. В этом труде также приводятся сведения о том, как старейшины мангышлакских туркмен Камбарбек, Кара-батыр, Онбеги и Чапык Няз-батыр посетили Елизавету Петровну и пробыли в Петербурге 43 дня, но так и не смогли получить согласия на получение российского подданства. Старейшины, пройдя через «Четырнадцать месяцев разлуки» с Родиной, пробились в суровые зимние месяцы, дошли до Петербурга и с надеждой ждали добрых вестей. Однако их надежды не сбылись, они вернулись из Российской империи, так и не осуществив свои мечты. По пути на Мангышлак, им пришлось некоторое время пожить в Астрахани, пока им не был найден корабль [Там же, с. 51–52].

В изучении отдельных аспектов туркменской истории XVIII–XIX вв. особое значение имеет работа турецкого ученого Мехмета Сарая «Туркмены в эпоху имперализма». В этой работе кратко исследуется история туркмен до XIX в., а также описывается и дается тщательное изложение русско-туркменских отношений в XIX в. Одной из особенностей этой научной работы является то, что она написана на основе зарубежных архивных материалов и литературных источников, недоступных туркменским историкам. В ней приводятся сведения о туркменах Мангышлака. Автор, подходя с критической точки зрения, описывает, как туркмены Мангышлака попали в водоворот восточной политики Российской империи [Mehmet 1994, с. 328]

Ученый подошел к российским источникам очень критично и во многих случаях был не уверен в их достоверности, считая, что информация, полученная из этих источников, не совсем убедительна по своему содержанию. Он приводит слова автора книги «Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX веках», что «В 1763 году на туркменской земле (эти документы относятся к Мангышлаку) начали строить торговый острог» [Русско... 1963, с. 95–100, 102–104]. Но русские были вынуждены прекратить эти работы, поскольку туркмены отказались иметь в своей стране иностранную крепость. Поскольку автор был лишен возможности досконально и лично изучить оригиналы, то он использовал сами материалы, не высказав своего личного мнения об ошибках в некоторых источниках. На основании этих материалов для описания ситуации в XVIII в. он использовал термин «чавдурские туркмены» и пришел к неправильному выводу, что их состав состоял из «чавдурров, игдыров, абдалов, бурунджаиков, бозаджинцов, эсе-

нилинцев, шихов». Но эти и другие мелкие ошибки не влияют на общее содержание работы ученого.

Научный труд Мехмета Саара является неоценимым вкладом в деле восполнения и дополнения тех моментов в работах туркменских ученых-историков, о которых мы не могли сказать в результате проводимой государственной политики, регулировавшей российско-туркменские отношения в период социалистического Туркменистана.

Отдельные вопросы, связанные с историей туркмен Мангышлака, освещаются и в трудах туркменских историков Х. Агаева и академика А. Джикеева. Однако в их работах нет детальных исследований о мангышлакских туркменах, поскольку для этих ученых этот регион не был объектом их изучения [Джикеев 1961, с. 155; Агаев 1965, с. 104].

Самым большим и объемным трудом, посвященным мангышлакским туркменам, является книга доктора исторических наук А. Бегджанова «Мангышлакские туркмены в XVIII–XIX веках». А. Бегджанов рассказывает об источниках и историографии вопроса изучения мангышлакских туркмен XVIII–XIX вв. Но здесь уместно кратко обратить внимание на анализ А. Бегджановым описания судьбы экспедиции А. Бековича-Черкасского в исторической литературе. Последняя экспедиция князя А. Бековича-Черкасского 1717 г., его судьба является предметом десятков научных трудов, которые изучаются на протяжении ок. 150 лет, с середины XIX до конца XX в., сначала в истории Царской России и затем в истории СССР. В истории Туркменистана это событие, изучалось на протяжении 38 лет, начиная с «Очерков» А. Гаррыева, изданных в 1954 г. и вплоть до 1992 г. В Туркменистане до и после распада СССР эта тема была освещена в труде академика М. Аннанепесова «Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XX вв.» и в работе И.М. и А.А. Кубасовых «Подвиг и трагическая судьба князя А. Черкасского». А. Бегджанов, обобщая написанные в советской историографии работы об экспедиции Бековича-Черкасского, пишет, что «во всех этих работах события, происходившие от подготовки экспедиции до ее гибели, описывались по одной и той же схеме» [Бегджанов 1993, с. 12]. Отметив, что автор М. Аннанепесов допустил ряд ошибок в своей работе, он подчеркивает, что: «Несмотря на катастрофическое завершение экспедиции А. Бековича-Черкасского, это было первое крупное политическое событие в российско-центральноазиатских отношениях, торгово-экономических, политических и дипломатических отношениях между Россией и Средней Азией». Он выступает против идеи, что это событие положило начало дальнейшему развитию [Аннанепесов 1981, с. 38]. А. Бегджанов справедливо высказывает мнение, что «гибель экспедиции положило начало таинственному недоверию между Россией и Хивинским ханством» [Бегджанов 1993, с. 13–14]. В этой книге А. Бегджановым были рассмотрены обществен-

но-политическая структура и экономическое положение мангышлакских туркмен, их этнический состав, общественно-политическая структура, социально-экономическое положение, их отношения с соседними странами и народами. Также здесь приводятся ценные научные сведения о роли мангышлакских туркмен во внешней политике Российской империи, их положение на Северном Кавказе и в Астрахани. Справедливо и мнение историка А. Бегдjanова о том, что «исторический труд о туркменах мангышлака за последние триста лет еще не написан полностью» [Бегджанов 1993, с. 34].

В книге А. Бегдjanова «Заброшенные каналы, покинутые страны» о туркменах Мангышлака изложены интересные новые сведения. Эта книга содержит ценную информацию о пяти старейшинах, исторических личностях, живших на Мангышлаке и его окрестностях. В этой книге впервые восстановлен исторический образ таких великих туркменских деятелей, как Арсары Баба, Ходжанепес, Нурмухаммет Ишан, Мамметсапа, Машрык Хаджи [Бегджанов 1995, с. 146]. До этого в научном сообществе не было никакой существенной исторической информации об этих людях. Ходжанепес жил на Мангышлаке и в свое время оказал положительное влияние на туркmeno-российские отношения, встречался с русским царем Петром I. Велика заслуга Ходжанепеса в организации экспедиции А.Б. Черкасского. Рассказ о его переселении в Астрabad является следствием трагического завершения экспедиции – преследование Ходжанепеса хивинским ханом [Бегджанов 1995, с. 58–61]. Нурмухаммет Ишан, о котором рассказывается в книге, – один из известных старейшин туркмен, живших на Мангышлаке в XIX в. В этой книге приводятся сведения о том, что Нурмухаммет Ишан за свой счет выкупал русских пленников, а затем помогал им вернуться домой. В 1839 г. Нурмухаммет Ишан сам попал в плен к русским, когда впервые поехал в Астрахань. Когда корабль встал на карантин под Астраханью, россияне, ранее попавшие в плен к туркменам и получившие свободу, услышав, что на борту находится их освободитель Нурмухаммет Ишан стали требовать его освобождения. Военный губернатор Астрахани извинился перед Нурмухаммет Ишаном за допущенную им ошибку и отоспал его со 100 рублями серебряных денег, при этом возместив все его расходы, которые он потратил на освобождение русских пленных [Бегджанов 1995, с. 83–84]. Историк А. Бегджанов дает эту информацию на основе архивных документов и старых сохранившихся записей. Как выяснилось, Нурмухаммет Ишан в свое время был человеком, которого постоянно заботило обустройство мирной жизни туркмен. И лишь благодаря этому труду А. Бегджанова пять упомянутых личностей стали полностью известны исторической науке.

Книга К. Аманназрова «Туркмены Мангышлака» – одно из редких произведений, посвященных этой туркменской группе. Родители и предки

К. Аманназова жили на Мангышлаке. Книга доктора геолого-минералогических наук, профессора, члена-корреспондента АН Туркменистана К. Аманназова полна интересных и редких сведений об этническом составе мангышлакских туркмен, их родословной, их хозяйстве, местах проживания и расселения на других территориях. Он пишет, что в 1872 г. на острове Гызылсу в память А.Б. Черкасского был установлен бронзовый обелиск, посвященный 200-летию со дня рождения Петра I [Аманназов 2004, с. 49].

Книга И.М. Кубасова и А.А. Кубасова «Подвиг и трагическая судьба князя А.Черкасского» содержит ценные научные сведения об истории и географии мангышлакских туркмен [Кубасов, Кубасова 1992, с. 120]. Но А. Бегджанов охарактеризовал эту книгу как географический труд. В книге собраны сведения по истории-географии Каспийского моря и Закаспия с древнейших времен до XVIII в., Узбой-Сарыкамышской котловины, исторические итоги и научные открытия экспедиции А.Б. Черкасского. В работе упоминаются названия таких рек, как Карагуммет и Карагачи, следы и названия которых сегодня нам неизвестны [Кубасов, Кубасова 1992, с. 45]. Эта работа также ценна и тем, что в ней описаны научные открытия экспедиции А.Б. Черкасского.

Среди туркменских историков доктор исторических наук А. Бегджанов занимает ведущее место как ученый, изучавший мангышлакских туркмен. Документы российских архивов об этой группе туркмен изучаются в первую очередь. Таким образом, накопленные исторические данные и научная литература о мангышлакских туркменах в определенной степени восстановили их забытую историю.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад, 1960.

Россия и Туркмения в XIX веке. Т. 1. Ашхабад, 1946.

Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1963

Агаев Х. Взаимоотношение прикаспийских туркмен в Россией в XIX веке (До присоединения к России). Ашхабад, 1965.

Аманназов К.Н. Туркмены Мангышлака. Алматы, 2004.

Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII – XIX вв. Ашхабад, 1981.

Аннанепесов М. Хозяйство туркмен в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1972.

Бегжанов А. Заброшенные каналы, покинутые страны (на туркм. яз.). Ашхабад, 1995.

Бегжанов А. Мангышлакские туркмены в XVIII-XIX веках (на туркм. яз.). Ашхабад, 1993.

Гмелин С.Г. Путешествие по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. // Труды Туркменского географического общества. Вып. 1. Ашхабад, 1958. С. 193–226.

Джикиев А. Туркмены Юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961.

Кубасов И.М., Кубасова А.А. Подвиг и трагическая судьба князя А. Черкасского (1714–1717 гг.). Ашхабад, 1992.

Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. Ч. 1. М., 1822.

Mehmet S. Türkmenler imperializm zamanynda. Aşgabat, 1994.

T.B. Hommyyev
Ashgabat (Turkmenistan)
Magtymguly Turkmen State University

HISTORY OF MANGYSHLAK TURKMENS IN SOME SOURCES AND HISTORICAL LITERATURE

This article analyzes some sources and historical scientific literature describing in history of Mangyshlak Turkmens. Mangyshlak is one of the most important regions of Turkmens ethnogenesis. In the 18th–19th centuries, Mangyshlak was at the root of political, economic and international relations. At the time, it served as the only Northern Gate that brought not only the Turkmen land, but also Central Asia into economic and political contact with Europe by sea. In certain historical periods, Mangyshlak was the center of historical and ethnocultural relations between Turkmens, Nogais, Kalmyks, Kazakhs, Uzbeks and Russians. Turkmens lived in Mangyshlak from earlier times and in 1918–1920 years due to political and natural conditions, they had to move to different regions of Turkmenistan. In this article, numerous of historical sources describing and analyzing the history of that group of Turkmens with their correct thinking were analyzed. Their lucky charms were revealed.

Keywords: Mangyshlak, Turkmens, expeditions, individuals, sources, historical literature.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**Европа в Средние века и раннее Новое время:
Общество. Власть. Культура**

Материалы XII-й Международной научной конференции молодых ученых
Ижевск, 12-13 ноября 2024 г.

Печатается по решению Ученого совета Удмуртского института истории,
языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН и Ученого совета Института истории
и социологии Удмуртского государственного университета

Авторская редакция

Оригинал-макет И.В. Широбоковой
Дизайн обложки В.В. Долгова

Подписано в печать 28.12.2025. Формат 60x84¹/16.
Усл. печ. л. 17,08. Уч.-изд. л. 17,51.
Тираж 300 экз. Заказ № 1966.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021.
Тел.:7(3412) 91-63-64 E-mail: editorial@udsu.ru

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
426067, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34.
Тел. (3412) 50-82-00 Факс (3412) 50-79-59 <http://www.udman.ru>

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. (3412) 68-57-18